

ЭНН МАККЕФРИ

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

ЭНН МАККЕФРИ

ЭНН МАККЕФРИ

СПОР О ДЬЮНЕ

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

Санкт-Петербург
АО «СПИКС»
1993

Перевод с английского

А. Антошульского, М. Нахмансона, Т. Науменко

Маккефри Э.
М15 Спор о Дьюне. Корабль, который пел. Фантастические романы. Пер. с англ. — СПб.: АО «Спикс», 1993 —

ISBN 5-7288-0005-X

«Спор о Дьюне» и «Корабль, который пел» являются первыми произведениями Энн Маккефри, выходящими на русском языке, которые не относятся к Перинитскому циклу. Эти романы дают представление об иных гранях творчества Маккефри, чем многотомная эпопея о всадниках и драконах, изданная в нашей стране ранее. В первом романе («Спор о Дьюне») рассказывается история освоения земными колонистами нового прекрасного мира, об их встрече с загадочными пришельцами с планеты Хруба, о том, какими путями два звездных народа приходят, наконец, к взаимопониманию. Второй роман («Корабль, который пел») признан одним из лучших произведений Энн Маккефри; это поэтическая история девочки с необычной судьбой — по определенным причинам она становится разумом космического корабля, участвуя во множестве экспедиций. Но девочка растет, взрослеет, становится девушкой, и перед ней появляются новые проблемы...

© А. Антошульский, М. Нахмансон,
Т. Науменко, перевод, 1993
© А. Широкин, оформление

СПОР О ДЬЮНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Л Ю Д И:

Кеннет Рив	— лингвист, мастер на все руки
Патриция Рив	— его жена
Ильза (десять лет),	
Тод (шесть лет)	— их дети
Ху Ши	— метрополог, администратор колонии
Филлис Ши	— его жена
Двое детей четы Ши	
Сэм Гейнор	— инженер
Ори Гейнор	— его жена
Ли Лоренс	— социалист
Салли Лоренс	— его жена
Мэйси Мак-Ки	— животновод
Дот Мак-Ки	— его жена
Кэт, Лейзи	— их дочери-близнецы
Вик Солинари	— снабженец колонии
Энн Солинари	— его жена
Эзра Моуди	— врач
Кейт Моуди	— его жена, педиатр
Билли	— их сын
Мартин Рамазан	
Фазия Рамазан	— его жена
Альфред	— их сын
Бен Аджей	— ветеринар
Мария Аджей	— его жена
Базз Экерд	— пилот
Анни Экерд	— его жена
Эйб Дотриш	— ботаник
Бекки Дотриш	— его жена
Али Киачи	— капитан транспорта «Астрид»
Ландрю	— командир, представитель Космического департамента (Космодепа)
Хаминейд	— чиновник, представитель Колониального департамента
Сумитрал	— адмирал, представитель департамента Внешних сношений

Х Р У Б А Н Ы:

Первый Консул	— общее руководство Советом
Второй Консул	— служба внешних дел
Третий Консул	— служба внутренних дел
Четвертый Консул	— служба образования и воспитания
Пятый Консул	— служба охраны здоровья
Шестой Консул	— служба производства
Седьмой Консул	— служба материального обеспечения
Восьмой Консул	— компьютерная служба
Хрестан	— старейшина деревни хрубанов
Мрва	— его жена, врач
Хрисс	— их сын
Хрул	— молодой хрубан, разведчик
Храл	— старший разведчик

Глава 1

СОВЕТ

Планета удалялась, превращаясь в маленький зелено-голубой шарик. Меньший из двух ее спутников жемчужно-серой слезой висел на фоне северного полушария.

Фильм закончился так неожиданно, что некоторое время в зале царило полное молчание; затем раздалось обычное покашливание и поскрипывание стульев. Первый Консул призвал к тишине и учтиво поклонился в сторону Старшего Разведчика, вид которого отражал мрачные раздумья вкупе с попытками скрыть их.

— Благодарю Вас, Старшего Разведчика, за столь эффектную и наглядную демонстрацию, — вкрадчиво начал Первый. — Судя по этому докладу, планета — настоящий райский уголок.

— Вот именно! — Третий Консул встал, слегка повернувшись к Первому; потом, не дожидаясь его решения, обратился к собранию: — Вот именно! Настоящий райский уголок — и, к тому же абсолютно бесполезный, поскольку залежи минералов на планете слишком малы, чтобы оправдать огромные затраты на их разработку. Более целесообразно начать освоение этой бурной вулканической планеты в секторе... — он заглянул в свои записи, — 9А—23. Для нас значительно важнее пополнить запасы редких элементов, чем носиться с «райскими уголками».

Старший Разведчик и Директор Корпуса Космических Исследований обменялись быстрыми озабоченными взглядами; Директор поднял глаза на их шефа, Второго Консула, и тот едва заметно одобряюще кивнул.

— Я думаю, у Четвертого должна быть информация о секторе 9А—23 и перспективах его освоения, — заметил Первый.

Четвертый Консул поднялся, движением плеч поправляя сползающую мантию.

— К сожалению, мы не сможем начать там работы. Слишком рискованное предприятие, — он недовольно поморщился. — Не нашлось желающих пройти подготовку по тем профессиям, которые необходимы для разработки месторождений на планете с таким буйным нравом.

— Не могу поверить, — буркнул Третий.

Четвертый укоризненно взглянул на него, слегка огорошенный этим замечанием.

— Но Вам же известно, что за последние несколько лет нашелся лишь десяток-другой претендентов на курсы по обучению...

— Мы обсудим эту проблему, Четвертый, но чуть позже, — спокойно прервал его Первый Консул. Взглянув на Третьего, он заметил: — Четвертый просто хочет подчеркнуть одну из множества причин, по которой мы решаем сейчас вопрос о колонизации этой пасторальной планеты.

— Колонизации? — взорвался Третий.

— Да. И незамедлительной!

— Я не вижу, каким образом колонизация этой никому не нужной планеты позволит нам получить грамотный персонал, необходимый для разработок месторождений на 9А—23!

— Вы разрешите? — начал Первый с такой иронией, что Третий озадаченно умолк. — Это прелестное место, — он кивнул головой в сторону экрана, — изобилует чистым воздухом, землей, озерами, и реками, равнинами и горами. Там водится разнообразная жизнь, неразумные твари, так что мы не нарушим Основной Закон. Там необъятные просторы необитаемых земель, — он заметил, что Третий невольно передернулся. — Эта планета так похожа на наш мир, каким он был когда-то, словно их отлили в одной форме. Идеальное место для переподготовки!

От возмущения Третий Консул вскочил на ноги. Глаза его пылали огнем, на физиономии отражались досада и озабоченность.

— Хорошо, сэр, но сто лет назад систему Руара уже предлагали для колонизации, и восемьдесят семь процентов населения отвергли этот пункт! А теперь вы снова возвращаетесь к этой затасканной идее, к сказкам о простой, чистой и примитивной жизни! Да кто же пойдет на такие лишения?

Старший Разведчик едва сдержал протестующее восклицание.

— Сто лет назад, — спокойно ответил Первый Консул, — число самоубийств среди молодежи не достигало сегодняшнего уровня, четвертая планета нашей собственной системы еще не была заселена, и цивилизация не разрушила остатков девственной природы.

В частности, моря могли прокормить наше население. Сегодня же мы столкнулись с таким серьезным кризисом, что я опасаясь за будущее всей расы. Стремясь избавиться от нужды и дать всем равные возможности мы исключили дух соревнования и тем самым практически уничтожили весьма полезные качества — инициативу, честолюбие, жизнестойкость. В результате охотник былых времен, сильный и мужественный, превратился в вялого наблюдателя.

Первый Консул многозначительно оглядел своих коллег и продолжил:

— Четвертый кратко изложил нам свои соображения, но сначала позвольте напомнить вам тревожную статистику: среди подрастающего поколения только половина процента проявляет интерес — нет, не к чему-то по-настоящему конструктивному, — просто интерес к обучению в области техники или управления. Нет нужды напоминать вам, что этого катастрофически недостаточно для замены нынешнего персонала. Мы стали настолько пассивны, настолько миролюбивы, настолько обособлены и безучастны, что даже попытка расширить среду обитания нам не по силам.

Пятый Консул, отвечающий за Здравоохранение и Медицину, мрачно кивнул, нервно постукивая пальцами по своему докладу, рисуящему еще более удручающую картину.

— Компьютеры предсказывают, что если мы немедленно... — Первый сделал паузу, чтобы каждый из семи коллег проникся важностью его слов, — немедленно не начнем бороться с этой губительной инертностью, то через три поколения наша цивилизация перестанет существовать. А посему, — Первый поднялся во весь рост, — я, как Первый Консул, уже выбрал тех, кто переселится в этот новый прекрасный мир, чтобы начать интенсивное переобучение. Они станут развивать те черты нашей расы, которые позволили завоевать мир, они будут...

— Охотится и убивать? — зловещим шепотом выдохнул Третий.

— Охотится, да! И убивать, добывая пищу, — спокойно согласился Первый, — но с помощью самого примитивного оружия. На этой планете нет разумных существ. Это, как вы только что видели на экране, экологически сбалансированный мир, сохранивший естественный порядок жизни, который зиждится на

принципе «пусть победит сильнейший». Кроме того, если бы мы сейчас были вынуждены считаться с судьбой местных развивающихся видов, то, на мой взгляд, мы проделали слишком сложный путь эволюционного развития, чтобы забыть ужасные уроки прошлого и не сделать из них соответствующих выводов. На самом деле, — невесело улыбнулся он, — мы зашли в своем развитии так далеко, что едва ли не сгубили собственную расу. Поэтому давайте обсудим эту проблему со всех сторон, как подобает высокоразвитым разумным существам, каковыми мы себя считаем. Я, конечно, не собираюсь попирать чьи-либо убеждения или принципы. Пятый, не хотите ли вы взять слово? У вас, кажется, тоже есть соображения насчет этого, не так ли?

С поспешностью, которая плохо вязалась с его положением и возрастом, Пятый поднялся и хриплым от волнения голосом произнес целую речь.

Он не пытался скрыть пугающий рост числа самоубийств, включая необъяснимую волну массовых смертельных самоистязаний; ужасную апатию у одних слоев населения и бессмысленную тягу к насилию у других; падение рождаемости у высших и наиболее развитых; умственную деградацию низших; общий упадок и безразличие.

Четвертого Консула попросили более подробно осветить проблемы образования. Почтенный джентльмен мгновение смотрел на свой пухлый доклад и вдруг выпустил его из рук; стопка листов упала на стол.

— Здесь масса статистических данных. Но Первый Консул уже сказал вам самое главное: среди молодежи лишь один из двухсот проявляет интерес к занятиям. Не стремятся, а всего лишь проявляют интерес! Если нет стимула учиться, зачем себя утруждать? Судя по данным об уровне начального образования, в моей дальнейшей деятельности нет никакого смысла. Скоро совсем не останется учителей, чтобы учить тех, кто не хочет ничему учиться!

Он пожал плечами и сел. Голова его упала на грудь, весь вид выражал полное уныние.

Шестой Консул встал и откашлялся, намереваясь слегка рассеять пессимизм, в который повергло всех выступление Четвертого. Зачитав половину своего отчета по промышленности, он тоже замолчал, и его доклад шлепнулся об стол.

— Нет смысла продолжать. Возможно, мне повезло, так как большая часть операций в моем департаменте автоматизирована, и в настоящее время подготовка персонала не является столь острой проблемой. Но она непременно возникнет. Причем очень скоро.

Третий Консул пристально оглядел коллег, пытаясь поймать их взгляды. Наконец, он дошел до Второго и промолвил:

— Я полагаю, вы тоже собираетесь сетовать на судьбу, чтобы оправдать постыдное равнодушие и неспособность к действиям?

— Совсем напротив, — ответил Второй, предварительно бросив взгляд на Первого Консула; тот кивнул головой, предлагая ему продолжать. — Мой департамент постоянно набирает стажеров. Конечно, многие кандидатуры мы отклоняем по причине физической непригодности. Другие разочаровываются и уходят сами... к сожалению финансирование космических исследований совершенно не соответствует стоящим перед нами задачам. В результате у нас остаются лучшие из лучших. Если Шестой не против, я, вероятно, сумею выделить кадры для освоения той перспективной планеты в секторе 9А—23, пока не будут подготовлены соответствующие специалисты. Но корпус сможет только начать работу; дальнейшее — наша общая проблема.

В тоне, которым Второй внес это спасительное предложение, было нечто такое, что возмутило Третьего гораздо больше, чем возражение Первого против приоритета мира 9А—23 перед пасторальной планетой. Наверняка все эти сокрушительно пессимистические доклады содержат явные преувеличения! Более того, здесь пахнет сговором! Третий решил проверить все данные на компьютере, однако это требовало времени, а Первый консул уже поставил на голосование свой проект колонизации. Третий чувствовал, что обязан найти какие-то возражения, но дело было уже сделано — шесть других консулов поддержали Первого.

Не теряя времени, Первый дал слово директору Корпуса Космических Исследований.

Директор поднялся. В этот момент он испытывал к Первому Консулу огромную, граничащую с восхищением благодарность; надо же так мастерски разрешить такой скользкий вопрос!

Директор учтиво поклонился главе Хрубы, не уловив в

открытом взгляде Консула ни единого намека на тот факт, что начало программы переподготовки, о которой он собирался сейчас говорить, было положено двадцать лет назад.

ИЗБАВЛЕНИЕ

Кену Риву потребовалось все его самообладание, выработанное за годы тяжелых испытаний, чтобы не закричать во весь голос, не запеть во все горло, не запрыгать от радости и не выкинуть что-нибудь еще в этом роде. Как и следовало ожидать, пассажиры экспресс-лифта сверлили его суровыми взглядами, замечая на лице Кена широкую улыбку. Он пытался принять бесстрастный вид, но одна мысль о том, что скоро ему предстоит стать счастливым обладателем целого нового мира, делала эти попытки тщетными. Однако ему вовсе не улыбалось быть задержанным за нарушение общественного порядка — это отсрочило бы триумфальное возвращение к Патриции. Подавив ликование, Кен опустил плечи, плотно прижал локти к бокам, подобрал живот, стиснул колени и застыл в этой позе, приличествующей для пребывания в кабине лифта.

Впрочем, ему никак не удавалось сдержать сумасшедший восторг — он просто светился от радости. Красноречивые взгляды, которые исподтишка бросали на него попутчики, пока лифт спускался к жилым уровням, намекали на непристойность подобного поведения. Никогда прежде Кен не ощущал в такой степени запах людской толпы, жар, источаемый массой людских тел, сгрудившихся в кабине. Он задышался от этой смеси духов и пота, приторных ароматов освежителя для рта и желудочного эликсира, едкого запаха нагретых искусственных тканей, вони старой краски и мерзкого воздуха, что бил струей из отверстия кондиционера. Жалкие остатки испакощенной атмосферы, продляющие убогую жизнь изможденных обитателей планеты... Скоро он покинет ее навсегда!

Гидравлика опять не работает, отметил про себя Кен, когда лифт при остановке жутко трянуло. В недавнем выпуске новостей молодежь опять призывали на работу по эксплуатации и ремонту бытовой техники. Но даже поломка двух скоростных грузовых лифтов не привела к желаемым результатам; полное равнодушие — и только. Казалось, в плотно набитой кабине никто не заметил резкого толчка при остановке. Кена стиснули так, что он едва мог вздохнуть; ребра

его трещали, глаза лезли на лоб, по спине катились струйки пота.

Медленно скользя, открылись широкие двери. Кен умудрился быстро выскочить наружу — прочие пассажиры, как и полагалось при посадке, едва шевелили ногами. Вокруг волновалось море голов и плеч. Волосы на руках Кена встали дыбом, наэлектризованные близостью человеческих тел. Кен скрипнул зубами, подавляя страстное желание ринуться вниз по пешеходной дорожке 235-го яруса; однако он продолжал терпеливо топтаться в захватившем его человеческом море — рыбешка в гигантском косяке, муравей в необозримой колонне двуногих насекомых. Обычно этот черепаший шаг раздражал его, но сейчас Кен думал о полях и холмах, по которым скоро сможет бродить сколько душе угодно. Знает ли хоть кто-нибудь из его приятелей и близких, что такое «поле»? Или «холм»? Он мог держать пари, что никто из них в жизни не побывал на Квадратной Миле. Зато его ставка — та, которую он сделал, увидев Квадратную Милю собственными глазами, оказалась выигрышной. Он, его жена Пат и двое ребятишек, Ильза и Тод, собирались покинуть этот земной крольчатник ради необъятных земель и чистого неба Дьюны. Дьюна! Имя это гремело набатом свободы: океан свежего воздуха, горы натуральной пищи, простор девственной природы!

Коридор 235-го яруса никогда не казался Кену таким длинным, а движение пешеходной ленты — таким медленным. Она ползла, оставляя позади квартал за кварталом. Кен чувствовал, что каждый мускул у него дрожит от нетерпения. Но коридор кишел надзирателями-прокторами, которые выискивали малейший проступок, чтобы хоть чем-то скрасить однообразие четырехчасового дежурства. Кен слышал, что за каждого виновного прокторы получали дополнительные калории.

Ну, если это правда, — тут он фыркнул, невинно уставившись на соседей, бросавших на него осуждающие взгляды, проктор их тупика был бы в десять раз толще, чем на самом деле.

Далеко впереди Кен услышал приглушенный шум голосов. Привстав на цыпочки, он взглянул поверх потока коротко остриженных голов, что не представляло труда, поскольку он был выше большинства своих соплеменников. До него доносились сопение, недовольные возгласы и приглушенный топот.

Наверное, опять что-то не поделили, решил он, усмехнувшись про себя. Если нарушителя поймут, ему порядком срежут калории.

К счастью, место преступления было дальше поворота в его тупик.

— Поворот, пожалуйста, — виновато пробормотал Кен — именно таким тоном, каким следовало обращаться к согражданам.

С механической готовностью пассажиры справа от него подались в стороны, освободив ему ровно столько места, чтобы Кен смог проскользнуть к краю движущейся дорожки и сойти на пластиковый пол.

— Прошу простить, поворот, — бесконечно повторял Кен, бочком пробираясь к своему 84-му тупику. Господи, до чего же здорово было бы выбраться отсюда, не заглядывая в график пешеходного движения яруса и в схему коридоров! Он мог бы добраться от здания Космодепа к дому еще четыре часа назад. Правда, он не зря потерял время на собрании группы третьей фазы освоения. Хороший парень этот доктор Ху Ши, их администратор и метрополог! Вежлив, но достаточно тверд. Кажется, доктор знал вдоль и поперек все отчеты Космического департамента. К тому же он, как и сам Кен еще не достиг возрастного ценза.

Кен с сожалением подумал о тщетных надеждах множества мужчин и женщин, предварительно отобранных для колонизации иных миров. Большинство из них никогда не покидало свою планету, успевая состариться, прежде чем Космодеп передавал в распоряжение Колониального департамента хотя бы одну подходящую планету. Бог мой, провести всю жизнь, не имея ничего кроме мечты, которая никогда не осуществится! Кандидаты на исход из земного муравейника были вынуждены мириться с худшими жилищными условиями, со скудным пайком, с насмешками и снисходительностью соседей — и после всего этого даже не имели возможности покинуть свой перенаселенный мир!

Одной из причин, по которой Кен решил подать заявление, была та, что несостоявшиеся колонисты уходили из жизни молодыми. Самоубийства! Но теперь этот путь не для него! Кен собирался вместе с семьей отбыть с Земли. И мечта, которая овладела им в тот день, когда он впервые вдохнул восхитительные ароматы Квадратной Мили, почувствовал траву под ногами,

увидел синее бескрайнее небо — эта мечта близка к осуществлению.

Кен бессознательно ускорил шаги, чуть было не наступая на пятки человека, тащившегося перед ним.

— Ваш номер! — недовольно проскрипел тот.

— Когда ты подашь на меня в суд, я буду уже далеко отсюда, — громко и бесшабашно ответил Кен. Он вдруг ощутил полное пренебрежение к земным условностям — ведь ему предстоит завоевать новую планету! — Я отправлюсь на Дьюну!

Недовольство сменилось бурным негодованием соседей. Со всех сторон неслось:

— Далеко отсюда! Да он — сумасшедший!

— Болван!

— Псих!

— Анархист!

— Ваш номер! — снова потребовал пешеход, которому Кен едва не отдал ногу.

— Попробуй его унюхать, приятели! — грубо бросил ему в ответ Кен и выскочил из прохода, нырнул в тупик в трех поворотах от его собственного. Пусть этот недотрога попробует найти его здесь! Сейчас Кен не думал о том, что, заматаив следы, будет добираться до своего родного тупика минут на пятнадцать дольше. Он обогнал двух женщин, которые еле плелись, увлеченные разговором. Обе пронзительно пискнули, когда Кен с топотом промчался мимо; но прежде, чем дамы пришли в себя, Кен был уже далеко.

Его тупик не мог похвастать большим числом обитателей — Тод выжил всех, кто сумел добиться разрешения на выезд. Кен все ускорял шаг, обгоняя других без обычного вежливого смирения; его преследовал хор возмущенных возгласов. К дьяволу! Он уберется отсюда раньше, чем эти насекомые начнут перемывать ему кости.

И слава богу, теперь Пат с детьми переведут на территорию тренировочной зоны, так как всей семье необходимо пройти заключительную стадию подготовки.

Заключительная подготовка! Кен нараспев, как молитву, повторял эти слова. Может быть, теперь они на законных основаниях получат дополнительный акустический экран, и Пат не будет так страдать из-за всеобщего осуждения, вызванного антиобщественными выходками Тода. Подготовка дает право на дополни-

тельную акустическую защиту, снова и снова повторял Кен, блаженно улыбаясь.

Распахнув дверь в свою комнату, он услышал испуганный возглас Пат. Кен успел придержать створку, и только поэтому не заехал по тощей спине, перегородившей вход.

— Мистер Рив, теперь ясно, откуда у вашего сына такие антиобщественные повадки, — услышал он занудный шепот. Быстро закрыв за собой дверь, Кен устоялся на тощую физиономию проктора их тупика. Проктор Эдгар не мог похвастать ни ростом, ни фигурой, зато удовлетворял всем общественным нормам. К тому же, он был весьма придиричив.

— Добрый день, — ответил Кен столь непринужденным тоном, что на лице Пат, которая, очевидно, только что получила суровую взбучку, появился проблеск надежды.

— Может ли день быть добрым, если со всех сторон несется бесконечный поток жалоб на невыносимый шум из вашей комнаты? — провозгласил проктор Эдгар.

— О нет, почтенный, вы не правы! Для меня это приятнейший из дней. А теперь катись отсюда, ходячий скелет! Можешь шпионить и вынюхивать где угодно, но не в моем доме!

Кен! — по привычке сдавленно вскрикнула Пат. Но вдруг тревога и бледность на ее лице сменились робким счастливым румянцем.

— Заключительная подготовка?

— Ну, конечно!

— Прошу потише, мистер Рив! На этой неделе уже поступило девять жалоб на то, что ваша семья нарушает общественный порядок. Я вынужден уменьшить норму отпускаемых вам калорий. И я требую...

— Пошел вон, — Бросил Кен проктору, глядя на Пат с лучезарной улыбкой. Теперь ты значишь для нас меньше, чем пустое место. Мы — свободные люди! Мы улетаем на Дьюну!

— На Дьюну! — Пат подавила охвативший ее восторг, но не смогла скрыть чувство облегчения — весьма предосудительный поступок в присутствии постороннего.

— О, Кен... Неужели это правда?

— Правда, правда, правда! — и Кен, чтобы подразнить и без того возмущенного проктора, подхватил Пат на руки и страстно поцеловал.

— Рив! Что вы себе позволяете! — возмущенный возглас Эдгара потонул в звуке сочного поцелуя.

— Убирайся, сказано тебе! — Кен, не отпуская жену, распахнул дверь и вытолкал проктора в коридор.

Сухо щелкнул замок, и Пат очнулась.

— Кен, ты с ума сошел! Он... он..., — беспомощно бормотала она.

— Он уже ничего не может нам сделать, милая, — заверил жену Кен, пряча лицо в ее шелковистых волосах. Пьянящая радость переполняла его. — Мы уже в пути. Мы уедем, чтобы обрести свободу. Мы имеем право кричать во все горло, валяться в траве и закрывать дверь перед носом нежеланного гостя. Мы снова станем людьми!

СЮРПРИЗ

— Ну что ж, джентльмены, — провозгласил Ху Ши утром после завтрака, поселок в порядке, последствия зимы ликвидированы, изгороди починены, поля вспаханы и засеяны, а дома готовы к приему наших семей. Теперь, я думаю, можно спокойно приступить к исследовательской программе, которую мы разработали за долгие зимние месяцы.

Когда стихли одобрительные возгласы, Кен Рив, кивнув Сэму Гейнору, сказал:

— Эй, парень, мы с тобой собирались посмотреть, что там, на другом берегу реки.

— Чертов непоседа, — заворчал было Гейнор, но не удержался, и по его лицу расплзлась улыбка. — Вы слышали, Кен собирался уходить меня до смерти. Меня!

— Только псих захочет прогуляться сразу после окончания зимы! — воскликнул Ли Лоренс, возмущенно всплеснув руками.

— Уже весна, друзья. Нам даже не понадобятся снегоступы, — парировал Кен, распечатывая брикет сухого завтрака.

— То-то и оно, что весна! Весной нормальный человек подумывает о чем-то более заманчивом, нежели долгие изнурительные походы, — кисло заметил Ли.

— Это рекомендация социолога? — съязвил Мейси Мак-Ки. Ли был известным мастером отлынивать от тяжелой работы.

— Прогулка не будет утомительной, все-таки уже весна, — вставил Вик Солинари. — Да и следующий год не окажется таким тяжелым. Теперь-то мы знаем, какова зима на Дьюнс, — добавил он, вспоминая ухищрения, на которые ему приходилось пускаться, чтобы пережить эти невероятные десять месяцев. Вик отвечал за материальное обеспечение колонии.

— Да, зима тут длинная и холодная, — саркастически заметил Сэм.

— Но на следующий год, — многозначительно изрек Ли, и глаза его масляно заблестели, — тут будут наши жены!

— Господи! Значит, следующей весной у меня будет работы невпроворот! — простонал врач Эзра Моуди.

— Кто же позволит тебе ждать до следующей весны? — воскликнул Ли, опрокинув стул.

— Они могут быть здесь со дня на день, — вздохнул Кен. Он вдруг почувствовал острую тоску. — Эй, Сэм, давай шевели ногами! — прикрикнул он и пошел к двери.

С их уходом все, как по команде, разошлись из столовой, где колонисты проводили довольно много времени. К тому времени, когда на берегу реки Кен и Сэм принялись укладывать приборы в двухместную моторку, в поселке оставался только Солиари.

Час спустя, оба исследователя сломя голову ворвались на площадку перед столовой. Им пришлось сигналить минут пять, пока начали собираться остальные члены группы. Первым подошел Ли Лоренс.

— Какого черта, Рив? Что стряслось?

— Мы не одни на Дьюне! — заорал Кен, размахивая пачкой фотоснимков перед носом ошарашенного социолога. — Мы не одни!

— Ты спятил!

— Вовсе нет! — с перекошенным лицом гаркнул Сэм Гейнор. — Там, за рекой, в роще губчатых деревьев — селение! Помнишь? В том месте, где река расширяется за водопадом! Большая деревня, в которой полно здоровенных мохнатых котов с хвостами. Они расхаживают на задних лапах и носят ножи!

Ли медленно опустился на верхнюю ступеньку крыльца столовой, уставившись на фотографии, которые сунул ему Кен.

— Если бы не снимки, я бы поклялся, что это мираж или галлюцинация, — продолжал Сэм. — Потому что, клянусь Всевышним, я не мог поверить своим глазам!

— В этом районе не было никакой деревни. Ни при нашем приземлении, ни прошлой зимой, — добавил Кен. Даже под слоем загара было заметно, как побледнело его лицо.

— Проклятье! — сквозь зубы процедил Лоренс. — Надеюсь, вы с ними не заговорили? — Они вас не видели? — Постепенно к социологу возвращалось сознание профессиональной ответственности.

— Да нет, черт возьми! Я щелкнул камерой, и мы смылись, — заверил Кен.

— О Господи, что же нам теперь делать? Четвертая фаза уже стартовала! — простонал Лоренс.

— Ясно одно, — напомнил Кен с кислой гримасой. — Ни мы, ни Земля не сможем связаться с кораблем и повернуть его назад. А корабль не должен совершить посадку на этой стороне Дьюны.

Тем временем подбежали Ху Ши, Рамазан и Бен Аджей. Рассказывая им о случившемся, Сэм, Кен и Ли слегка оправились от первого потрясения. Ху Ши тут же начал просматривать пленки и фильмы, заснятые на первой и второй стадиях исследования планеты, пытаясь найти хоть какой-нибудь намек на губчатый лес, в котором спокойно располагалась целая деревня.

— Ни в одном из этих отчетов нет даже отдаленного упоминания о каком-то поселении, — решительно заявил он; лицо его было непроницаемым. — Они не заметили ничего. Ни дома, ни крыши, ни даже куска черепицы.

Метрополог взял одну из фотографий, задумчиво разглядывал ее некоторое время и осторожно положил рядом со стопкой фильмокассет.

— А теперь это место кишит котами, — нарушил всеобщее молчание Сэм Гейнор.

— Мне казалось, коты живут в норах, — неуклюже пошутил Экерд.

— Но самое странное, — добавил ботаник Дотриш, — что на этой планете нет животных, имеющих хоть какое-то отношение к кошачьим! Удивительно, как один-единственный вид смог выжить и достичь такого уровня!

— Да, весьма интересное обстоятельство, Эйб, — медленно промолвил Ли. — Однако, это не меняет сути дела. А дело состоит в том, что Космический департамент сел в лужу. И нас усадил туда же!

— В лужу? — в притворном страхе воскликнул Виктор Солинари. Его голос зазвенел от горького сарказма. — Неужели наши бесстрашные исследователи космоса способны на ошибки?

— Но почему разведчики второй фазы не заметили целую деревню, такую большую и хорошую обустроенную? — спросил Сэм Гейнор, свирепо выпятив подбородок.

— А я тебе скажу! — Лоренс ткнул пальцем в Сэма. — Я готов поклясться, что эти парни отведали здешних красных ягод, и решили, что люди-коты — просто галлоцинация! Скажем, прошлой ночью я натк-

нулся на летучую мышь, а мне привиделась двухметровая рыжая...

— Это не шуточки! — огрызнулся Гейнор.

— Сынок, — протянул Лоренс. Его насмешливость как рукой сняло, голос стал напряженным. — Если не шутить, то остается только повеситься — это уж точно!

Одиннадцать человек застыли в оцепенении, стараясь справиться с чувством разочарования, охватившем их при этом сокрушительном ударе. Какой неожиданный финал! Годы тренировок, надежд — и вот все это рухнуло!

Чудовищная несправедливость случившегося ошеломила Кена Рива. словно ребенок, он был готов отвергнуть реальность их находки, невзирая на пачку фотографий, снятых им собственноручно. Он думал о невероятных усилиях колонистов за прошедшие десять месяцев, о трудах физических и умственных, об отчаянии и надежде. Их ожидала не только тяжелая работа — строительство складов, административного здания и жилых домов, борьба с лишениями долгой холодной зимы. Они были вынуждены постоянно преодолевать все новые и новые психологические барьеры — в начале привыкнуть к бездонному небу и бескрайним полям, избавиться от агорафобии; затем — смириться с животной пищей. Последнее оказалось самым трудным; ни один из них не мог без ужаса подумать о насильственной смерти, а здесь им пришлось убивать живые существа. Убивать, чтобы выжить! Ибо в один прекрасный день запасы привезенной с собой искусственной пищи иссякли и голод подступил к самому горлу. Даже такие мелочи, как громкий крик — действительно громкий, чтобы было слышно издалека, или привычка к долгим переходам — все это далось ценой невероятных усилий. И теперь одна мысль о том, что придется вернуться на Землю, в этот затхлый, грязный, полный притворства и лжи муравейник, казалась нестерпимой до отвращения.

— Возможно, мы ошиблись... — услышал Кен свой голос.

— Нет, мы сами — ошибка, — с горечью проговорил Лоренс. Если здесь обитают аборигены, значит, мы — лишние. Все очень просто. Мы и так уже нарушили главный принцип Колониального департамента.

— Будь он трижды проклят, этот дурацкий принцип! — забыв всякие приличия, отрезал Гейнор. Он тя-

жело встал и уставился на Ху Ши. — Мы здесь. Мы работали, как проклятые... надрывались, трудились до седьмого пота...

— Джентльмены, — резко прервал его глава колонии. Он поднялся и, повернувшись к Гейнору, ждал, пока инженер снова сядет. — Я тоже не прочь поверить в то, что запечатленное на снимках — ошибка, мираж или галлюцинация. Однако, эти дома, — метрополог помахал в воздухе снимком, — не могли вырасти за одну ночь! — Он задумчиво поглядел на фотографии, затем продолжил: — Планета явно обитаема. Не представляю, как подобный факт ускользнул не только от автоматических камер первой фазы исследований, но и от глаз опытных разведчиков на второй стадии. Тем не менее, — он глубоко вздохнул, — здесь оказались эти коты, явно разумные, и мы — мы тоже здесь. Принцип Раздельного Существования нарушен.

— А что мы скажем своим женам, когда они придут? — вкрадчиво начал Кен. — Выкатим что-нибудь этакое — «Привет, дорогая, хорошо добралась? Вот и славненько! А сейчас мы развернемся и полетим домой». Домой! — Кен выдохнул последнее слово с горечью и разочарованием.

Домой, на Землю! В мир настолько перенаселенный, что приходилось жениться в шестнадцать лет, чтобы к тридцати получить разрешение на потомство. Да и то лишь в том случае, если удастся доказать, что родители не имеют наследственных генетических пороков или признаков вырождения. Планета была так густо заселена, что оставалось всего двенадцать заповедных зон — Квадратных Миль первозданной природы. Кену исполнилось восемнадцать лет, когда он впервые коснулся земли, увидел траву и кусты, вдохнул аромат соснового леса. Поездка в местный заповедник являлась наградой за то, что он был лучшим в школе своего квартала. Эти чудесные воспоминания запали ему в душу и на протяжении долгих лет тяжелого труда и разочарования поддерживали тягу к учению. Он потратил годы, чтобы получить право на эмиграцию, которой ведал Колониальный департамент. Если претендент удовлетворял его основным требованиям, то будущего колониста обучали одной из специальностей, которые могли потребоваться при освоении нового мира. В случае сказочного везения, претендент и в самом деле мог очутиться на какой-нибудь из немногих планет, которые

Космодеп и департамент Внешних Сношений предназначили для колонизации.

Планета, переданная Колониальному Департаменту, должна была удовлетворять следующим требованиям:

1. Гравитация и атмосферные условия — не слишком отличающиеся от земных.

2. Полное отсутствие разумных обитателей.

За сотни лет из двух с лишним тысяч исследованных миров только девятнадцать оказались подходящими. Поэтому не удивительно, что Дьюна, пасторальная планета с атмосферой, аналогичной земной, и чуть меньшим тяготением, была для колонистов сущим кладом. Даже то, что период ее обращения вокруг светила оказался в два раза длиннее, чем у Земли — зима и лето длились по десять месяцев, — не было непреодолимым препятствием для заселения. Правда, минеральные ресурсы Дьюны выглядели весьма скромно, зато в диаметре она превосходила Землю на две тысячи миль. К тому же, на двух ее спутниках могли быть залежи металлов, добычу которых стоило бы наладить в дальнейшем. Первым же колонистам предстояло заняться фермерством: обработать землю и посеять как местные злаки, так и привезенные с Земли, приспособить земной скот к условиям жизни на Дьюне, попытаться приручить диких животных, которые целыми стадами бродили в необозримых прериях. Когда колонисты докажут, что род людской сможет обеспечить себя всем необходимым на этой планете, миллионы землян начнут осваивать ее. Учитывая сравнительно небольшое число космических кораблей, находившихся в распоряжении Колониального департамента, этот процесс растянется на годы и десятилетия.

Постоянным источником жесточайшей борьбы между тремя ведомствами, имевшими отношение к поиску, изучению и освоению внешних миров, являлись незначительные ассигнования, выделяемые им Всемирным Конгрессом. Поскольку почти все скудные земные ресурсы направлялись на то, чтобы улучшить жилищные условия и питание населения, и хоть как-то скрасить жизнь задыхающемуся в тесноте человечеству, Космический и Колониальный департамент вкупе с департаментом Внешних Сношений сидели на голодном пайке. Их руководители тщетно пытались урвать лишний кусок, доказывая очевидную для них истину: чем больше средств будет выделено на создание кос-

мических кораблей, на исследования других планет и эмиграцию, тем легче окажется участь остающихся на Земле.

Правда, лишь немногие жаждали навсегда расстаться с движущимися дорожками жилых ярусов, с убогими развлечениями и сонмом бесчисленных машин, которые обеспечивали хлебом, пивом и транквилизаторами, скрашивавшими существование. В мире, однако, еще хватало Кенов Ривов, Сэмов Гейноров и Ху Ши, чтобы пополнять списки Колониального Департамента. Эти люди предпочитали риск и борьбу скучной и полной ограничений жизни. Но пасторальные планеты, подобные Дьюне, не пользовались особой популярностью; все предпочитали миры с богатыми запасами руд и редких минералов. Человек всегда мог просуществовать на гидропонных и синтетических продуктах, разрабатывая месторождения на скалистых планетах типа НЦ-А-43 или водных мирах вроде СЕ-Б-95. К счастью, в Конгрессе существовала медиевальная оппозиция; трудами этого зоологического лобби Дьюна была внесена в список планет, предназначенных для первоочередной колонизации.

На Земле численность домашних животных — таких, как лошади, коровы, олени, собаки и кошки уменьшилась настолько, что им грозило полное вымирание, несмотря на героические усилия зоологов. Девственные степи и леса Дьюны предназначались для сохранения полезных животных, некогда распространенных на Земле. Через Всемирную телесеть была проведена искусная компания, в ход шли старые детские фильмы про животных, убедительные интервью со специалистами, воздействие на подсознание с помощью рекламы. В результате, когда проект колонизации Дьюны был представлен на суд избирателей, общественное мнение было уже подготовлено; он был принят подавляющим числом голосов.

«Столько усилий, — горько подумал Ху Ши, — столько несбывшихся надежд...» — Он чувствовал, как на миг сжалось сердце.

Ожидаемое прибытие семей еще больше усугубляло безысходность положения. Однако из любой сложной ситуации есть выход, продолжал размышлять администратор колонии, решительно отбросив уныние и неуверенность. Правда, найти его не так просто.

Этот случай был первым нарушением основного

закона колонизации — Принципа Раздельного Существования. Ху Ши припомнил жуткую трагедию, произошедшую на Сиванне, из-за которой и был введен данный принцип. И с этого времени, с тех пор, как приобщение к земной культуре закончилось массовыми самоубийствами уравновешенных сиванцев, колонии не создавались на планетах, где были обнаружены разумные существа.

Ху Ши содрогнулся от этих ужасных воспоминаний. Нет, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы подобное повторилось на Дьюне! Однако, транспортный корабль с их семьями мог прибыть в любой день, что усугубляло бы ошибку Космодепа. Впрочем, он с удовольствием думал о том, что его Филлис погостит несколько дней на Дьюне, побродит по ее чудесным лесам, вдыхая запахи свежей весенней листвы... Ху Ши покачал головой и решительно поднялся, скользнув взглядом по мрачным лицам колонистов.

— Боюсь, джентльмены, нам придется отправиться домой. Мы можем спорить до седых волос, но факт остается фактом — мы связаны по рукам и ногам законами своей планеты. Мы не имеем права оставаться в мире, породившем собственную разумную жизнь. Конечно, мы нарушили это правило не по своей вине, но это не меняет сути дела. Люди не могут жить на Дьюне так, словно здесь не существует аборигенов — будь они хоть в другом полушарии. Нам ничего не остается, как упаковать оборудование и покинуть планету, как только сядет корабль четвертой фазы. — Он перевел дух и постучал пальцем по стопке фотографий. — В любой момент кто-то из них может нас обнаружить, так что надо известить колониальный департамент — и срочно! — О существовании на Дьюне аборигенов придется посылать капсулу. Но даже при сверхсветовой скорости она достигнет Земли не раньше, чем через четыре с половиной дня.

— И, вероятно, еще через четыре с половиной недели департамент примет какое-нибудь решение, — вставил Ли.

Администратор продолжал, игнорируя эту реплику:

— Пройдет еще четыре с половиной дня, пока мы не получим ответ. А тем временем приземлится корабль с нашими семьями, — Ху Ши сделал паузу и глубоко вздохнул. — И до того нам нельзя бросить поселок. Все, что мы можем сделать — это начать сборы и воздер-

живаться от случайного контакта... упаси Бог оказать на них пагубное влияние! Тем не менее, мы вынуждены пока оставаться здесь. И еще одно дело... — Ши задумчиво наморщил лоб. — Нас ждет малоприятный разговор с капитаном. Надо убедить его задержаться на Дьюне до получения приказа об эвакуации.

— Но, сэр, — с надеждой во взоре перебил его Гейнор, — ведь график движения транспортных кораблей настолько жесткий, что они не могут оставаться ни часом дольше, чем требуется для разгрузки.

— Я уверен, что в крайних случаях — таких как этот — благоразумие возьмет верх над коммерческими соображениями, — ответил начальник колонии. — Капитан просто обязан нам помочь.

— А что же будет со скотом? — спросил Бен. — Одного корма нужно запасти столько, чтобы хватило на обратный путь.

— Вот потому мы и должны ждать указаний. Я полагаю, что еще дней девять мы пробудем здесь, а за это время туземцы, безусловно нас обнаружат.

— Но как, черт возьми, они умудрились спрятать свою деревню? — спросил Кен. — Где они были зимой?

— Может быть, кочующее племя? — предположил Лоренс. — Сюда нетрудно добраться из южной части континента, что лежит за горным хребтом.

— Что гадать, как они сюда попали! Важно, как нам выкрутиться сейчас, — мягко заметил Ху Ши. — Давайте ближе к делу. Конечно, если кто-нибудь из департамента Внешних Сношений был бы включен в нашу группу, он точно знал бы, какие шаги мы можем или должны предпринять. К сожалению, они не сочли нужным послать с нами специалиста, имеющего опыт общения с иными расами, — он грустно усмехнулся. — К тому же, мы имеем дело с аборигенами, а не с иноземцами, и на сей счет инструкции не говорят ни слова.

Ли Лоренс разразился ехидным смехом; Генор свирепо уставился на него. Это стало уже правилом — какой бы вопрос относительно Дьюны не возник, если он не был связан с добычей полезных ископаемых, искать ответов в справочнике не стоило. В ряде моментов теория весьма сильно расходилась с практикой. Видимо, «специалисты», составлявшие подобные руководства, не обладали колониистским опытом и ориентировались на полные кладовые, неистощимые ресур-

сы планеты и частые визиты кораблей с Земли.

— Мне кажется, было бы разумно, — продолжал Ху Ши, — взять на себя инициативу контакта, причем таким образом, чтобы максимально смягчить культурный шок...

— Культурный шок?

— Да. От разницы в уровнях развития. Это племя вполне может оказаться кочевым.

— С такими-то домами? — запротестовал Гейнор, кивнув в сторону груды снимков.

Ху Ши поднял руку, призывая к тишине.

— Как я уже сказал, мы не можем игнорировать их; они здесь, прямо за рекой. Мы же — нарушители. Мы нарушили закон собственной планеты, — он подчеркнул последние слова. — Мы должны постараться, чтобы на фоне нашей культуры и технологии их достижения не выглядели ничтожными. Вспомните Сиванну... Как только мы выясним, насколько они разумные, разработаем дальнейший план, — метрополог поднял глаза на Кена. — Ну, раз мистер Рив — единственный из нас, кто имеет филологическое образование, ему и устанавливать контакт.

— Минутку, — запротестовал Сэм. — У них ножи... вот такие! — он развел руками на целый фут. — К тому же, большие кошки обычно бывают плотоядными... не так ли, Дотриш?

— Во всяком случае — на Земле, — пожал плечами ботаник.

Эзра Моуди поднял руку.

— Если судить по отсутствию клыков, я бы предположил, что они прошли первобытный уровень развития. Смотри, Бен, — и Эзра показал ветеринару одну из фотографий, — видишь эту челюсть? Ты согласен со мной?

Бен неуверенно кивнул.

— Клыки никак не определяют темперамент, — заметил Лоренс с мрачной ухмылкой.

— Это верно, — согласился Моуди. — Но они не носят никакого оружия — кроме этих ножей за поясом. Ни дубинки, ни копыя, ни...

— Ножом можно запросто перерезать глотку, — сказал Кен. — Я тоже собираюсь взять с собой нож, — воинственно заявил он, поворачиваясь к Ху Ши.

— И правильно сделаешь, — сказал Лоренс. — Без оружия тебя могут запросто кастрировать... В ритуаль-

ных целях, — поспешно добавил он и рассмеялся, поймав испуганный взгляд Кена.

— Короче, Ху, чего ты от меня хочешь? — спросил Кен.

— Главное — записи речи... как можно больше. Специалисты по контактам, конечно, захотят проанализировать их язык. Если ты сумеешь освоить его настолько, чтобы общаться с туземцами, это будет великолепно, — Ху Ши вздохнул. — Попробуй объяснить им, что мы здесь ненадолго и не собираемся нарушать...

— Значит, ты хочешь, чтобы Кен пошел к ним, вооруженный перочинным ножом и магнитофоном? — прервал метрополога Сэм. — Мистер Ши, эти кошечки под два метра ростом!

— Ладно, Сэм, не пугай, — сказал Кен, хотя в душе был согласен с приятелем. — Не стоит заранее настраиваться на драку.

— На драку? Нет. Но здравый смысл подсказывает, что эти ребята с хвостами могут быть опасны. И ты пойдешь к ним один? Да их там не меньше двадцати, этих котов!

— Один невооруженный человек им ничем не угрожает, — твердо сказал Ху Ши.

— А десять с бластерами будут отсиживаться в лагере, — сказал Сэм.

Ху Ши взглянул на него с легким укором и заметил:

— Но зато один человек может записать речь туземцев и заснять их на пленку. Без этих материалов невозможно оценить ущерб, который мы невольно нанесли менее развитым существам.

— Если они недостаточно развиты, то нам, возможно, удастся с ними существовать? С их разрешения? — вкрадчиво предложил Сэм.

Ху Ши покачал головой, чтобы рассеять напрасные надежды.

— Мы связаны Принципом Раздельного Существования, друзья мои. Таков основной закон Земли в отношениях с инопланетными расами.

— Но это не наша вина, что мы тут очутились! — воскликнул Рамазан. Его темные глаза горели.

— Куда они только смотрели, эти идиоты во время второй стадии! — рывкнул Вик Солинали, хлопнув по столу.

— Все верно, — согласился Ху Ши. — Но стоит ли

тратить силы на бесполезные упреки? Мы вернемся на Землю. Но нам совершенно не обязательно возвращаться с пустыми руками, — Ху Ши заметил, что его последние слова, привлекли всеобщее внимание, и у него отлегло от сердца. — Дыюна полна сокровищ, которые давным-давно утрачены на Земле: благоухающая кора губчатого дерева и его древесина, которая превосходно полируется, кристаллы горного хрусталя...

Колонисты зашумели...

— Он прав!

— Мы запросто сможем купить себе любую планету за горсть этих камушков!

— Бен, где это ты видел следы серебра?

— Эти красные ягоды...

Подсказка администратора заставила их забыть отчаяние; они начали строить всевозможные планы, споря о том, какие дары девственной планеты будут больше всего оценены на Земле.

Ху Ши с неохотой покинул их — ему надо было составить донесение на Землю, вложив его в специальную капсулу. На пороге он обернулся, бросив взгляд на возбужденных колонистов. Что ж, пусть попробуют извлечь из случившего хоть какую-то пользу. У них есть еще восемь-девять дней до получения инструкций департамента... Да, у них будет время, чтобы набить мешки сокровищами Дыюны... И эти богатства, возможно, разрешат кое-какие проблемы, связанные с их возвращением на Землю.

КОНТАКТ

Кен Рив залез на самый верх скалистой гряды, нависшей над долиной, где они с Гейнором обнаружили селение людей-котов. Он остановился, чтобы поправить ремешок магнитофона, сползавший с плеча. Как любая ноша, тот с каждой милей становился все тяжелее и тяжелее. Опустив прибор на землю, Кен перепрыгнул на красноватый валун и уселся в тени величественных губчатых деревьев. «Мне нужно отдохнуть перед тем, как начнется представление», — сказал он себе, снимая широкополую шляпу; лоб его был мокрым, и Кен вытер пот ладонью. Прошел почти год, но он так и не смог привыкнуть ни к шляпе, ни к запаху пота. Прищурившись, он смотрел на теплое весеннее солнце, оранжевое на фоне зеленовато-голубого неба. Затем поглядел назад и, оценив проделанный путь, застонал сквозь зубы — селения котов еще не было видно, а он уже потерял из виду свою колонию, расположенную на опушке леса. Далеко внизу, в долине, за вторым поворотом петлявшей среди зеленых берегов реки в мареве теплого воздуха торчал тонкий металлический стержень сигнальной башни; домов, находившихся чуть ниже по течению, видно не было.

Скала красного песчаника являлась дополнительной преградой, не позволявшей разглядеть лагерь землян. Дымки оттуда не поднимались — они все еще использовали электропечи для обогрева и приготовления пищи. Кен перевел взгляд на долину туземцев. С минуту он внимательно всматривался в теплый дрожащий воздух, потом уловил едва заметный дымок — тонкую расплывчатую серую струйку на фоне оливковой хвои губчатых деревьев.

Он промычал нечто непечатное. Поразительно! Каким образом столь очевидный факт, как разумная жизнь, мог остаться незамеченным в период двух предыдущих исследований планеты, проведенных, судя по отчетам, так тщательно. «Может быть, эти туземцы зимой впадают в спячку? — нехотя предположил Кен. — Залегают поздней осенью в свои норы или пещеры...» Но орбитальные роботы проводили картографирование этой местности отнюдь не осенью! Кен принюхался и почувствовал слабый запах дыма. Чуть заметный, но вполне явственный —

где-то жгли костер. Он снова чертыхнулся. Неужели разведчики Космодепа не могли учуять этот запах? Судя по отчетам два бездельника проторчали здесь целый месяц... если только факты в их рапортах не подтасованы. Что весьма вероятно! Например, почему они ни словом не обмолвились про этот лес губчатых деревьев?

«Осенью тут холодно, — размышлял Кен. — Если аборигены пользуются огнем весной, то уж осенью и по-давно жгли бы костры».

Ладно, решил он, хватит пустых сожалений! Как бы все-таки подобраться к ним? Кен беззлобно выругался про себя и глубоко вздохнул. Он должен оценивать только реальные факты — с холодной головой, отбросив в сторону эмоции. К сожалению, чем бы не завершилась его дипломатическая миссия, колонию она не спасет. Ну, удовлетворимся тем, что Пат с детьми скоро будет здесь, пусть ненадолго. Господи, как давно он не видел Пат! А ребятишки... они могли измениться за год! Илья, хрупкая малышка с серьезным личиком, как она перенесет удар? Наверное, твердо решит не огорчать слезами своего папочку? А Тод, скорее всего расплачется, узнав о возвращении на Землю. Кен мрачно усмехнулся, представив себе эту встречу.

Его вновь захлестнуло острое ощущение несправедливости случившегося с ним. Вчера он со своими друзьями владел целым миром; сегодня все они остались ни с чем! Кен поднял кусок красного сланца и тоскливо уставился на него. Ни с чем! Он с силой швырнул камень в ближайшую глыбу, словно та была головой незадачливого космодеповского разведчика.

Ты ждешь и надеешься, даешь взятки, льстишь и подлизываешься — лишь бы получить шанс вырваться из душного земного крольчатника! Ты пытаешься выцарапать этот шанс, изнуряя себя год за годом, специализируясь во всем, что может пригодиться в далеком мире... Ты вверяешь свою судьбу бездушным компьютерам... И после всего — такой конец! Из-за пары тупых вонючих идиотов-разведчиков, которые наверняка не сделали ни шага со своего проклятого корабля в страхе перед красной плесенью! Доложить о том, что планета необитаема, когда туземцы здесь так и кишат!

В ярости Кен снова швырнул кусок сланца. Он поднял другой обломок — белый с лиловыми пятнышками — и уже примеривался запустить им в скалу, когда услышал какой-то отдаленный звук. Кен замер. Однако

сейчас до него долетали только птичий щебет да шорох листвы под слабым ветерком. Он медленно наклонился, поднял магнитофон и повесил его на плечо. Оглянувшись на долину, в которой собирался провести жизнь и вырастить детей, Кен горько вздохнул, водворил шляпу на место, сдвинул ее на затылок, и решительно направился к лесу.

«Я ни за что не откажусь от этого, — твердил он себе, сбегая вниз по горному склону. Видения бетонно-алюминиевых джунглей его квартала — без солнца, без травы и деревьев, — словно наложились на открывшиеся его взору лесные просторы. — Я хочу владеть всем этим — ради своих детей! И — да простит меня Бог! — ради себя самого».

Лес окутал его прохладой. Насторожившись, Кен вертел головой, выискивая любые признаки жизни. Губчатые деревья достигали семидесяти футов в высоту, разветвляясь где-то на уровне двух-трех человеческих ростов. Их ветви заканчивались пучками трехгранных темно-зеленых иголок, так похожих на иглы елей, которые он видел в заповеднике на Земле. При ближайшем рассмотрении оказалось, что опавшие иголки становятся коричневато-красными, почти багровыми; они покрывали землю толстым упругим ковром. Трава и подлесок не могли пробиться сквозь этот толстый слой, и поэтому лес походил на пустынный ухоженный парк.

Дома туземцев (Гейнор насчитал штук пятнадцать, пока Кен лихорадочно щелкал камерой) уже были видны. Они располагались у реки на поляне, подход к которой преграждала красная скала. На карте, обобщившей результаты аэрофотосъемок, здесь был отмечен водопад ярда в полтора высотой. За ним лежало озеро, окруженное со всех сторон огромными отвесными утесами, чуть более пологими со стороны леса.

«Если эти коты носят одежду, — ухмыльнулся Кен, — то тут прекрасное место для стирки подштанников. И рыбакам есть где поставить сети... Впрочем, знают ли они, что такое сети и подштанники?»

При мысли о рыбалке Кен облизнулся — сочная красноватая мякоть здешних «лососей», без неприятного привкуса, свойственного искусственной пище, была великолепна. На Земле натуральные продукты были для них недостижимой роскошью. Пат лишь однажды попробовала настоящее мясо, но ей показалось, что кусок трудно прожевать. «Клянусь, здешняя дичь не будет для нее

слишком жесткой,» — самодовольно подумал Кен. Он стал настоящим специалистом по заготовке мяса впрок, даже научился его коптить.

Тревожные крики птиц заставили его поднять голову. Он замер, ожидая, не упадут ли вниз несколько ярких перышек. Можно увести отсюда сотни перьев, крутилось у него в голове, которые ничем не хуже горного хрусталя, но гораздо легче... Усилием воли Кен заставил себя покончить с финансовыми расчетами. Кто спугнул птиц? Туземцы? Может быть, они уже выследили его?

Впрочем, как бы не сложилась первая встреча, он должен сделать достаточно записей. Эх, если бы можно было потолковать с ними, объяснить, как много значит для него возможность остаться...

Кен обогнул группу деревьев, когда из-за ближайшего ствола выпрыгнул мячик, подкатившись к самым его ногам. На вид мячик был таким же, каким играли ребята на Земле. Инстинктивно Кен нагнулся, чтобы поднять ярко раскрашенный шар, как вдруг два маленьких существа выскочили вприпрыжку вслед за мячом и остановились как вкопанные, с изумлением глядя на него.

Кен поднял мяч. Два малыша, широко раскрыв глаза, жались друг к другу, явно испуганные встречей с совершенно неизвестным им существом.

«Поразительное сходство с кошками», — автоматически отметил Кен, в свою очередь рассматривая аборигенов. Огромные зеленые глаза смотрели на него из-под густых широких бровей; темные вертикальные зрачки сузились — лучи оранжевого солнца били им прямо в физиономию. Плоские носы с широкими ноздрями, безгубые большие рты, тупо срезанные подбородки, словно подпирающие массивные челюсти. Уши без мочек заканчивались кисточками. Каждый из детенышей, — а в том, что это были детеныши, сомневаться не приходилось, — носил на талии пояс. На поясах, не скрывавших принадлежность данных особей к мужскому полу, висели короткие ножи в ножнах. Шкура у них была светлая, желтовато-коричневая, как мягкий велюр; голова увенчана копной темно-рыжих волос, свисавших до кончиков ушей. Между широко раздвинутых ног были видны короткие пушистые хвосты, стоявшие торчком — видимо, от изумления.

Стараясь не улыбнуться — улыбку эти забавные существа могли воспринять как выражение враждебности — Кен несколько раз подбросил мяч в руках. Он медленно

показал на того, кто был повыше, давая понять, что хочет возвратить мяч. Затем сделал это — легким броском из-за спины, словно играя. Молча, не глядя на мячик, детеныш поймал его обеими руками; уши его мелко подрагивали. Кен заметил, что длинные гибкие пальцы заканчиваются когтями, сейчас слегка выпущенными, чтобы удержать мяч.

— Ты молодец, паренек, — спокойно сказал он, стараясь тоном выразить свое восхищение.

Уши у обоих быстро задвигались. Они посмотрели друг на друга, и снова уставились на Кена. Тот, как бы предлагая им продолжить игру, приготовился ловить мяч — слегка пригнулся и выставил вперед раскрытые ладони.

Две пары круглых зеленых глаз изумленно таращились на него. Тот, что повыше, заморгал и нерешительно кивнул, продолжая крепко прижимать к себе мяч. Кен понял, что это было проявлением благодарности. Кажется, они не боялись его — просто были удивлены, встретив разумное, но не известное им существо. Все это выглядело так, словно два хорошо воспитанных лальчу-гана ждут, чтобы первым заговорил взрослый незнакомец. Кен решительно выпрямился и, показывая на деревню, сказал:

— Ну, ребята, вы можете отвести меня к вашему отцу?

Более взрослый повернулся к своему приятелю, и Кен торопливо включил магнитофон. Ему удалось захватить только конец фразы — каскад гортанных рычащих звуков. Меньший пожал плечами и соорудил гримасу, видимо означавшую: «Ну откуда мне знать, чего хочет этот странный тип?»

Высокий прорычал еще несколько слов; его широкий рот растянулся почти до ушей. Второй снова пожал плечами и, повернувшись, пошел к берегу реки, к поляне, где стоял поселок. Высокий внимательно посмотрел на Кена, слегка наклонил в его сторону голову и двинулся за приятелем. Кен шагал следом.

Глава 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кен не отказался бы выяснить, почему обратный путь показался ему немного короче — то ли из-за того,

что туземец повел его через низкую седловину горной гряды, или же потому, что он чувствовал восторг и воодушевление от первого контакта. Бог знает по какой причине, но даже осточертевший магнитофон теперь казался легче. Под жаркими лучами полуденного солнца оба они — и человек, и хрубан, — вспотели. Запах туземца, Хрула, был не похож на его собственный, решил Кен, сочтя его не очень приятным, хотя ничего подобного он припомнить не мог.

Узкие ступни Хрула с едва заметными следами перепонок и чуть выступающими когтями позволяли ему шагать пружинящей походкой; они явно лучше подходили для такой скользкой глины и твердого грунта, чем сапоги Кена. Да и хвост кажется очень полезным приспособлением для лазанья по горам, не очень к месту подумал он, когда, тяжело дыша, поднимался по склону вслед за Хрулом. Гораздо лучшим, чем веревки и крюк, продолжал размышлять Кен, сопротивляясь сильному желанию ухватиться за этот отросток, чтобы облегчить подъем. Пот с него уже катился градом. Хрул, к счастью, остановился на вершине, вопросительно взглянув на спутника. Хвост его стоял торчком, Кен невольно подумал — вдруг хрубаны обладали телепатическими способностями, и Хрул уловил его мысли?

— Наша колония там, внизу, на другом берегу реки, — бодро начал он, стараясь замаскировать свое смущение. Он показал в нужную сторону, зачарованно наблюдая, как глаза молодого хрубана превратились в узкие щелочки. Дома, скрытые утесом и деревьями, как и в деревне аборигенов, были еще не видны.

Но с этой точки открывался вид на вспаханные поля, которые уже были засеяны различными земными злаками. За ними находились огороженные пастбища с загонами, ожидавшими прибытия драгоценных домашних животных — их должен был доставить корабль четвертой фазы.

Хрубан оглядел всю долину, его чувствительные уши подергивались. Он повернул голову, темная грива всколыхнулась, напомнив Кену прически, которые носили его молодые соплеменники. Желто-зеленые глаза Хрула сверкали, и в них отражалось то ли волнение, то ли интерес, который вызвало у него распаханное поле. Кен уже заметил, что все хрубаны вели себя с великолепным достоинством и отличались уравновешенностью. Оставалось надеяться, что ему удалось скрыть собствен-

ную нервозность, хотя потел он отчаянно. Носы стоявших поблизости хрубанов дергались так часто, что Кен решил — они, вероятно, чувствительны к запахам.

Хрул кивнул ему, и они продолжили путь. При этом туземец не терял времени даром, продолжая заниматься лингвистическими упражнениями. То и дело он останавливался, чтобы назвать каждый новый куст или дерево, мимо которого проходили путники. Иногда Хрул показывал на уже названный раньше предмет, и вопросительно смотрел на Кена, стараясь понять, запомнил ли тот нужное слово. Это держало человека в постоянном напряжении; он пытался усвоить огромное количество новой информации и одновременно должен был смотреть вперед, соображая, что будет названо следующим номером. Кен, однако, не забывал, что все сказанное остается на ленте его магнитофона.

Но Хрул желал знать и земной эквивалент туземного названия. Дотриш, ботаник их колонии, уже внес в свой каталог великое множество новых растений. И, наверное, только он смог бы вспомнить их названия. Несмотря на эту мелкую неприятность, Кен чувствовал, как растет его уважение к хрубанам, подогреваемое этой настойчивостью в изучении чужого языка. Скорее всего, ему не хватит времени, чтобы освоить их речь, однако то, что оставалось на ленте магнитофона, было драгоценным подарком для спецов из департамента Внешних Сношений. Кен надеялся, что его усилия не пропадут даром и будут оценены по достоинству. Он задумчиво покачал головой — это раскатистое «р» будет чертовски трудно освоить. Язык хрубан, гортанный и раскатистый, напоминал ему древние восточные наречия. Тут таилась определенная опасность — неправильная модуляция, неправильная длительность звука могли превратить заурядное приветствие в смертельное оскорбление, к которому примитивное племя наверняка довольно чувствительно. Поймут ли они и простят эти невольные ошибки?

Была еще одна неясность, над которой Кен ломал голову. Такой разнообразный, богатый язык — признак развитой культуры; он явно обладал обилием оттенков и нюансов, свидетельствующих о сложном внутреннем мире туземцев. Как совместить это с их примитивной технологией?

Хрул остановился около одного из «железных» деревьев, которое обвивала огромная лиана-паразит. Кен сразу узнал ее, так как Дотриш не раз говорил об этом

странном растении, бурно реагирующем даже на слабое прикосновение.

— Роамал, роамал, — произнес хрубан, покачав головой. Он сделал жест, словно пытаясь дотронуться до лианы, потом резко отдернул руку и потряс ею.

— Плохой? Румал? — попробовал повторить Кен, а потом похлопал себя по животу, испустив пару очень реалистичных стонов.

Рот Хрула растянулся в улыбке, и он понимающе кивнул.

«Еще немного информации в мой словарь, — подумал Кен. — Видимо, наши тела одинаково реагируют на сходные раздражители».

Хрул поднял палец и медленно, четко произнес название лианы на своем языке. Кен, застонав про себя, жестом попросил Хрула повторить еще раз. Туземец закивал головой и снова выдохнул гортанное слово. На этот раз Кен уловил модуляцию на втором гласном звуке и попытался воспроизвести ее предельно четко.

Хрул, внимательно выслушав, одобрительно кивнул, и они двинулись дальше. Мысленно Кен продолжал тренироваться в произношении, стараясь добиться правильной длительности звука.

К тому времени, когда они добрались до реки и подошли к качавшейся у берега пластиковой лодке, он мог произнести несколько слов, три из которых содержали одинаковые звуки, но по разному модулированные. С тем, что он уже имел на пленке, это можно было назвать неплохим началом. Ху Ши будет доволен.

Хрул неожиданно опустился на колени перед лодкой, забыв про Кена и не обращая внимания на Гейнора и Мак-Ки, появившихся на другом берегу. Хрубан осторожно забрался в маленькое суденышко, проверил на прочность банки, погладил край борта, а затем широко развел руками в стороны в неом вопросе.

Интересуется насчет весел, решил Кен, и улыбнулся, подумав, как будет удивлен туземец, когда он включит маленький, но довольно мощный мотор. Течение реки было слишком сильным, на веслах его не одолеть.

Однако Хрул лишь одобрительно кивнул, когда завелся двигатель, и моторка начала уверенно рассекать воду. Хрубан спокойно опустился на дно лодки, прикрыл хвостом ступни и обхватил руками колени, устроившись лицом к приближающемуся берегу.

Кен направил лодку прямо туда, где стоял Гейнор;

наконец суденышко пристало к берегу, и он быстро вскочил.

— Господи! Ну и котик! — простонал инженер. — И от него воняет!

— Познакомься, — сказал Кен, стараясь улыбаться и говорить дружелюбным спокойным тоном. Он повернулся и, словно невзначай, ткнул Гейнора локтем под ребра. — Это Хрул, который, видимо, занимает не последнее место в деревне и направлен к нам в качестве посланника вождем племени Хрестаном.

Хрул вылез из лодки и остановился совершенно спокойный, устремив глаза на троих людей. Хотя теперь он мог видеть хозяйственные постройки, жилые домишки и всю зеленую, похожую на парк колонию землян, он не выказывал явной заинтересованности этим зрелищем.

У этого парня исключительно благородные манеры, поймал себя на мысли Кен. Видимо, туземцы обладали врожденным чувством собственного достоинства.

— Хрул — это Гейнор, — медленно сказал он, показывая на Сэма. — Сэм, это — Хрул. Они приветствуют друг друга касанием ладоней, — пояснил Кен приятно, — только с тыльной стороны.

— Ага! Это из-за того, что они имеют когти, — сказал Гейнор, тщательно выполняя обряд приветствия. — Я спокойно перенес бы даже рукопожатие, только не эту вонь.

— Если ты ему понравишься, я полагаю, он постарается убрать когти, — не без ехидства заметил Кен.

— Ладно, но когда прекратится этот запах? — Сэм отвернулся и громко чихнул.

Мак-Ки торопливо шагнул вперед и коснулся ладони Хрула.

— Я получил немало записей их речи, так что теперь можно заняться анализом и идентификацией слов, — пояснил Кен приятелям. — Кроме того, Хрул дал мне урок языка во время нашей прогулки плюс кое-какие сведения об опасных разновидностях флоры на этой планете.

— Ради этого Хрул и потащился с тобой? — спросил Гейнор, подчеркивая раскатистое «р». Но до того, как Кен успел ответить, инженера опять сотряс приступ неудержимого чиха.

— Не мог же я запретить или помешать ему пойти со мной! Особенно, если учесть, что мы хотим сохранить дружеские отношения, — заявил Кен.

— И как долго он намерен здесь оставаться?

— Понятия не имею.

Мак-Ки улыбнулся Хрулу.

— Ну, давайте склонять существительные и спрягать глаголы — или чего там еще, чтобы мурлыкать понятнее.

— По-моему, издаваемые ими звуки больше похожи на рычание, — заметил Гейнор. — Я не лингвист. Я пойду полежу в кровати, — и он прижал указательным пальцем нос, чтобы предотвратить новый приступ чихания. — Ты будешь сопровождать нас, Мак. Мы не можем оставаться здесь долго, ты же знаешь.

Мак-Ки кивнул в знак согласия и, вместе с Кеном и Хрулом, направился к столовой.

Поздно вечером, когда Кен решил сделать перерыв в своих лингвистических занятиях и бесконечных повторных прослушиваниях магнитофонных записей, он обнаружил в столовой Лоренса, приводящего в порядок пол.

— Эти хрубаны довольно развиты, — решительно заявил социолог, обращаясь к сердитому Сэму Гейнору. — Я не имею в виду такие элементарные признаки, как прямохождение или отстоящий большой палец; я говорю об их поведении в житейских ситуациях. Ты видел его за ужином; он понимает назначение посуды. И он использует свой нож, чтобы резать мясо.

— Ему пришлось это сделать. Его нож оказался острее наших, — парировал Гейнор.

— Кстати, о ножах, — вставил Мак-Ки, — обратите внимание, как мастерски изготовлен его клинок. Хотел бы я знать, где он нашел такой камень для рукоятки... Этот розово-фиолетовый минерал просто великолепен! И я ничего подобного в окрестностях не встречал.

— Должно быть, притащил из другой части континента. Они ведь кочевники, — задумчиво сказал Эйб До-триш.

— Я не стал бы интересоваться этим ножом, — во всяком случае, не сейчас, — предостерег Мак-Ки социолог.

— И давайте будем поосторожнее с драгоценными камнями, добавил Кен, наливая себе кофе. — Некоторые древние племена приписывали им особое значение и силу, считая принадлежностью богов.

— Я просто хочу подчеркнуть, что их культурный уровень значительно выше доисторического примитивизма, — сказал Лоренс с некоторой резкостью.

— Кен, не заметил ли ты случайно какого-нибудь священного места, тотема или жертвенника в деревне? — спросил Рамазан.

— Ничего подобного. Никаких признаков религиозного культа, — Кен покопался в памяти, вспоминая тихую спокойную деревушку. — Все постройки выглядели жилыми... Может, святилище находится в какой-нибудь пещере?

— Ну, этого добра здесь хватает, — засмеялся Лоренс, который облазил все окрестные скалы.

— Кормят ли они грудью своих малышей? — поинтересовался Эзра Моуди.

Кен прикрыл глаза, прокручивая в голове сцены деревенской жизни, но ничего подходящего не обнаружил.

— Сожалею, док. Я видел и малышей, и детенышей постарше — можно, наверное, называть их котятами... Они занимались какими-то сложными играми с мячом. Понимаешь, я не обратил на них особого внимания, но выглядело это словно... словно состязание между двумя командами. Однако совсем маленьких котят я не заметил. Хотя немолодые женщины... самки... были облачены в какую-то одежду закрывавшую тело от плеч до колен. Другие, впрочем, ничего не носили. Довольно трудно разглядеть соски под шерстью. Пара женщин щеголяла в накидках без рукавов, покрытых орнаментом, в поясах и юбках, вроде той, что на Хруле, только ножей у них не было. Вероятно, одежда для них — скорее украшение, чем нечто, позволяющее защитить тело от холода или нескромных взглядов. И женщины совсем не болтали у костра посреди поселка. Они приходили и уходили. Возможно, готовили еду в хижинах, я этого не видел. Да, я заметил женщину, которая доила животное, похожее на оленя — в загоне около своего дома.

— Значит, они умеют приручать этих оленей! — воскликнул Бен. — Я тоже хотел бы заняться чем-то подобным и даже поймал одну телку, — он пожал плечами. — Но стоило мне прикоснуться к вымени, она задрала рога и заревела так, словно я хотел ее изнасиловать.

— Боже! — Эзра Моуди в изумлении уставился на Бена. — Ты ведь не хотел и в самом деле...

Все уже привыкли к своеобразному юмору Бена, но

иногда он слегка перегибал палку. Сейчас ветеринар, опять пожав плечами, заявил:

— Умный хозяин сумеет по всякому использовать свое добро. И если наши жены задержатся...

— Но ты не... ты ведь не имеешь в виду... — Моуди заикался, пока чей-то смешок не прервал его.

— Подождите-ка, — вдруг произнес Дотриш. — Бен кое о чем мне напомнил... Я имею в виду не конкретное насилие над пугливой оленихой, Эзра, а вообще все наши контакты с животным и растительным миром Дьюны. Нам придется хорошо подумать, что допустимо брать на Землю. Скажем, меня терзает соблазн привести домой несколько фунтов этих богатых никотином листьев. Ведь существует множество лекарств, в состав которых входит никотиновая кислота, а на Земле ее природные ресурсы исчерпаны.

— Да, ты прав, — кивнул врач. — Нельзя занести домой инопланетную инфекцию. Мы сможем взять лишь то, что можно как следует простерилизовать. Все остальное полетит за борт.

— Несомненно, — согласился Дотриш; уголки рта у него грустно опустились.

— А перья вы можете стерилизовать? — в тревоге спросил Сэм Гейнор.

— Да, конечно! С помощью ультрафиолетового излучения. А потом обработаем их инсектицидом, чтобы удалить птичьих паразитов.

— Паразитов? — Сэм Гейнор с явным подозрением уставился на пластиковый мешок, наполненный яркими перьями.

— Ну, Сэм, размышляешь, что весит больше? Фунт перьев или фунт камней? — спросил Лоренс с совершенно бесстрастным лицом.

— Что? — Гейнор снова взглянул на мешок. — Кончай, Лоренс, — сказал он, когда социолог расхохотался. Сэм подхватил свое пестрое сокровище и вышел из столовой, что-то виновато бормоча.

— Не заводи его, Лоренс, — сказал Кен. — Ты ведь знаешь, у него низкая точка кипения. Нам не нужны споры друг с другом.

— Лучше решить это дело сейчас, — заметил Ли Лоренс уже без следа насмешливости на лице. — Он может обнаружить, что для его перьев нет места на корабле. Гораздо важнее взять с собой образцы минералов и лекарственных препаратов.

— Да, но ведь перья почти ничего не весят, — заметил Вик Солинали.

— Весят, не весят... Почему мы вообще должны уезжать отсюда? — взгляд Лоренса метался от одного лица к другому, губы его кривила горькая усмешка. — Почему?

Этот вопрос повис без ответа в напряженной тишине, последовавшей за вспышкой социолога. Кен понял, что в душе каждого идет борьба между неосуществившимися надеждами и привитым с детства послушанием закону. Им не хотелось покидать Дьюну. Они признали это решение правильным, однако сознание выполненного долга никого не сделало счастливым.

— Почему? — Кен словно со стороны услышал свой голос. — Потому что исторический опыт доказал, что две разные цивилизации не могут сосуществовать на одной планете. Результат очевиден — конкуренция, прямая агрессия и — разрушение! Бог свидетель, как я не хочу покидать Дьюну... Но если мы останемся здесь, хрубанов ждет судьба Сиванны.

— Теперь я понимаю, почему в старину так часто использовали геноцид для решения проблем, подобных нашей, — заметил Бен с невозмутимым видом. — В конце концов за открытием Америки последовало массовое истребление индейцев. И наши предки сняли сливки с молока. А ведь у них не было бластеров... — голос Аджая упал до шепота.

— Бен, ты что, рехнулся? — завопил Лоренс; глаза его расширились до ужаса.

— Ты болен, Аджей! — воскликнул Моуди. — Что с тобой?

Бен улыбнулся, откинувшись на спинку кресла.

— Я просто думал вслух. Надо было высказать это... высказать и забыть.

Судя по выражениям лиц собравшихся в комнате мужчин, такая идея приходила в голову каждому; это была отвратительная, мерзкая мысль. Бен был прав. Стоило высказать ее, ощутить ее кровавый аромат — и отбросить навсегда.

— Вот почему введен Принцип Раздельного Существования, — задумчиво произнес Кен. — Мы прогрессируем, мы развиваемся, что и доказывает ваша реакция. Что ж, если мы справимся с проблемой, решим этот спор о Дьюне, то история обессмертит наши имена.

Он опустил на стол пустую чашку. Ему хотелось еще

кофе, но Кен не горел желанием задерживаться в напряженной атмосфере обеденного зала.

— Док, дай-ка мне что-нибудь взбадривающее, ладно, — попросил он. — Хочу поработать ночью.

— Зачем ты разбираешься с этим ревом и мурлыканьем, Кен? К чему нам сейчас язык туземцев? — спросил Лоренс.

— Не знаю, — честно отвечал Кен, ожидая, пока доктор выберет для него стимулятор, — но я не могу бросить это дело. По крайней мере, хоть какое-то занятие...

— Знания никогда не бывают лишними, — заметил Дотриш, перебирая тщательно выполненные рисунки растений. — Мне бы хотелось иметь список их названий на языке хрубанов, — он похлопал по пухлой папке ладонью. — Для моего отчета и собственного удовольствия, — он благосклонно посмотрел на Кена.

— Скажи-ка, Хрул не собирается завтра в свою деревню? — спросил Солинари. — Мне хотелось бы ее осмотреть.

Кен утомленно потер лицо, ожидая пока подействуют пилюли Моуди.

— Хрул ничего не сказал о том, сколько он намерен у нас оставаться. Но мне бы хотелось сделать побольше записей его речи.

— Знаешь, — задумчиво произнес Ли, — пожалуй ты прав. Чем скорее ты выучишь их язык, тем лучше.

— Разумная мысль, — одобрил Аджей. — Надо же как-то общаться. М-да... Ладно, Кен, когда ты составишь свой первый словарь, я тоже немного помякаю...

Рослый ветеринар встал, потянулся до хруста в суставах и, с неожиданным для человека таких габаритов проворством, выскользнул из комнаты.

— Эй, Бен! — Дотриш ошеломленно уставился в опустевшее кресло, потом перевел взгляд на ухмыляющегося Кена Рива и покачал головой. — Удивительный человек! Никогда не поймешь, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Ну кто еще хочет изучать язык этих хрубан? Такой возможности больше не представится.

— Нам не долго осталось ею пользоваться, — мрачно заметил Лоренс. Он посмотрел в окно, в ту сторону, где за полями и рощами петляла река и добавил: — Я бы отдал свою левую руку, чтобы узнать, что происходит сегодня вечером в деревне Хрула.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Когда пленки и магнитозаписи были, наконец, доставлены в кабинет директора Корпуса Космических исследований, он лично отнес их Первому Консулу, не позволив никому прикоснуться к запечатанному металлическому ящику. Директора, к его глубокому удовлетворению попросили остаться, пока Консул не просмотрит материалы, освещавшие первый контакт со странной расой, обнаруженной на Рале.

Заключительные кадры промелькнули на экране и погасли.

Директор молча наблюдал за Первым, пока тишина не стала невыносимой.

— Сэр, — преодолевая неуверенность, сказал он. — Основной закон в опасности. Мы должны эвакуировать своих людей.

Первый Консул взглянул на него с обманчивым безразличием.

— Напротив, друг мой, мы должны остаться и наблюдать.

— Наблюдать? — Директор был удивлен. Впрочем, такое решение его устраивало. Одним из немногих удовольствий, которые он мог себе позволить, была возможность посещения этой планеты.

— Несомненно, нам надо понаблюдать. Я полагаю, вы раньше всех поняли, что контакт такого рода был просто вопросом времени. Вы знаете, как часто наши разведчики находили следы других исследователей космоса.

— Да знаю, сэр. Но размышляя над нашим печальным опытом... — он заколебался, заметив, как дрогнуло спокойное лицо Первого.

— Директор, пришло время поставить крест на этом «печальном опыте», который служит оправданием только для малодушных, — с ласковой вкрадчивостью произнес Первый Консул.

— С-с-сэр?

Директор был потрясен.

— Данная планета, — Первый кивнул в сторону экрана, — обеспечивает идеальные условия для контакта. Совершенно ясно, что эти существа не собираются причинять вреда нашим поселенцам. Мы вместе с вами просмотрели материалы, и фильмы свидетельствуют об их

серьезной попытке встретить нас с максимальной доброжелательностью. Вы обратили внимание, что изучить наш язык для них весьма не простая задача? И тем не менее... Первый задумчиво посмотрел на матовую поверхность экрана и закончил: — Нет, друг мой, я рассматриваю все это, как чрезвычайно счастливый случай. Чрезвычайно!

Он встал, подошел к наружной стене своего кабинета и щелкнул выключателем, сделав ее прозрачной. Перед ними раскинулась необозримая панорама зданий.

— Там, — произнес Консул, широким жестом указывая на город, — миллионы жизней, миллионы людей, которым не надо ничего, кроме пищевых комбайнов и экранов зрелищ. Они словно погружены в сонную, тяжелую и безысходную летаргию... Их необходимо встряхнуть! Если удастся — напугать! Да, только страх заставит их кровь двигаться быстрее!

Теперь голос Первого не был ни ласковым, ни спокойным. Директор затаил дыхание, почувствовав, как сильно забилось сердце.

— Ничто так не мобилизует человека, как угроза его существованию!

— Сэр, — робко начал директор, — это может спровоцировать еще одну волну самоубийств... Наше молодое поколение...

Рев, вырвавшийся из глотки Первого, окончательно парализовал его.

— Подходящий конец для тех, кто не способен решить ни одной проблемы! Нет, мой друг, — Первый быстрыми шагами мерил комнату, глаза его сверкали, — этот кризис будет уроком для нас — или концом! И если наступит конец, значит мир избавится от бессильной и бесплодной расы. — Он резко остановился, повернувшись к директору. — Итак, вот мои указания...

Резкий стук в дверь прервал его на половине фразы. Затем створки раздвинулись и на пороге возник Третий Консул. За его плечом виднелась растерянная физиономия секретаря, изнемогавшего в безуспешной попытке удержать гостя от насильственного вторжения в кабинет.

— Первый Консул, сэр, я требую... — начал Третий, не обращая внимания на робкие протесты секретаря.

Первый поднял руку, отсылая своего помощника, и кивком пригласил Третьего войти. В тот же миг, когда дверь с тихим шелестом сомкнулась за его спиной, рас-

серженный посетитель излил поток обвинений, которые вряд ли могли оправдать его возбужденное состояние. Директор невольно попытался прикинуть, кто же был шпионом в его департаменте. Или, возможно, Третий имел своего человека в составе партии поселенцев?

— Мы оказались чужими на этой вашей райской планете! Глупая затея! И я предупреждал, что она доставит нам массу хлопот! — Третий перевел дух и с видом победителя уставился на Первого Консула. — Верните наших людей! Верните их, пока еще не упущено время, пока ситуация не стала необратимой. И покончим с этим нелепым экспериментом, Первый. Ваша затея была обречена с самого начала.

— Напротив, сэр, — спокойно ответил старик, изысканно-вежливым жестом указывая нежданному гостю на кресло.

— Напротив? Что вы подразумеваете? Вы еще колеблетесь, Первый? Когда нарушен Основной Закон? Случай очевидный, совершенно очевидный! И никакие обсуждения не нужны. Отзовите наших разведчиков и поселенцев.

— Это не так просто, Третий, совсем не так просто...

— Но почему?

— Я полагаю, вы едва ли имели возможность ознакомиться с записью, которую доставили мне после первой и столь неожиданной встречи, — вкрадчиво заметил Первый, положив руки на плечи своего оппонента, распростертого в кресле. — Директор, будьте так любезны... — он кивнул в сторону экрана, не отпуская рук. — Наш коллега желает просмотреть последние материалы.

На физиономии Третьего застыла гримаса недовольства, смешанного с любопытством. Он дернулся, но Первый держал крепко, и посетитель с деланной неохотой перевел взгляд на экран.

Во время повторной демонстрации директор Корпуса исподволь наблюдал за реакцией Третьего. Он постарался совладать с раздражением, когда понял, что фильм явно не переубедил консерватора.

— Если вы думаете, Первый, что я позволю подвергать опасности наших людей... из-за этих... этих...

— Значительно большую опасность для наших людей представляет их собственная никчемность! — прервал его Первый с такой страстью, что Третий уставился на него в ошеломленном молчании. — Другая раса, столь же разумная, как и наша, обитает в этой галактике. И,

вопреки Основному Закону, мы встретились с ее представителями в нейтральном мире. В этом и заключается мой замысел — превратить этот случайный контакт в устойчивое и мирное сотрудничество, в мост, объединяющий наши народы.

— Мирное сотрудничество? С созданиями, которых вы мне показали? — Третий был близок к истерике. — Это переходит все границы, Первый Консул! Я настаиваю на экстренном созыве Совета! Чтобы определить, находитесь ли вы в здравом уме!

И не дав Первому ответить на оскорбление, его оппонент вышел из кабинета.

— Сэр, что же теперь произойдет? — Директор подавил мимолетный всплеск паники; сердце его билось ровно, дыхание успокоилось.

— Ну, Третий назначит Совет, как он только что заявил, однако, — улыбка Первого стала ослепительной, — потребуется не один день, чтобы собрать всех Консулов... ведь они, друг мой, не сидят на месте. Так что давайте займемся нашими собственными планами. Попробуем выяснить, с кем мы столкнулись на Рале, что они за народ и чего хотят от этого прекрасного мира.

МОСТ

Почему они изучают язык хрубанов? — спрашивал себя Кен. Было бы логичней обучить туземцев английскому.

— Должно быть, это моя ошибка, — произнес он вслух. — Я первым вступил в контакт. И, похоже, опростоволосился... Но, черт побери, все что я сделал, — это выучил названия десятка растений и принес эту ленту с записями! — Его не покидало чувство, что каким-то образом колонисты проиграли первый раунд. А может — может выиграли его?

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он побывал в деревне хрубанов. Почтовая капсула с инструкциями с Земли не появлялась, — как и корабль с их семьями. Это вызвало у всех большое беспокойство. Кен старался отогнать тревожные мысли.

Надо полагать, сообщение об аборигенах Дьюны вызовет страшный переполох среди ультра-консервативных исполнительных властей. Дело выглядело так, словно три департамента, занимавшиеся космическими исследованиями, либо ошиблись, либо вступили в непонятный сговор. Кен подумал о киноплёнках и магнитных лентах, которые были отправлены во второй капсуле вслед за первым сообщением: фильм был сделан скрытой камерой и запечатлел времяпрепровождение их гостя — начиная с момента, когда Хрул поднялся утром и показал жестами, что хочет вернуться в деревню вместе с Кеном и Ху Ши. Кен ткнул в грудь Вика Солилари, и хрубан, не колеблясь ни секунды, включил в компанию приглашенных и управляющего хозяйством колонии.

Когда они готовились грузиться на небольшой плот, Хрул разыграл целую пантомиму, истинный смысл которой ускользнул от людей.

Кен, полагая, что туземец сомневается в надежности этого плавсредства, попытался убедить его в обратном. Понаблюдав за его ужимками, Хрул растянул тонкие губы, что должно было обозначать улыбку, и шагнул на плот.

Затем, уже после того как Ху Ши и Вик были представлены старосте деревни, Хрестану, и четырем другим пожилым туземцам, Хрул начал что-то быстро говорить, поворачиваясь то к своим соплеменникам, то к

землянам. Вдруг он встал на корточки и когтем начертил контуры моста, протянувшегося над водой; потом, улыбаясь, взглянул на Кена.

— Боже мой, он вовсе не испугался плыть через реку на плоту, — с восторгом воскликнул Вик. — Он толковал нам про мост!

Кен и Ху Ши попытались объяснить, что подобная идея не вдохновляет колонистов, однако их аргументы, подкрепленные отчаянными жестами, явно были непонятны хрубанам. Проклятый языковой барьер! Словарный запас, усвоенный Кеном, не позволял выразить такие понятия, как необходимость для каждой из сторон оставаться в изоляции в своем поселке. Еще труднее было объяснить, что землянам придется скоро покинуть планету — как только придет транспортный корабль.

Хрубаны, видимо, ничего не поняли. Хотя речи их оставались непонятными, жестикуляция и рисунки были недвусмысленными — они снова и снова убеждали колонистов взяться за строительство моста.

— Ты понимаешь, что все это значит, Кен? — шепотом произнес Ху Ши. — Они не испытывают обиды! Уговаривают нас, словно капризных детей!

— Но, сэр, этот мост...

Метрополог, однако, не слушал Кена, восторженно оглядываясь по сторонам.

— Никакой враждебности! Очень дружелюбные и разумные создания! И превосходно разбираются в общих архитектурных принципах! Это совершенно очевидно. Ты заметил, что бруски в углах оконных рам соединены «ласточкиным хвостом»?

— Доктор Ши! — Кен схватил коллегу за плечо и легонько встряхнул. — Мы не должны строить этот мост!

— Но почему же?

— Во-первых, это сооружение станет первым шагом в культурной агрессии нашей расы против их народа.

— Ну, ты слишком осложняешь дело...

— Во-вторых, — Кен покачал головой, — зачем тратить время и силы на постройку моста, которым мы никогда не воспользуемся?

Энтузиазм на лице Ху Ши погас; его глаза, только что сиявшие воодушевлением, словно задернула темная шторка.

— Конечно, ты прав, — задумчиво произнес он. — Однако, как трудно оттолкнуть руку, протянутую с таким

очевидным дружелюбием... Не сомневаюсь, что они хотели лучше познакомиться с нами.

— Лучше вспомни, как часто наш народ превращал руку дружбы в занесенный для удара кулак!

Ху Ши печально кивнул, и они снова принялись объяснять хрубанам, что колония землян не задержится тут надолго.

Хрул, полузакрыв глаза, постучал когтем по своему чертежу. Затем поднял два пальца и произнес слово, которое Кен уже знал. На языке хрубанов оно обозначало «день».

— Невозможно! — простонал он, протягивая руку, чтобы стереть рисунок, поставив, тем самым, точку в дискуссии.

Покрытые шерстью пальцы с вежливо убранными когтями проворно скользнули под ладонь Кена, предупреждая уничтожение рисунка.

— С-спокойно, — хрубан мягко, подчеркнув шипящие, произнес земное слово.

Кен удивленно воззрился на него, соображая, что же теперь предпринять. Еще две шерстистые руки протянулись над чертежом, не позволяя Кену его уничтожить. Он взглянул на Хрестана; тот одобрительно кивал своим соплеменникам, их тонкие губы растянулись в улыбке.

— Видал бы ты, Кен, каким болваном сейчас выглядишь, — с иронией произнес Вик. — Они хотят мост. Ладно! Мы попытались убедить их в бессмысленности этой затеи. Но что в ней плохого? Да, нам самим не суждено прогуляться по мосту на Дьуне... Но если он так много значит для них, давай продемонстрируем вежливость и терпимость. Совершенно очевидно их умение строить мосты, так что наша помощь не приведет их в состояние шока.

— Вик, неужели ты не способен оценить всех... последствий такого решения? Вспомни, любая агрессия начиналась...

— Не надо апеллировать к истории, Кен, — резко заметил Солинари. — Если мы попробуем наладить сотрудничество...

— И заодно выяснить, где хрубаны берут эти драгоценные камни, не так ли? — язвительно спросил Кен.

— И это тоже, — согласился Вик. — Но главное — я хотел бы выяснить, как они намереваются перекрывать реку. Разве тебе самому не интересно?

— Доводы Виктора весьма разумны, — кивнул Ху Ши.

Так погибают благородные принципы, подумал Кен, переводя взгляд с администратора колонии на управляющего хозяйством. И черт с ними! В конце концов им недолго осталось наслаждаться свободой и чистым воздухом Дыюны!

— Хрул, — громко произнес он, с удовольствием наблюдая, как дрогнули чуткие уши туземца. — Кен коснулся перекрытий моста, нарисованного на земле. — Рла? — он старался выдержать нужную длительность звука и одновременно не проглотить свой язык на этом долгом раскатиством «р».

Хрул торжественно кивнул, жестом показав на дерево рла у себя за спиной.

— Они собираются строить из этой рыхлой пористой древесины? — с удивлением спросил Вик.

— Из древесины рла, — подтвердил Кен.

— Эррла, — прорычал Вик. Хрул терпеливо и спокойно покачал головой, затем повторил слово, которое Вик с трудом пытался изобразить. — Не могу выдавить из своего горла это «р», Кен, — пожаловался Солинари и вздохнул. — Но я совершенно уверен, что эта древесина не выдержит большой нагрузки. Она слишком непрочная.

Кен облизал губы, пытаясь извлечь подходящее слово из того небольшого запаса, которым он располагал. Посетовав мысленно на свою ограниченность, он онустился на колени перед чертежом и нарисовал широкую полосу, изображавшую реку. Затем начертил опоры на обоих берегах, прямо на краю. Он сделал вертикальный разрез, пропахав ладонью линию в мягкой глине, и жестами пояснил, что высота деревьев должна быть достаточной, чтобы перекрыть проем. Хрул понимающе склонил голову.

— Хрубанн, — спокойно сказал туземец, растянув окончание слова и показывая на окружавшие его соплеменников, — люди, — старательно произнес затем, дотронувшись до Кена и Вика, стоявших рядом, и взглядом указывая в сторону руководителя колонии, — рла и замат рригам.

— Рригам значит «строить»? — спросил Вик.

— Предположим, что так, — проворчал Кен. — Но все равно я не уверен, что нам стоит связываться в это дело.

Он посмотрел на старосту деревни. Хрестан энергично

закивал головой и с воодушевлением произнес:

— Ум замат рригам. Ла!

После еще одной безнадежной попытки объяснить, что земляне не собираются оставаться на планете, Кен сдался.

Мост был спроектирован. Причем, по мнению Сэма Гейнора, чертежи хрубан свидетельствовали о довольно высоком уровне строительных знаний; он не сомневался в этом, пока не выяснил, что строить мост собираются из «рла».

— Это проклятое дерево, пористое, как губка...

— Рла, — автоматически поправил Кен.

— Ладно, рла, — с вызовом повторил Гейнор. — Можно рычать и мяукать всю ночь напролет, но это рла не выдержит никакой нагрузки — даже собственной тяжести! Чертовски глупо!

— Они собираются обработать древесину, Сэм, — объяснил Солиари. — Не понимаю, чем именно, хотя Хрул и пытался нам объяснить. Он показал мне доски, из которых построены их дома, и я не смог даже поцарапать ножом поверхность.

— А хрубаны вежливо намекнули, что можно сломать нож, — добавил Кен, улыбаясь замешательству Гейнора. — Полагаю, они знают, что делают, — буркнул инженер. Его собственные возможности по части общения с туземцами были весьма ограничены — в их присутствии он начинал судорожно чихать. Моуди лечил Гейнора огромными дозами противоаллергенных препаратов, но пока без успеха; врач не мог определить причину этих странных приступов, не исследовав хотя бы одного хрубана. Такой возможности ему пока не представилось.

Наступил вечер того дня, когда земляне должны были подготовить бревна для свай и перекрытий на своей стороне реки. У хрубанов, на противоположном берегу, работа шла полным ходом. Когда с обеих сторон было покончено с ямами, предназначавшимися под опоры, прибыли Хрул и Хрестан с большой лоханью серой вязкой жидкости.

Взяв похожие на черепаший лапы плоские кисти, туземцы начали покрывать жидкостью опорные бревна. Они работали быстро и ловко, стараясь, чтобы капли серого вещества не попали на тело. Затем хрубаны, натянув кожаные защитные рукавицы, установили бревна в ямах и залили их основания небольшим количеством жидкости. Теперь наступила очередь стволов, предназна-

ченных для настила. Когда с ними было покончено, Хрул, переждав минуту, царапнул поверхность когтем и обернулся к землянам, словно приглашая полюбоваться результатами своего труда.

— Тот же самый материал, из которого сложены их дома, — сказал Гейнор Солиари, ткнув пальцем в дерево и попробовав его кончиком ножа, — крепкий, как пластик.

— Какая-то изолирующая пропитка, — проворчал Гейнор, не переставая шмыгать носом, пока осматривал покрытые защитным слоем бревна. — Не сомневаюсь, что мы могли бы использовать такую древесину для собственных строительных нужд... тогда не пришлось бы ждать пластиковых полуфабрикатов. Кен, выясни, как они это делают, ладно?

— Хорошо? — спросил Хрул, когда лодка выгрузила людей и двух хрубанов на противоположном берегу.

— Очень хорошо, — согласился Кен. — Как это называется? — спросил он, кивнув на чан с жидкостью, тщательно произнося слова на языке туземцев.

— Рлба, — ответил хрубан, и Кен тяжело вздохнул.

«Л» в этом слове было плавным и тягучим, но «р» оставалось громоподобно раскатистым; ударение падало на гласную в конце.

Хрунк, еще один хрубан, которого Кен уже мог узнавать в лицо, размещивал «рлба» в висевшем над костром котле. В воздухе плыл едкий и острый аромат, напоминающий запах нагретой солнцем коры рла. Хрунк махнул рукой Кену, показывая на лежащий рядом инструмент, похожий на сверло, изобразив, будто вращает его. Дальнейшие жесты хрубана пояснили всю технологию: надо было собрать вытекающий из дерева сок, довести его до кипения и размазать по поверхности.

К закату мост был готов. Длина его составляла двадцать шесть футов, ширина — семь. И никто из колонистов не сомневался, что он выдержит тяжесть любой повозки.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО

— Если, — голос Первого Консула перекрыл шум, вызванный обвинениями, которыми Третий закончил свою речь, — если мы сейчас покинем планету — без всякого на то логического основания — если, повторяю, мы вдруг исчезнем, таинственно и необъяснимо...

— Если, если! — Третий вскочил, яростно воздев руки к потолку. — Не пытайтесь убедить нас, что...

— Дайте мне закончить!

Громогласный голос Первого Консула заставил его оппонента смолкнуть в растерянности.

— Покинув планету без всяких логических оснований, мы навлечем неприятности на свой собственный мир! Сейчас мы еще можем удержать их там, — он указал на звездную карту, где красным флажком была помечена планета, о которой шла речь; она находилась далеко, очень далеко от их солнечной системы. — Но если они начнут целенаправленно и упорно искать нас.. — Первый сделал эффектную паузу. — Не лучше ли сейчас спокойно понаблюдать за ними и, накопив информацию, решить, по какому пути двигаться дальше.

— Наш Основной Закон предусматривает все непредвиденные ситуации... — Третий не собирался отказываться от борьбы.

— Закон оговаривает все непредвиденные ситуации, кроме этой, — прервал Третьего Четвертый Консул, ответственный за образование.

— Любому тупице ясно — ноздри Четвертого нервно дернулись, — что на планете не имелось никаких признаков разумной жизни, когда на ней побывали исследователи Космического Корпуса. — Он бросил на Третьего взгляд, преисполненный осуждения. — Этот проект принес весьма обнадеживающие результаты в моей сфере, причем за короткое время. И мы не можем пожертвовать таким превосходным полигоном для обучения молодежи.

— Думаю, нам не придется ничем жертвовать, — твердо заверил его Первый. — Я уверен, что Восьмой Консул уже выполнил компьютерный анализ ситуации.

Восьмой встал, с достоинством поклонился собравшимся и развернул пластиковую ленту. Быстро просмо-

трев данные, он с легкой улыбкой опустил ее обратно на стол.

— Информации для надежного прогноза недостаточно, — сказал он, опускаясь в кресло.

— Недостаточно? — раздался возмущенный голос Третьего, перекрывший тихий шепоток остальных. — Как это может быть? Восьмой опять спокойно поднялся и через стол протянул ленту Третьему. Тот в замешательстве взглянул на нее и открыл от изумления рот.

— Да, данных действительно не хватает, — заметил Первый. Директор Космического Корпуса, стараясь внешне оставаться невозмутимым, про себя с облегчением вздохнул. Он даже не мог предположить, что Восьмой встанет на их сторону, вольно или невольно руководствуясь непогрешимыми расчетами своих компьютеров.

— Здравый смысл, — продолжал между тем Первый, — спокойное обдумывание ситуации и этот компьютерный анализ указывают на нецелесообразность поспешного бегства. Поэтому давайте выслушаем Восьмого и выясним, какие дополнительные данные следует собрать, чтобы вынести необходимое заключение.

— И вы с ним согласитесь? — спросил Третий, почувствовав возможность компромисса.

— Конечно, — произнес Первый Консул и кивнул Восьмому, предоставляя ему слово.

— Прежде всего мы должны овладеть их языком. Я уже знаю об успехах, достигнутых в этом направлении. Язык необходим для выяснения их культурного уровня, технологических возможностей и моральных принципов — таких, как семейная этика, обычаи, мораль...

— Ерунда! — прошипел Третий, взглянув на Второго, который пока хранил молчание. — Что действительно нам надо выяснить, так это мощностъ их вооружения, размеры космического флота, местонахождение базовой планеты...

— Хватит Третий? Вы прерываете Восьмого!

— А вы не желаете вникать в суть дела, Первый? — в голосе Третьего проскользнули нотки раздражения и страха. — Мы должны уничтожить их до того, как они смогут...

— Значит, вы предлагаете нам нарушить главное положение Основного Закона, Третий Консул? — гневно спросил Первый.

— Уже тысячи лет мы мудро избегаем вооруженных конфликтов. Давайте же не будем стремиться к подобному решению и в этом кризисе. Вместо этого постараемся узнать как можно больше о наших новых друзьях — да, Третий, друзьях, а не врагах! В том состоянии упадка, в котором мы сейчас находимся, это, возможно, даст нам шанс на выживание.

— Но мы обязаны защищать свой народ! — воскликнул Третий, грохнув по столу кулаком. — Мы не допустим, чтобы они устроили массовую резню, когда наша экспедиция...

Директору Корпуса очень хотелось взять слово, но он никак не мог встретиться взглядом с Первым.

— Вы представляете себе реакцию наших новых друзей, — продолжал Первый, — если весь поселок с довольно многочисленным населением вдруг исчезнет? Они совсем не глупы, раз уже нутешествуют в космосе, и наше таинственное исчезновение может вызвать больше подозрений, чем хотелось бы. Мы доставили им уже немало неприятностей, и рано или поздно кто-нибудь из них догадается о том, откуда появились туземцы. Так что лучше нам по-прежнему маскироваться под примитивное плéмя, кочующее по просторам Ралы.

— Нелепая идея... Вряд ли она поможет нам защититься... — громким шепотом прокомментировал Третий.

— Там есть кто-нибудь из вашего департамента? — спросил Первый с едва заметным беспокойством.

— Конечно, нет! Существуют более важные дела, чем наблюдение за такими странными проектами!

— Учитывая разделяющее нас пространство, как велика вероятность, что их раса обнаружит наш собственный мир? — спросил Пятый Восьмого.

Директор Космического Корпуса знал, что позиция Пятого пока остается неясной. Только в последнее время он начал проявлять интерес к флоре, фауне и минеральным ресурсам иных миров. Образцы с других планет в довольно больших количествах передавались в его департамент, но пока Пятый не опубликовал ни одного доклада о своих исследованиях.

— Я уже попытался оценить это с помощью компьютера, — медленно и спокойно ответил Восьмой, — но получил тот же ответ — данных недостаточно. Мы ничего не знаем об упорстве, настойчивости и агрессивности этой расы.

— Что и возвращает нас обратно к предмету сегод-

нышнего обсуждения, — хладнокровно заметил Первый. — Мы должны узнать больше о них. Нам необходимо находиться в постоянном контакте, чтобы оценить их склонности, нрав, основные психологические принципы и технические возможности...

— Такие, как строительство мостов? — съязвил Третий. — Я, как Третий Консул, отвечающий за внутренние дела и безопасность планеты, настаиваю на том, чтобы наш народ был защищен от этих... этих гладкокожих тварей! Если необходимо — силой! Мы могли бы установить защитный экран вокруг Ралы...

— Минуточку, Третий, — вмешался Первый твердым голосом. — Давайте не будем паниковать и рассмотрим все спокойно. Третий запнулся на секунду, пока до него не дошло, что излишняя напористость отнюдь не укрепляет его позиции.

— Я действительно поторопился, — начал оправдываться он, — но меня беспокоит судьба наших мужественных исследователей, которые могут в любой момент подвергнуться нападению со стороны этих лишенных шерсти двуногих!

— Ваше беспокойство делает вам честь, — проворчал Первый и кивнул Восьмому, который терпеливо ждал возможности продолжить.

— Я предлагаю компромисс, пока мы не наберем данных для достоверного анализа, — сказал он. — Если не ошибаюсь, скоро должны прибыть семьи этих... гладкокожих? — Восьмой бросил взгляд на директора Корпуса Космических Исследований; тот молча кивнул. — И их экспедиция информировала своих руководителей о том, что происходит на планете? — еще один кивок. — Тогда не станем чинить препятствий высадке их жен и детей; это будет слишком жестоко и, к тому же, затруднит наши исследования. Однако психология этих созданий пока не ясна и меры предосторожности необходимы. Поэтому я предлагаю немедленно возвратить экспедицию на базу, как только в окрестностях планеты появится какой-нибудь космический корабль.

Это предложение было воспринято с таким единодушным одобрением, что Первый, предвидевший подобный компромисс, счел более мудрым не протестовать.

ПРИБЫТИЕ

С тех пор, как три дня назад строительство моста было закончено, по нему установилось довольно оживленное движение. Утром его пересекли хрубаны, спешившие с визитом в земной поселок. Солинару и Мак-Ки встретились с ними на полпути; после взаимных приветствий, люди заторопились на встречу со своими новыми приятелями из туземной деревни. Они миновали рощу ореховых деревьев; их плоды были настолько крупными и питательными, что Солинару серьезно подумывал о том, чтобы прихватить семена на Землю. Если департамент Пищевых Ресурсов признает их безвредными и разрешит ввоз, Вик смог бы приумножить свои капиталы.

В это время, Кен Рив торопливо натягивал комбинезон, сознавая, что уже опаздывает на встречу с гостями. Хрестан и два незнакомых хрубана ждали его около столовой. Он уже научился отличать туземцев по оттенкам их бархатистого меха, форме и цвету глаз. Гейнор часто ворчал, что не может отличить одного кота от другого, но разница в рисунке шерстистой полосы вдоль хребта была столь же заметной, как отличия между белым и чернокожим землянами. Правда, Лоренс полагал, что этот признак зависит скорее от питания, чем от племенных или этнических вариаций.

Кен торопливо выскочил из комнаты прямо на тропинку, ведущую к столовой, где на крыльце дожидались его хрубаны. Он ухитрился довольно внятно проорычать приличествующее извинение, на которое Хрестан ответил учтивым рыком. Кен был счастлив, что сумел понять каждое слово главы хрубанов; во взаимопонимании ощущался явный прогресс.

Хрестан представил старшего из своих снутников. Храла, затем второго — Храта. Храл выглядел самым зрелым из троих; его шкура была глубокого коричневого оттенка с темной полосой вдоль позвоночника. В шерсти, покрывавшей лицо, поблескивали седые волоски, но других признаков преклонного возраста не замечалось; поджарое стройное тело могло принадлежать юноше.

Храл ответил на приветствие Кена с изысканной вежливостью, тщательно выговаривая слова.

— Храл — старейшина самого крупного из наших поселений, — объяснил Хрестан. — Я послал за ним, по-

просив навестить нас при первом же удобном случае. Храт живет недалеко от Храла и вызвался его сопровождать.

Кен почувствовал, что лицо его окаменело; слова Хрестана произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Почему никто из колонистов не подумал о том, что на Дьюне могут оказаться и другие поселения хрубанов? Ведь это же очевидный факт! Разве деревня Хрестана единственная на всем континенте? Это было бы крайне странным. Несомненно, хорошо подготовленный специалист по континентам понял бы все сразу! Черт возьми, подумал Кен, он готовился осваивать девственную планету, а не вести дипломатические переговоры! Его многому научили за пятнадцать лет утомительных занятий и тренировок, однако кошачий язык не входил в программу.

— Согласно обычаю, — спокойно продолжал Хрестан — и Кен с удовольствием отметил, что понимает почти все, — чтобы сохранить охотничьи угодья и лес от оскудения, мы стараемся не устраивать многолюдных сборищ.

Застарелый ужас — видение собственного жилого сектора, напоминавшего муравейник, — всколыхнулся в душе Кена. Он смущенно пробормотал что-то о мудрости и благоразумии собеседников.

— Молодой Хрул рассказывал, что скоро прибудет ваш корабль, передвигающийся в небесах, — продолжал Хрестан. — Тот, который должен привезти ваших подруг и детей. Храл, — Хрестан вежливо склонил голову перед старшим, — занимается познанием нового всю свою долгую жизнь, но он никогда не видел такого чуда, как корабль, летящий в небе.

Храл вдруг раскашлялся; казалось, это обстоятельство очень его огорчает — даже хвост печально повис, словно коричневый шерстяной чулок.

— Хрестан сказал тебе все правильно, Храл, — медленно произнес Кен. — Только в подобных кораблях люди могут путешествовать от одной планеты к другой. Мы попали сюда таким же образом. Он мельком отметил, как рот Храла приоткрылся в немом изумлении и невольно начал гадать, что же больше всего поразило старого хрубана — корабли, летающие в небе, или люди, которые построили их и отправились к чужим мирам.

— Для нас будет великим удовольствием, — с церемонной вежливостью продолжал Кен, прекрасно пони-

мая, к чему клонит Хрестан, — если уважаемый Храл останется нашим гостем, до тех пор пока не прибудет космический корабль.

Храл и Хрестан обменялись многозначительными взглядами — в то время как Кен размышлял, не превышает ли он своих полномочий. Он огляделся, пытаясь найти Ху Ши. Вежливостью и спокойными манерами хрубаны весьма походили на руководителя земной колонии, и Кен с горечью сознавал, что обладает более холерическим темпераментом. Сгоряча он мог сболтнуть лишнее — вместо того, чтобы облечь свою мысль в продуманные и выдержанные речи. Каким же образом — дьявол побери! — узнать что-нибудь стоящее об этих хрубанах, когда приходится говорить полунамеками? Необходимо выяснить как можно больше об их религии, погребальных обрядах, воспитании детей, племенном устройстве, семейных обычаях — обо всем, что так необходимо департаменту Внешних Сношений для полноценного контакта. Но язык туземцев не выучить за четыре дня. И все дальнейшие лингвистические исследования Кена — да и прочих колонистов — превращались в уроки фонетики. Он не раз пытался задать Хрулу главные вопросы, но лишь вовлекал себя и своего наставника в бесконечные грамматические упражнения. К тому времени, как он усваивал очередную порцию слов, вопрос оказывался забытым. Было ли это случайностью? Или хрубаны играли с ним, с дьявольской ловкостью уходя от ответов?

Выразив признательность за приглашение, Храл начал советоваться с Хрестаном по поводу беспокойства, которое он может причинить гостеприимным хозяевам. К тому времени, когда староста деревни убедил Храла не волноваться, Кен поймал себя на том, что дает обещание старому хрубану показать хозяйство колонии.

Они уже готовы были направиться в столовую, чтобы продолжить переговоры за завтраком, когда туземцы внезапно остановились, задрав головы вверх; кончики их ушей затрепетали. Удивленный Кен осмотрел ясное утреннее небо. Оно было чистым и пустым — лишь белые клочья редких облаков плыли к востоку. Кен, однако, заметил, что болтавшийся неподалеку молодой Хрул тоже застыл, словно каменное изваяние, устремив взгляд в прозрачную синеву.

— Зрение и слух хрубанов, вероятно, гораздо острее,

чем у нас, — вежливо заметил Кен. — Могу ли я поинтересоваться, что привлекло ваше внимание?

Хрестан, уши которого еще трепетали, а зрачки были сильно расширены, успокоился и широко растянул губы — Кен уже представлял, что у хрубанов это означает улыбку.

— Снижается ваш небесный корабль. Мы видим небольшие искорки.

Кен метнул взгляд поверх его бархатистого плеча, в том направлении, куда указывал хрубан; довольно скоро он различил серебристые отблески над северным горизонтом. Наконец, до него донесся еле различимый гул тормозных двигателей звездолета.

Мгновенно забыв о гостях, Кен вскинул вверх руки и испустил торжествующий рев. Встревоженные колонисты начали сбегаться на площадку; наконец, кто-то догадался о причине восторга Кена. В воздухе уже стоял пронзительный свист, когда на пороге столовой появился Ху Ши, в спешке едва не наступив на хвост Храла. Кен ухитрился перевести и витиеватые извинения начальника колонии, и не менее вежливый ответ старого хрубана. К тому времени, когда Ху Ши понял, что Храл добрался сюда из отдаленной деревни, отблески солнечных лучей на металлической обшивке корабля были уже ясно видны. Крохотное пятнышко в небе увеличивалось с каждой секундой.

— Мы не хотим мешать встрече с близкими, которых вы не видели так долго, — заявил Храл с вежливым поклоном. Что-то не торопится он уходить, подумал Кен разглядывая туземцев. Визг рассекаемого воздуха стал нестерпимым, и он заметил, что чувствительные уши хрубанов сейчас были плотно прижаты к черепу.

— Счастливый случай позволяет нам разделить радость с новыми друзьями, — добродушно ответил Ху Ши, пытаясь перекрычить грохот.

— Останемся. Совсем не к чему уходить, — торопливо заметил Хрестан, обращаясь к Хралу. — Наши подруги хотят устроить большой праздник, чтобы приветствовать женщин с Земли, — сообщил он руководителю колонии.

— Такое внимание — большая честь для нас, — политично ответил Ху Ши.

Рамазан, взъерошенный, как воробей в непогоду, появился из-за угла здания.

— Ху, там... о, извините, — запнулся он, заметив ту-

земцев. Затем схватил метрополога за рукав, пытаясь оттащить в сторонку. — Их женщины роют яму за кухней и таскают хворост... и оленьим тушам я уже счет потерял. Не могу понять, в чем дело...

— Они помогают нам подготовиться к празднику, — пояснил Кен, понизив голос. — Надо же отметить встречу.

— О! — Рамазан был поражен. — Очень любезно с их стороны! А я-то решил... — он ринулся в сторону кухни, на ходу закатывая рукава.

Боже милосердный, подумал Кен с внезапной паникой. Полный корабль женщин и детей — и ни одного человека на борту, который знал бы, какая встреча их тут ждет. Он оглянулся на туземцев. Хрубаны с вежливым любопытством следили за снижавшимся кораблем.

ПРОБЛЕМА ДЕТЕЙ

Гигантский транспортный корабль приземлился, вздымая клубы пыли. Люди, двигаясь с неуклюжей торопливостью, разбрызгивали вокруг корабля нейтрализаторы радиации, затем залили раскаленную выжженную почву водой. Чем скорее будет покончено с посадочными процедурами, тем быстрее женщины с детьми смогут ступить на землю Дьюны. Колонисты знали, что экипаж не поддерживал во время полета экстренную связь с Землей; следовательно, никто на борту не знал о существовании туземцев.

В последние дни корабль и разговоры о нем стали средоточием их вселенной; каждый ожидал его с нетерпением и плохо скрытой нервозностью. И вот свершилось!

Когда опали струи воды, бывшие из брандсбойтов, нижний люк открылся — словно черный глаз на фоне плоского лица с серебристой кожей. Два человека проворно спустились вниз по ступенькам пассажирского трапа и огромными прыжками пересекли кольцо выжженной земли. Ху Ши торопливо пробрался сквозь толпу колонистов, сгрудившихся на краю зоны безопасности. Он помахал рукой женщинам, заполнившим проем люка.

Капитан корабля, смуглолицый, горбоносый, с бородкой клинышком, нахмурился, увидев хрубанов, — еще до того, как Ху Ши протянул ему руку. Он начал что-то говорить, но не услышал собственного голоса — колонисты старались докричаться до своих жен, и шум стоял страшный.

— Уймите вы их! — во всю силу легких проревел капитан, на миг перекрыв гвалт. — Я могу перекричать всех, но к чему зря драть глотку? Эй, парни! — он махнул рукой, чтобы привлечь внимание возбужденных мужчин. — Пока я не сдам документы вашему начальнику, никто не выйдет из корабля и не войдет в него! — Он скользнул взглядом по лицам колонистов и продолжал, уже пониженным тоном: — и я ничего не буду делать в таком бедламе.

Поворчав, мужчины постепенно успокоились. Капитан коснулся двумя пальцами козырька фуражки и протянул Ху Ши свернутые в трубку бумаги.

— Али Киачи, сэр, капитан транспорта «Астрид», Колониальный департамент. Позвольте вручить вам пас-

сажирскую и грузовую декларацию. Надеюсь, вы поможете с разгрузкой — мне хотелось бы стартовать завтра на восходе. — Он говорил громким, но монотонным голосом. — А это еще кто? — капитан, понизив голос, глазами показал на туземцев.

— Капитан Киачи, возникла чрезвычайная ситуация, — начал Ху Ши, предварительно откашлившись, — которая, вероятно, задержит вас...

— О, нет, — возразил Киачи, протестуя выставив вперед ладони и наморщив лоб. — Я не могу провести на планете даже лишнего часа. Корабль забит срочными грузами, график полета очень жесткий. Я отбываю завтра, — он обвел колонистов хмурым взглядом, — хотя бы вся треклятая галактика разлетелась в пыль!

— Сюда, пожалуйста, капитан Киачи, — решив не устраивать разборок в присутствии туземцев, Ху Ши вежливо, но твердо оттолкнул командира «Астрид» к крыльцу столовой. Там, однако, возвышалась массивная фигура Аджея, и обойти ветеринара было непросто.

— Мы не можем выгружать животных, Ху, — прогул он.

— Что это значит — вы не можете разгружать скот? — спросил капитан, грозно нахмурясь. — Вы обьязаны! Мне надо освободить трюм! И забрать груз редких металлов с той забытой богом дыры, которая стоит следующей в моем расписании!

— Я же говорю вам, сложилась чрезвычайная ситуация, — настойчиво повторил Ху Ши. — Я уверен, что через несколько часов мы получим инструкции от департамента. И несомненно, там будет приказ быстро эвакуироваться с планеты.

Капитан окинул мрачным взглядом свой корабль, угрюмо посмотрел на туземцев и затем потряс перед метропологом своими бумагами.

— Положим, такой приказ поступит. И что же я должен делать? Оставить вас здесь или высадить на ту дыру, под купол шахты, в мире с хлорной атмосферой? Вы представляете, сколько места под этим куполом и что за люди там живут? У вас есть выбор, а у меня — у меня его нет! Я должен забрать металл и доставить его на Эперел — б!

Не оставалось никаких сомнений, что этот упрямый человек будет действовать именно так, как описывает, несмотря на создавшееся положение, которое бесспорно было чрезвычайным. Так что колонистам пришлось на-

чать разгрузку. В ней приняли участие все, не исключая детей. Жадные расспросы прилетевших, которых поразил вид туземцев, пока оставались без ответа.

Кен вел вниз по трану кобылу, которая после долгого путешествия покачивалась, как после хорошей выпивки. Он размышлял над тем, что никогда в своей жизни не дотрагивался до живой лошади. Ее гладкая бархатистая шея была теплой и приятной на ощупь; от животного шел острый запах, чем-то неуловимо отличавшийся от уже знакомых Кену запахов местных животных. Кобыла жмурила глаза, бока ее мелко дрожали, когда она осторожно пробовала копытом металлическую поверхность трапа. Однако, несмотря на страх, она выглядела средоточием такого непринужденного изящества, что совершенно очаровала Кена. Кобыла фыркала, нервно прядала ушами, и Кен, не очень понимая, что ему нужно делать, ласково уговаривал ее, осторожно похлопывая по гладкой шее.

— Тяни ее вперед, приятель, она не будет лгаться, — крикнул у него за спиной Мак-Ки. Они с Бен были единственными, кто еще на Земле получил опыт обращения с животными. — Нно, малышка! — Мейси подхлестнул кобылу концом веревки, намотанной на руку.

Негодующе заржав, лошадь рванулась вперед, и Кен, инстинктивно ухватившись за уздечку, вслед за ней птицей слетел с трапа.

— Я еще сделаю из тебя отличного конюха, — с широкой ухмылкой сказал Мак-Ки, на рысях спуская с пандуса своего жеребца. Он остановился рядом с Кеном, опытным взглядом оценивая стати его кобылки.

— Рив, можно я помогу? — мягко прошелестел Хрул у Кена за спиной.

Голос его как всегда был спокоен и учтив, но глаза при виде лошадей загорелись. С какой-то необъяснимой уверенностью хрубан позволил нервничающему животному понюхать свою ладонь, при этом похлопывая кобылу по мягкому боку. Кен вдруг осознал, что передает поводья Хрулу; лошадь, теперь совершенно спокойная, покорно двинулась за туземцем к пластиковому навесу, который должен был служить временной конюшней.

— Эй, Рив, тут кое-кто тебя разыскивает! — Услышал Кен окрик Лоренса и, обернувшись, увидел Пат. Она мчалась к нему не разбирая дороги.

Между поцелуями и бессвязным лепетом Кен понял лишь то, что путешествие было ужасным; правда, он не

смог разобрать, почему именно. Ощущая всем телом прижавшуюся к нему Пат, касаясь ее губ, вдыхая пряный аромат ее волос, он не мог сосредоточиться на том, что она говорила. У Кена закружилась голова, все поплыло перед глазами.

— Ты должен меня выслушать! — заявила Пат, увертываясь от его объятий. Она раскрыла рот, но голос ее вдруг заглушил пронзительный визг.

Вздрогнув, Кен резко повернулся. Огромный вороной жеребец стремительно вырвался из темноты люка и, вскидывая крупом, летел вниз по трапу. Прямо на них! Оттолкнув Пат в сторону, Кен прыгнул, пытаясь схватить уздечку. Он промахнулся и рухнул в густую пыль, поднятую копытами лошади. Краем глаза Кен успел заметить, как чье-то тело с непостижимой быстротой промелькнуло мимо.

Хрул! Он ринулся вслед за животным с такой скоростью, которую Кен не мог и вообразить. Поймав волочившиеся по земле поводья, хрубан внезапно остановился, заставляя жеребца пригнуть шею. Конь яростно заржал и прынул назад, встав на дыбы. Молодой хрубан, что-то тихо шепча, подобрался поближе; его рука осторожно скользнула к морде животного, и жеребец вдруг успокоился. Кен был уже на ногах. В изумлении округлив рот, он смотрел, как хрубан умиряет бунтовщика.

Бен Аджей встретил Хрула, когда тот вел жеребца в конюшню. обстоятельно потолковав с туземцем, ветеринар договорился, что тот поможет с разгрузкой скота.

Пат, отряхивая с Кена пыль, наконец выпалила то, что волновало всех женщин.

— Откуда здесь эти мохнатикки? Вы не упоминали про них ни в одном из сообщений... Что случилось, Кен? — в ее глазах горели тревога и любопытство.

— Вопрос не в том, что случилось, а что делать теперь, — с горечью пробормотал Кен. — Что делать здесь нам, если на Дьюне есть своя разумная жизнь?

— О, Кен! — воскликнула Пат, вздрогнув от такой ужасной перспективы. — Мы не должны возвращаться на Землю! Я не могу там жить, — и она прижалась к мужу.

— Держись, родная моя, ты ведь уже здесь — по крайней мере, сегодня, — попытался успокоить и ободрить ее Кен. Он ласково провел ладонью по щеке Пат, словно стирая выражение ужаса с ее лица.

— Кен! — нетерпеливо позвал Виктор, — переведи, пожалуйста!

— Кен, не оставляй меня. Не сейчас... — на глазах Пат выступили слезы.

— Потом, дорогая. Мы сможем поговорить попозже, — и он отошел к Солиари, чтобы помочь ему объясниться с тремя хрубанами. Вик хотел сложить ящики с маркировкой в определенном порядке.

Этим утром у Кена не нашлось времени даже на то, чтобы перемолвиться словом с Ильзой; он только успел на бегу крепко обнять девочку. Ильза тоже возилась с ящиками, сверяя их номера.

В целом, Кен был горд за их семьи, и за женщин, и за детей. Мимолетный обмен фразами мало что объяснил им, но они, взволнованные, недоумевающие и совершенно неуверенные в своем будущем, работали рядом с хрубанами, улыбаясь и жестикулируя, когда не хватало слова. Дети изо всех сил старались не коситься любопытными глазами на хвосты, то и дело попадавшие им под ноги в тесноте складов и, встречая хрубанов, не выказывали никаких признаков страха или растерянности.

Последние ящики и личный багаж уже были вытащены из грузового трюма, когда Рив, стоявший около подъемника, увидел, что по трапу спускается Кейт Моуди, педитр колонии. Она тащила на руках вырывавшегося мальчишку лет шести. Почему бы, подумал Рив, ей не отпустить ребенка? Что, он не может идти сам? Тут он заметил у трапа Ильзу; казалось она поджидает Кейт. На лице девочки застыло странное выражение.

Кейт спустилась на землю, по-прежнему крепко прижимая к себе мальчика, и что-то спросила у Ильзы. Девочка показала в сторону Кена, и врач, улыбнувшись, направилась прямо к нему. Лицо ее было эталоном профессиональной невозмутимости, но свободная рука металась то туда, то сюда в безуспешных попытках защитить наиболее уязвимые части тела от кулаков и ног мальчишки. Сунув его Кену, она с видимым облегчением сказала:

— Принимай своего наследника, Кен Рив. Мы все занимались им по очереди, а теперь он твой, полностью твой. И советую тебе не сваливать заботу об этом парне на жену. Единственное, что сейчас нужно Пат, так это отдохнуть от него.

— Ничего не понимаю! — воскликнул Рив, держа в руках напряженное тельце сынишки.

— В таком состоянии ты будешь пребывать недолго.

поверь мне, — заметила Кейт, сверкнув карими глазами.

В изумлении Кен уставился на личико Тода. Большие голубые глаза смотрели на него с непонятным выражением то ли страха, то ли ужаса. Подбородок, однако, был упрямо выставлен вперед, губы плотно сжаты.

— Сынок, ты помнишь меня? — начал Кен; настороженность, светившаяся в глазах Тода, смущала его. Он заметил, что Кейт с Ильзой поспешно отошли в сторону.

— Ты — мой папа! Они говорили, — кивок в сторону Кейт и Ильзы, — что отдадут меня тебе сразу после посадки! — Голосок у мальчишки был довольно вызывающий.

Глубокая тишина, которая последовала за этим заявлением, была чревата серьезными проблемами. Кен уже не сомневался, что весь последний год заочно выступал в качестве пугала для своего сынишки. Он почувствовал злость.

— Ну, вот тебя и отдали, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — И что я должен с тобой делать?

— Следить, чтобы я вел себя хорошо, — Тод воинственно вздернул подбородок.

— Видишь ли, — начал Рив, надеясь хоть как-то спасти положение, — я понимаю, что корабль слишком мал и путешествовать в нем было нелегко. Но теперь — теперь у тебя есть целая планета, чтобы бегать, и прыгать, и... — тут он сбился, потому что глаза Тода вдруг изумленно округлились.

Кен опустил его на землю и повернулся, желая посмотреть, что привлекло такое пристальное внимание сынишки. Взгляд Тода был устремлен на Храла, который беседовал с Хрулом возле загона. Внезапно мальчик сорвался с места и ринулся к хрубам; бежал он столь целенаправленно, что у Кена не было сомнений в его намерениях. Пат попыталась перехватить сына, но мальчуган выскользнул у нее из-под рук.

— Останови его, Кеи! — закричала она. — Останови, пока он чего-нибудь не натворил!

Кен, удивленный беспокойством жены, бросился за мальчишкой, но было уже поздно: тот подскочил к Хралу и изо всех силенок дернул пожилого хруба за хвост. Видимо, это украшение туземцев казалось ему безумно привлекательным.

Пат, в ужасе закрыв лицо руками, глухо застонала. Поймав сына в родительские объятия, Кен отвесил ему звучный шлепок, что, однако, не произвело желаемого

действия — мальчишка бешено извивался, молотя по воздуху руками и ногами.

Пат подскочила к Хралу.

— О, Кен, объясни ему, что мы приносим извинения... — в ее голосе слышались слезы. — Тодди еще так мал...

— Мы с женой просим тебя не обращать внимания на выходку нашего сына, — сказал Кен, зажав своего отпрыска под мышкой. Тот с неистощимой энергией продолжал рваться к вожаденному хвосту.

— Любопытство — в природе малышей, — снисходительно заметил Храл, стегнув хвостом по ногам. Краешком глаза Кен заметил, что Хрул повторил тот же жест. — Ваша раса не имеет хвостовых придатков, вероятно, твой сын решил проверить, что мой хвост — настоящий.

— Что он сказал, Кен? — нервно спросила Патриция. — Мы оскорбили его.

— Нет к счастью, он понимает, что ребенок очень мал, — успокоил Кен жену. Затем он выразил глубокую благодарность Хралу, который с таким философским спокойствием отнесся к происшествию, и вместе с Пат отправился в свой домик.

— Спокойней, милая, — увещевал он по дороге жену. — Тодди еще не понимает, что поступил дурно. Детские шалости, не больше... — Сын дернулся у него под мышкой.

— О, я в этом не уверена, — горько возразила Пат. — Если бы Тодди так не был похож на тебя, я могла бы поклясться, что родилось это маленькое чудовище от какого-то злого колдуна!

— Пат! — воскликнул Кен, изумленный ее страстностью.

Она остановилась, повернувшись лицом к нему, и прижала ладонь к щеке.

— Я думала, он придет в норму, как только сообщат, что мы покидаем Землю навсегда. И пока мы проходили подготовку, он вел себя спокойно. Но стоило нам взойти на борт... — Патриция замолчала, глаза ее наполнились слезами. — Наш ребенок стал проклятием для всех — и для команды, и для пассажиров. Капитану пришлось назначить дополнительных дежурных — в моторном отсеке, в рубке управления и секции гидропоники... Механик поставил замок на дверь нашей каюты... мы не могли выйти из нее с семи вечера до самого

завтрака! Целый день кто-нибудь из взрослых или из старших ребят следил за Тодди — по четыре часа вахты на каждого. И в лучшем случае они отделялись синяками и царапинами. Знаешь, Кейт даже пыталась лечить его — транквилизаторами, сном, гипнозом... всем, чем могла. Он... он неисправим! — и Пат, в отчаянии закрыв лицо, залилась слезами.

— Но Кейт — психолог, — нерешительно пробормотал Кен, прижимая к себе источник всех перечисленных несчастий. — Разве она...

— Кейт пришлось сдаться! — глотая слезы, воскликнула Пат. — Как и всем остальным, от капитана до стюарда! О, Кен! Он просто-напросто терроризировал весь экипаж!

После долгих споров Кен запер Тодди в своей комнате. Правда, он до сих пор не был уверен, что такие предосторожности и в самом деле необходимы. Затем он вернулся к работе.

— Ты уверен, что он не сможет разбить окно? — встревоженно спросила Пат.

— Но, дорогая, оно же отлито из прочнейшего пластика! И я как следует отшлепал мальчишку, так что вряд ли он рискнет снова безобразничать!

Пат, успокоенная лишь наполовину, отправилась к Кейт Моуди, чтобы помочь ей с медицинским оборудованием. Несколько минут Кен наблюдал, как среди ящиков и тюков мелькает ее изящная стройная фигура, потом направился к открытому люку.

Надо уделять побольше внимания мальчугану, сказал он себе, вновь принимаясь пересчитывать бесконечные ящики. Парень растет и нуждается в крепкой мужской руке. Вот с Ильзой все было в порядке — девочка превосходно ориентировалась в любой компании. Кен не мог припомнить случая, чтобы она когда-нибудь доставляла хлопоты ему или Пат.

Затем Кену пришлось сверять длинейшие описи грузов. Проклиная Киачи, втравившего его в это занятие, он думал о бесполезно потерянном времени, которое мог бы провести с Пат. Наконец, отметив последний ящик в своем списке, Кен с бумагами в руках отправился в столовую, где капитан и суперкарго устроили временную контору.

Вокруг стола сгрудилась целая компания — сам Киачи, его помощник, отвечавший за груз, Ху Ши, Бен

Аджей, Гейнор и Мак-Ки. Суперкарго, нервно барабанив пальцами, сказал:

— Глупейшая ситуация! Делаем бесполезную работу. Ведь все это добро придется уничтожить, когда вы покинете Дьёну. — Он протянул руки и принял у Кена списки.

— Ну, так к чему возиться с разгрузкой? — раздраженно спросил Гейнор. — Ведь наш начальник предлагал подождать инструкций!

— Да, это было бы самым разумным, — кивнул Киачи, — дожидаться почтовой капсулы. Однако, друзья мои, я связан расписанием. И мне кажется, — он обвел колонистов пристальным взглядом, — не в ваших интересах, чтобы я сейчас нарушал график.

— Вы имеете в виду, капитан, что могли бы прихватить нас на обратном пути? — приподнял брови Мак-Ки.

— Я сказал то, что сказал, — на лице капитана блуждала заговорщицкая усмешка.

— Но, сэр... — начал администратор колонии.

— Ху, — прервал метрополога Мак-Ки, откашлявшись, — все совершенно ясно. Если капитан будет ждать приказа — и приказ поступит — ему придется взять нас на борт. Но если «Астрид» уже уйдет, то за нами будут вынуждены послать другой корабль. И мы проведем тут побольше времени, — Мэйси весело улыбнулся своим компаньонам.

— Именно это и беспокоит меня, джентльмены, — сказал Ху Ши с непреклонной суровостью. — Мы можем нанести огромный вред туземцам. В конце концов, никто из нас не является специалистом по контактам.

— Вы все сделали правильно, — заметил Киачи, махнув рукой в сторону окна; в пятидесяти ярдах от столовой люди и хрубаны дружно трудились, покрывая пластиковыми чехлами штабеля ящиков.

— Да, нам удалось установить хорошие отношения с туземцами, — осторожно заметил Ху Ши, — но дело не в этом. Контакт с более развитой культурой может оказаться фатальным для их общества.

— Попробуйте взглянуть иначе на ситуацию, Ху, — капитан задумчиво погладил бородку. — Всю зиму, триста дней, вы со своими парнями вкалывали как проклятые, чтобы поставить колонию на ноги. Теперь прибыли ваши семьи... — он с улыбкой скользнул взглядом по лицам мужчин. — Ну, положим, Колониальный департамент оплошал, заслав вас на обитаемую планету... Но

вы-то здесь при чем? Вы жаждете вернуться на Землю? Вам мало места на Дьюне? — он многозначительно кивнул на просторную равнину, видневшуюся в окно.

— О, нет, нет! — воскликнул Ху Ши, сообразив, наконец, к какому решению подталкивает его капитан. — Мы обязаны покинуть планету! Это наш долг!

— Долг? Но почему?

— Принцип Раздельного...

— Забудьте о нем, приятель, — небрежно отмахнулся Киачи.

— Можно ли забыть о трагедии Сиванны? — нахмурился Мак-Ки. — О том, что случилось двести лет назад?

Капитан подтянул рукава тужурки и усмехнулся с неприкрытой иронией.

— Двести лет назад мы столкнулись с расой параноиков и с тех пор ведем себя, словно безутешная вдова... Ну, а если мы встретим народ, во всем равный нам — или даже более развитый? Что, тогда наступит наш черед совершать ритуальное самоубийство?

— Вспомните, капитан, что гласит закон. — Ху Ши, сцепив пальцы, медленно покачал головой. — Трагедия на Сиванне должна стать последним преступлением против слабых... последним в истории нашей цивилизации! А ей и так есть чем гордиться... Вспомните о почти поголовном уничтожении американских индейцев, о геноциде над чернокожими, о резне евреев в Германии, о бесконечных войнах... И так продолжалось до всемирного объединения в 2010 году, которое тоже потребовало немало крови! И вот перед вами результат, — Ху Ши изящным жестом обвел сидевших за столом. — Все мы происходим от разных народов, но это представляет для нас чисто академический интерес. Мы — люди! Но если мы нарушим главный принцип, кто знает, к каким ужасным последствиям это может привести?

— Ерунда! — капитан вытянул в сторону метрополога палец, перемазанный какой-то краской. — Принципы полезны, пока их не начинают толковать самым дурацким образом. Вы думаете, что эти коты, — он кивнул на окно, — познакомившись с вами, отряхнут свои шкурки и улягутся умирать? Нет! Уверен в этом! — внезапно взгляд капитана застыл; теперь его темные зрачки напоминали два бездонных колодца, обрамленных частоколом ресниц. — Кто-нибудь из вас читал записи сиванцев? Вы знаете, как началась вся эта история, которой нас пот-

чуют теперь? Нет? — Раздраженно взмахнув руками, Киачи опустил их на колени; лицо его выражало крайнее отвращение. — Там, на Земле, вы превратились в бездумные автоматы! Вы ненавидите ограничения, калечащие вашу жизнь, но не способны даже задуматься над тем, почему терпите их... Вас угнетает бессмысленность существования, но вы признаете лишь один выход... — капитан полоснул себя по горлу ребром ладони. — Но эта дорога ведет в тупик! В мире должны происходить изменения — я говорю не о полетах в космос, не о новых машинах и приборах, а о развитии человечества. Неужели мы обречены задыхаться на перенаселенной планете — из года в год, из века в век?

— Я понимаю, о чем вы говорите, и я читал книги сиванцев, — мягко произнес Ху Ши. — Но предложенный вами путь тоже ведет в тупик. Бесконечная экспансия, захват планет, уничтожение десятков разумных рас, бешеная индустриализация — до полного истощения каждого нового мира... Все это уже было на Земле, так что не стоит повторять прошлые ошибки. Вот почему, — голос руководителя колонии стал твердым, — мы не совершим еще одного преступления! Пусть Дьюной владеет ее народ.

Наступило долгое молчание.

— Но пока нам придется жить рядом с ними — нарушил тишину голос Мак-Ки. — Капитан обязан выдерживать график полета, а значит, мы остаемся здесь.

— Если только завтра не придет распоряжение об эвакуации, — строго заметил глава колонии.

— Если... — насмешливо протянул капитан Али Киачи. На его смуглой физиономии было написано то, что осталось недоговоренным: — «Без моего приказа ни один человек не подыметсся на борт.»

ПРАЗДНИК

Огромный костер пылал, с треском выбрасывая синефиолетовые и оранжевые языки пламени. Столы и импровизированные скамейки, второпях собранные из разнокалиберных деталей, образовывали неровный круг. Колонисты, отвыкшие от женщин и теперь взволнованные их близостью, слонялись взад-вперед между столовой, костром и заполненной рдеющими углями ямой для приготовления жаркого. Там распоряжался Рамазан; с дюжиной помощников он насаживал на вертел огромного оленя — урфа, как называли его хрубаны. Пологий склон горы за рекой усеивали огоньки факелов — все новые и новые группы туземцев спешили присоединиться к торжеству. Вглядываясь в причудливые тени, отбрасываемые гостями в свете костра, Кен все больше приходил в недоумение; он не ожидал, что в этой небольшой деревушке окажется так много народа.

Женщины с таким энтузиазмом взялись за приготовления, словно хотели показать, что мысли о нерадостном будущем не испортят праздник. Кен, как и остальная часть мужского населения колонии, был благодарен им за молчаливую поддержку. Казалось, их подруги решили сделать эту ночь — возможно, последнюю на Дьуне — незабываемой.

Ори Гейнор, словно извиняясь за аллергию, которую испытывал к хрубанам ее муж, стояла на мосту, приветствуя гостей. Лоренс попытался предложить ей свою помощь, но был решительно отвергнут.

— Я пока что не умею мурлыкать, как эти кошки, зато еще не разучилась улыбаться, — заявила Ори.

Филлис Ху, красавица с хрупкой изящной фигуркой, пришла в восторг от богатого ассортимента местных продуктов и заявила Рамазану, что готова сменить его на посту шеф-повара колонии. Мария Аджей и Анни Экерд взяли на себя заботу по сервировке стола. Садли Лоренс распаковала свою драгоценную гитару, а Эзра Моуди проверил, годятся ли оленьи жилы в качестве струн для его скрипки. Дот Мак-Ки со своими десятилетними дочками-двойняшками вызвались мыть посуду.

Ори Гейнор прислала Кену записку, сообщая, что женщины хрубанов тащат подносы с разной снедью, вероятно, ее смутил вид некоторых яств.

— Покажи им, куда можно все сложить, — сказал Рив юному Биллу Моуди. — За исключением двух видов клубней и некоторых местных грибов, мы можем есть все. Кстати, Билл, эти большие темнокрасные орехи очень вкусны.

Кен уселся с Дотришем и Ху Ши; вскоре к ним присоединился капитан Киачи со своим помощником.

— Как в добром старом девятнадцатом веке, во времена пионеров Дикого Запада, — довольно сказал капитан, наблюдая за царившей вокруг суетой. — Скажите-ка, мистер ботаник, — обратился он к Дотришу, вытягивая из кармана трубку, — нашли вы тут что-нибудь вроде табака?

— Да, есть растения, содержащие никотин, — кивнул Эйб Дотриш. — Хрубаны используют их в лечебных целях.

Ху Ши потянул носом воздух, наполненный ароматами жареного мяса.

— Какой приятный вечер, — заметил он. — Отличный ужин, компания новых друзей и наши жены, которых мы не видели целый год... Что еще нужно человеку? Вот только... — он не договорил, грустно покачав головой.

— Ну, сэр, все остальное — в ваших руках, — глаза Киачи насмешливо блеснули.

Из густой тени, что отбрасывали кусты, выступили две хвостатые фигуры. Хрестан и Храл! Кен поднялся, представил обоих хрубанов капитану и его суперкарго. Гости уселись. Заметив, как Храл аккуратно располагает хвост под скамейкой, Кен вдруг хлопнул себя по лбу.

— Боже мой, я ведь совсем забыл про Тода! Ребенок сидит запертый в комнате! — воскликнул он с виноватым видом.

Рот Храла растянулся в улыбке.

— Не беспокойся, он уже выяснил, что хвосты у наших ребятшек тоже не отрываются. Твой сын проводил эти опыты на мосту. По крайней мере, мне так сказали.

Кен внезапно почувствовал головокружение.

— Как же я... — начал он сдавленным голосом.

Хрестан улыбнулся, а Храл вежливым жестом остановил потрясенного отца.

— Он никому не сделал больно. Знаешь, наши мальчишки тоже очень удивлялись — тому, что у него нет хвоста.

— Что, у молодого мастера Тода опять неприятности? — с интересом спросил капитан, не понимавший это-

го обмена фразами. Он, однако, заметил смущение Кена.

— Не понимаю, как он ухитрился выбраться из запертой комнаты, — Кен недоуменно поднял брови.

— Может, Пат его выпустила? — предположил Дотриш.

Капитан гулко расхохотался.

— Этого молодого человека не удержат никакие замки, — сообщил он. — Шустрый паренек, — Киачи ткнул в сторону Кена трубкой, — и ему нужна целая планета, чтобы резвиться на свободе. Она нужна ему, и она нужна всем остальным, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Ну, Тодди скоро поймет, что имел в виду я, — мрачно заметил Кен, решив, что не позволит своему шустрому отпрыску тиранить всю колонию.

Насмешливое фырканье суперкарго яснее всяких слов показало, что он думает насчет намерений Кена.

— Поглядите-ка! — вдруг воскликнул помощник, показывая на две маленькие фигурки, появившиеся из темноты.

Кен вскочил, узнав малыша-хрубан¹, одного из тех, кто играл в мяч, когда он впервые посетил деревню. Паренек был на голову выше своего земного товарища; его пушистый хвост обвивал талию Тодди. Почувствовав слабость в ногах, Кен опустился на лавку, а ребята направились прямо к Хрестану.

— Мой новый друг очень расстроен, отец, — сказал маленький хрубан. — У него нет хвоста, и он хочет мой. Я объяснил ему, что не могу отдать свой хвост. Тогда он стал просить, чтобы я отвел его к тебе — может, ты сделаешь ему хвост.

Видимо, нелепость этой детской просьбы не ускользнула от сына старейшины, но изложил он ее весьма торжественно.

— Хрисс, сын мой, ты очень добр, — ответил Хрестан с не меньшей торжественностью и обнял сына за плечи. — Но объясни мне, как ты понял своего друга? Ведь вы говорите на разных языках, не так ли?

Паренек выглядел удивленным.

— Он такой сообразительный, — наконец, ответил маленький хрубан, пожав узкими плечиками.

— Я хочу хвост! — заявил Тод неожиданно громко.

— Малыш, мы не всегда можем иметь то, что нам хочется, — произнес Хрестан, приобнимая Тода за плечо свободной рукой.

— Хрестан сказал... — начал переводить Кен.

— Я все понял, — резко прервал его сынишка.

— Но каким же образом? Ведь ты не знаешь их языка, — спросил Кен, в его голосе зазвенело раздражение.

Тод повернул голову, взглянув на отца чуть ли не с отвращением. Эти взрослые такие бестолковые!

— Надо просто его слушать, — он кивнул на старейшину туземной деревни. — Слушай, и все поймешь.

Капитан захохотал так, что поперхнулся дымом; помощник хлопнул его по спине, и Киачи начал кашлять, пока на глазах у него не выступили слезы.

— Все... что... нужно... делать... это... слушать... Ну и ну! — наконец ухитрился выговорить капитан.

— Хрисс, — сказал Хрестан, отпустив обоих мальчиков, возьми Руода (он не мог правильно выговорить имя Тодди) и отправляйтесь играть. Да внимательно слушайте друг друга! Слушать и понимать — вот все, что нужно друзьям.

Мальчишки, ничего не ответив, повернулись и пошли прочь; хвост Хрисса по-прежнему обвивал Тода за пояс.

— Иметь такого сына — честь для родителей, — заметил Хрестан, повернувшись к Кену.

Тот постарался справиться с раздражением и ревностью. С какой легкостью Тодди предпочел компанию туземцев, продемонстрировав пренебрежение к отцу!

— Хрисс обладает мудростью взрослого, — вернул он комплимент.

— На вашем месте, — сказал Киачи, откашлявшись и вытерев с глаз слезы, — я был бы только рад, что парнишка подружился с этим котенком. Все, что нужно Тодди — побольше места для беготни да хорошая компания.

— Вы полагаете, что я сам не могу воспитывать своего сына?

Капитан хрипло расхохотался, помощник издал насмешливый смешок. Внезапно Кен почувствовал на плече чью-то руку; обернувшись, он встретился с испуганными глазами Пат.

— О, Кен, Тодди выбрался из комнаты! Я не шучу — действительно выбрался! Развинтил и снял оконную раму!

Ласково сжав руку жены, Кен попытался ее успокоить:

— Он только что был здесь, милая, и с ним все в порядке. Похоже, Тодди нашел то, что ему требовалось...

— Хвост, хотите вы сказать? — выпалил капитан, и снова зашелся гомерическим хохотом в восторге от собственного остроумия.

Резкий ответ замер на губах Кена, когда над ними вдруг раздался свист и трескотня; затем Филлис Ху через громкоговоритель объявила, что праздничный стол готов.

Под звуки одобрительных аплодисментов Пат притянула. Кена к себе, заставив позабыть о всех неприятностях этого дня.

СПАСЕНИЕ

— Папа, папочка! — звучал в ушах Кена встревоженный голосок. Вынырнув из глубин сна, он почувствовал, как его настойчиво тянут за руку. — Папочка, вставай, пожалуйста, — в голосе Ильзы слышалось отчаяние.

— Что случилось, малышка? — спросил он, моргая глазами и пытаясь сбросить сонную одурь.

— Тодди пропал, — сказала девочка. В ее глазах металась тревога, тонкие пальцы судорожно сжимались и разжимались — привычка, унаследованная от Пат.

Кен застонал и сел. Затем сдернул со спинки кровати комбинезон и начал с трудом его натягивать.

— Спокойнее, дочка, — он погладил шелковистые локоны Ильзы. — Позови маму.

Натянув сапоги и куртку — утренний воздух был еще прохладен — он взял ружье и выскочил из домика. Солнце едва поднялось; над поселком, вместе с клочьями полупрозрачного тумана, плыла сплошная смесь запахов; аромат вчерашнего жаркого, который перебивал едкий дым от костра; свежесть речной воды, блесневшей в первых солнечных лучах; запах корицы и еще каких-то неведомых пряностей — им тянуло из ближнего леса. Кен протер кулаками глаза, прогоняя остатки сна, и оглядел территорию колонии.

Столы на козлах еще пестрели кожурой от фруктов и ореховыми скорлупками, но посуда уже была прибрана. Несколько предметов сервировки — пластмассовое блюдо, кувшин, пара стаканов — валялись под лавками, скрытые, вероятно, ночной темнотой от глаз вчерашних добровольных дежурных. Поселок выглядел сейчас непривычно тихим и заброшенным, и в памяти Кена всплыла шумная толпа, заполнявшая его прошлым вечером. Какой разительный контраст со вчерашним праздником, подумал он. А праздник удался на славу — радость долгожданной встречи и дружеская непринужденность вполне заменили отсутствующие горячительные напитки.

Тода нигде не было видно. Кен несколько раз громко чихнул, пока шел через площадку к складу. Прихватив там несколько упаковок патронов и бинокль, он направился напрямик к мосту.

Нет нужды напрягать воображение, чтобы сообразить, куда сбежал этот маленький чертенок, думал он.

Вчера хрубаны долго сидели за столами, и вряд ли их обрадует столь ранний визит.

Прошлым вечером Тодди раздобыл где-то кусок толстой веревки и растрепал ее конец, пока он не стал похож на кисточку на хвосте хрубанов. Это веревка, трогательная имитация вождя хвостика, волочилась за ним повсюду.

Когда Кен разыскал сынишку в полночь, тот сладко спал рядом с Хриссом. Мальчишки держались за руки, и хвост маленького хрубана обнимал талию приятеля. Это зрелище вызвало у Кена невольный вздох. Впервые за прошедший день он увидел лицо Тодди спокойным и беззащитным; брови его не были насуслены, рот чуть приоткрылся, длинные темные ресницы лежали на пухлых щеках... Не божье наказание, а шестилетний мальчуган, совсем маленький и очень милый... Отцовское сердце Кена дрогнуло. Покачивая на руках мягкое теплое тельце, он отнес Тода в кровать, уложил, подоткнул одеяло и нежно тронул губами прозрачный висок. Тодди пошевелился, уминаясь поудобнее и улыбаясь во сне.

Кен миновал мост. В пыли на другой стороне выделялась отчетливая линия, оставленная веревочным хвостом; она вела в сторону туземной деревни за горой. Значит, он все-таки отправился туда! Один!

Внезапно холодный пот выступил на лбу Кена. Лесная дорога была небезопасной. Тут встречались мады — медведеподобные твари с огромными когтями, которые могли растерзать ребенка в одну минуту... И подкрадывались они к своей жертве совершенно бесшумно! Кен утешал себя мыслью, что с тех пор, как был построен мост, мадов ни разу не замечали в долине. Тропа между поселками превращалась в тракт с оживленным движением, что распугало оленей — урфов, обычную добычу мадов. Травоядные ушли — и, возможно, хищники последовали за ними.

Но на Дьуне хватало и других ловушек, вроде лианы роамал или кустов с ядовитыми красными шипами, которые выпускали такой обманчивый сладкий запах. В списках опасной флоры и фауны также фигурировали змеи, пауки размером с тарелку, и похожие на улиток существа, выделявшие едкую маслянистую субстанцию. Вполне достаточно, чтобы прикончить шестилетнего малыша.

Не на шутку встревоженный, Кен забрался вверх по прибрежному откосу, стараясь производить побольше

шума, чтобы отпугнуть хищников. След веревки и отпечатки ботинок Тода ясно виднелись в пыли. Но потом — потом он вдруг свернул с тропинки и двинулся по траве вдоль берега — напрямик к лесу. Чертыхнувшись, Кен остановился, разыскивая след; наконец, примятая трава подсказала ему маршрут Тодди.

Значит, малыш не стал лезть в гору, а пошел в обход. Конечно, гора для него — серьезное препятствие; и он не знал, что по ее склону проходит самый короткий путь в деревню хрубанов. И самый безопасный!

Кен бегом направился к лесу. Наверно, стоило взять еще кого-нибудь для помощи в розысках... он не ожидал, что ребенок успеет уйти так далеко. Но почему мальчик так стремится к хрубанам? Неужели только из-за хвоста? Что за нелепый каприз!

Вчера вечером было так забавно наблюдать за сосредоточенным личиком Тода, впитывающим многословные объяснения Хрисса. Тод, не снимая ладошки с хвоста маленького хрубана, серьезно кивал головой. Затем оба с удовольствием включились в игры и возню, затеянную другими детьми... Но, черт побери, разве из-за этого стоило подниматься за два часа до восхода солнца и удирать из дома?

Кен заставил себя замедлить шаги, когда приблизился к зарослям кустарника на опушке леса. Ему совсем не хотелось попасть в одну из тех ловушек, которые могли подстерегать Тода. Примятая трава свидетельствовала, что мальчик ходил тут взад-вперед, пытаясь пробраться сквозь кусты. Брешь, которую он нашел, оказалась недостаточно широкой для Кена. Тщательно обследовав обе стороны прохода, он не заметил ни лиан, ни колючих кустов. Раздвинув ветви прикладом винтовки, он вступил на тропинку, но тут же остановился. Земля, покрытая сухими упругими иголками губчатых деревьев, не сохраняла следов, как пыль или трава. Да, здесь Тод вошел в заросли... Но куда он направился потом?

Надо поставить себя на место шестилетнего мальчугана, сказал себе Кен. Но даст ли это что-нибудь? Тод был совсем не таким, как другие дети... Ладно, решил он наконец, пойдем по линии наименьшего сопротивления — то есть напрямик к деревне.

Местность спускалась вниз, к реке, которая виднелась меж деревьев. Может быть, Тодди пошел к берегу? Кен в нерешительности остановился, потом сообразил,

что разглядит прибрежный склон из леса. Удвоив внимание, он зашагал вперед.

Вскоре река повернула к северу, и Кен последовал за ней. Он знал, что впереди будет еще один поворот, а за ним — озерцо и водопад у деревни хрубанов. Теплые солнечные лучи заливали лес, наполнившийся шорохами и трелями птиц. Если здесь и были хищники, их присутствие оставалось незаметным. Кен, однако, держал палец на предохранителе своей винтовки.

Внезапный крик потревоженной птицы привлек его внимание. Громкий и резкий, он раздался справа, ближе к реке. Сжимая обеими руками винтовку, Кен побежал туда, прорываясь сквозь густой подлесок. Через пять минут он выскочил на каменистый высокий берег реки, которая пенилась под ним, перекачиваясь через валуны. Там, где поток сворачивал к деревне, у самой воды металось какое-то пятнышко. Торопливо настроив бинокль, Кен увидел лохматую коричневую тушу огромного мада. Казалось, зверь находится в страшном возбуждении; он то бросался вверх по прибрежному склону, то подбегал к самой воде — туда, где ярдах в трех от берега торчал высокий валун. На вершине его скорчилась крохотная фигурка. Тод! Мальчишка сидел, поджав колени к подбородку, словно надеялся, что чем меньше он займет места, тем незаметнее станет для рыскавшего по берегу хищника.

Кен прикинул расстояние. Слишком велико для точного выстрела... А мада нужно прикончить наверняка; нельзя оставлять раненого разъяренного зверя вблизи деревни хрубанов. Пожалуй, у него еще есть время. Тод находился в относительной безопасности — хотя то, как он попал на этот камень, торчавший в бушующем потоке, оставалось для Кена загадкой.

Спотыкаясь и скользя по склону, перепрыгивая через гниющие стволы деревьев и камни, он ринулся к сыну. Хриплое рычание голодного мада становилось громче. Кен благодарил судьбу за то, что находится с подветренной стороны от зверя; к тому же, бешеный грохот потока скрывал шум его шагов. Он слегка притормозил, стараясь успокоить дыхание; руки его тряслись. Страх и напряжение пересиливали осторожность, заставляя Кена все увеличивать скорость.

Теперь он уже отчетливо видел мада. Кажется, зверь был готов прыгнуть — он стоял в воде передними лапами, задние были поджаты. Хрипло рыча, мотая головой из

стороны в сторону, хищник в нерешительности замер перед валуном. Кен заметил полузатопленный ствол дерева, зажатый между камнями у подножия валуна. Вот, значит, как Тодди перебрался через поток... Прошел по бревну, а потом оттолкнул его в сторону! Внезапно мад застыл, повернув лобастую голову к лесу; рычание больше не клекотало в его глотке. Кто-то приближался со стороны деревни, и зверь уловил запах. Припадая к земле, хищник крадучись отошел от воды. Кен направил бинокль на опушку, но ничего не увидел. Больше не пытаясь соблюдать тишину, он бросился вперед, на ходу щелкнув предохранителем. Деревня была где-то рядом, и примитивное оружие хрубанов казалось не слишком надежной защитой от хищника. Судя по рассказам Хрула, его соплеменники всегда охотились небольшими группами, избегая мадов и других опасных плотоядных, которых они называли сорасами. Но кто знает, идут ли сейчас к реке охотники... Это могла быть женщина или ребенок — столь же легкая добыча для голодного мада, как и Тодди.

Стараясь удержать равновесие на очередном повороте, Кен вылетел на опушку леса прямо напротив валуна. Мальчик вскочил на ноги, крича от радости и облегчения; тоненький голосок, в котором слышались слезы, резанул сердце Кена. Он помахал сыну рукой и кинулся туда, где раздавалось грозное рычание атакующего зверя. Вдруг торжествующий рев сменился воплем ярости и боли. Кен выскочил на небольшую поляну, охватив ее одним взглядом. Мад, корчась от боли, катался в траве, стараясь выдернуть застрявшее в плече копьё. Рядом, подняв второе копьё, застыл готовый к схватке Хрул.

Кен вскинул ружье, глубоко вздохнул и, с чувством облегчения разрядил обойму в затылок зверя.

Потом оба охотника стояли рядом и смотрели на подергивающееся в судорогах тело: один — с длинным копьём, другой — с дымящейся винтовкой в руках.

— Я услышал рев мада и догадался, что он загнал кого-то в ловушку, — произнес, наконец, Хрул. — Удивительное дело! Это был твой Руод!

Кен, все еще дрожа, слабо кивнул.

— Ты рисковал жизнью ради моего сына, — выдавил он, пытаясь унять дрожь в голосе. — Ради капризного мальчишки!

Хрул удивленно поглядел на него.

— Разве в твоём мире не умеют распознать в ребёнке будущего предводителя?

— Предводитель? Кто? Тод? Да он скорее источник половины наших неприятностей!

Хрул улыбнулся и оперся на копьё.

— Мой дед, Храл, и Хрестан говорили много хорошего о твоём малыше.

Кен фыркнул, раздражённый тем, что туземцы сумели разглядеть в его сыне то, чего он сам не заметил.

Тоненький крик «Папочка!», неуверенный и испуганный, долетел со стороны реки. И Кен с Хрулом бросились спасать мальчишку, о котором хрубаны были такого высокого мнения.

ДЕНЬ ПОСЛАНИЙ

К тому времени, когда Кен с Хрулом нашли подходящее бревно и положили его на камни, чтобы добраться до Тода, к ним присоединились Хрестан и другие туземцы, разбуженные ревом мада и выстрелами.

Побледневший Тод перелез по бревну на берег, вымочив при этом свой веревочный хвост. Кен схватил его за хрупкие плечи и как следует встряхнул. Соблазн отшлепать мальчишку был очень велик, но рядом находилось слишком много хрубанов.

— Радуйся, что остался в живых, глупыш, — буркнул он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Я не струсил, — заявил Тод с гордостью. — Я испугался за Хрула. Ведь у него было только копье.

— Если бы он погиб, малыш, — Кен почувствовал, как вздрогнули плечи сынишки, — если бы он погиб, ты понимаешь, что тогда бы случилось? Понимаешь?

— Нас прогнали бы с Дьюны? Но я... я не хочу! — заплакал Тод, размазывая по щекам слезы.

— Да, нам пришлось бы улететь, — подтвердил Кен. — И если ты будешь вести себя плохо... — он сделал многозначительную паузу.

— Я только хотел увидеться с Хриссом, — Тод плакал, жалобно всхлипывая.

Дай мне Бог терпения, подумал Кен, ведь он всего лишь ребенок!

Тод чихнул. Он выглядел замерзшим и таким маленьким среди высоких туземцев. Кен забеспокоился — как бы парнишка не простыл.

— Надо его согреть. Пойдем к костру, поешьте вместе с нами, — вежливо предложил Хрестан.

Тод сделал пару шажков и очутился прямо перед Хрулом. Он запрокинул голову, поглядывая на молодого хрубана со смесью восхищения и страха, потом дернул его за руку, чтобы привлечь внимание.

— Хрул, прости... Из-за меня ты чуть не погиб... Не выгоняй нас отсюда, пожалуйста, — жалобно сказал он, стуча зубами от холода и волнения.

Присев перед мальчиком, Хрул взял его за подбородок.

— Прежде всего, пообещай никогда не ходить в лес один, — потребовал он.

— Обещаю! Честное слово! — охотно согласился Тод, шмыгнув носом.

— Отлично, — помурлыкал Хрул и похлопал мальчика по плечу.

Когда они тронулись к деревне, Кен, баюкая завернутого в курточку Тода, вдруг сообразил, что слова молодого хрубана прозвучали на языке Земли совсем чисто, почти без акцента. Раньше Хрул говорил сильно шепелявя, словно маленький ребенок. Да, идет время, и с каждым днем люди и хрубаны все лучше понимают друг друга...

Кен с удовольствием сидел перед костром, позволяя ласковому теплу растопить напряжение и усталость. Он не собирался возражать против задержки. Женщины считали, что Тоду необходима теплая ванна; потом ему пришлось натянуть что-то похожее на меховой комбинезончик. Тем временем Кен наслаждался густым, напоминающим суп, напитком, вдыхая ароматный парок, и чувствуя, как по телу разливается приятное тепло.

Огромная туша мада была уже разделана, и Хрул, нарезав несколько увесистых ломтей, завернул их в листья — то была доля Кена. Шкура предназначалась в подарок Тодди — после надлежащей выделки, разумеется. Эта новость привела мальчика в восторг, а Кен мрачно подумал, что она обеспечит неплохую звукоизоляцию в их квартире на Земле.

Ему так не хотелось покидать этот мирный и уютный уголок, он даже задремал в тепле у костра. Однако, вскоре раздался отдаленный грохот, и Кен приоткрыл глаза. Рев стартовых двигателей! Он улыбнулся с внезапным облегчением; итак, упрямый капитан Киачи улетел, а колонисты получили отсрочку.

— Тодди, мы должны идти домой. Корабль улетел.

Тод важно кивнул, но уцепился за хвост Хрисса. Словно ожидая совета, тот повернулся к Хрестану. Хрубан что-то коротко проворчал, и малыш печально понурил голову. Ласково, но твердо он разжал пальцы Тода, затем щелкнул хвостом по земле прямо перед ним.

— Завтра? — спросил Тод со смирением.

Хрисс стрельнул глазами в сторону отца и, когда тот кивнул, расплылся в улыбке. Лицо Тода озарилось радостью, и он прижался к Кену.

— Я обещал большому человеку (так хрубаны называли рослого Бена) помочь с лошадьми, — сказал на

прощание Хрул, провожая гостей согласно этикету хрубанов.

Кен улыбнулся туземцу. Похоже, лошади покорили сердце Хрула. Что ж, если придется оставить их здесь, за животными будут хорошо присматривать. Может быть, даже... Кен отбросил промелькнувшую в голове мысль. Они шли дальше в спокойном молчании; взрослые старались не торопиться, чтобы малыш поспел за ними.

Когда путники перевалили через гору, Кен понял, что в колонии что-то случилось. Ни на поляне у рощи, ни возле домов не было видно ни одного человека. В бинокль он заметил небольшую группу мужчин — они сидели за столом около костра и, похоже, совещались.

Возможно, Ху Ши устроил день отдыха после вчерашней утомительной работы и праздника, затянувшегося до полуночи? Но люди за столом выглядели довольно мрачными.

— Небесный корабль улетел, — раздался сзади голос Хрула.

— Да... И слава Богу! — Кен опустил бинокль. Но мы всего лишь получили отсрочку, напомнил он себе. Временную передышку, благодарить за которую надо капитана Киачи.

Он обернулся, бросив тоскливый взгляд на холмы за деревней хрубанов. Господи, ведь он мог бы отлично устроиться там вместе с семьей... Нашли бы пещеру... Да, такая жизнь трудна и опасна, но он предпочитал труд и опасность возвращению в земной муравейник. Снова запереться в комнате десять на двенадцать футов... Ему, повидавшему бескрайние просторы Дьюны! Жить в обществе, где свобода передвижения считалась преступлением...

Да, преступлением! Все социальное устройство Земли было ориентировано на то, чтобы обеспечить прожиточный минимум своим бесчисленным обитателям. Там правили законы муравейника.

Возможно, капитан Киачи был прав. Возможно, то, что случилось на Сиванне, было комедией, раскрашенной затем в черный трагический цвет... Возможно, Принцип Раздельного Существования — изжившая себя нелепость... История дала много примеров того, как новые поколения отвергали старые законы, ломали традиции, отодвигали границы. Каждому времени — свои цели и свои задачи.

Кен бросил взгляд на долину, в которой мечтал про-

вести свою жизнь, на зеленые поля, серебристую гладь реки и возносившийся над ней мост. Тяжелый воздух вырвался у него из груди, и в следующий миг он почувствовал, как бархатистая ладонь Хрула легла на его локоть. Словно пробудившись, он обернулся.

Довольная мордашка Тода торчала над гривой хрубана — малыш восседал на его плечах. Кен протянул руки.

— Давай его мне, Хрул. Он тяжелый, и ты, наверно, устал...

Хрубан покачал головой.

— Не такой он тяжелый, как тот груз, что лежит у тебя на душе, мой друг. Ты печалишься потому, что улетел корабль?

— Корабль вернется... Вернется, чтобы забрать нас с Дьюны.

— Забрать с Дьюны? Но зачем вам покидать Дьюну?

— Это ваш мир, — устало произнес Кен. Он опустил-ся на землю, прислонив винтовку к каменной глыбе.

Хрул, обхватив хвостом ногу Тодди, присел рядом на корточки; казалось, он ждал продолжения. Тод важно поглядывал на отца поверх пышной гривы хрубана.

— Поверь мне, Хрул, мы никогда не появились бы здесь, если бы знали о вас... Это было настоящее потрясение!

Выпустив коготь, хрубан почесал у себя за ухом. Он улыбался, хотя Кен не мог понять, что развеселило его приятеля.

— Знал бы ты, какое вызвал потрясение, когда впервые появился у нас в деревне... — теперь Хрул просто раскачивался от смеха. — Мы провели тут немало времени и ни разу не встречали таких... гладкокожих! — его хвост нежно шлепнул Тодди по спине.

— Прости, Хрул, мы до сих пор многого не понимаем, — начал Кен. Возможно, пришло время задать прямой вопрос — но каким будет ответ? — Удивительно, что наши разведчики не нашли ни одной деревни хрубанов. Где вы проводите зиму? Спите в пещерах?

— Какое это имеет значение? Мы не возражаем, чтобы твой народ остался на Дьюне. Зачем вам уходить?

Опять уклончивый ответ, вздохнул про себя Кен. Как объяснить Хрулу сложные философские понятия — да еще на языке, который он сам освоил далеко не в совершенстве?

— Посмотри на эту реку, — Кен ткнул пальцем вниз. — На той стороне у нас есть все, что нужно для

жизни — дома, скот, поля... Но мой народ ненасытен! Рано или поздно нашлось бы такое, что находится на вашем берегу, и чем мы пожелаем завладеть. И тогда этот мост...

— Мост построили вместе хрубаны и люди, — перебил его Хрул. — Причем по нашему настоянию. Да-да, я прекрасно понял вас тогда... я понял, что вам не нужен мост. Мы, — его палец коснулся мохнатой груди, — хотели его строить. Мост гораздо надежнее маленькой лодки или плота.

Кен покачал головой.

— Ну, тогда ты знаешь, что я тоже возражал против строительства. Но вот почему... У меня не хватает слов, чтобы это объяснить.

Рот Хрула приоткрылся в улыбке, потом он похлопал по колену прильнувшего к его спине мальчика.

— Говори на своем языке. Я буду слушать внимательно, как это делает Руод. Может быть, пойму.

— Хорошо, я попробую, — Кен решительно подался вперед. — Наш народ — очень древний, Хрул. И мы помним о том, что происходило в давние времена... мы умеем сохранять слова — так, что они живут очень долго, тысячи лет, и рассказывают нам о деяниях предков. Случалось так, что одно племя владело богатством — плодородной землей, скотом или селением с удобными домами — в другом было много крепких молодых мужчин. И тогда эти мужчины брали копья и ножи с длинными лезвиями, отправлялись в землю соседей и забирали все, что хотели.

— Очень глупо, — пробормотал Тодди. — Сейчас каждый получает то же, что и все остальные...

— Так было не всегда, сынок... и постарайся больше не перебивать меня. — Кен потер подбородок, пытаясь сосредоточиться. — Да, сейчас на Земле каждый получает все необходимое для жизни — пищу, кров, одежду... — кроме свободы, добавил он про себя. — Однако нашему народу не хватает главного — места... И мы ищем другие планеты, такие миры, как Дьюна, чтобы заселить их. — Кен судорожно вздохнул и поднял голову, взглянув прямо в глаза хрубана. — Случилось так, Хрул, что мы нашли прекрасный мир с добрым народом, населявшим его. У них было все, что нужно для жизни... И они встретили нас как друзей. Но мы — мы по неведению своему показали, сколь ничтожны их достижения по сравнению с нашими. Понимаешь, Хрул? Мы

хвастились своим знанием и силой... И тот народ погиб! Все погибли! Ушли из жизни!

Он сделал паузу, плечи его сгорбились под грузом давней вины, глаза потухли.

— Тогда наши старейшины приняли закон, который запрещает нам оставаться в мире, где уже есть мыслящие существа... — голос Кена прервался, острая боль разрывала сердце. — Вот почему, Хрул, мы не можем остаться на Дьюне. Мы должны уйти!

Хрубан покачал головой.

— Не понимаю. Нам ничего не надо от вас — кроме дружбы. Мы так похожи... Мы вместе ели и работали. Наши женщины понравились друг другу. Мы растим детей в уважении к традициям. Мы любим узнавать новое... Да, мы похожи! Зачем же вам уходить?

Кен судорожно сжал винтовку.

— Смотри! — выкрикнул он. — Сегодня я убил из этого оружия мада. Завтра, через месяц или через год кто-то из нас может убить тебя! И я предпочитаю покинуть Дьюну до того, как это случится!

Рот Хрула приоткрылся в улыбке.

— Говоря по правде, мада прикончило мое копье...

Это заявление было сделано с некоторой долей иронии и вызова. Кен невольно улыбнулся, подумав о том, что молодой хрубан не лишен ни охотничьего тщеславия, ни чувства юмора.

— Ты открыл мне свое сердце, — тихо продолжал Хрул; сейчас его голос походил на мурлыканье огромного кота. Не глядя на Кена, хрубан рисовал что-то в пыли — замысловатый чертеж, состоящий из множества окружностей и прямых линий. — Я запомню то, что ты сказал. — Резким движением он стер свой рисунок и поднялся. — Идем! Придет время, и мы продолжим разговор.

Хрубан поудобнее усадил на плечах Тодди и решительно направился вниз по склону. Кен мрачно зашагал следом. Так они и спустились к мосту.

Вероятно, Пат заметила их из поселка и выбежала навстречу; лицо ее было встревоженным. Она попыталась освободить Хрула от его ноши, но молодой хрубан запротестовал, а Тод лишь крепче вцепился в жесткую гриву. Пат отступила, в растерянности опустив руки.

— Что он еще натворил, Кен? — ее тихий голос был печален.

— Хотел повидаться с Хриссом, — лаконично ответил Кен, затем кивнул на сидевших вокруг стола коло-

нистов: — Что случилось? Почему у всех такой похоронный вид?

— О! — на губах Пат вдруг промелькнула улыбка. — Прибыла почтовая капсула, и Ху Ши с Лоренсом закрылись в кабинете... читают письмо! И ждут тебя.

— Но корабль ведь уже улетел?

Пат молча кивнула, ее улыбка сделалась еще шире. Обняв жену за плечи, Кен привлек ее к себе.

— Что же так тебя насмешило, родная?

Капитан допытывался у Эйба Дотриша насчет табачных листьев, и вдруг подбежал один из его людей, выпалил какие-то цифры, и они тут же помчались на корабль. Даже не успели попрощаться! Капитан только крикнул Эйбу, что он не выдержит еще три месяца с этим ребенком. — Пат стрельнула глазами в сторону Тода. — Через пять минут после отлета «Астрид» прибыла почтовая ракета, — она не выдержала и разулыбалась, глядя на обескураженное лицо мужа. — Мэйси Мак-Ки говорит, что капитан провернул все это дело очень ловко!

Смех Пат был таким заразительным, что Кен не выдержал и тоже захохотал. Покачав головой, она сказала:

— Можно считать, что на этот раз нас выручил Тодди. Никогда бы не подумала... — ее взгляд скользнул по овальному личику малыша, восседавшего на плечах Хрула. — Ну, милый, иди! Тебя ждут.

Когда Кен перешагнул порог кабинета метрополога, Ху Ши и Ли Лоренс сидели за письменным столом, изумленно разглядывая аппарат для чтения микрофильмов. Экран стоявшего перед ними прибора мерцал слабым зеленоватым сиянием.

— Наконец-то, Кен! — Ли вскочил и подтолкнул к нему аппарат. — Взгляни! Может, ты найдешь в этом какой-то смысл.

Кен быстро просмотрел директивы Колониального департамента. Потом прочитал еще раз, медленно, слово за словом. Брови его полезли вверх.

— Они это серьезно?

— Видишь! — торжествующе воскликнул Лоренс, поворачиваясь к Ху Ши. — Кен тоже слегка озадачен!

Постукивая пальцем по экрану, социолог монотонным голосом начал перечислять:

— Они утверждают, что планету обследовали в полном соответствии с правилами, и никаких аборигенов здесь быть не может. Они запрещают вступать в контакт с этими несуществующими аборигенами, пока не

прибудут подготовленные специалисты. Они требуют, чтобы производились записи языка для последующего семантического анализа — без вступления в контакт, а? — Лоренс оперся кулаками о стол, возмущенно глядя на собеседников. — И последнее: они приказывают, чтобы мы охраняли поселок, машины, скот и поля, не допуская проникновения культурной и технологической информации в туземную среду! Разрази меня гром, как вам это понравится?

Ху Ши выглядел совершенно подавленным.

— Как я должен понимать эти инструкции? — пробормотал он. — И что я могу сказать теперь в оправдание наших действий?

— Ши, — Лоренс похлопал озадаченного метрополога по плечу, — ты делал то, что и любой разумный человек на твоём месте. А это чужь, — он ткнул пальцем в экран, — выглядит так, словно её сострепала команда идиотов, желающих оправдаться во что бы то ни стало. К тому же, бифштекс уже на сковородке и даже обжарен с двух сторон, — социолог ухмыльнулся. — Мы сделали все, что нам запрещено, и практически не выполнили ни одной их рекомендации. Да, мы вступили в контакт с разумными существами! Но я никогда не слышал о расе, на которую подобный контакт оказал бы меньшее влияние. Они встретили нас как равные партнеры и явно не собираются кончать самоубийством. — Ли повернулся к администратору колонии и, сделав эффектную паузу, завершил свою речь: — На вашем месте, уважаемый доктор, я не стал бы посыпать главу пеплом... И уж тем более — руководствоваться такими дурацкими инструкциями!

— Капитану Киачи следовало задержаться, — пробормотал Ху Ши. — Я был обязан его уговорить, настаивать...

Лоренс ухмыльнулся, взглянув на Кена.

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из нас мог его уговорить, когда радар «Астрид» зафиксировал приближение капсулы.

Комнату наполнило басовитое гудение приемника, уловившего сигналы почтовой капсулы.

— Неужели еще одна? — воскликнул Лоренс и выскочил за дверь. Он замер на крыльце, приставив ладонь козырьком ко лбу и вглядываясь в приемную мачту, торчавшую в центре посадочной площадки. Кен присоединился к нему, поднимая бинокль. Так и есть!

В солнечных лучах посверкивал корпус крохотной ракетки.

Это послание пришло из департамента Внешних Сношений; по сравнению с инструкциями колониального ведомства оно казалось более связным и содержало требование отправить подробный доклад о туземцах Дьюны. Колонистам еще раз напоминали об ужасных последствиях незаконных контактов, а также о наказаниях, предусмотренных за подобные действия. Они были не менее ужасны.

— Итак, сидите и не высовывайте носа, — прокомментировал послание Лоренс. — А как быть, если инициативой завладеет противная сторона? Скажи-ка, Кен, кто кого увидел первым?

Поразмыслив, Кен припомнил, как двое маленьких хрубанов наскочили на него в погоне за мячом.

— Ну, если не считать самого первого визита... — нерешительно начал он.

— Вот именно! — с энтузиазмом воскликнул Лоренс. — Будем считать, что они нас нашли. Ньюанс, конечно, но немаловажный. Я прав?

— Может быть... — Ху Ши встал и медленно подошел к окну. Бескрайный простор раскинулся перед ним — леса в зеленом весеннем убранстве, голубоватые контуры далеких гор, яркое бездонное небо... Такого на Земле не увидишь, даже если собрать воедино все эти тщательно охраняемые Квадратные Мили заповедников! Острая боль сожаления кольнула его. Они так хорошо начали... Столько сил, столько труда и надежд — и все пошло прахом!

Ху Ши повернулся к своим помощникам и печально покачал головой.

— Может быть, — повторил он. — Но столь уж важно, кто кого нашел? Мы должны уйти, джентльмены! Мы обязаны это сделать во имя тех благородных принципов, которые поклялись уважать! Первый раз после сиванской трагедии мы столкнулись с другой разумной расой... И наши действия здесь, на Дьюне, способны многое определить...

Рив и Лоренс молча стояли перед невысоким хрупким руководителем колонии. За три года знакомства им ни разу не пришлось сомневаться в его компетентности или не выполнить приказ, отданный мягким вежливым голосом. Однако доверие, которое они питали к Ху Ши, во многом опиралось на авторитет поста; он был пред-

ставителем власти, рукой и голосом далекой Земли. Теперь же перед ними стоял человек — просто человек, с таким же истерзанным сердцем, как у их жен и товарищей, как у них самих. Но он был тверд в своей вере, и это давало ему право приказывать.

— Я понимаю, друзья, всех нас ждет ужасное разочарование, — тихо произнес Ху Ши. — Сохраним же мужество! — Он стиснул руки своих помощников. — Я рассчитываю на вашу поддержку, Кен, Ли! Мы должны выполнить свой долг, каким бы тягостным он не оказался.

Лоренс, что-то недовольно буркнув, пожал протянутую метропологом руку.

— Не нравится мне все это, — нахмурившись, заявил он. — Было бы куда деваться...

Кен тоскливо вздохнул. Деваться, пожалуй, было некуда. Он согласно кивнул, заметив, как слабая улыбка скользнула по губам Ху Ши. В тягостном молчании все трое направились к дверям.

ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ

Они вошли в столовую, оказавшись лицом к лицу с молчаливыми людьми, выжидательно смотревшими на них. Ху Ши подтолкнул своих помощников к скамейкам, на которых устроились их семьи. Сам он остановился рядом с Филлис, по-прежнему молчаливый и погруженный в раздумья. Кен сел на лавку около Пат, погладил ее по руке и кивнул Хрулу, Тодди свернулся калачиком на коленях хрубана.

— Как вы уже знаете, сегодня опустились две почтовые капсулы, — начал Ху Ши; голос его, как всегда, был ровным и спокойным. — Надо признаться, они слегка запоздали... мы уже нарушили все инструкции двух департаментов.

Эти слова вызвали волну нервных смешков и негодующее фырканье Лоренса. Скосив глаза Кен заметил, что Хрул глядит на него; казалось, сообщенные метропологом новости не слишком интересовали молодого хрубана.

— Как бы то ни было, мы наладили связи с нашими новыми друзьями. — Ши поклонился в сторону Хрула, — хотя главную проблему решить не смогли...

— Это какую же? — раздался голос Мак-Ки.

— Видите ли, нам рекомендуется как можно скорее покинуть планету... желательно — на транспорте «Астрид». — В комнате повисло мрачное молчание. — Правда, доблестный капитан Киачи предоставил нам небольшую передышку...

— Передышка — она и есть передышка, — высокая фигура Мак-Ки нависла над столом. — Рано или поздно — через месяц или через год — нам придется улететь отсюда. И, черт возьми, это мне совсем не по душе!

Среди колонистов прокатился одобрителный гул. Словно по команде, Рив и Лоренс встали и подошли к метропологу. Ли поднял руку, призывая к тишине.

— Поверьте, Ши, Кен и я испытываем такие же чувства, такую же горечь и обиду... Но что поделаешь! Даже в нашем мире, с его четкой регламентацией, случаются ошибки. Их последствия легли на нас... Что же делать! Мужаться и терпеть — другого пути

нет! А пока, — социолог озорно подмигнул приунывшим коллегам, — мы получили отсрочку и возможность наслаждаться этим прекрасным и просторным миром! Давайте же используем ее с толком — кому как нравится. Тут можно набрать весьма ценных сувениров, продолжить контакты с нашими друзьями с того берега реки или просто отдохнуть... И кто знает, — на губах Лоренса заиграла хитрая усмешка, — вдруг три департамента на Земле передерутся, выясняя, кто больше виноват, и забудут о нас...

Вполне возможная ситуация, пришло в голову Кена, но руководитель колонии резко запротестовал.

— Друзья, я искренне рад, что не все из нас потеряли чувство юмора, однако не будем обольщаться. Мы поклялись соблюдать законы Земли, и потому не можем жить на планете, населенной другими разумными существами. А в том, — Ши поклонился в сторону Хрула, — что наши друзья хрупки разумны, нет сомнений. Значит, мы должны уйти... должны принести эту жертву. Великую жертву — для тех, кто видел Дьюну! — закончил метрополог, судорожно вздохнув.

Эта патетическая речь произвела большее впечатление на мужскую половину группы; женщинам мысль о жертвах похоже не слишком импонировала. Кен заметил, как Пат, наклонившись к Салли Лоренс, что-то прошептала ей на ухо. Та окинула Патрицию внимательным взглядом, потом слабо улыбнулась и кивнула. Любопытно, о чем они шептались? Кен решил, что тоже обязан сказать пару слов в поддержку законной власти.

— Кстати, доктор Ши... — начал он.

— Кстати, доктор Ши еще не завтракал, — передразнила его Филлис. — Как и все остальные! Ну-ка, живо за стол! Не могу смотреть, как остывает яичница!

Колонисты зашумели; здоровый аппетит заставил на время позабыть про уныние. Послышались голоса детей, звон посуды и столовых приборов; раскрасневшаяся Филлис с удовольствием следила, как быстро пустеют подносы и тарелки.

— Что ты сказала Салли Лоренс? — спросил Кен жену, возвращаясь на свое место.

На лице Пат появилось невинное изумление.

— О, ничего серьезного, дорогой! Обычная женская болтовня, — она отправила в рот кусок яичницы. — Ммм... Как вкусно!

Тодди прервал дальнейшие расспросы, опрокинув на стол чашку с компотом. К сожалению, даже теперь ему не удалось добраться до варенья, так что вся посуда в ярде от него подвергалась опасности. Кен вознамерился было отчитать сына, но тут в углу столовой загудел приемник.

— Новые инструкции? — воскликнул Лоренс, бросившись к окну. — Похоже, сегодня они сыплются с неба градом! От кого же на этот раз?

— От Общества Любителей Кошек и Охраны Хвостатых Туземцев, — Ори Гейнор захихикала.

— Ори! — прикрикнула на нее Кейт Моуди, показав глазами на Хрула.

Ори, однако, не смутилась. Сунув мужу в рот гренку, она вытолкала его за дверь:

— Съешь это и мчись со всех ног, Сэм. Мы жаждем новостей!

— Клянусь вечным блаженством, это Космодеп, — заявил Экерд.

— Нет, Союз Друзей Инопланетного Разума, — Мак-Ки, подцепив на вилку яичницу, ухмылялся во весь рот.

— Я же вам сказала — Общество Любителей... — начала Ори, но, заметив строгий взгляд Ху Ши, осеклась.

Через несколько минут Сэм положил перед метропологом капсулу и аппарат воспроизведения. Грудь Гейнора тяжело вздымалась после пробежки, однако он остался стоять рядом с Ху Ши, пока тот не распечатал контейнер. Перевернув его, руководитель колонии вытряхнул на скатерть голубой цилиндрик, окольцованный серебряными звездами.

— Космодеп, что я говорил! — в голосе Экерда звучала скорее злость, чем торжество.

Ху Ши быстро просмотрел послание, потом передвинул экран Лоренсу.

— Парни, кончайте секретничать и прочтите эту шутку вслух! — сердито сказал Мак-Ки. — Чего еще от нас хотят? Чтобы мы не пустили шкурки туземцев на прикроватные коврики?

Лоренс рассмеялся и поднял глаза от экрана.

— Я же вам предсказывал, что три наших хозяина сцепятся! Вот и Космодеп ввязался в драку! Нам приказано «обследовать места обитания аборигенов и собрать образцы»! Как, Хрул, не возражаешь? — Ли с

усмешкой повернулся к молодому хрубану, лицо которого оставалось непроницаемым.

— Эй, а стоит ли ему слушать о всех этих секретарях Космодепа? — спросил Гейнор.

— Почему бы и нет? Эти инструкции имеют прямое отношение к его народу, — пожал плечами Лоренс. — Впрочем, я сомневаюсь, что он достаточно освоил язык... даже нам сложно разобрать бюрократическую тарабарщину.

Социолог начал зачитывать послание. Прислушиваясь к его монотонному голосу, Кен украдкой наблюдал за хрубаном. Понимает ли он что-нибудь? Лицо Хрула по-прежнему оставалось безмятежным; Кен не мог заметить ни волнения, ни каких-либо проблесков интереса. Но слушал гость очень внимательно.

Лоренс отложил считывающий прибор.

— Обследовать места обитания! Все! — он воздел руки к потолку. — Эти типы думают, что мы уже построили космический флот! Базз, — он бросил взгляд на Экерда, — сколько времени займет поверхностный осмотр всех континентов с помощью нашего единственного вертолета?

Пилот, нахмурившись, устался в угол.

— Так... При скорости полтора ста миль в час... Как минимум, полгода, — Эскерд возмущенно поднял брови. — Да у нас горючего не хватит! Нелепая затея!

— А что еще остается делать?

— Ну, обратиться за помощью к туземцам... Я думаю, у них существует что-то вроде магии... — Экерд насмешливо покосился в сторону Хрула.

Ху Ши задумчиво потер лоб тонкими пальцами.

— Итак, мы получили инструкции от трех департаментов, — произнес он. — Колониальное управление информировало нас, что туземцев не существует в природе, а коли уж они есть, то нам следует убираться — и побыстрее! Но транспорт ушел, и мы не можем выполнить это распоряжение. Департамент Внешних Сношений предлагает нам осторожно собирать информацию, не показываясь на глаза аборигенам, — он усмехнулся Хрулу, и тот ответил метропологу безмятежной улыбкой. — Наконец, Космодеп требует, чтобы мы обследовали всю планету на предмет выявления ареалов, заселенных туземцами... И все дружно предостерегают нас относительно незаконных контактов.

— Ладно, что же нам теперь делать? — спросил Сэм Гейнор.

— Разойтись по домам и начать заниматься хозяйством, — решительно заявила его супруга.

Это предложение было поддержано всеми женщинами.

— Полезное дело, — кивнул Сэм. — Но это не решает вопрос с хрубанами и незаконными контактами.

— Что ж, продолжим то, что уже начато, — Ху Ши поднялся. — Не забывая, конечно, что мы здесь — только гости и не должны злоупотреблять гостеприимством хозяев.

Бен Аджей тоже встал из-за стола.

— Ши, надо запасти корм для животных. Пожалуй, нам придется оставить их здесь — в виде компенсации за постой. Хрулу очень нравятся лошади, и я постараюсь научить его всему, чему смогу. Он станет превосходным коневодом! Надеюсь, это не повредит хрубанам?

— Я тоже так думаю. Что скажешь, Ли?

— Ну, у них ведь уже есть домашний скот... эти самые урфы. Почему бы им не справиться и с коровами и лошадьми? Я не вижу тут причин для повальных самоубийств.

— Кроме Хрула, мне еще понадобятся помощники, — зычно провозгласил Аджей, обводя глазами комнату. — Кен, Мейси, давайте-ка на выход! Со скотом много возни.

— А мне нужен крепкий паренек для мытья посуды, — пропела Филлис. — Ну, как, добровольцы найдутся?

АНТРАКТ

Кен торопливо встал, чтобы последовать за Аджеем, но Патриция крепко взяла его за руку. На губах ее играла улыбка, глаза коварно поблескивали.

Вы ничего не забыли, мистер Рив? — ласково осведомилась она.

Кен в недоумении посмотрел на жену.

— Твой сын, — напомнила она, театральным жестом показывая на Тодди.

— Он может помочь с посудой, — твердо ответил Кен.

— Не увиливайте, сэр, — сказала Кейт Моуди; ее палец уткнулся прямо в грудь Кена. — Теперь ты отвечаешь за мальчишку! Этому сорванцу необходима мужская рука.

Хрул с Тодом понаблюдали за этой сценой, молча встали и присоединились к Кену. Тот, памятуя об утренних фокусах, сердито посмотрел на сосредоточенное, серьезное личико сынишки. Ничего похожего на извинение там написано не было; никаких угрызений совести Тодди явно не испытывал.

Что было, то прошло; для шестилетнего ребенка только настоящее имеет значение и смысл, напомнил себе Кен.

Остальные дети начали вытирать столы, негромко переговариваясь. Привычка понижать голос в любом месте, где собралось более трех человек, стала почти врожденной. И девочки, и мальчишки двигались осторожными шажками; маленькие существа, незнакомые с простором, учившиеся ходить в крохотных комнатусах и на переполненных тротуарах, жертвы бесчисленных ограничений земного муравейника.

Внезапно Кену пришло в голову, что Тодди начисто лишен этих стадных инстинктов. Вчера вечером, во время шумного праздника, его голосок звучал едва ли не громче всех. Утром он проделал большую часть пути до деревни хрубанов; и на обратной дороге, пока Хрул не взял его на плечи, ухитрился не отставать от мужчин. Земное воспитание не оставило на нем никаких следов, не превратило его в ничтожный винтик всепланетного механизма выживания. И Кен содрогнулся, представив себе судьбу сына. Разве он сможет

жить в лабиринтах блоков, коридоров и тупиков, забытых мириадами тел? Шептать, а не говорить, передвигаться в полшага, не обгонять, не кричать, не поднимать головы...

Вздыхнув, Кен протянул сынишке руку. Лицо мальчика вдруг осветилось робкой улыбкой, и тонкие пальчики доверчиво легли в его ладонь. Однако другой рукой Тодди крепко держал за Хрула.

Втроем они направились к хлеву.

Из всех колонистов только Бен Аджей и Мэйси Мак-Ки имели опыт обращения с домашним скотом. Попав в список кандидатов, которым предстояло осваивать Дьюну, Мак-Ки начал специализироваться в области животноводства; теперь он взял на себя заботу о небольшом стаде коров. Прошедшей зимой он много возился с урфами — крупными травоядными, походившими на оленей. Их молоко оказалось богатым кальцием и жирами, а также весьма приятным на вкус; хрубаны использовали его для приготовления масла и сыра. Но вряд ли урфов можно было использовать в качестве верховых животных — своими короткими кургузыми туловищами они напоминали давно вымерших на Земле зебр и не годились под седло.

Впрочем, урфы не являлись первоочередной проблемой; главной задачей колонии было восстановление поголовья земных домашних животных — лошадей, коров, свиней.

Кен Рив еще на земле начал заниматься коневодством — в теории, конечно. Вместе с ним по этой специальности обучался Вик Солинари, но сейчас он был слишком занят сортировкой грузов, разборкой всевозможного оборудования и размещением запасов на складе. Действительно, когда Кен, Хрул и Тодди подошли к пластиковому навесу, Вик уже трудился на подъемнике, попутно отдавая команды своим помощникам.

— Хрисс! — вдруг радостно завопил Тодди и, вырвав ладошку из руки отца, во всю прыть пустился к берегу.

Кен повернул голову. Большая группа туземцев, возглавляемая Христаном, появилась на мосту. Хрисс бросился навстречу приятелю.

— Твой народ очень добр, — сказал он Хрулу. — Вы совсем не обязаны помогать нам.

— Тут много работы, а у нас в деревне почти нечего делать, — улыбнулся молодой хрубан.

Они подошли к сараю, служившему хлевом, когда двое мальчишек нагнали их. За Тодди волочился в пыли веревочный хвост — раза в полтора длинее, чем у маленького туземца. Бен Аджей встретил своих помощников на пороге.

— Я уже накормил их зерном из наших запасов, — ветеринар похлопал по гладкому крупу вороного жеребца. — Теперь не худо бы выкупать лошадей. Сейчас я покажу вам, как надевать уздечку, и отправляйтесь к реке. Только не спешите — животные еще не пришли в себя.

Вспомнив, как вчера буйствовал на трапе жеребец, Кен подозрительно уставился на лошадей.

— Этот большой лосадь... — Хрул показал на вороного. — Я учиться ухаживать за ним? — от волнения он сильно шепелявил. Бен кивнул, и глаза хрубана радостно сверкнули.

— Он доволен? — шепнул ветеринар Кену.

— Не сомневаюсь.

— Пусть лучше их получают хрубаны... — Бен огорченно насупил брови. — Я не смог бы пристрелить лошадей.

— Пристрелить?

— А что еще остается? Они не привыкли к свободе... Легкая добыча для мадов!

Они подошли к ближайшему стойлу, и Бен, сняв с колышка узду, начал объяснения. Ветеринар старался говорить попроще, чтобы его слова были понятны хрубану. Почему-то его лекция вызвала у Хрисса приступ смеха; Хрул строго поглядел на него, и мальчик сконфуженно замолк. Но тут к делу подключился Тодди. Он начал что-то шептать на ухо приятелю, и теперь захихикали уже оба.

— Эй, сорванцы! — прикрикнул на них Кен. — Ну-ка, садитесь сюда! — он показал на штабель мешков с кормом. — И ведите себя потише. Лошади нервничают... не хватало только, чтобы один из вас угодил под копыта!

Мальчишки, удивленно приоткрыв рты, забрались на штабель. Вероятно, они не понимали, в чем провинились, но Кен не стал вдаваться в объяснения и повернулся к ним спиной.

Бен Аджей протянул Кену и Хрулу по уздечке.

— К лошади подходите с левой стороны, — продолжал он свои наставления. — Похлопайте по крупу,

поговорите с ней. Кони любят, когда с ними разговаривают... только тихо, ласково. — Бен шагнул в стойло серой кобылки, и она послушно посторонилась. — Теперь накиньте поводья на голову... недоуздок должен проходить за ушами... мундштук возьмите в левую руку... заставьте разжать зубы... — он продемонстрировал все операции. — Вот так! Теперь можно выводить лошадь из стойла.

Дело показалось Кену довольно простым. Не сомневаясь, что справится с первого раза, он подошел к своей избраннице, рыжей кобылке по кличке Сокса. Он любовался ею еще вчера, когда выгружали животных. Шерсть Соксы была гладкой, блестящей; на коленях передних ног светились белые отметины.

Кен похлопал лошадку по крупу, стараясь втиснуться между ней и перегородкой стойла. Сокса фыркнула и чуть подалась в сторону. Припомнив, как Аджей накидывал поводья, Кен попробовал повторить его движения, но ремни перепутались. Со второй попытки ему удалось правильно расположить поводья на шее кобылы, однако недоуздок все время лез ей в глаза. Сокса терпеливо моргала, не пытаясь сбросить узду. Теперь Кен запустил пальцы ей в рот, чтобы разжать челюсти. Он поразился, какие огромные зубы у лошади — казалось ей ничего не стоит перекусить пополам его руку! Кен поднес к губам Соксы мундштук, но она снова фыркнула, замотала головой и узда свалилась на пол.

Наконец, после нескольких попыток уздечка была надетая, и Кен вывел кобылу наружу. Хрул, державший под уздцы вороного жеребца, был уже на полпути к реке; на спине коня устроились оба мальчика. Бен с серой кобылой возвращался с берега, шкура лошади потемнела от воды.

— Подожди, парень, — буркнул он, — я помогу тебе взобраться ей на спину.

Кен давно мечтал проехаться верхом, но лошадь была такая огромная... Он робко похлопал кобылу по спине, и она скосила на Кена большой карий глаз. Ему показалось, что в ее взгляде застыло недоумение — мол, чего же ты ждешь? Бок Соксы был теплым и бархатистым на ощупь, а исходивший от нее сильный запах тревожным и странно приятным.

Аджей посадил его, и Кен взгромоздился на лошадь, свесил вниз вдруг ставшие ненужными ноги. Сокса

и ухом не повела. Хребет у нее оказался страшно острым, сидеть было неудобно, у Кена возникло ощущение, что его распиливают пополам. Ладно, подумал он, будем считать, что все идет номинальным порядком.

— Молодец! — Бен похлопал его по колену. — Настоящий ковбой! Теперь, значит, так: хочешь свернуть налево, потяни за левый повод, направо — за правый. Потянешь за оба — она остановится. А чтобы скакать далеко и быстро, ослабь поводья и стукни ее каблуками по бокам. Смотри, как это делается!

Аджей ухватил Кена за сапог и стукнул им лошадь. Сокса прыгнула вперед, и Кен распластался у нее на шее, цепляясь за гриву.

— Эй, Бен, повтори-ка, как ее остановить! — завопил он, инстинктивно натягивая повод. Кобыла послушно замерла на месте.

— Вот это самое и делай, — ухмыльнулся Аджей и повел свою серую в сарай.

Кен обнаружил, что изо всех сил сжимает коленями холку Соксы; похоже, ей это не нравилось. Он сел поровнее, отпустил поводья, и кобыла двинулась вперед в плавном неторопливом ритме. Переведя дух, Кен чуть расслабил мышцы, но тут же снова вцепился в повод — лошадь почуяла запах воды и перешла на рысь.

— Папа, папа, посмотри на нас! — раздался впереди голосок Тодди. Кен вздрогнул и поднял голову. Тод и Хрисс сидели на спине вороного, свесив ноги с одного бока; Тод цеплялся за черную гриву, а Хрисс обнял приятеля руками и хвостом. На лице маленького хрубана застыло восторженно-боязливое выражение.

— Быстрее, Хрул, быстрее! — завопил Тодди. Улыбнувшись, хрубан пустил жеребца рысью. Кен, забеспокоившись, махнул рукой, отпустив повод — и тут Сокса скакнула вперед. В следующий миг он понял, что сидит на земле, отплевываясь от попавшей в рот пыли и травы.

Кен посмотрел вверх. Его взгляд скользнул по правой руке, все еще сжимавшей поводья, к морде лошади, темным силуэтом вырисовывающейся на фоне зеленоватого неба. Она издала слабое ржание и, словно извиняясь, дунула ему в лицо.

Подскакал Бен на гнедой кобыле и спрыгнул на землю.

— У тебя талант, парень, — сказал он серьезно,

когда Кен, пошатываясь, встал на ноги. — Будешь классным наездником!

Затем, без лишних слов, ветеринар сплел руки в замок, подставил кулаки Кену и тот снова очутился на спине Соксы. Бен теперь ехал рядом, толкуя, что начинающие наездники валяются с лошади по пять раз в день и этого не надо бояться.

После купанья, на обратном пути к служившему конюшней сараю, Аджей рассказывал своим помощникам, как надо ухаживать за лошадьми.

— Тодди еще слишком мал, чтобы чистить лошадей, — озабоченно сказал Кен. — Ему и до спины не достать.

— Зато я с нее не свалился, — напомнил отцу мальчик. — И потом... потом... я могу встать на ящик!

— Если парень не боится лошадей, то и нам не стоит за него тревожиться, — заметил Бен. — Они хорошо относятся к детям. — Ветеринар обменялся с Тодди и Хриссом лукавой улыбкой.

Затем первые конюхи на Дьюне принялись за работу, и Тод ненадолго отстал от взрослых. Небольшая серая кобылка, к которой его приставили, послушно стояла на месте, пока он чистил щеткой ее бока. Хрулу с Хриссом приходилось труднее, чем людям — лошади, переступая с ноги на ногу, несколько раз отдавливали им хвосты.

В дверях сарая появились два подростка — Билл Моуди и Альфред Рамазан. Они стояли, с некоторой опаской поглядывая на лошадей.

— Мистер Аджей... — начал, наконец, Билл. Бен, поглощенный работой, не повернул головы. — Мистер Аджей, — повторил мальчик, стараясь говорить погромче, — нас прислали к вам на помощь.

Ветеринар оглянулся.

— С лошадьми мы уже закончили, ребята, — сказал он. — Теперь займемся коровами.

Через четверть часа команда скотоводов опять сократилась до пяти человек. Альфред повредил палец и отправился в лазарет, а Билл с удовольствием вызвался его сопровождать.

Проводив их тоскующим взглядом, Кен отставил вилы и разогнул ноющую спину.

— Нет, Бен, ты никогда не сделаешь из меня хорошего скотника, — вздохнул он. — Может, я и научусь ездить верхом, но иметь дело с коровами...

Аджей ухмыльнулся.

— Думаешь, я родился в седле и со скребком во рту? Знаешь, сколько раз я падал с коня? Да чуть пальца не лишился, потому что слишком далеко засунул его корове в рот! Нет, дружище, ты всему научишься, и для этого надо совсем немного времени.

Поглядев на Тодди, стробавшего в кучки солому и навоз, Кен вздохнул и снова взялся за вилы.

СКОТНЫЙ ДВОР

К обеду все грузы были рассортированы и разложены по местам; то, что колонисты предполагали оставить хрубанам, было сложено в отдельном сарае. Затем детей и женщин собрали на инструктаж, который продлился до конца дня. Хотя им предстояло пробыть на Дьюне не так много времени, опасности девственной планеты не становились от этого менее реальными. Вновь прибывшим продемонстрировали фотографии мадов, образчики лианы роамал, ветви и ядовитые красные шипы кустарника, который довольно часто встречался в лесах. Предполагалось, что дети не будут покидать территории колонии, но лиана, паразитировавшая на многих местных растениях, проникала всюду.

Это первое собрание Кен завершил лекцией о хрубанах. Он заставил каждого выучить несколько фраз, подчеркнув, что вежливость и дружелюбие обязательны в обращении с туземцами.

— Они понимают юмор и значение улыбки! — закончил он свою речь.

— Поэтому, если вы не знаете, что делать — улыбайтесь! После ужина, когда дети разошлись по домам, взрослые колонисты приступили к обсуждению планов на следующий день.

— Я думаю, что корабль за нами пришлют не раньше, чем через неделю, — сказал Ху Ши.

— Если только Космодеп не решит предоставить нам побольше времени для поисков туземцев на всех материках Дьюны, — в глазах Экерда сверкнула насмешка. — Может быть, они даже подбросят нам еще пару-другую таких же простеньких заданий.

— Что касается Киачи, то он вернется в лучшем случае через месяц, — сообщил Мак-Ки. — Его люди утверждали, что «Астрид» — единственный транспорт в этом секторе. Дел у них хватает.

Ху Ши поднял руку, требуя внимания.

— Друзья, не могу поддерживать в вас надежду, что мы задержимся здесь больше, чем на неделю. Ли с Кеном разделяют мою оценку отпущенного нам времени. Вероятно, предназначенный для эвакуации корабль не сможет забрать домашних животных... да и корма не хватит на обратный путь, как сказал мне

Бен. Разумнее всего оставить их хрубанам, — Ши слабо усмехнулся. — Итак, наша колония способна решить хотя бы одну из своих задач — продлить здесь род прекрасных и полезных созданий, вымирающих на Земле... Метрополог опустил голову, потом, скрестив руки, начал прохаживаться вдоль длинного обеденного стола, за которым сидели два десятка колонистов.

— Кто знает, — вдруг почти весело произнес он, — может быть, наши правнуки будут вывозить с Дьюны коней — на Землю и другие планеты, где людям удалось закрепиться... Я полагаю, надо не только оставить хрубанам лошадей и скот, но и помочь с их размещением. Сарай из пластмассовых щитов — не место для животных. Нужно построить нечто более капитальное — скотный двор с конюшней. Наши специалисты, Сэм и Мэйси, считают, что с этой работой мы справимся за два-три дня. Конечно, с помощью хрубанов. Мы используем их технологию пропитки бревен, тогда здание будет исключительно прочным... Затем установим в нем обогреватели...

— Ты имеешь в виду тепловые конверты? Слишком сложные агрегаты для туземцев, — запротестовал Лоренс. — Мы не имеем права оставлять их на Дьюне.

— Предполагается, что они будут упрятаны глубоко под землю, — возразил социологу Сэм Гейнор. — Хрубаны никогда не догадаются, почему в самые свирепые морозы в конюшне тепло.

— Кстати, — опять встрепенулся Ли, — откуда мы знаем, что туземцы зимой не впадают в спячку? Тогда наш драгоценный скот передохнет от голода в своем теплом сарае!

Ху Ши взглянул на Кена, вопросительно приподняв брови, и тот не без удовольствия понял, что становится признанным экспертом по хрубанам. Правда, на вопрос Лоренса у него не было ответа.

— Трудно сказать, — промямлил Кен, полный сомнений. — Но я думаю, что на юге материка тоже есть деревни, и в холодный сезон туземцы могут мигрировать.

— Тогда зачем здесь строить эту конюшню? — резонно спросила Ори Гейнор.

Аджей вскочил с места, устремив на нее укоризненный взгляд.

— Разве ты не заметила, как тут холодно по но-

чам? Еще весна и случаются даже заморозки! А животные привыкли к теплу! Кроме того, коровы скоро начнут телиться, у свиней тоже ожидается приплод... да, и еще куры! Они сядут на яйца, и у нас будет полно цыплят! А молодежь нуждается в тепле и...

Тут Мария дернула Бена за руку, и он, поглядев на жену, сразу увял. Возможно, когда-нибудь Дьюну заполнят телята, поросята и цыплята. Но людей здесь не будет...

— Что за черт! — воскликнул Гейнор, прерывая мрачное молчание. — Строить так строить! Правда, я никогда не проектировал скотных дворов, но постараюсь справиться.

Вытащив из-за спины гитару, Салли Лоренс ударила по струнам и запела:

Что я делаю на Дьюне,
На прекрасной доброй Дьюне?
Строю птичник и амбар
Под веселый звон гитар.
Что я делаю на Дьюне,
На зеленой милой Дьюне?
Лошадей в степи пасу,
Собирая с трав росу.
Что я делаю на Дьюне...

Колонисты дружно подхватили припев.

* * *

Даже с помощью хрубанов им понадобилось три дня, чтобы свалить деревья, ошкурить их и разметить бревна. Женщины заготавливали сок, и этот труд тоже оказался нелегким.

— Наша работа превратилась в один большой долгий урок языка, — заметила Ори Гейнор в первый вечер, когда у колонистов еще хватило сил остаться после ужина в столовой.

— Когда урок преподносят в таком дружеском тоне, я ничего не имею против, — усмехнулся Аджей.

Гейнор что-то промышал, рассматривая волдыри на ладонях. Эзра Моуди вкатил ему гигантскую дозу противоаллергенной сыворотки, так что он смог работать вместе с хрубанами, однако лекарство сделало его вялым и сонным.

Сидя на лавке, Кен оперся спиной о стену и вытянул ноги. Весь день он складывал в штабеля тяжелые стволы, и теперь мышцы у него сводило судорогой.

Через час такой работы в голову ему пришла спасительная мысль, что к ней лучше бы приставить лошадей. Бен Аджей, однако, высмеял его.

— Наши лошади — неженки, Кен! Животные из зоопарка, а не с фермы! Вот их потомство, возможно, сгодится для любого труда. А пока что — гни свою спину, парень!

Теперь Кен, обессиленный, сидел на скамье, соображая, как бы добраться до постели. Он посмотрел на жену — Пат о чем-то толковала с Кейт Моуди и, похоже, вполне в мирных тонах. Видимо, беседа не касалась очередной выходки Тода.

— Утром прибежали ребятишки из деревни хрубанов и пригласили сверстников с Земли к себе. Поскольку Тод первым подружился с Хриссом, то, несмотря на юный возраст, он стал организатором этой затеи. Собрав Билла Моуди, Альфреда Рамазана и других мальчишек, Тод повел их в лес, вблизи туземного поселения. Предполагалось, что маленькие хрубаны обучат новых приятелей местным играм.

К обеду мать Хрисса, Мрва, привела Билла обратно — с разбитой губой, синяком под глазом и трясущегося от рыданий. За этой парой гордо следовал Тод, на лице которого не было заметно каких-либо следов драки. Он ни в чем не раскаивался и, с отвращением поглядывая на Билла, слушал описание собственных подвигов на двух языках.

— Я не виню Тодди, Пат, — сказала Кейт Моуди, — но соревнования по борьбе он затеял несколько преждевременно. Билл для них не подготовлен — ведь за всю жизнь его никто и пальцем не тронул. Но он не трус!

— Конечно же, нет! — горячо согласилась Патриция, взглянув на Кена. Тот поспешно кивнул.

— Тодди просто слишком энергично взялся за дело, — продолжала Кейт, бросив на виновника события суровый взгляд.

Кен снова кивнул, вздыхая про себя. Тодди был вдвое младше Билла и Моуди и фунтов на сорок легче.

— Не представляю, из-за чего началась драка, — растерянно сказала Пат. — Ведь мальчишки всего лишь хотели поиграть с новыми приятелями...

— В играх мальчишек соревнование и борьба — обычное дело, — заметил Кен. Обе женщины возмущенно уставились на него, и он с поспешностью

добавил: — Конечно, не стоит переходить границ...

— Честно говоря, не хотелось бы мне вообще выпускать детей с территории колонии, — задумчиво сказала Кейт, изучая физиономию сына. — Тут достаточно места, чтобы порезвиться и привыкнуть к тому, что они никогда не видели дома. Ведь никто из них даже не был в заповеднике Квадратной Мили!

Кен подумал, что резвиться ребятам осталось недолго. Настроение у него испортилось, и до самого вечера он сердито хмурился, ворочая тяжелые бревна.

В некоторых отношениях второй день оказался еще хуже и тяжелее первого. У всех колонистов болели мышцы, работали они через силу. Кен обвязывал канатом штабеля очищенных от коры деревьев и на тракторе перевозил к месту будущей стройки. Когда он ехал с последним грузом бревен, едва не засыпая от утомления, навстречу ему попался Хрул. Молодой туземец весь день усердно обрубал сучья и устал не меньше остальных. Но он, похоже, еще не собирался домой; он шел к лошадям, что паслись за околицей поселка. Кен видел, как хрубан приблизился к вороному жеребцу и поглаживая шею животного, что-то зашептал ему. Улыбнувшись, Кен подумал, что восхищение, с которым Хрул относился к лошадям, сродни навязчивому желанию Тодди иметь хвост.

Он надеялся, что сегодня Тод не влип в какую-нибудь новую историю; у него просто не было сил, чтобы разбираться с неприятностями. Кен не хотел об этом думать. Можно ли винить его сынишку за то, что он отличается от других детей? Он не желает шептаться в углу, ему нужно пространство — для игр, для жизни... Что будет Тод делать на Земле — сейчас и потом? Эта мысль все чаще мучила Кена.

Усталой походкой он пошел к дому. Тодди возился в песке у крыльца, воздвигая город из конических башенок со шпилями-палочками, прокладывая дорожки и каналы. Его руки и ноги сплошь покрывали царапины, левый локоток был ободран, в волосах застряли листья и сухая прошлогодняя трава. Увидев отца, он пришлепал ладошками песчаный куличик и поднялся с колен, гордо демонстрируя свою работу. Город, действительно, выглядел монументальным.

— Ну, как дела, Тод? Кажется, сегодня ты ходил к хрубанам вместе с Патриком Экердом? Он еще жив?

Опасливый взгляд сынишки, послуживший ответом,

вселил в Кена самые мрачные подозрения. Он повернулся к Патриции, стоявшей на крыльце.

— Выяснилось, что паренек Экердов не умеет плавать, — заявила ему жена.

— Да? А ты считаешь, что Тодди умеет?

— По-видимому, — Пат пожала плечами с изрядной долей сарказма. — Хрисс и другие ребяташки увели Тодди к себе, на озеро за их деревней. С ними отправили Патрика — он почти взрослый парень, и должен был следить за малышами. А потом...

Кен вздохнул, обнял жену и вошел в комнату.

— Знаешь, милая, я сначала лучше сяду.

Он опустился на стул у камина и приготовился выслушать самое худшее. Перед его мысленным взором проносились ужасные видения — холодный труп юного Экерда, собственноручно утопленный Тодом.

— В общем, Тодди поймал большую рыбу... представляешь, голыми руками! Потом он ухватил еще одну, но та вырвалась, и Тод свалился в воду. Патрик бросился его спасать... правда, Тод говорит, что воды там было по колено... но потерял ботинок и его самого пришлось вылавливать из озера.

Кен затрясся в приступе неудержимого хохота. Хвала всем богам Дьюны, на этот раз пострадал только ботинок! Голос жены возвратил его к реальности.

— Не смейся, Кен, мальчик действительно мог утонуть! И я не знаю, кто согласится присматривать за Тодди завтра. Даже старшие ребята боятся его!

Было ясно, что эта проблема предлагалась для решения Кену. Тодди нельзя оставлять одного, но на лесоповале ему тоже делать нечего — слишком опасное место для шустрого мальчугана. Поразмыслив, Кен вынес вердикт:

— Ладно, завтра Тодди не пойдет к хрубанам, раз никто не хочет его сопровождать. Пусть играет с остальными ребяташками у поселка.

Тоду это очень не понравилось, но он, видимо, еще помнил недавнее приключение с мадом. Кен надеялся, что страх удержит его от попытки удрать на другой берег. Утром близняшек Мак-Ки, Кет и Лейзи, назначили присматривать за Тодом — в надежде, что вдвоем они управятся с этой задачей.

Только к концу следующего дня бригада лесорубов — хрубанов и землян — закончила валку деревьев и обработку стволов. Кен, мечтая об ужине, направился

домой на подгибавшихся от усталости ногах, однако из кухни никаких вкусных запахов не доносилось. Услышав его шаги, на крыльцо выскочила Ильза; взгляд ее был растерянным.

— Мама с Тодди у Мак-Ки... — начала она.

— Господи, что случилось на этот раз? Тод скормил девочек маду?

— Нет, нет, папочка! Мы пошли в ближний лес... ты же говорил, что там можно гулять... И там что-то укусило Кэт... очень сильно! У нее распухла рука и...

Не дослушав, Кен бросился к домику Мак-Ки. Сердце у него бешено колотилось, и на бегу он попытался сообразить, какой зверь — или ядовитое растение? — напал на девочку. Несомненно, Тод замешан и в этой истории. Не мальчишка, а стихийное бедствие!

Патриция с Тодди, бледные и неподвижные, сидели за кухонным столом. Кен метнул на сына яростный взгляд, потом прислушался — из соседней комнаты доносился голос Моуди и тихий шепот Кэт.

— Почему раньше не послали за Эзрой? — спросил он жену, беспокойно поглядывая на дверь.

— Тод притащил домой Кэт десять минут назад... Мы сразу же побежали в лазарет...

Приподняв брови, Кен взглянул на сына.

— Тод, что случилось? Какое животное укусило ее?

— Не зверь, папа, а такая длинная штука, вроде веревки... роамал, вот! — он произнес слово на языке хрубанов совершенно правильно. — Я говорил Кэт, что ее нельзя трогать, но она не послушалась. Как она кричала! — Тодди округлил глаза. — Все остальные девочки разбежались... Такие трусишки! — презрительный тон сына не оставлял сомнений, что он о них думает. — А потом Кэт стало совсем плохо, и она заплакала. И я потащил ее домой. Папа, она такая тяжелая!

Пат вздохнула, покачав головой.

В комнату быстро вошли Моуди и Мак-Ки; лицо Моуди было бледным.

— Я ввел ей антибиотик и сделал компресс, — сказал врач, — но язва на локте просто огромная! Никогда бы не подумал... — он развел руками. — Наши дети не очень-то приспособятся к таким опасностям. Нужны время и привычка.

Взгляд Мэйси Мак-Ки остановился на озабоченном личике Тодда.

— Кэт сказала, что ты предупреждал ее, малыш. В том, что случилось, нет твоей вины.

— Я старался дотащить ее домой побыстрее, мистер Мак-Ки, — тихо ответил мальчик.

— Я знаю, сынок. Остальные ребята испугались и бросили вас. Протянув руку, Кен стиснул плечо Мак-Ки жестом молчаливого сочувствия. Он был очень расстроен.

— Что поделаешь, Мэйси... Как сказал Эзра, наши дети пока не приспособлены к условиям Дьюны. Да, мы предупредили их об опасности, показали фильмы и фотографии... Но девочке, которая за всю жизнь ни разу не видела зеленого листка, трудно поверить, что кто-то или что-то способно причинить боль... На Земле понятие о таких вещах сохранилось только в исторических книжках.

— Доктор! — раздался голос Дот Мак-Ки. Уловив в нем нотку паники, Эзра ринулся обратно в спальню.

— Я приготовлю что-нибудь поесть. — предложила Пат, вставая. Через минуту, она уже хлопотала на кухне.

Они уже садились за стол, когда Кен заметил, что Тодди куда-то исчез. Было уже совсем темно.

Раздался робкий стук в дверь; это пришла Ильза, озябшая и голодная.

— Я все ждала и ждала, мамочка... — в ее голосе слышались слезы. — Как чувствует себя Кэт?

— Бог мой, я же совсем забыла, что здесь нет линии автоматической доставки пищи! — Пат, полная отчаяния, обняла дочь. — Ты голодная, малышка? А Тодди с тобой?

— Нет, мама... Он же был с вами.

Кен вскочил и, чертыхаясь, побежал домой за винтовкой и мощным фонарем. Он не успел добраться до крыльца, когда заметил на мосту свет факелов. Пока Кен, прищурившись, пытался разглядеть идущих, они миновали мост и направились к домику Мак-Ки. Хрубаны! Трое взрослых хрубанов и с ними — маленькая фигурка, Тодди!

— Папа, я, конечно, нарушил слово не ходить в деревню, — сказал он, когда Кен встретил гостей на окраине поселка. — Но у мамы Хрула есть лекарства от ожога роамал, — мальчик кивнул на Мрва, которая осторожно держала в руках глиняную чашку. — Только его надо поскорее использовать. Мы его проверили — на мне! — гордо добавил он.

Из тьмы выступил Хрул, его бархатная ладонь коснулась руки Кена.

— Не сердись на него. Рцод сказал нам, что девочке очень плохо и прошло уже много времени с тех пор, как яд роамал проник в кровь. Мы сразу же отправились сюда. Позволит ли ваш лекарь осмотреть ребенка?

«Ну и ну! — подумал Кен, — они даже знакомы с профессиональной медицинской этикой!»

Он торопливо ввел туземцев в гостиную домика Мак-Ки, а затем в спальню, где лежала Кэт, бросив на ходу несколько слов Моуди. Сидевшая у постели девочки Дот подпрыгнула и тут же потащила Мрва к больной.

— Делай все, что угодно! Все, что угодно! Боже мой! Вы только посмотрите на ее ручку! — причитала она. — Что вам нужно? Воду, бинты?

Мрва показала на кувшин, потом пальцами отмерила примерно его треть. Дот, бормоча слова благодарности, помчалась на кухню за водой.

Склонившись над постелью, Мрва ласково потрогала щеку Кэт бархатным пальцем. Девочка, похоже, ее не замечала; она металась в жару, стонала, звала мать. У запястья багровел большой открытый ожог, напоминавший язву, опухоль поднялась уже до плеча.

Мрва приняла из рук Дот тазик с водой, смочила чистый кусок ткани и, тщательно его отжав, погрузила в глиняную чашу. Затем она принялась покрывать руку девочки толстым слоем желтой мази, жестом велев Дот помогать ей. Две женщины, наклонившись над кроватью, с лихорадочной поспешностью втирали бальзам в воспаленную руку. Затем они повторили эту процедуру — от плеча до кончиков пальцев. Первый слой мази уже впитался и угрожающее распространение опухоли как будто остановилось.

— Чудесное средство! — Моуди был в восхищении. — Наши лекарства не дали и десятой части такого эффекта! Мрва вопросительно посмотрела на него, и врач, повернувшись к Хрулу, торопливо добавил: — Скажи ей, что все в порядке. Мы очень благодарны!

Тонкогубый рот Мрва растянулся в улыбке, она кивнула головой — видимо, поняла сказанное по тону, без всякого перевода, — потом снова повернулась к своей маленькой пациентке.

Рив с Мэйси Мак-Ки и Хрулом вернулись в гостиную,

где за столом сидели дети и Хрестан. Тод, уткнувшийся носом в тарелку, поднял голову и тревожно взглянул на отца.

— Тодди, сынок, — голос Мак-Ки был напряжен, — спасибо тебе. Ты все сделал правильно.

Он протянул над столом руку, и тонкие пальцы мальчугана утонули в мужской ладони. Тодди зарделся, быстро кивнул и, ухватив вилку, с удвоенной энергией принялся за еду.

Когда Кен сел за стол напротив Хрестана, туземец вдруг отодвинул тарелку и произнес:

— Я хочу просить тебя, Ррив, о милости... очень большой милости, — он положил руку на хрупкое плечо Тода.

Мальчик широко улыбнулся хрубану, и Кена на миг кольнула острая зависть. Тодди никогда не глядел на него такими глазами, никогда не улыбался ему с такой любовью! Кен опустил глаза.

— Мне очень жаль, что Тод так надоедает вам... — нерешительно сказал он.

Хрестан поднял руку, вежливо, но твердо прервав его извинения.

— Нет, он нас совсем не беспокоит. — Тонкий рот хрубана растянулся в улыбке. — Но я заметил, что у ваших старших детей, которые присматривают за мальшом, происходят неприятности. Один мальчик ввязался в соревнования по рран д'рат, — Кен не знал этих слов, но понял, что они означают борьбу, — и отделался синяками. На другой день мальчик постарше решил, что Рцод может утонуть, когда большая рыба сбросила его в воду. В результате он сам чуть не захлебнулся. Сегодня девочка, приглядывавшая за Рцодом, захотела сорвать цветок роамал... И вот чем это кончилось! — Христан кивнул в сторону спальни. — Я все припомнил?

Взрослые земляне кивнули; на лице Пат было написано смущение.

— Рцод уже говорит на нашем языке — очень непросто для вас, — продолжал хрубан. Он сделал паузу, внимательно посмотрев на Кена, потом — на Патрицию. Мой сын, Хрисс, очень грустил весь этот день. Утром он ждал Рцода, потом лег в постель и вздыхал так, словно у него вот-вот разорвется сердце, — совершенно человеческим жестом Хрестан покачал головой. — Я боюсь, что Рцоду больше не позволят ходить к нам, и

Хрисс станет грустить и тосковать. Мой сын был очень одинок — такое случается у наших детей... Но сердце Рцода потянулось к нему... они понимают друг друга, понимают многое, что нельзя выразить словами. Это случается редко... очень редко. Нельзя разрывать такую связь! — Хрестан снова поднял спокойный взгляд на Кена и склонил голову в знак просьбы. — Разрешите Рцоду приходить к нам каждый день. Этого желает и Мрва, и она будет смотреть за вашим мальчиком. У нас есть учитель, очень умный и добрый, который наставляет молодежь... Рцод может слушать его вместе с Хриссом. Я уверен, что это принесет огромную пользу и вам, и нам. Дети быстрее понимают друг друга, чем взрослые.

— Кен заметил, что Хрул пристально наблюдает за ним. Зеленые глаза молодого хрубана сверкали, он явно был взволнован. Хрестан же был совершенно спокоен. Он поглядывал на родителей Рцода, благожелательно улыбаясь.

В глазах Пат засветилась робкая надежда.

Кен заметил, что Хрул пристально наблюдал за она коснулась руки мужа.

— Безусловно! — заявил Мак-Ки. — На вашем месте я бы не колебался. И потом, подумайте — когда тут появятся специалисты по контактам, Тодди будет лучшим специалистом по хрубанам! Кто знает, мальчик, возможно, выручит всю колонию!

— При чем тут колония? — сердито произнес Кен. — Тодди — мой сын, и я не собираюсь торговать расположением, которое чувствуют к нему хрубаны.

— А ты хочешь снова очутиться в своем блоке, в своем тупике? Вместе со всей семьей? Под бдительным оком проктора? — Мак-Ки яростно уставился на Кена.

Тот пожал плечами и взглянул на Тодди. Мальчик дремал, привалившись к плечу Хрула; лицо его было утомленным и бледным. Снова запереть его в коридорах гигантского земного муравейника? Что угодно, только не это!

Из спальни выглянул Моуди и с явным облегчением сообщил, что Кэт гораздо лучше и она заснула. Поднявшись, Кен обошел стол, осторожно взял Тодди на руки, стараясь не разбудить сынишку. Хрестан вопросительно посмотрел на него и чуть заметно

улыбнулся; вероятно, тот ответ, который он прочел в глазах Кена, его устраивал.

Когда они возвращались домой, Пат, прижимая к себе Ильзу и беспокойно поглядывая на Тодди, мирно посапывавшего на руках отца, сказала:

— Ты не думаешь, что нам следовало бы посоветоваться с Ху Ши?

Кен покачал головой.

— Мальчишка надоел ему не меньше, чем всем остальным. Вряд ли Ши будет возражать... — он поглядел на исцарапанное грязное личико Тодди и со вздохом закончил: — Конечно, хрубаны — не люди... Но если они готовы приглядеть за сорванцом, не вижу причин отказываться.

Пат молча кивнула, но взгляд ее оставался печальным.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

На следующее утро среди колонистов распространилось известие о том, что хрубаны готовы взять на себя заботы о Тодди. Новость эта была воспринята с явным облегчением. Пат, огорченная таким единодушием, решила, что оно выглядит почти неприличным. Разве ее сын был каким-то чудовищем? В конце концов, он всего лишь шестилетний мальчишка! Ей казалось, что Тодди отправляют к хрубанам словно в ссылку, а не как почетного гостя.

— Он такой маленький, — жалобно сказала она Кену. — А мы как будто прогоняем его к чужим...

— Ну, милая, перестань, — сердце Кена сжалось при виде расстроенного лица жены. — Его там никто не обидит.

— Но ведь это наш сын! — она сердито посмотрела на Кена.

— Я от него не собираюсь отказываться. Но разве ты сама не чувствуешь облегчения?

Пат расплакалась.

— Это противоестественно... — бормотала она сквозь слезы.

Кен нежно привлек ее к себе и поцеловал в кончик носа.

— Тодди был и остается нашим сыном, — твердо сказал он. — И не надо чувствовать себя виноватой, моя родная.

Однако к концу дня он сам был, словно раскаленный утюг: брызги водой — зашипит. Лесорубы развлекались вовсю, и Кену пришлось выслушать немало шуточек. В конце концов он пригрозил, что завтра возьмет Тодди с собой; это возымело желательное действие, и поток острот прекратился.

Зато вечером его ждала компенсация за все дневные муки. Тодди явился домой с двумя новыми царапинами — на плече и щеке — и гордо передал Пат полдюжины небольших птичек, которых хрубаны считали лакомством. Он поймал их голыми руками.

— Видел бы ты его рожицу, когда он преподнес мне свою добычу, — сказала Пат, подкладывая мужу на тарелку куски посочнее. Глаза ее наполнились слезами.

— Лучше на себя погляди, — ухмыльнулся Кен, обгрызая птичью ножку — ничего подобного ему есть не доводилось. — Сын принес тебе свою первую добычу, а ты плачешь.

Он протянул руку и ущипнул Пат — достойное воздаяние за сентиментальность. Она взвизгнула и шлепнула его по ладони.

— Что вы себе позволяете, Кен Рив!

— Послезавтра мы разделаемся с этой конюшней, — не замечая ее притворного возмущения, сказал Кен. — Можно было бы и отпраздновать... Эй, Тодди! — позвал он сына. — Сумеете вы с Хриссом наловить побольше таких птичек?

— Брнасов? Конечно! — Эту идею Тод явно воспринял с энтузиазмом. Ильза смотрела на братишку с благоговейным страхом.

— А как же вы их ловите? — спросила Пат.

Тодди принялся с жаром объяснять, не скупясь на драматические подробности. Кен широко раскрыл глаза, на лице Пат был написан ужас. Ильза же расплакалась.

— Но ведь это же жестоко! — воскликнула она и выскочила из комнаты. Пат, сердито взглянув на Тода, бросилась за ней.

Мальчик с удивлением посмотрел на отца. Тот пожал плечами, и на минуту между мужчинами установилось полное взаимопонимание. О, эти женщины! Они не возражают против вкусного ужина, но не желают знать, какими трудами он заработан!

Когда дети легли спать, Патриция подсела на диван, прижавшись к мужу. От ее волос исходил странный запах. Кен принюхался.

— О, дорогой, это от сока рлба, который мы собираем. Никак не выветрится... — виновато сказала она. — Знаешь, хрубаны пропитывают им свою глиняную посуду перед обжигом. Вот почему она так блестит и не бьется.

— Хмм... — удовлетворенно пробормотал Кен, прижимаясь щекой к ее мягким волосам. Боже, какое счастье, что Пат снова с ним!

— Знаешь, мне бы хотелось что-нибудь подарить Мрва...

— Хмм...

— Представляю, сколько ей приходится хлопотать около Тодди...

— Да?

— Но я ничего не могу придумать. Похоже, у хрубанов есть все... гораздо больше, чем у нас.

— Ты так думаешь? — губы Кена ласкали нежную шею жены.

— Подождите-ка, мистер Рив! Я говорю об очень важных вещах!

— Ладно, дорогая, подари что-нибудь Мрва, если тебе так хочется... — Кен задумался на минуту, не выпуская Патрицию из объятий. — Знаешь, что я тебе посоветую? Ты ведь прекрасная портниха! А какая женщина откажется от красивого наряда?

— Ну, конечно! — выпрямившись, Пат всплеснула руками. — Великолепная идея! Кен, ты такой умный... — ее руки легли на плечи мужа.

— А ты сомневалась, малышка? — Кен притянул ее к себе и крепко поцеловал в губы.

* * *

Вечером следующего дня, когда Кен возвратился после закладки фундамента конюшни, ему показалось, что их домик скрыт завесой из перьев. С ветвей деревьев свисали гирлянды птичьих тушек, нанизанных на какие-то гибкие стебли. Тод, Хрисс и еще два маленьких хрубана, притаившие все это изобилие, сидели на корточках у крыльца, с огромным аппетитом поедая пирог с начинкой из ягод. Вид у них был очень довольный.

— Похоже, Тодди устроил целую облаву, — усмехнувшись, сказал Кен.

— Так оно и было, — Патриция встретила его на пороге, улыбаясь в ответ. — И еще Тодди принес сообщение от хрубанов. Завтра у нас появится вся деревня, да еще гости с юга. Мужчины помогут закончить конюшню, а женщины — готовить.

— Отлично, — кивнул Кен, растянувшись на диване.

— Ужин будет через несколько минут, милый. Пока отдохни, — голос Пат донесся уже из кухни.

Кен смежил веки, и звуки вокруг словно обрели четкость, усилились и обострились. До него долетали звон посуды и бульканье воды на плите, шорох легких шагов Пат, пение птиц, болтовня детей. Маленькие хрубаны заливались мурлыкающим смехом, когда Тодди коверкал некоторые слова. Они повторяли их снова и

снова, пока мальчик не произносил их правильно. Постепенно их голоса становились все тише, переходя в едва заметный гул. Кен погрузился в дремоту.

Утром разразилась гроза, задержавшая начало работы. Несмотря на сильный дождь, хрубаны все же пришли в поселок и отправились сушиться в столовую. По их словам, ливень должен был скоро кончиться. И правда, скоро выглянуло солнце, небо очистилось от туч, над быстро просыхающей почвой закрутился легкий парок.

К полудню были воздвигнуты две стены, и каркасы остальных только ждали, чтобы их обшили досками. Женщины позвали работников к столам, где в глиняных блюдах и на пластмассовых подносах дымились горки аппетитно зажаренных брнасов. Колонисты и хрубаны дружной гурьбой направились к площадке перед столовой.

Внезапно, не пройдя и половины пути, туземцы отделились от изумленных землян, бросились к мосту и, стремительно перебежав на другой берег, исчезли в лесу. Исчезли все — и мужчины, и женщины, и дети!

— Ну, как вам это понравилось? — пробормотал Сэм Гейнор, когда к людям вернулся дар речи.

— Очень странно... — Дот Мак-Ки покачала головой. — Не думаю, что они решили устроить забастовку перед обедом.

Кен покосился на лукавую рожицу Тодди, подбиравшегося к блюду с пирогом.

— Может ты, сынок, знаешь ответ?

Лицо Тодди приняло невинное выражение, но кусок пирога уже лежал на его тарелке. Он поднял глаза на отца.

— Почему они ушли, Тод?

— Ты, папа, слышишь хуже, чем они... чем Хрул и остальные... — мальчишка прожевал пирог и ткнул вверх испачканным в начинке пальцем. — Что-то спускается с неба. Очень большое... И громкое!

Как удивленно приподнял брови, и тут, словно подтверждая слова Тодди, из столовой раздался гудок приемника.

— Еще одна почтовая капсула? — пробормотал Лоренс. — От кого же на этот раз?

Прикончив пирог, Тодди вытер об штаны перепачканные вареньем ладошки и удивленно заявил:

— Нет. Что-то большое. Я слышу! — он энергично

потянулся заследующим куском, не обращая внимания на воцарившуюся вокруг тишину. Колонисты подавлено молчали.

— Как скоро! О, как скоро! — вымолвила наконец Пат; в голосе ее слышалось сдержанное рыдание.

— Контактеры из департамента Внешних Сношений? — предположил Экерд.

У Мак-Ки хватило хладнокровия сбегать за биноклем, однако к этому времени блеск металлического корпуса в лучах полуденного солнца был уже хорошо виден.

— Ты можешь разглядеть опознавательные знаки? — спросил Гейнор.

— Блики мешают. Но, похоже, корабль не слишком велик. Разведчик, а не транспорт. — Мэйси протянул инженеру бинокль. — Взгляни сам.

— Да, на транспорт не похоже, — заметил Гейнор после долгой паузы. Столпившиеся вокруг него колонисты дружно и с облегчением вздохнули. — Скорее всего, корабль Космодепа. Что скажешь, Базз? — бинокль переключал в руки Экерда.

— Нет, это не транспортное судно, — заключил пилот. — Разведчик Космодепа, судя по размерам.

— Кто бы это не был, для нас это означает неприятности, — проворчал Гейнор.

Корабль приземлился с долгим протяжным гулом, напоминавшим рев раненого зверя. Когда Ху Ши с Гейнором забрались в трактор и отправились приветствовать неожиданных гостей, Пат, прижавшись к мужу, тревожно шепнула:

— Как ты думаешь, почему ушли хрубаны? Мы их чем-то обидели?

— Спроси у нашего эксперта, — Кен взглядом показал на Тодди, расправлявшегося с третьим куском пирога. Вид у него был сосредоточенный, и заботы взрослых его явно не интересовали.

Когда трактор затормозил перед крыльцом столовой, возбуждение, страх и неуверенность колонистов достигли критической черты. В прицепе поднялся во весь рост невысокий коренастый человек, с коротко подстриженными, начинавшими седеть волосами. Его пронзительный взгляд мгновенно схватил всю картину: накрытые столы с остывающим обедом, группу мужчин и женщин с мрачными лицами, и Тодди, флегматично доедавшего пирог.

— Не хотите ли перекусить, командор Ландрю? — с вежливым полупоклоном предложил Ху Ши.

— Нет, благодарю вас, — последовал четкий ответ. — Даже ради такой роскоши, — он кивнул на столы, — я не могу отказываться от привычного рациона.

В этом суховатом замечании не было насмешки; простая констатация факта, не более. Кен, однако, содрогнулся, представив, что вскоре им предстоит вернуться к убогой земной пище.

— Командор Ландрю прибыл на Дьюну, чтобы выявить факты посягательств чужаков на права земных колонистов, — официальным тоном заявил Ху Ши.

— Именно так, — подтвердил командор. — И мне будет необходим помощник из местного населения. — Взгляд его скользнул по лицам колонистов, словно выискивая подходящую жертву.

— Следует уточнить понятие местного населения, сэр, — произнес Ли Лоренс с едва заметной насмешкой. — Мы считаем таковым хрубанов. Не сомневаюсь, они с готовностью окажут вам помощь.

Взмахом руки Ландрю прервал социолога.

— Космодеп считает, что местным населением этой планеты являетесь вы, и только вы.

— Но мы с этим не согласны, — заявил Кен, подражая безапелляционному тону командора.

Взгляд Ландрю уперся в него, словно стальной клинок. Кен выпрямился, и не отводя глаз, повторил:

— Да, мы не согласны с такой позицией Космодепа, и вам, Ландрю, придется это учесть! — Самоуверенность командора выводила Кена из себя, но он постарался сдерживать чувства. — Хрубаны населяют весь этот материк — достаточное доказательство того, что они являются исконными обитателями планеты. Мы установили с ними дружеские отношения и знаем, что они владеют местными ресурсами и сведениями о флоре и фауне Дьюны.

— В таком случае, — холодно произнес Ландрю, — вы подлежите строгому наказанию за несанкционированный контакт с аборигенами.

— Вот как? А что, надо было расстрелять их из бластеров и винтовок, когда они на нас наткнулись? — раздался громкий голос Гейнора.

— Ваш департамент слишком поверхностно обследовал планету, командор, — добавил Кен. Вы рекомен-

довали ее для колонизации, как необитаемую, не заметив ни одной деревни хрубанов. Невероятно! На континенте, я полагаю, сотни их поселений!

— Покажите хотя бы одно, — голос командора оставался невозмутимым, но в глазах блеснуло раздражение.

— С удовольствием! — Кен пристально посмотрел на стоявшего перед ним упрянца и махнул рукой в сторону моста. — Идемте!

— Не вижу причины тащиться пешком, — довольно резко заявил Ландрю. — У вас же есть вертолет!

Кен смерил его презрительным взглядом — столь же холодным, как и тот, который подарил ему командор.

— Деревня туземцев расположена в густом лесу, вертолет не может там приземлиться, — сказал он. — Мы пойдем пешком.

Ландрю пожал плечами и жестом предложил Кену показывать дорогу. Лоренс, чуть заметно кивнув головой Ху Ши, отправился следом за ними. Когда все трое пересекли мост, их нагнал Сэм Гейнор. В ответ на вопросительный взгляд Кена он махнул рукой и буркнул:

— Да, да, понимаю... Мы отрываем время от работы, но один черт знает, придется ли ее вообще закончить.

За мостом Кен прибавил шаг, не обращая внимания на предостерегающие знаки Лоренса, и полез в гору. Командор, однако, не отставал. Когда они преодолели половину каменистого склона, лоб Ландрю покрылся бисеринками пота. Лоренс и Гейнор, привыкшие к пешим прогулкам, шли без напряжения. Командор, тяжело дыша, старался выдержать предложенный темп.

Наконец, путники перевалили седловину и через несколько минут окунулись в приятную лесную прохладу. Древесные стволы и торчавшие там и тут каменные глыбы заставили Кена замедлить шаг. Вначале он не придавал значения тому, что не ощущает запаха дыма — хрубаны, собиравшиеся обедать в земном поселке, могли загасить свои котлы. Но когда они почти достигли поляны, и Кен не увидел среди деревьев привычных очертаний туземных домов, в душе у него зашевелилось неприятное чувство.

— Что за дьявольщина? — воскликнул Лоренс, недоуменно оглядываясь.

— На опушке — там, где Хрул чертил на земле план моста, — сейчас желтел нетронутый плотный слой сухих игл. Никаких следов не осталось от добротных домов и тяжелых деревянных лавок у центральной площадки. Ни одного выжженного круга в тех местах, где пылали костры... Поляна приняла первозданный вид; царившую вокруг тишину нарушал только шелест ветвей да торопливые шаги Кена и Лоренса, метавшихся в поисках хотя бы одного искусственного предмета.

Ландрю с иронией, граничившей со злорадством, наблюдал за ними.

— Ну, хватит розыгрышей, на коней, — громко произнес он. — Мы возвращаемся, и теперь я сам займусь этим делом!

Полагая, что протесты бесполезны, Кен только пожал плечами и направился к командору и Гейнору, стоявшим под деревьями. Внезапно из-за кустов на поляну выскочила маленькая фигурка. Тодди бросился туда, где еще недавно стоял дом Хрисса и, захлебываясь слезами, упал на колени.

— Они ушли! Ушли! — рыдал он. — Папа, папочка, где же они? Я не хочу... не хочу!

Кен присел рядом, положив руку на хрупкое плечо малыша.

— Не знаю, сынок... Я не могу ничего понять... — он повернул голову, стараясь не встречаться со страдальческим взглядом Тодди.

Внезапно мальчик сбросил его руку, поднялся и шагнул к Ландрю, который с насмешливой улыбкой поглядывал на эту сцену. Худенькое тело Тодди напряглось и, со всей ненавистью, порожденной разочарованием и горем, он обрушил свой гнев на командора.

— Ты! Ты виноват, что мои друзья ушли!

И сила, прозвучавшая в этом обвинении, заставила Ландрю отшатнуться.

ПОИСКИ

Кен миновал недостроенную конюшню, опорные столбы которой торчали вверх, словно укоризненно грозящие пальцы. Он шел, чтобы доложить Ландрю о результатах еще одного дня бесплодных поисков. Большая часть жуков-роботов еще не вернулась; те, что вернулись, были перезаряжены и отправлены в полет. Кен нес командору отснятые им пленки и надеялся, что их изучение займет гостя на весь вечер.

До сих пор только один раз они нашли следы огня. С триумфальным блеском в глазах Ландрю бросился к вертолету, но возвратился в мрачном молчании. По словам Экерда ничего таинственного или подозрительного они не обнаружили — обычный лесной пожар от удара молнии. Пламя уже угасло, лишь обожженная трава да несколько обугленных пней еще продолжали дымиться.

Прослышав о пещерах в горах, Ландрю организовал туда целую экспедицию. Однако в процессе поисков были обнаружены только обломки камней, пыль, да огромный ядовитый паук, атаковавший Бена Аджея. Ветеринара пришлось немедленно вывести в поселок, где Моуди с успехом испробовал на его лодыжке желтую мазь Мрва. Этот факт не заинтересовал Ландрю, хотя результаты химического анализа доказывали, что он состоял из местных растительных препаратов.

Кен невольно восхищался твердокаменным упрямством командора. Оставалось решительно непонятным, как хрубаны могли остаться незамеченными при таких энергичных поисках.

Он поднялся на крыльцо столовой, переступил порог и, шагнув к столу, за которым сидел Ландрю, вывалил перед ним кассеты с пленкой.

— Последние записи, — сообщил он, разглядывая бесстрастное лицо командора. — Нашей воздушной разведке приходит конец. Батареи в жуках садятся, их запас исчерпан.

Ландрю фыркнул, окатив Кена ледяным взглядом.

— Не понимаю я вас, Рив. Что, желаете вернуться на Землю? Нет? Тогда кого же считать обитателями

планеты — вас или эту вашу массовую галлюцинацию?

Кен ничего не ответил. Покинув столовую, он устало брел к своему домику, размышляя над словами командора. Соблазнительный намек... Не было никаких туземцев, никто не нарушал Принцип Раздельного Существования, и нет препятствий для заселения Дьюны... Прекрасное решение! Кен печально покачал головой. Он-то знал — как и все остальные колонисты — что хрубаны были исконными обитателями планеты. Значит, люди должны уйти.

Хрубаны не были галлюцинацией. И то, что они сумели исчезнуть столь таинственно и бесследно, доставляло Кену странное удовлетворение — особенно, когда он замечал растерянность, изредка вспыхивающую в глазах Ландрю. Ему было известно, где находятся две другие деревни, а Дотриш с Гейнором знали расположение еще трех. И нигде — ни одного следа, ни примятой травы, ни уголка от костров. Да, этот народ умел доводить дело до конца! Но чувство недоумения и потери продолжало терзать Кена.

Похожие ощущения испытывали и остальные колонисты.

— Хотел бы я знать, как теперь будут истолкованы те фильмы, что мы послали с первой капсулой. — заметил Лоренс во время совещания после целого дня бесплодных поисков. — Можно счесть нас идиотами или душевнобольными, но кроме пленок существуют и другие доказательства. Фотографии, звуковые записи, посуда туземцев...

— Ландрю ищет не туземцев, а чужих, инопланетную расу, — прервал социолога Мак-Ки.

— Это его дело, — покачал головой Кен. — Но куда, милостивый Боже, подевались наши хрубаны?

Подобные мысли продолжали крутиться у него в голове, когда он остановился, чтобы посмотреть мост. Его реальность не вызывала сомнений. Ветерок с гор овеивал лицо Кена; он глубоко втянул воздух, пытаясь различить слабый запах дыма. Нет, ничего... Только коричный аромат губчатых деревьев, смешанный с запахами воды и свежей травы. Тяжело вздохнув, он побрел к своему дому.

Здесь, под низко нависшими хвойными лапами, у кучи песка стояла скамейка. На ней, сжав между колен безвольные руки, сгорбился Тодди; его немигаю-

щий взгляд был устремлен на мост. У его ног сидело несколько детей постарше, мальчишек и девочек, занятых своими тихими робкими играми. Время от времени то один, то другой поглядывал на скорбное лицо малыша.

— Никаких перемен? — негромко спросил Кен у жены, бросив взгляд на сынишку.

Пат торопливо вытерла руки, чтобы обнять его, и покачала головой.

— Девочки уговорили его немного поесть... даже не знаю, как... — губы Патриции задрожали и, когда они с Кеном перешагнули порог, она уткнулась лицом в грудь мужа и тихо заплакала. Он молча гладил ее волосы, понимая, что слезы могут принести Пат облегчение.

— О, Кен, когда я думаю, как плохо обращалась с ним... и вижу нашего мальчика сидящим на этой скамейке... час за часом... И ночью... он ведь не спит ночью... Просто лежит, уставившись в потолок...

— Успокойся, дорогая, это не может продолжаться вечно, — Кен постарался придать своему голосу бодрость. — Ландрю не выдержит...

— Ты действительно так думаешь? — слезы катились по щекам Пат.

— Ну, в некотором смысле наш упрямый командор задержался здесь из-за Тодди.

— Кен, ты фантазируешь...

— Нет, малышка. У нас, взрослых, могли существовать причины, те или другие, чтобы обмануть Космодеп. Но не у шестилетнего ребенка! Ландрю хорошо запомнил его лицо... там, на поляне хрубанов, когда Тодди бросился на него с кулаками.

— Кен, мы вернемся назад? — в заплаканных глазах Патриции стояла тоска. — Я имею в виду, придет ли за нами транспорт... после того, как улетит Ландрю?

— Сейчас это не самый главный вопрос. Сначала надо выяснить, почему ушли хрубаны.

Тодди все еще сидел на скамейке, когда остальные члены семьи кончили ужинать. Наконец Пат встала и понесла ему тарелку с куском пирога. Кен повернулся. Каждый вечер на этой неделе она пыталась накормить их безутешного сына и каждый раз терпела неудачу. И теперь, после долгих уговоров, она вернулась в комнату искать утешения у Кена.

Однако на этом дневные передряги еще не завершились. Кен услышал шаги, затем раздался резковатый голос Кейт Моуди, и спустя минуту она вышла из-за деревьев. С ней был командор Ландрю. Они подошли к сгорбившемуся на скамье Тодди, и что-то в лице врача подсказало Кену, что ему лучше присоединиться к ним. Он встал и, взяв Пат за руку, вышел во двор.

— Мне плевать на ваши полномочия, командор, — сердито сказала Кейт, не глядя на своего спутника. — Вот малыш, который поручен моим заботам, и я не позволю, чтобы ваше глупое упрямство причинило ему вред!

— И поэтому вы считаете, что я, представитель одного из государственных департаментов, должен прекратить расследование? — Ландрю с воинственным видом уставился на Кейт, выпятив челюсть.

Врач насмешливо фыркнула.

— Не будьте смешным, командор! И не смотрите на меня так угрожающе! Я не собираюсь ни облегчать вашу совесть, ни спасать репутацию!

Ландрю бросил взгляд на мальчика, потом посмотрел на лица его родителей, избегая встречаться глазами с Кейт. Что-то пробурчав, он резко повернулся на каблуках и зашагал обратно к столовой.

Глубокой ночью мирную тишину колонии разорвал рев стартовых двигателей. Кен, набросив одеяло, выскочил на крыльцо, успев заметить ослепительный сноп огня, метнувшийся к восточному горизонту.

— Вздумалось же ему взлететь посреди ночи, — недовольно пробурчал он, провожая взглядом яркое пятнышко. — Надеюсь, он не вернется продолжать поиски.

Пробираясь в темноте по коридору, он заглянул в комнату Тодди. При слабом свете звезд, струившемся из окна, Кен различил свернувшееся под одеялом тело мальчика. Малыш пошевелился, тяжело вздохнул и через миг ровное сопение наполнило комнату. Кен постоял с минуту, прислушиваясь, потом направился к себе.

— Ландрю улетел, а Тодди спит, — сказал он Пат, глядевшей на него широко раскрытыми глазами.

— Спит? — она встрепелась, но Кен ласково погладил ее по плечу.

— Успокойся, малышка. Готов держать пари, что завтра хрубаны вернутся.

— Но, Кен, как ты можешь быть так уверен?

Прежде, чем ответить, он взбил подушку и вытянулся на постели.

— Я ни в чем не уверен, милая. Но давай обождем до завтра.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

— Кейт Моуди, я не позволю накачивать моего ребенка этими лекарствами! — для вящей убедительности Кен стукнул кулаком по столу.

— Кеннет Рив, ты такой же упрямец, как и твой сын! — вспыхнула Кейт.

— Ну и отлично! И никаких допросов под гипнозом! Мой мальчик — не шпион в стане врагов! Нечего использовать его для удовлетворения женского любопытства!

С минуту они с Кейт прожигали друг друга взглядами. Затем врач сухо произнесла:

— Очень характерно для мужчин ссылаться на женское любопытство, когда им нечего сказать. Ты прекрасно знаешь, что речь идет о более серьезных вещах.

— И тем не менее, я не хочу, чтобы Тодди выпытывал у Хрисса какие-нибудь тайны хрубанов! Это осквернит их дружбу!

— Но ты бы мог спросить у мальчика...

— Подождите, вы, двое, — сказала Пат, вклиниваясь между спорщиками. — Боюсь, Кейт, ты переоцениваешь наши возможности.

Врач с удивлением уставилась на нее.

— Что ты имеешь в виду, Патриция?

— Тодди — мастер односложных ответов. Думаешь, я не спрашивала у него? Вот послушай, — Пат мило улыбнулась: «Сынок, ты хорошо провел день с Хриссом?» — «Да», — голос ее стал тонким, почти как у Тодди. — «Что вы делали?» — «Ничего». — «А что Мрва давала вам на обед?» — «Ореховую пасту». — «Что ты говоришь! Вкусную?» — «Да».

Пат взглянула на мужа и Кейт, в ее глазах плясали веселые искорки.

— Не думаю, что такие разговоры дали бы нам много полезного. Я пыталась выяснить у него насчет этого таинственного исчезновения. Знаете, что он сказал?

— Что? — Кейт приоткрыла рот в нетерпеливом ожидании.

— «Они были в другом месте, мама.» Вот так! Были в другом месте, и все!

Кейт, расстроенная, поднялась со скамьи — той са-

мой, на которой Тодди отсидел не один час, — и устремила взгляд на мост.

— Забавная ситуация, — произнесла она, потирая ладонью висок. — Похоже, Ландрю был прав. Они — не туземцы Дьюны; они — чужие.

Кен наклонился вперед, опираясь локтями о колени.

— Думаю, в этом не стоит сомневаться, — неохотно согласился он. — Как примитивная раса может в считанные минуты демонтировать полдюжины поселков и надежно спрятать их? И где? Укрыть в лесу или в пещерах? Затопить в реке? Невероятно! — он покачал головой. — Даже с нашей технологией подобная задача невыполнима.

Он встал и подошел к Кейт, коснувшись ее руки, будто просил извинения за свою недавнюю резкость. Вместе они глядели на мост, когда на дальнем его конце возникла фигурка Тодди. Мальчуган еле волочил ноги — должно быть, набегался за день, подумал Кен. Вдруг он замер, повернулся к лесу и помахал кому-то рукой. Перешел мост, пнул камешек на дороге и неторопливо зашагал к дому.

— Не понимаю, задумчиво произнесла, Кейт, — почему они исчезли? Зачем решили спрятаться от Ландрю? Ведь им отлично известно, что мы сняли фильм в их деревне, сделали звуковые записи...

Кен молча развел руками. Случившееся было для него такой же загадкой, как и для Кейт. С минуту они молчали.

— Какую опасность мог представлять для них один человек на маленьком корабле? — врач следила за приближающимся к дому Тодом. — Почему они не пожелали встретиться с ним?

Тодди остановился и поглядел на взрослых.

— Хрисс говорит, что не все вещи готовы, — вдруг заявил он.

— Да? — медленно произнесла Пат, бросив предостерегающий взгляд на Кена. — Какие же вещи, сынок?

Тодди пожал хрупкими плечиками.

— Ну, разные вещи, — он опустил глаза на свои грязные босые ноги, затем посмотрел в сторону моста, над которым висел оранжевый диск заходящего солнца.

— Значит, им пришлось уйти, чтобы подготовить эти вещи? — равнодушным тоном спросила Кейт; казалось, этот разговор совершенно не интересовал ее.

— Наверное, — Тодди снова пожал плечами. — Мама, я есть хочу. Мы с Хриссом не успели поужинать.

— Сейчас, мой хороший. Только умойся сначала. — Пат повела сынишку на кухню.

Оставшись в одиночестве, Кен и Кейт обменялись недоуменными взглядами.

— Что это за вещи? — сказал Кен. — И что они готовят? — в его голосе прозвучало подозрение.

— Ну, если взять в качестве примера нашу Землю и царящий на ней беспорядок, у них могло произойти что угодно, — заметила врач. — Перерыв в связи, сбой в работе компьютеров, авария судна — любое обстоятельство, нарушившее их собственную программу колонизации Дьюны.

— Ты думаешь, справедливо экстраполировать наши собственные неурядицы на совершенно чуждое общество? Это ведь другая раса, Кейт! И мы даже не представляем, на каком уровне технологического развития они находятся.

Внезапно Кен замолчал, пытаясь поймать мелькнувшую в голове мысль. Что-то необычное произошло в то утро, когда Тодди впервые сбежал в деревню хрубанов... На обратном пути их сопровождал Хрул... они остановились на перевале... Перед мысленным взором Кена вдруг всплыла фигурка молодого хрубана... он сидит на корточках и что-то механически чертит на земле... на плечах — Тодди, спрятавший личико в густой гриве... Рисунок! Что именно пытался изобразить Хрул? Кен полузакрыв глаза, восстанавливая в памяти чертеж. Концентрические окружности, на них — маленькие кружки, некоторые соединены прямыми линиями... Схема атома? Или солнечной системы? Что хотел сказать ему Хрул? И почему это нельзя было произнести вслух?

— Что с тобой? — растерянно спросила Кейт, озадаченная его долгим молчанием.

— Не могу вспомнить одну вещь... Она может оказаться очень важной, — пробормотал Кен с сокрушенным видом. Не хватало только, чтобы Кейт приняла его за сумасшедшего!

И внезапно Кен понял, в чем заключалась причина странного поведения молодого хрубана. Хрул не имел права сказать правду, но он дал намек! Молчаливый намек, ибо наверняка у него был с собой магнитофон,

фиксирующий все их разговоры... крошечный прибор, который легко спрятать на теле в густой шерсти или рукоятке ножа... Несложная задача для народа, который умеет мгновенно перемещать целые поселения! Кен глубоко вздохнул. Но это значит... значит, что такие же подслушивающие устройства хрубаны могли установить в столовой, на складе, в каждом доме, где они побывали...

Его охватила паника, когда он вспомнил откровенные разговоры на собраниях колонистов. Что из сказанного могло бы насторожить хрубанов, поставить под удар добрые отношения с людьми?

Внезапно мысли его обрели иное направление. Кто же раньше появился на Дьюне — люди или хрубаны? Их колония существует здесь уже целый год по земному времени... Нет, не стоит тешить себя надеждой на приоритет! Конечно, хрубаны были первыми. Их знание флоры и фауны планеты казалось всеобъемлющим. Да и сами масштабы колонизации! Шесть поселков, известных землянам, — и сколько еще может скрываться в лесных дебрях огромного континента?

Да, но почему же столь примитивен их быт? Копья, ножи, костры, глиняная посуда... Где машины и механизмы, автоматика и компьютеры — достижения высокоразвитой цивилизации. Впрочем, подумал Кен, и земная колония оснащена не так уж богато. Пока у них есть только вертолет да трактор с подъемником и тележкой... ну и тепловые конверторы... оружие... два десятка роботов-жуков для воздушной разведки... Пожалуй, и все.

Кейт дернула его за рукав, и Кен, очнувшись, пробурчал что-то в ответ, отодвинув загадку в самый дальний уголок памяти. Лучше поразмышлять на эти темы, когда он останется один и вновь обрести ясную голову.

Такой случай представился ему лишь поздно вечером, когда Кейт ушла, и он смог погрузиться в решение главной проблемы. Так кто же такие хрубаны — искренние друзья или коварные враги? Насколько развитой является их цивилизация? Способны ли они уничтожить Землю — и ставят ли перед собой такую задачу? Не разделит ли Земля через сотню-другую лет участь Сиванны? И, наконец, зачем хрубаны выдают себя за простодушных туземцев-кочевников?

Эти вопросы вновь и вновь крутились в голове Кена, пока он не забылся беспокойным сном. Но сон не принес желанного отдыха; кошмары мучили его. Кен бродил по огромному безлюдному городу, по улицам, подобным ущельям, в которые не попадает луч солнца. Вокруг громоздились гигантские башни, уходя ровными рядами в бескрайнюю даль, теряясь где-то за горизонтом. Он скитался в этих теснинах года, десятилетия, века. Он жаждал увидеть солнце! Это желание становилось все нестерпимей, все неистовей... Наконец, он понял, что никогда не выберется из этого мрачного серого лабиринта. Он бросился к шершавой каменной стене ближайшей башни и обнаружил, что может подняться наверх. Странно, ведь стены казались такими отвесными... Он лез к небу и солнцу, изнемогая от усталости и страха, и вдруг башня начала стремительно расти, вытягиваться вверх; соседние, как по команде съезжились, уходя под землю. Вспышка солнечного света ударила ему в глаза, и Кен проснулся.

Позвякивание тарелок окончательно пробудило его. Пошатываясь, он отправился на кухню, где Пат мыла посуду.

— Доброе утро, — хрипло произнес Кен и откашлялся. — Тодди уже ушел?

— Конечно, соня, — ответила Пат, наливая ему кофе.

— Жаль. Я хотел с ним поговорить.

— Ну, для этого пришлось бы подниматься до рассвета, дорогой. Я не стала тебя будить... ты спал так беспокойно.

Кивнув, Кен склонился над чашкой, потягивая маленькими глотками ароматный напиток. Пат хлопотала у плиты, что-то отмеряла, смешивала, взбивала. Он подумал, что никогда с таким удовольствием не наблюдал за ее движениями.

— Я приготовлю сегодня торт — по старому рецепту, который раскопала где-то Ильза... — руки жены летали над миской. — Так... мука, масло, яйца — это у нас есть... Но вот сладкий кленовый сироп... я даже не знаю, как он выглядит... — она рассмеялась. — Знаешь, Ильза думает, что сироп похож на сок дерева рлба, но я в этом сильно сомневаюсь... — Кен разделял ее сомнения. — Придется взять пасту из ягод, которую прислала Мрва... Вот так! Торт будет просто объеденье! — она выложила смесь в большую сковороду.

— Пат, скажи мне, ты счастлива? — неожиданно спросил Кен, прервав жену на полуслове. Пат опустила сковороду на плиту, удивленно посмотрела на него, задумалась.

— Да, милый, — решительно ответила она. — Я счастлива, когда не думаю о том, что нам придется улетать отсюда. Только сейчас я начала понимать, какой пустой и бесполезной была моя жизнь на Земле... Эти машины, которые делают за тебя всю работу... и вечно ломаются! Эти вечные ожидания ремонта... — она усмехнулась. — Здесь не надо ждать. Здесь я все делаю сама. Не надо толкаться в коридорах и лифтах, не надо...

— Горит! — перебил ее Кен, показывая на плиту.

— О, Боже! — всплеснув руками, Пат устремилась спасти свой торт.

Раздался осторожный стук в дверь, и на пороге кухни возникла худощавая фигурка Билла Моуди.

— Здравствуйте, мистер Рив! Меня послал мистер Аджей... ему нужна помощь, и поскорее. Неприятности!

Ничего больше не объяснив, мальчик исчез. Вкочив, Кен сбросил пижаму и начал натягивать комбинезон, потом — сапоги. Махнув рукой Пат, он выскочил на крыльцо.

У конюшни его уже дожидались Бен, Хрул, Вик Солинару и Мак-Ки; все четверо — верхом. Ветеринар держал поводья уже оседланной Соксы, и Кен единым махом взлетел ей на спину.

— Урфы, — коротко объяснил Бен причину тревоги. — Большое стадо, мчится к реке прямо по нашим полям, Хрул заметил их с перевала, когда шел к нам.

Волнение всадников передалось животным; лошади нервно перебирали ногами, оглашая двор конюшни залившимся ржанием. Аджей, ударив каблуками своего жеребца, пустил его в галоп. Кен едва не прикусил язык, когда его кобыла рванулась следом как одержимая. Рядом с ним, насупив брови и ухватившись одной рукой за переднюю луку седла, скакал Солинару — всадник столь же неопытный, как и он сам. Аджей и Мак-Ки вырвались вперед; Хрул почти не отставал от них. Рот его приоткрылся в улыбке, и Кен понял — молодой хрубан наслаждался этой бешеной скачкой.

Вдали выросло облако пыли, в его разрывах виднелись черные рогатые головы и мощные шеи урфов, вожakov стада. Они неслись прямо по засеянному полю

к реке; пятерка всадников казалась ничтожным препятствием, которое этот грохочущий тысячами копыт поток мог опрокинуть в мгновение ока. Сердце Кена готово было выпрыгнуть из груди, и он едва успел натянуть повод, когда Аджей остановил своего жеребца. Остальные собрались вокруг него.

— Надо заставить вожakov повернуть, — сказал Бен, вытянув руку в сторону стада. — Мы отгоним их к северу, за границу засеянных земель. Думаю, это будет не трудно — урфы никогда не видели лошадей, а все неизвестное пугает. Так что, кричите парни, погромче, и старайтесь не свалиться с седла. Пошли!

Его жеребец рванулся вперед и через минуту всадники оказались перед стеной остроконечных рогов и налитых кровью глаз. Урфы, конечно, никогда не видели лошадей, но увлеченные стремительным бегом не собирались их замечать. А лошади... Они тоже не видели раньше урфов, особенно в таком количестве. Неизвестное пугает! Кен вдруг почувствовал, как Сокса повернула, не обращая внимания на его попытки овладеть ситуацией, и ударилась в позорное бегство. Оглянувшись, он увидел Бена, Хрула и Мак-Ки — они сумели справиться с лошадьми и теперь скакали в клубах пыли рядом с передовыми животными, дико улюлюкая и размахивая руками.

Ругаясь от негодования и стыда, Кен резко дернул повод. Сокса, однако, не желала останавливаться, и пока он явно проигрывал их единоборство. Яростно натянув поводья, Кен едва не вырвал изо рта лошади мундштук; она встала на дыбы, дрожа и роняя хлопья окровавленной пены. Не обращая внимания на боль в содранных коленях, Кен стиснул ее бока, цепляясь одной рукой за седло. Он прилагал невероятные усилия, чтобы не грохнуться оземь и, похоже, это ему удалось. Внезапно Кен обнаружил, что все еще сидит на спине лошади, ухватившись за переднюю луку. Сокса повернула к нему голову, укоризненно покосилась беспокойным глазом — мол, за что ты меня мучаешь?

Он перевел дух и пустил кобылу легким галопом. Приподнявшись в стремях и прищулив глаза, Кен увидел трех всадников на фоне косматых тел; похоже, им удалось повернуть стадо. Но где же Солиари? Он вертел головой, пока не заметил у склона холма в дальнем конце долины облачко пыли. Далеко же

унесло Вика! Если, конечно, он удержался в седле... На таком расстоянии Кен не мог разглядеть ни лошади, ни всадника.

Тронув каблуками бока Соксы, он повернул ее к холмам. Кобыла, очень довольная, потрусила вперед; этот маршрут уводил ее подальше от стада страшных рогатых зверей. Каждый толчок больно отзывался в кровоточащих коленях Кена; его бедра и ягодицы превратились в один огромный синяк. Склон холма, тем не менее, приближался, и Кен, полный мрачных предчувствий начет судьбы Солинали, поторопил лошадь. Теперь он ясно видел полосу примятой травы — там, где промчался скакун Вика. След вел вверх, переваливая за гребень холма.

Внезапно ветер донес испуганное ржание, потом — резко оборвавшийся предсмертный вопль. Кен похолодел. Потеря лошади была бы небольшой бедой по сравнению с гибелью Вика... Может, он все-таки свалился раньше?

Сокса вновь занервничала, перешла на шаг, затем стала, дрожа всем телом. Кен хлестнул ее поводья; к его удивлению, кобыла, жалобно заржав, подчинилась. Она резко поскакала вперед, пофыркивая и мотая головой, в то время как Кен пытался сообразить, чей же крик он слышал — животного или человека. Нет, конечно, человек не мог так кричать... Значит — лошадь? Что же случилось? Напал разъяренный мад? Или стая сорасов?

Сокса резво вынесла его на гребень, откуда открывался вид на соседнюю долину, и вдруг встала на дыбы, молотя передними ногами воздух. Затем она развернулась и с паническим визгом, так напоминавшим вопль лошади Солинали, бросились вниз по склону. Кен не пытался остановить этот сумасшедший галоп. Чудовище, оседлавшее труп кобылы Вика, могло пригрезниться только в кошмарном сне — огромный крокодил или дракон с пастью, в которой бы поместилась половина лошади... Так, во всяком случае, решил Кен — и он не испытывал желания уточнять детали. Правда, он успел заметить, что поблизости от страшной рептилии не было тела Солинали.

Постепенно ему удалось успокоить Соксу, и кобыла перешла на неспешную рысцу, не столь болезненно отдававшуюся в ягодицах Кена. Ласковые уговоры, адресованные лошади, он перемежал со страшными прок-

лтиями космодеповским спецам, обследовавшим планету. Ладно, хрубанов, мастеров играть в прятки, они просмотрели. Но монстров, способных справиться с лошадью! Где были их глаза!

Сокса, уставшая от бешеной скачки и волнений этого беспокойного утра, едва плелась, и никакими понуканиями нельзя было заставить ее двигаться быстрее. Кен возвращался по своим следам. Посмотрев налево, он увидел стадо урфов, которые мирно паслись на берегу, милях в двух от поселка. Потом взгляд его скользнул к мосту; там, на фоне голубого неба, вырисовывался силуэт одинокого всадника. Чуть откинувшись в седле, опустив поводья, он уехал навстречу, спокойный и безмятежный, как простиравшаяся вокруг долина. Чувство безвозвратной утраты вдруг затопило Кена. Неужели он должен покинуть этот мир, великолепное, необозримое сосредоточие опасности и счастья?

Кен резко остановил лошадь рядом с кобылой Мэйси Мак-Ки.

— Солилари? — выдохнул он, в силах задать связанный вопрос.

— Сломал ногу, вылетев из седла. Ты нашел его лошадь?

— Ммм... В каком-то смысле... — Он испытал огромное облегчение, узнав, что Вик жив.

Мак-Ки приподнял брови.

— В каком-то смысле? Что это значит?

— В нашем активе кроме туземцев теперь имеются гигантские рептилии. Любопытно, что еще проглядели разведчики Космодепа? Может, тут водятся мамонты и саблезубые тигры?

— Рептилии? Какие еще рептилии?

— Очень впечатляющего вида... Способны проглотить лошадь целиком.

Оставив Мак-Ки поразмышлять над этим замечанием, Кен повернул в сторону конюшни. Солнце уже стояло в зените, когда он, наконец, покинул седло. Сокса, пошатываясь, сделала несколько шагов и припала к корыту с водой. Из сарая выскочили Аджей и Хрул, на их лицах ясно читалось облегчение.

— Куда ты пропал? — спросил ветеринар, оглаживая лошадь.

— Искал Солилари, — только сейчас Кен заметил, что еще сжимает в руках повод.

— У него перелом голени, — Аджей попытался выдернуть ремень из его кулака. — Ты видел, как он свалился?

Кен покачал головой. Внутренняя поверхность бедер горела, икры сводило судорогой. Опершись на руку Аджея, он шагнул к крыльцу, решительно отодвинул в сторону морду Соксы и погрузил лицо в воду. Прохладная влага отрезвила его.

Выпрямившись, он уставился на Бена.

— Урфы никогда не видели лошадей, говоришь? А неизвестное, значит, пугает?

— Виноват, Кен, — с искренним сожалением развел руками Аджей. — Мне как-то не пришло в голову, что на это дело можно посмотреть и с другой стороны...

— Ладно... Всё кончилось бы хорошо, если бы не этот крокодил...

— Крокодил? — ветеринар, снимавший с Соксы пропотевшее седло, в изумлении уставился на Кена.

— Точнее — рептилия... с огромной пастью... — Кен бросил внимательный взгляд на Хрула. — Она сейчас завтракает лошадей Солинали. Я не успел рассмотреть других подробностей, ведь мы даже не прихватили винтовки.

— Но в отчете разведчиков не упоминались рептилии или ящеры подобных размеров!

— Там не упоминалось и о хрубанах, — напомнил Кен, вытирая ладонью лицо. Он снова оглянулся на Хрула. Молодой хрубан стоял, подняв глаза вверх и к чему-то прислушивался.

Кен шагнул к нему и крепко схватил за руку.

— Что, к нам снова гости? — его тон был резким, почти грубым, и он даже не подумал использовать язык туземцев. — А вы — вы опять исчезаете?

— Ничего не поделаешь, Ррив, — Хрул с улыбкой освободил руку. — Я бы остался — с огромным желанием. До встречи. — Он кивнул на прощание и быстрым шагом направился к мосту.

— Что это значит. Кен? — ошеломленный ветеринар уставился вслед хрубану. — Что ты имел в виду? И почему Хрул умчался сломя голову?

— Скоро поймешь, дружище, скоро ты все поймешь, — заверил его Кен и, пошатываясь, побрел к дому.

КУТЕРЬМА

— Кен, — за дверью ванной раздался жалобный голос Пат, — Ху Ши спрашивает, когда ты появишься на собрании.

— Черт побери! Когда приду в себя! — рывкнул Кен, потирая отмокавшие в горячей воде ягодицы. Кусок льда, приложенный к затылку, соскользнул в ванну и растворился прежде, чем Кен смог нащарить его на гладком пластиковом дне. Он немного подождал. Похоже, голова перестала кружиться, и кровь больше не стреляла в висках.

— Тебе лучше? — робко спросила Пат.

— Нет! Оставь меня в покое!

Он не собирался так скоро покидать свое уютное убежище, но когда Ху Ши явился сам и вежливо постучал в дверь, Кен, кряхтя, вылез из полуостывшей ванны. Вытирался он с превеликой осторожностью.

— Прости, Кен, но ты нам нужен, — сказал Ху Ши, когда его помощник, закутанный в махровую простыню, вышел в коридор. — Хрубаны снова исчезли. Если бы не фотографии и фильмы, все обитатели колонии были бы объявлены душевнобольными.

— И отлично! — воскликнул разъяренный Кен, тут же издав жалобный вопль, ибо в запале хлопнул себя ладонью по бедру. — Во имя ран Христовых, пошлите за Эзрой Моуди и его чудодейственными мазями!

Пат подняла на руководителя колонии испуганный взгляд.

— Значит, они опять ушли. Но... но...

— Да, исчезли. Когда Ли попробовал... — вдруг метрополог, не закончив фразы, начал оглядываться по сторонам. — Кстати, где Тод?

В ответ у Патриции вырвался крик ужаса. Кен бросился к детской, и рывком распахнул дверь, ободрав о притолоку палец. Комната была пуста.

— Никаких признаков Тода! — сообщил он и сунул кровоточащий палец в рот.

— О, Кен, твои колени! — Пат едва не расплакалась, увидев покрытую синяками и царапинами кожу.

— Черт с ними, с коленями! — Кен трясся от гне-

ва. — Ну, Хрул, доберусь я до тебя! Будешь бегать без хвоста!

— Кен, ты... ты ведь не думаешь, что они причинят какой-нибудь вред Тодди?

Кен замер, глядя на Пат и только сейчас сообразив, что слишком многое сказал при жене. Лицо ее побледнело, осунулось, в глазах стояли слезы.

— Тодди в безопасности, — сказал он. — Хрубаны придают огромное значение своей репутации. Но все это смешно и нелепо! Нелепо! — Кен с силой ударил кулаком по стене. — И если ты, мой дорогой начальник, — он повернулся к Ху Ши, — желаешь, чтобы я выступил перед этими недоумками, этими севшими в лужу ксенофобами, я скажу все, что я думаю об их вонючем департаменте.

— Кеннет Рив! — взвизгнула Патриция. — Что ты себе позволяешь...

Кен взглянул на жену с такой яростью, что она отпрянула назад, замолчав на полуслове. Бросив не менее яростный взгляд на администратора колонии, он выскочил из гостиной.

— Кен, Кен! — догнал его жалобный возглас Пат. — Что ты хочешь делать?

— Всего лишь лечь в постель и оставаться там как можно дольше!

— А Тодди? — с дрожью в голосе спросила Пат, подскочив к двери спальни.

— Тодди — единственный человек на этой планете, который способен позаботиться о себе сам!

С этими словами Кен захлопнул дверь перед носом жены и плюхнулся в кровать, шипя от боли. Где же этот Моуди? Врач он или нет? Где его черти носят? Боже! Колени так и горят! А ягодицы... Лучше не думать об этом!

Он вертелся в постели, стараясь устроиться поудобнее и одновременно прислушиваясь к шепоту за дверью — Пат совещалась с Ху Ши. Затем наступила тишина. Проглотив еще пару таблеток болеутоляющего, Кен лежал на спине, уставившись глазами в потолок и рисуя картины страшной расправы, которую он учинит над Эзрой Моуди. Конечно, если ему суждено подняться живым с этого одра страданий.

В дверь тихо постучали.

— Войдите! — прорычал Кен.

На пороге появился Моуди с чемоданчиком. При виде его лица, Кен, не взирая на боль, не смог удержаться от смеха. Похоже, врач сам готовился стать пациентом.

— Ладно, Эзра, заходи! И не обращай внимания на то, что тебе говорила Пат. Только сделай что-нибудь... и поскорее!

Моуди откинул одеяло и, обследовав нижние конечности больного, присвистнул. Вытащив флакончик, он, с неожиданной ловкостью действуя распылителем, начал покрывать эмульсией бедра и колени Кена. Резкое жжение и боль утихли, и через пару минут врач велел ему перевернуться на живот.

Последовало долгое молчание. Уткнувшись лицом в подушку, Кен размышлял о том, какие замечательные открытия сделал Моуди, обозревая нижнюю часть его тела. Наконец, врач хихикнул и пробормотал:

— Хотел бы я взглянуть на спину той несчастной лошади...

— На ней было седло! — скрипнул зубами Кен. — А на мне — только штаны! И эта проклятая тварь, мерзкая, трусливая, тупая, упрямая...

— Нет, до Вика тебе далеко, — заявил Моуди, щедро поливая эмульсией ягодицы Кена. — Послушал бы ты, что он поет! И где только человек поднабрался таких выражений!

Закончив работу, врач коснулся пару раз потертых мест. Ощущение было не из приятных, но острой боли Кен уже не чувствовал.

— Ну, вот, ты почти в порядке. А сейчас, — голос Моуди стал серьезным, — шел бы ты в столовую, Кен. Ши сражается, как лев... как очень вежливый лев, я хочу сказать. Пора бы продемонстрировать и когти.

— Дело так плохо? — Кен потянулся к комбинезону.

Моуди угрюмо кивнул, помогая ему влезть в штаны и натянуть сапоги. Когда они шли к столовой, Кен увидел на посадочной площадке колонноподобные очертания корабля. Он был больше одноместного разведчика Ландрю, ибо представители Колониального департамента предпочитали наносить визиты целыми делегациями.

— Эти типы считают, что мы изобрели хрубанов—

специально для того, чтобы поиздеваться над руководством их департамента, — заметил Моуди.

Кен скрипнул зубами и ускорил шаги. Чувствовал он себя неважно, но голова была ясной.

— С другой стороны, — продолжал Моуди, — они утверждают, что мы дали туземцам скрыться и не продемонстрировали их представителю Космодепу — как доказательство вины первооткрывателей Дьюны. Только представь себе — мы дали туземцам скрыться! О чем думают чиновники на Земле! Только грызутся друг с другом!

— Дуболомы! — пробормотал Кен. — Им не понять, каково нам сейчас!

Резким ударом он распахнул дверь и остановился на пороге, осматривая просторное помещение.

Ху Ши стоял, опираясь обеими ладонями о длинный обеденный стол; выглядел он совершенно изможденным. Рядом сидели Гейнор и Лоренс, оба бледные от ярости. Напротив развалились четыре чиновника Космического департамента, в пол-уха слушая Эйба Дотриша, с наигранным энтузиазмом демонстрировавшего им коллекцию изделий хрубанов. Остальные колонисты жались по углам.

Заметив Кена, Патриция привстала с места, и Дотриш, повернув голову, замолк, на середине фразы. Посланцы Земли прекратили перешептываться и подняли глаза на вошедшего.

— Кен! Наконец-то! — с облегчением произнес Ху Ши. — Как ты себя чувствуешь?

— Ничего, выживу, — заявил его помощник и, прихрамывая, направился к делегации.

— Господа, позвольте представить вам Кеннета Рива, нашего лингвиста и эксперта по туземным проблемам, — начал Ху Ши, — Кен, у нас в гостях...

— Это тот самый парень, который якобы видел огромную рептилию? — бесцеремонно прервал метрополога один из чиновников, низенький и толстый. Не обращая внимания ни на Ху Ши, ни на ботаника, растерянно перебиравшего свои экспонаты, толстяк уставился на Кена испытующим взглядом.

— Должен заметить, Хаминейд, — начал другой член делегации, высокий и сухопарый, — что я знаком с тестом мистера Рива. Помните Массарика из Комитета по обеспечению? Так вот, он...

— Да, Хаминейд, — прервал сухопарого Кен, — это

я видел местную разновидность дракона. К счастью, он мной не заинтересовался, поскольку доедал лошадь.

— На этой лошади ехал один из ваших мифических котов-туземцев?

— Нет. Хрул — не нам чета, он — прирожденный наездник. Погибла лошадь Солинару, одного из тех бедолаг, которых вы послали на эту планету без должной подготовки, снабдив ложной информацией. И теперь мы рассчитываемся за это кровавым потом, сломанными конечностями и мозолями на заднице.

Распалившись, Кен не обращал внимания ни на предупредительные знаки, которые делала ему Пат, ни на отчаянные жесты Ху Ши. Сейчас он покажет этим чиновным лбам все прелести Дьюны!

— Я готов продемонстрировать вам эту гигантскую рептилию, которую почему-то проглядели разведчики первой фазы. Конечно, и она может исчезнуть подобно нашим мифическим туземцам и моему шестилетнему сыну. Но если повезет и мы ее разыщем, могу гарантировать, что вам уже не захочется улыбаться... — Кен повернулся к пилоту. — Экерд, готовь вертолет! Я хочу показать дорогим гостям, — он ядовито усмехнулся, — наши местные достопримечательности!

Резко повернувшись, он вышел из комнаты, не заботясь о том, последует ли за ним делегация. За спиной раздался шум голосов и топот ног. Чиновники желали полюбоваться экзотическим зрелищем.

* * *

Несмотря на перегрузку, на вертолете они добрались до места значительно быстрее, чем Кен проделал это путешествие утром на лошади. К счастью, дракон никуда не собирался исчезать.

Раздувшийся, разомлевший на солнце, он лежал у подножия холма. От лошади не осталось даже костей.

С холодной улыбкой Кен ткнул вниз пальцем, наблюдая как перекошились от страха и отвращения лица гостей; им, выросшим в тепличных условиях Земли, эта картина должна была показаться ужасной. Самообладание сохранил один Хаминейд. Но и он явно не жаждал задерживаться здесь, а посему Базз развернул машину и направил ее к поселку.

— Не понимаю, — прервав молчание, заметил толстяк, — почему вы, Рив, позволяете своему сыну бродить по окрестностям, если здесь водятся такие твари. Подвергать опасности маленького ребенка!

— Тодди не из тех людей, которые цепенеют от страха, — сказал Базз с нервным смешком. — Попадись ему этот дракон, неизвестно, кто выжил бы после встречи...

Кен ухмыльнулся, озирая позеленевшие лица гостей.

— Во-первых, Хаминейд, — начал он, — мы не знали, что на Дьуне обитают подобные монстры. А во-вторых, если кто и представляет опасность для колонии, так это визитеры вроде вас. Вы ничего не хотите замечать! Ничего, что угрожает вашему уютному и сытому существованию, вашим теориям и инструкциям, вашим высоким постам. Ну, я надеюсь, теперь вы поверили своим глазам, увидев, как этот крокодил переваривает лошадь? Или полюбуемся на него еще раз?

— Мистер Рив, в этом нет необходимости, — вставил сухопарый чиновник, прикрывая платком рот; лицо его исказилось от ужаса.

— Как пожелаете, — Кен развел руками. — Если вид животного, переваривающего пищу, отвратителен для вас...

Сухопарый дернулся. Хаминейд выглядел невозмутимым, но глаза его сузились и лицо приняло сонное выражение; сейчас он сам походил на объевшуюся рептилию, дремавшую где-то внизу на равнине.

— Должен заметить, Хаминейд, — безжалостно продолжал Кен, теперь я понимаю, почему Колониальный департамент так держится за Принцип Раздельного Существования. Только не надо рассказывать мне сказок о вечной вине Земли перед Сиванной! Вы-то сами знаете, в чем дело?

— Хотелось бы послушать вашу версию, Рив, — тихо произнес Хаминейд.

— Ну что ж... Мы, современные земляне, выглядим столь ничтожными и неумелыми по сравнению с людьми прошлого... мы так уступаем самым варварским племенам... Да живи мы рядом с ними, миф о нашей исключительности был бы разрушен в считанные дни! — он перевел дух, всматриваясь в лицо толстяка. — Возьмите хотя бы нашу колонию. Ведь нас специально готовили — готовили много лет! Тем не менее, трое

из нас едва не замерзли прошлой зимой, попав в буран. А сколько было травм, пока мы научились пользоваться простейшими инструментами! Мы жили впроголодь, пока не научились охотиться, убивать... пока не преодолели отвращения к натуральным продуктам...

— Убийство! Это ужасно! — воскликнул худой чиновник. — Неужели я должен сказать вашему тестю, что...

— Можете говорить ему, что угодно, — прервал его Кен, не спуская глаз с Хаминейда. — Он вас выслушает. А я не собираюсь!

— Вы обязаны, — заметил Хаминейд с легкой улыбкой.

— Хотите сказать, что колония и все мы подчинены вашему департаменту? Ошибаетесь, сэр! Хрубаны не являются коренными жителями Дьюны. А это значит, что планета окажется под юрисдикцией департамента Внешних Сношений. Надеюсь, их специалисты скоро прибудут сюда и возьмут дело в свои руки.

Отпустив эту последнюю шпильку, Кен выскочил из приземлившегося вертолета, миновал встревоженных колонистов, столпившихся у крыльца столовой, и направился к мосту.

КУТЕРЬМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Кен машинально шагал к деревне, хотя понимал, что поиски его окажутся тщетными. Через несколько минут стоя на том месте, где находился дом Хрестана, он с горечью признал: исчезновение хрубанов было полным, абсолютным и по-прежнему необъяснимым. Со злостью пнув ногой мягкую землю, он попытался взять себя в руки.

Каковы бы ни были мотивы лже-туземцев, Кен полагал, что они не причинят Тодди вреда. Мальчишка находился в безопасности и, пожалуй, чувствовал себя более счастливым, чем в родном доме. Эта мысль недолго мучила Кена; он понимал, что должен ждать, пока Тодди не одарит его своим расположением и дружбой. Не следовало торопить события; придет время, и он сумеет вернуть доверие сына.

Кен осторожно опустил в траву. Итак, хрубаны снова спрятались, исчезли, растворились. Почему же они взяли Тодди с собой? Не успели проводить ребенка к мосту? Слишком торопились? В любом случае, их технология была чрезвычайно высока... вероятно, выше земной. Исчезнуть, не оставив никаких следов... Это не просто! Кен нахмурился, вспомнив лекцию, которую Дотриш демонстрировал гостям. Наверное, хрубанам не требовалось много времени, чтобы изготовить эти примитивные артефакты!

Он успокоился. На поляне царил тишина, сладкий коричневый запах губчатых деревьев щекотал ноздри. Расслабившись, Кен задремал и очнулся лишь тогда, когда оранжевый апельсин солнца повис над самыми кронами лесных великанов. Чувствуя себя посвежевшим, он встал и направился обратно к поселку.

Видимо, Пат не сводила глаз с моста; Кен еще не успел перейти на другой берег, как она выбежала навстречу. Совесть его была нечиста — провалился в траве, отправившись на поиски Тодди! Он поднял руки и крикнул:

— Мальчик с ними, Пат! Не волнуйся! Я уверен, Тодди в полной безопасности!

Патриция с разбега уткнулась лицом ему в грудь и зарыдала. Кен ласково обнял ее, давая выплакаться.

Через минуту она отстранилась и стала вытирать слезы рукавом куртки.

— Б-боже, Кен, — она заикалась и шмыгала носом, размазывая слезы по щекам, — вернулся этот Ландрю... И хочет тебя видеть.

— Хмм... Не удивительно! Он не мог убраться надолго.

— Наверное, ты прав, — Пат грустно кивнула. — Знаешь, чем сейчас занимаются эти четверо из Колониального департамента? Проверяют наш багаж... все, что мы собрались увезти с собой. Нам ничего не удастся взять отсюда на Землю, Кен... Они запрещают... А у Мэйси Мак-Ки пропал его сапфир... тот камень, что он шлифовал целый месяц.

Кен почувствовал, как горечь нового унижения сдавила сердце.

— Они даже не стесняются нас обкрадывать. Да, чем скорее мы покинем Дьюну, тем лучше, — пробормотал он. — Мы не достойны ее щедрости.

Вздых Пат был более похожим на рыдание. Он обнял жену за плечи, ощущая, как тело ее сотрясает дрожь.

— Ландрю в столовой, Кен, — сказала Пат, когда он миновал крыльцо и повел ее в сторону их домика.

— Что с того? Если я ему нужен, он меня найдет.

— Но, Кен...

— Милая, по-моему, пора ужинать. Пойдем домой. И забудь об этих типах.

— Кен!

Остановившись, он повернул Пат лицом к себе, чувствуя, как слабеет ее сопротивление.

— Послушай, малышка... Мне надоело уступки и унижения. Мне надоело извиняться за то, что я существую, за то, что я вижу и понимаю, за то, что я — это я! Если у Ландрю есть ко мне дело, он знает, где меня найти. Сегодня утром, Пат, я последний раз торопился куда-то по официальному вызову.

Кен распахнул дверь и посмотрел на жену, все еще испуганную и недоумевающую, потом обнял ее за плечи и подтолкнул вперед.

— Ты не понимаешь, Пат? Общение с ними — больше не вопрос вежливости; это вопрос собственного достоинства. Я больше не собираюсь подчиняться ни этим чиновникам из Колониального департамента, ни Ландрю. Они не желают нам верить — что ж, их

дело... — он вздохнул. — Я бы многое отдал, чтобы иметь уверенность, что в нашем третьем департаменте есть головы поумнее...

— Департамент Внешних Сношений не представляет ситуацию на Дьюне, Рив, — произнес Ландрю, поднимаясь на крыльцо.

— Представит. Я уверен, что хрубаны — не коренные обитатели планеты.

Командор пренебрежительно фыркнул.

— Не выдумывайте, Рив! Ваших туземцев просто не существует! И я получил доказательства. Я установил спутниковое наблюдение над всей планетой, и готов прозакладывать голову, что здесь нет чужих кораблей!

— Не собираюсь спорить, Ландрю.

— Еще бы! — с презрительно-насмешливой миной воскликнул командор. — Тем более, что я сообразил, как вы сделали эту фальшивку, этот свой фильм! Ловко, нечего сказать!

— О чем вы?

— Да все о том же! Вы трусили! Вы все мечтаете вернуться на Землю, к теплым клозетам и пиву из хлореллы. Ну, я вам помогу, ребята... Очищу планету от вас, чтобы на нее попали настоящие мужчины!

Вскочив, Кен сгрел командора за воротник и потрянул, едва не оторвав от пола.

— Слушай, Ландрю, я сегодня по горло сыт оскорблениями! Или ты возьмешь свои слова обратно, или... — кулак Кена недвусмысленно нацелился в челюсть командора!

— Кен, не надо! — Пат повисла на руке мужа. — Ведь нам все равно придется уйти. Принцип Раздельного...

— Замолчи, Пат! Не поминай этот чертов закон!

— Успокойся, Рив, — усмехнулся Ландрю, неожиданно сильным рывком освободив свой воротник. Кен шагнул к нему, но Патриция обхватила мужа обеими руками.

— Остановись, Кен!

— Где ваш сын, Рив? — спокойно спросил Ландрю. — На этот раз ни вы, ни миссис Моуди не помешаете мне как следует его расспросить. Я докажу, что все эти фокусы — сплошное мошенничество! И цель одна — сбежать обратно на Землю!

Кен вдруг остановился, откинул назад голову и захохотал.

— Ну, Ландрю, поищите его! Найдете — можете расспрашивать!

Командор с сердитой гримасой выскочил в коридор, что вел к спальням, и начал распахивать одну дверь за другой, заглядывая в пустые спальни.

— Где же он? В столовой я его не видел!

— Когда прибыл корабль Колониального департамента, он был в деревне хрубанов. Он с ними и остался, Ландрю. Где хрубаны, там и наш Тодди.

Командор уставился на Кена долгим пронизывающим взглядом, словно хотел прочесть его тайные мысли.

— Я его найду! Можете быть уверены, я его найду! И тогда мы доберемся до истины.

Он хлопнул дверью и быстро сбежал с крыльца.

— Кен, Кен, зачем ты это делаешь? — всхлипнула Пат. — Ты разругался с Хаминейдом, теперь поссорился с Ландрю... Что мы будем делать, когда вернемся на Землю? Мы станем изгоями, париями...

— Хватит! Если не дать отпор этим типам, то они, во имя собственного спокойствия, докажут, что черное — это белое и наоборот.

— Но мы-то знаем, что хрубаны — не мистификация... И Тодди с ними! О, Кен, если Ландрю доберется до него...

— Только через мой труп, — твердо заявил Кен. Его соображения насчет хрубанов и причин, по которым они прятались от земных властей, начали обретать определенную форму. Но он не собирался делиться ими с Пат; она и так была на грани истерики.

За окном раздался топот, и Патриция вздрогнула. Кен выглянул наружу.

— Это Билл Моуди, — сообщил он, — не волнуйся.

Через мгновение они услышали тонкий голос мальчишки.

— Мистер Рив, мистер Хаминейд хочет срочно по-видаться с вами!

— Спасибо, Билл. Передай ему привет и скажи, что я жду его дома.

Пат испуганно ахнула, а за окном наступило недоуменное молчание. Наконец Билл опять повторил;

— Но он хочет вас видеть!

— Да, я понял. Он может увидеть меня здесь.

Несколько секунд Билл переминался с ноги на ногу, затем припустил так, будто за ним гнался разъяренный мад.

— Со временем этот паренек станет превосходным бегуном, — задумчиво произнес Кен.

— Кеннет Рив, — строго сказала Патриция — кажется, она начала успокаиваться, — вы представляете, что сделает с мальчиком этот Хаминейд, когда услышит ваше любезное приглашение?

— Да ничего он с ним не сделает! И мое приглашение гораздо вежливей приказа этого толстого чинуши! Нет, хватит! Сегодня мне так уже досталось, что я носа из дома не покажу!

В глазах Пат мелькнуло раскаяние.

— О, я совсем забыла о твоих ранах...

— Ссадинах и потертостях, — поправил Кен, осторожно опускаясь на диван.

Едва он успел устроиться поудобнее, как на крыльце послышалось шарканье ног и приглушенное бормотание. Кен покорно вздохнул. Ладно, нужно это пережить, сказал он себе. Будем надеяться, что беседа не займет много времени.

— Как любезно с вашей стороны посетить наш дом, мистер Хаминейд, — раздался на крыльце робкий голос Пат. Затем чиновник Колониального департамента в сопровождении своей свиты появился в гостиной. — Мы с мужем очень рады... — продолжал Пат.

— Хватит, милая, — довольно резко оборвал ее Кен. Его жена не будет унижаться перед этими недоумками!

— Мне передали ваше приглашение, — кисло заметил Хаминейд. Его взгляд скользнул по напряженной фигурке Патриции — так, словно она была пустым местом. Остальные трое чиновников подпирали его сзади. За ними вошел Ландрю; он остановился к порога, насмешливо поглядывая на представителей Колониальной службы.

Последними появились Ху Ши и Лоренс; оба — с мрачными застывшими лицами. Кивнув Пат, она встали рядом с диваном, на котором восседал Кен — будто часовые, охраняющие крайне ценный объект. Снаружи в сумерках толпились остальные колонисты; оттуда доносился тихий гул голосов.

— Садитесь, прошу Вас, — Пат указала на стулья в тщетной попытке придать встрече некий ореол гостеприимства.

— Мы не задержимся, — отрубил Хаминейд, сверля Кена заплывшими жиром глазами. — Мы и так уже просрочили старт, дожидаясь мистера Рива. Может быть, он скажет нам, где провел полдня?

— В деревне хрубанов, — спокойно ответил Кен.

— Ха, в деревне! — толстяк презрительно отмахнулся.

— Да, именно там, — с олимпийским спокойствием повторил Кен, — Видите ли, в ней остался мой сын, Тодди...

— Я уже наслушался и о вашем сыне и об этой деревне...

— И о рептилии? — тон Кена стал язвительным. Не выдержав, Хаминейд взорвался:

— Хватит! Хватит, юноша!

— Да, хватит, старина, — парировал Кен, не пытаясь скрыть издевку. — Послушайте-ка теперь меня! — Он поднялся на ноги, морщась от боли, когда брючины касались натертых мест. — Как вы считаете, что нам оставалось делать, когда мы обнаружили хрубанов? Считать их галлюцинацией? Как и этого сухопутного крокодила? Ну, для галлюцинации у него слишком здоровые клычки... Чего вы добиваетесь, Хаминейд?

В колонии двадцать два взрослых и дюжина детей. Забудьте о нас! А заодно — о хрубанах, драконах и прочих неприятностях. Вычеркните Дьюну из своих списков — вместе с нами. И уберите с этой планеты! Оставьте нас в покое!

— Вы закончили, Рив? — ледяным тоном поинтересовался Хаминейд. Вид у него был скучающий, но в маленьких глазках сверкала злоба.

— Почти. Теперь я мечтаю услышать звук стартовых двигателей вашего корабля. Да, и до того, как вы уберетесь, верните сапфир Мак-Ки. Мы не будем задавать вопросов, но полиция на Земле может устроить неожиданный обыск.

Глаза чиновника настороженно блеснули, и Кен понял, что кража была для него неприятной новостью. Но прежде, чем Хаминейд успел ответить, вперед выступил Ху Ши.

— Если бы не закон о Раздельном Существовании, мистер Хаминейд, я бы с чистой совестью поддержал Кена, — голос руководителя колонии был тверд и спокоен, без всякого намека на подбострастие. — Однако, в сложившейся ситуации я вынужден настаи-

вать на нашем незамедлительном отъезде.

— Это мы вам обеспечим, — пробормотал Ландрю, не спуская тяжелого взгляда с лица Кена.

— Успокойтесь, командор, Колониальный департамент может справиться со своими проблемами без вас, — осадил его Хаминейд.

— Что вы и доказали, потворствуя этой компании мошенников и симулянтов!

С яростным криком Кен метнулся через всю комнату и ударом в челюсть сбил командора с ног. На мгновение в гостиной воцарилась тишина; ошеломленные люди со страхом смотрели на кровь, заливавшую губы Ландрю.

— Ну, Рив, надеюсь увидеть вас в тех местах, где держат подобных мерзавцев, — пошатываясь, Ландрю поднялся и вытер кровь с разбитых губ. — И всех остальных — тоже! Всех вас! — он выскочил за дверь; тяжелые башмаки загрохотали по ступеням.

— Мы еще поговорим на эту тему, Ландрю! — крикнул вслед командору Хаминейд. Затем наградив колонистов гневным взглядом, он кивнул своей свите и направился к двери.

Колонисты сгрудились вокруг Кена, молчаливые и встревоженные.

— О чем это толковал Ландрю? Куда они собираются нас направить? — спросил кто-то напряженным голосом.

— Наверное, в шахты... На одну из метановых планет... — Лоренс пожал плечами.

— Простите, Ши, Лоренс, — внезапно Кен понял, что грозит его друзьям. — Я говорил только от своего имени...

— Ты сказал это за всех нас, — прервал его Моуди. — Ни у кого не хватило духу выложить им все как есть... Даже когда мы поняли, что один из этих напыщенных болванов украл у Мэйси сапфир.

— Ну, если я получу его обратно, то может мы и откупимся от рудников, — заметил Мак-Ки.

— Неужели нас сошлют в шахты? — спросила Пат. — За что? Ведь мы не сделали ничего дурного!

В комнате повисла тишина.

— А почему этот Ландрю назвал нас мошенниками и симулянтами? — внезапно поинтересовался Лоренс. На губах Кена заиграла усмешка.

— Он считает, что мы придумали туземцев, чтобы

удрать с Дьюны на Землю. Мы, видите ли, слабаки, трусы и лентяи, предпочитающие теплые клозеты труду и свободе.

Колонисты разразились негодующими воплями. Этот взрыв словно снял напряжение, владевшее ими целый день; на лица вернулись краски, глаза заблестели.

Дав им выговориться, Кен поднял руку.

— Ну, друзья, теперь вы понимаете, что хрубаны не являются коренными обитателями Дьюны? — сказал он. — Такие мгновенные исчезновения требуют высоко-развитой техники...

— Но, Кен, никакие транспортные средства не могут укрыться от спутников-наблюдателей Ландрю, — нерешительно возразил Гейнор. — Я представляю их возможности. Каким же образом хрубаны умудрились исчезнуть? С помощью магии?

— Почти. Слышал когда-нибудь о передаче материи на расстояние? — Кен был абсолютно серьезен.

— Телепортация, что ли? — усмехнулся Лоренс.

— Ну, вы шутники! — Гейнор покачал головой.

— Почему же? Если у нас пока нет трансмиттеров материи, это не означает, что их невозможно создать.

— Ладно, пусть так, — инженер бросил на Кена скептический взгляд. — Трансммиттеры, так трансмиттеры... Я только не понимаю, почему они живут в крохотных деревушках, охотятся на урфов с копьями и не имеют никаких машин. Как-то все это не вяжется...

— Возможно, — согласился Кен, не желая вдаваться в споры. — Но предположим, что я прав... что хрубаны — такие же пришельцы на Дьюне, как и мы сами. Тогда ни Космодеп, ни Колониальная служба не имеют над нами власти. Мы переходим под юрисдикцию департамента Внешних Сношений!

— И ты полагаешь, это облегчит нашу участь? — иронически поинтересовался Лоренс.

— В какой-то степени. Мы установили с хрубанами контакт и отчасти владеем их языком... Мы представляем немалую ценность для дипломатов, — Кен гнул свою линию.

— Но если хрубаны — представители высокоразвитой цивилизации, то мы не нарушаем Принцип Раздельного Существования! — воскликнул Ху Ши с посветлевшим лицом. — Ты в этом уверен, Кен?

— На этой чертовой планете нельзя быть уверенным

ни в чем, — Кен раздраженно махнул рукой. — Однако мое предположение многое объясняет — сложность и изощренность их языка, высокую культуру и доброжелательность, уровень знаний — вспомните мост и их чудодейственную мазь... Нет, они — не варварское племя кочевников!

— Если не считать весьма примитивного быта, — проворчал Гейнор. — Костры, хижины, копыя, глиняная посуда... ну и все остальное.

— В определенном смысле наш быт тоже примитивен, — не сдавался Кен. — Лошади, коровы, охота... дома из пластика — кстати, менее прочные, чем хижины хрубанов.

— Хороший аргумент, — согласился Лоренс. — Но тут же встает следующий вопрос — насколько они нас опередили?

Кен расхохотался. События на Сиванне оборачивались другой стороной.

— Знаете, — сказал он отсмеявшись, — возможно, эта раса настолько развита — и в техническом, и в этическом отношениях — что не испытывает нужды поглотить или уничтожить нас. — Кен заметил, как в глазах Ху Ши мелькнуло понимание; казалось, метрополог готов развить эту мысль. — Будем надеяться, что мы, — он обвел рукой собравшихся в гостиной, — тоже проявим мудрость и понимание, чтобы принять их такими, какие они есть. Не будем пытаться обмануть их или восхитить своими достижениями... Учтем трагический опыт нашей собственной истории — от древних времен до высадки на Сиванну... Неужели мы не сможем жить в мире друг с другом?

Воцарилась почти благоговейная тишина. Внезапно Ху Ши шагнул к Кену и обнял его; в темных глазах метрополога поблескивали слезы. Этот жест будто послужил командой — все вдруг заговорили, возбужденно и громко.

— Ты думаешь, что сами хрубаны тоже этого хотят? — спросил Бен Аджей, и его басовитый низкий голос перекрыл шум. Они хотят жить с нами в мире?

— Не знаю, — честно ответил Кен. — Есть косвенные свидетельства... о прочем можно только строить предположения.

— Но это же очевидно, друзья мои, — перебил его Ху Ши. — Они не высказали враждебности, хотя наше появление на Рале — так они называют Дьону — их

явно потрясло. Они начали помогать нам — вспомните мост и конюшню. Они изучали наш язык и не делали тайны из своего... А случай с Тодди! — Метрополог сделал паузу и многозначительно закончил: — Я не удивлюсь, если мы участвовали в серии неких таинств... тестов на дружелюбие и совместимость. Да, Кен, твоя гипотеза выглядит весьма правдоподобно!

— Вот только прошли ли мы эти тесты, — пробормотал Гейнор.

Внезапно наступившую тишину разорвал грохот. Два языка пламени метнулись в темное ночное небо, словно огненные копья, посланные руками неведомых великанов. Колонисты, застыв у окон, смотрели им вслед, пока оранжевые колонны не превратились в пятна, а потом — в точки. Наконец, они затерялись среди гудевших в вышине звезд.

— Дадут ли нам время, чтобы решить эту проблему с хрубанами? — задумчиво произнес Лоренс.

— Надеюсь, что мы успеем, — ответил Кен. В этот момент он думал о Тодди.

СПЛОШНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Проснувшись на следующее утро, Кен почувствовал, как одеревенели его мышцы. Постепенно он осознал, что его окружает полная тишина; с кухни не доносилось ни звука. Он слез с кровати и поплелся туда, держать за стены. За столом сидела Пат с горестно поникшими плечами.

Внезапно Кена охватило сожаление из-за вчерашнего. Не был ли он слишком нетерпим с посетившими Дьюну людьми? Не окажутся ли возлагаемые на хрупбанов надежды пустым звуком? Он покачал головой. Нет, все правильно. Он стал бы трусом, уступив таким типам, как Ландрю и Хаминейд.

Кен осторожно кашлянул. Пат обернулась, и он с удивлением увидел на ее лице улыбку. Она гордилась им!

Наклонившись, чтобы поцеловать ее, он бросил взгляд в окно. По дороге к крыльцу спешила знакомая фигурка.

— Ого, сюда идет наш маленький посыльный. Держу пари, опять что-то приключилось. — Он повернулся к двери. — Привет Билл! Какие новости?

— Мистер Рив, — выдавил Билл, пытаясь отдышаться. — Драконы!

— Бог мой! А я даже не успел выпить кофе! — простонал Кен. — Где они?

Пат уже пришла в себя и развила бурную деятельность. В один миг на столе появились хлеб, яйца и кружка с кофе.

— Мистер Экерд заметил драконов за холмами в соседней долине, выпалил Билл, плюхаясь на стул.

— Слишком близко... Их запах может встревожить урфов...

— Да... И мистер Аджей решил перегнать все стадо на другую сторону реки.

— Черт побери! Этого нельзя делать!

Кен вскочил и бросился к дверям, сжимая в одной руке кусок хлеба, а в другой — кружку с кофе. Каждый шаг стоил ему настоящих мучений. Однако минут через пять он все-таки добрался до конюшни.

— Бен, ты серьезно решил гнать урфов на другой берег?

Аджей с удивлением оглянулся.

— А что же делать? Они вытопчут посевы!

— Мы не должны вторгаться на земли хрубанов! Особенно сейчас!

— Разве это вторжение? В конце концов, урфы — не наше имущество.

— Но погоним-то их мы! Это может быть истолковано как недружественный акт!

С минуту ветеринар размышлял.

— Ладно! Ты прав, рисковать ни к чему. Надо загнать стадо в самый конец нашей долины, где урфов не будет тревожить запах рептилий. Кстати, там и трава гуще.

В ворота конюшни заглянул Гейнор.

— Эй, поглядите-ка что творится в загоне!

Кен и Аджей вышли наружу. Ветер дул со стороны узкого прохода между холмами, соединявшего их долину с соседней, наполняя окрестности поселка резким смрадом. Животные метались в загоне — особенно Сокса. Видимо, она узнала этот запах — вонь, исходившую от твари, сожравшей вчера лошадь Солилари. Сокса впала почти в истерическое состояние. С диким визгом она носилась вдоль высокой изгороди, заражая паникой коров, быков и свиней. И людей тоже, ибо доносившаяся из загона какофония нервировала их.

Кен попытался успокоить кобылу и увести ее в закрытую конюшню, но к ней даже не удалось подобраться. Только к полудню, когда Сокса покрылась пеной и совсем обессилела, Аджей завел ее в стойло и крепко привязал.

После обеда, ближе к вечеру, мужчины собрались посоветоваться.

— Моя Дот напугана до смерти, — сказал Мэйси Мак-Ки. — Ей приснилось, что нас ночью сожрали эти драконы... а потом — что нас отправили на рудники.

— А разве после крокодилов осталось, что отправлять? — поинтересовался Лоренс. — Какой-то непоследовательный сон!

— Я думаю, что это были два разных кошмара, — подумав, добавил Мэйси.

— Вонь — вот настоящий кошмар! Причем наяву, — Гейнор раздражительно поднес к носу платок. — Весь поселок смердит этим драконьим запахом.

— Давайте завалим проход в соседнюю долину, —

предложил Экерд. — Там узкая лощинка, и пара хороших зарядов на склонах холмов...

— Хрубаны могут неправильно истолковать эти взрывы, — запротестовал Кен. — Лучше обойтись без силенодействующих средств.

— Послушай, дружище, — приподнял брови Лоренс, — я очень уважаю хрубанов, но мне совсем не хочется попасть в зубы дракону.

— Может, они вообще не вернутся, — поддержал социолога Сэм Гейнор, потом, взглянув на лицо Кена, осекся. — Прости! Я совсем забыл, что с ними Тодди...

Поднялся Ху Ши и разговоры смолкли.

— Я уверен, что хрубаны вернутся, — спокойно произнес он. — Иные предположения несовместимы ни с их моральным обликом, ни с элементарной логикой. Если бы они не хотели сотрудничать с нами, то не вернулись бы в первый раз...

— А ты можешь объяснить, почему они вообще пропадают куда-то, стоит приземлиться правительственному кораблю? — осведомился Гейнор.

— Думаю, они не больше нас любят чиновников... — хихикнул Лоренс.

— Кен, как ты считаешь, они знают про этих огромных рептилий? — спросил Аджей.

Кен выругался.

— Они не посвящали меня во все свои тайны! Откуда мне знать? Я сообразил кое-что, наблюдая за Хрулом — вот и все!

— Хрубаны поселились в лесу, на другом берегу реки, далеко от мест обитания рептилий, — заметил Дотриш. — Вероятно, они не забираются в лес. Как и у мадов, у них должна быть своя охотничья территория.

— И наш поселок как раз на ней и оказался! Надо же что-то делать, — Аджей махнул рукой. — Но я бы не стал лупить по ним из бластеров. Только вонь разведем. Лучше уж завалить проход.

— Согласен, — кивнул Ху Ши. — Самозащита — вполне законный акт. Хрубаны убивают мадов, охотятся на урфов, и это не противоречит их моральным нормам. Другое дело — мощный взрыв или бомбардировка с вертолета... Грохот может их обеспокоить... — руководитель колонии на миг задумался. — Кен, ты бы мог сходить в их деревню, предупредить? Возможно, они уже вернулись?

Кивнув, Кен направился к двери.

Возможно, они уже вернулись... Дьявольщина! Эти слова, произнесенные с ноткой сомнения, преследовали его. Вдруг и он сам, и остальные его соотечественники не прошли проверки, и хрубаны действительно не собираются возвращаться? Но Тодди... Не могли же они похитить мальчика!

Кен перешел мост и решительно устремился вверх по склону горы. В лесу он почти бежал, стараясь выбросить из головы сомнения и страхи. От этих «если» и «возможно» не долго сойти с ума!

Хрубанов не было; лесная поляна по-прежнему оставалась пустой. Кен разочарованно вздохнул, уговаривая себя не терять надежды. Он походил взад-вперед, потом ему пришло в голову, что присутствие живого существа может оказаться нежелательным или даже препятствующим работе трансмиттеров материи. Кен вернулся к опушке, но тут им завладела другая мысль, столь соблазнительная, что он бегом вернулся в центр поляны. Возможно, хрубаны установили тут какие-нибудь следящие системы! Тогда он мог связаться с ними — хотя бы в одностороннем порядке.

— Если кто-нибудь слышит меня, прошу передать это сообщение Хрулу или Хрестану, — начал Кен, четко выговаривая гортанные слова чужого языка. — Наша колония стоит перед угрозой нашествия гигантских пресмыкающихся. Мы вынуждены принять защитные меры — вероятно, устроить серию взрывов, чтобы заблокировать проход в долину. И еще одно, — он перевел дух. — В любой момент нас могут эвакуировать с Ралы. Передайте Тоду, моему сыну, что мы будем ждать его... так долго, как сумеем. Если вы пришлете его обратно прямо сейчас... — Кен остановился, затем решительно закончил: — Нет, Тодди лучше оставаться с вами... С вами, на Дьюне! — выкрикнув это, Кен бросился обратно к мосту.

Он добрался до поселка как раз в тот момент, когда женщины помогали Баззу Экерду погрузить в вертолет пластиковую взрывчатку. Пат вышла со склада, держа в руках несколько прямоугольных брикетов, и бросила на мужа вопросительный взгляд. Кен медленно покачал головой.

— Кен, милый, — прошептала она, — если наш малыш...

Он прижал ее к себе; брикеты взрывчатки упирались ему в грудь.

— Давай забудем про «если», родная. Думай только о «когда» и «где». Если верить хрубанам, то верить во всем — включая и судьбу Тодди.

Она подняла на Кена полные слез глаза.

— Пат, — строго сказал он, — ты разрешила Мрва присматривать за Тодди. Она тебе понравилась, верно? И ты решила, что ей можно доверять. Так?

— Да...

— Тогда верь ей. Она ведь не стала хуже из-за того, что хрубаны на время исчезли с Дьюны.

Пат молча кивнула, словно почерпнув сил в его уверенности.

Вдруг Экерд, грузивший брикеты в вертолет, остановился и крикнул, показывая на посадочную площадку — на сигнальной мачте мерцал яркий огонек.

— Снова гости, — вздохнула Пат. — Кто же на этот раз?

— У нас обширный выбор, — невесело усмехнулся Кен. — Хрубаны, Космодеп, чиновники колониальной службы и Бог знает кто еще.

— Но любой из них не поможет нам справиться с драконами, — заметил Базз. — Так что ты встречай очередную делегацию, Кен, а мы с Ху Ши и остальными парнями начнем проход взрывчаткой.

Вертолет уже превратился в крохотное пятнышко, когда высоко в небе сверкнул корпус космического корабля. Это судно было гораздо крупнее двух предыдущих, и сердца колонистов сжались от тревожного предчувствия.

— Неужели транспорт? — прошептала Кейт Моуди. Взгляд ее, словно в поисках поддержки, метнулся к чете Ривов.

— Вполне вероятно, — Кен угрюмо уставился на корабль. — Значит, Базз ошибался. Мы можем не беспокоиться о драконах.

— Но почему мы должны улетать с Дьюны? — воскликнула Кейт. — Ведь хрубаны — такие же пришельцы, как и мы!

— Все верно, Кейт. Только у нас нет ни одного хрубана, чтобы это подтвердить.

— Может быть, это корабль Дипломатической службы? — с надеждой предположила Пат.

— Кен прищурил глаза, но судно было еще далеко, и он не мог разглядеть эмблему.

— Схожу за биноклем, — бросил он и поспешил к столовой. Плотно затворив дверь, Кен подошел к стоявшей в углу рации и начал яростно щелкать переключателями, вызывая вертолет. Но Базз не отвечал. Либо он не собирался возвращаться обратно, либо просто не слышал вызова — они не пользовались передатчиком всю зиму и никто не мог гарантировать, что он в порядке.

— «Что же делать?» — в панике подумал Кен. Если приближается корабль Космодепа или колониальной службы, то надо рассредоточить людей, послать кого-то в лес, кого-то за реку... Пока их всех соберешь, пройдет время... Возможно, появятся хрубаны...

— О, эти хрубаны! Не думая о том, что его могут подслушать на корабле, Кен снова включил передатчик и ясным четким голосом произнес:

— Хрул, Хрестан, приближается большой корабль с Земли. Возможно, у нас будут проблемы. Прошу вас, вернитесь! И верните моего сына!

Он выскочил на крыльцо и помчался к конюшне. Сокса, однако, еще не пришла в себя. Кену пришлось долго успокаивать кобылу, и когда он, наконец, оседлал ее, то был почти готов размошить ей голову.

— Далеко собрался, Рив? — окликнул его знакомый голос.

— Повернувшись, Кен поймал холодный взгляд Ландрю; за ним стоял десяток солдат из Военно-Космических сил. Целый отряд окружил поселок, оттесняя детей и женщин к столовой.

— Где остальные люди, Рив?

— Нечего тут командовать, Ландрю, — произнес Кен, окинув солдат быстрым взглядом. В руках у них были «усмирители» — тяжелые пластиковые дубинки, внушающие благоговейный трепет толпам землян. Что бы это значило? То ли Ландрю решил попугать колонистов, то ли вызвал целый батальон, чтобы спасти свою физиономию от новой оплеухи?

Командор высокомерно усмехнулся.

— Ошибаетесь, Рив. Именно я командую сейчас на Дьюне. Космодеп взял на себя полную ответственность за эту планету. Так где же остальные люди?

— Отправились в гости, — угрюмо буркнул Кен.

— Шутишь? — Ландрю угрожающе выставил вперед челюсть.

Внезапно Сокса фыркнула и вскинула голову — ветер донес до нее запах драконов. Смрад был так силен, что солдаты за спиной Ландрю стали с тревогой переглядываться.

— Чувствуешь вонь, Ландрю? Это драконий запах. Вот к ним-то и отправились в гости все остальные.

— Прекрати болтовню, Рив! Я сам делал первичное обследование этой планеты. Тут нет ни драконов, ни туземцев, ни призраков, ни гномов! Я готов подписаться под каждой строкой своего доклада! Вот кто здесь действительно обитает, — губы Ландрю искривились в мстительной усмешке, — так это компания паникеров и трусов!

— Включая и мою лошадь? Видишь, как ее трясет от этого смрада? Можешь ее допросить, Ландрю, — ведь она видела и драконов и хрубанов!

Сокса громко заржала, прядая ушами и вырываясь; Кен крепко ухватился за узду.

— Где люди, я спрашиваю? — взревел Ландрю, перекрывая жалобное ржание лошади.

Внезапно земля у них под ногами содрогнулась и, вслед за грохотом взрыва, в дальнем конце долины поднялось бурое облако.

— Это еще что? — командор быстро обернулся. — Бомбардировка? Зачем?

— Чтобы заблокировать дорогу драконам, Ландрю. Тем самым, которые не существуют.

Командор поднес к груди руку, ткнул пальцем клавишу микрофона на запястье.

— Отправить разведывательный катер в район взрыва, — коротко приказал он.

Стоило ему отвлечься, как Кен резко рванул повод, с прытью, удивившей его самого, взлетел в седло и стукнул Соксу каблуками по ребрам. Заржав от боли, кобыла отбросила в сторону Ландрю, затем ринулась прямо на вскинувших дубинки солдат. Кен отпустил повод, положившись на лошадь; она стрелой пролетела мимо отшатнувшихся вояк и помчалась к реке, подальше от страшного запаха.

Оглянувшись, Кен увидел, что командор поднес рацию к губам — несомненно, вызывал подмогу с корабля. Инстинкт заставит его пригнуться к шее лошади, и через мгновение, волна горячего воздуха ударила

Кена в спину. Они задействовали дальнобойный лазер! Кен послал Соксу в галоп, дергая повод, чтобы заставить лошадь двигаться зигзагом.

Кобыла влетела в воду, в самое течение, и тут же рядом снять ударил луч лазера, окутав паром и всадника, и лошадь. Кен свесился с седла, затем полностью погрузился в реку, стараясь прикрыться корпусом Соксы. Он успел заметить еще одну яркую вспышку, и тут же глубоко нырнул, оттолкнулся ногами от лошадиного бока и поплыл по течению.

Людям Ландрю придется за ним побегать! Кен был совершенно уверен, что ни один из трех департаментов не решится эвакуировать колонистов с Дьюны, пока не наложит лапы на него и на Тодди.

Легкие жгло огнем от удушья; Кен вынырнул, жадно хватая ртом воздух. Вспышек больше не было, и он понял, что с берега его не разглядеть. Течение несло и кружило пловца, унося прочь. Его протащило мимо посадочной площадки, где высилась зловещая башня корабля Космодена. Лошади нигде не было видно, и Кен надеялся, что она сумеет выбраться на берег. Если, конечно, луч лазера не превратил ее в жаркое.

Вода в реке, текущей с заснеженных горных вершин, была ледяной. Холод заглушил боль в израненном теле, но вскоре Кен почувствовал, что руки и ноги у него начали коченеть. Еще немного и конечности сведет судорогой, сделав его беспомощным. Преодолевая панику, Кен заработал руками, пытаясь добраться до противоположного берега.

Когда он выбрался на мелководе и нырнул потом в заросли кустарника, ноги его едва сгибались, пальцы заледенели. Озябший и измученный, Кен пошел к лесу, раздумывая над тем, как ему пережить холодную весеннюю ночь.

Начинало темнеть. Кен очутился в густом лесу, который длинной полосой тянулся вдоль речного берега. Теперь его била почти непрерывная дрожь; голод, холод и тревога мучили Кена. Прячась за деревьями, он бросил взгляд на поселок. В столовой горели огни, но окна жилах домов оставались темными. Видимо, Ландрю предпочитал держать колонистов вместе. Ему показалось, что в углу площадки темнеет угловатый силуэт вертолета, но наступившие сумерки не позволяли убедиться в этом.

Кен понял, что должен что-то делать — не только ждать и молиться о возвращении хрубанов. Первым делом требовалось найти место для ночлега и защиту от холода. Куда же идти?

Ответ был настолько очевиден, что Кен судорожно расхохотался, несмотря на сотрясавший его озноб. Повернувшись спиной к лесу, он быстро направился к речному берегу.

ПЛАНЫ

В этот день у мониторов, связанных с многочисленными следящими системами, установленными на Рале, дежурил Хран. Хотя он не относился к клану Защитной Полосы, но питал глубокое уважение к отдельным его представителям, особенно — к Хрулу, с которым поддерживал тесную дружбу. Мольба высокого землянина тронула его. Сразу же после дежурства, в нарушение всех правил, он бросился к Хрулу.

Хран был незримым свидетелем многих событий, но понял далеко не все — его знание земного языка оставляло желать лучшего. Пока он рассказывал о том, что случилось на Рале в последние часы, Хрул, изогнув хвост дугой, метался по комнате.

— С этими огромными земноводными у них не будет особых проблем. Они отложат яйца на речном берегу и потом устремятся вниз по реке, к болотам. Если земляне завалят проход в свою долину, им ничего не грозит, — он хлестнул хвостом по полу. — Но общая ситуация складывается неважно.

— Ты ведь знаешь, что некоторые кланы попытаются нажать на ваших трудностях политический капитал, — сдержанно заметил Хран.

Хвост Хрула со свистом рассек воздух.

— Зачем ты выдаешь мне секреты своей партии? Ведь свой пост, Хран, ты получил благодаря Третьему Консулу!

Хран нерешительно кивнул.

— Да, конечно... Но я... я хочу сказать... эти существа ведут себя благородно! О, я не понимаю и половины их слов, но когда Ррив говорит о своем ребенке... — Хран выразительно пожал плечами. — У меня есть дети! И я видел этого малыша, Рцода, с его веревочным хвостиком...

Хрул что-то буркнул; зрачки его то расширялись, то сужались, нос и уши подрагивали от волнения — чувства, редко посещавшего сдержанных хрубанов.

— Когда будут переведены последние записи? — спросил он друга.

— Сейчас этим занимаются специалисты... Но кто знает, когда у членов Совета найдется время просмотреть их? — в глазах Храна мелькнул и погас иро-

нический оттенок. — У Третьего много способов затянуть дело.

— Это же не этично! Он нарушает традиции и нормы порядочности! О, прости, Хран! — Хрул опомнился. — Я не имел права судить предводителя твоего клана!

Хран встал, рот его растянулся в улыбке. Медленно покачивая хвостом из стороны в сторону, он произнес:

— Наступают времена, когда вопрос о преданности такому вождю может быть поставлен под сомнение. Я полагаю, что мне удастся найти способ отправить Рцода к отцу. Более того, я сделаю для этого все возможное.

— Хран, — остановил Хрул друга, когда тот направился к выходу, — кто сейчас на дежурстве? Как у него с языком? Сможет ли он понять, когда речь пойдет об эвакуации людей с Ралы? Мы ведь не можем держать тут Рцода вечно...

— Сейчас у мониторов Хрирл.. Он не очень сообразительный, но ему помогает Мрим, которая уже узнает некоторых землян в лицо. Мрим не один день провела у экранов, наблюдая за ними.

Хран ушел. Хрул натянул форму со знаками своего ранга. Он принял решение. Он должен немедленно передать эти сведения первому Консулу — сам, лично, не пользуясь средствами связи. Слишком важной и неотложной была возникшая перед ними проблема. Она касалась и бедственного положения колонистов с Земли, и возвращения Рцода родителям.

Однако как скоро Совет сможет принять решение? Когда Хрестан возвратился с маленьким сыном Ррива, это вызвало изрядный шум. Правда, Четвертый отчасти спас ситуацию, используя столь непосредственный контакт для изучения языка землян и прочих исследований. Малыш против них не возражал. Смелый паренек! Вытребовал себе курточку из меха мада, хотя его шерсть гораздо темнее, чем у самых старых хрубанов. Он ничему не удивлялся, ничего не страшился и был готов мурлыкать со своими усердными учителями дни напролет. У Четвертого сложилось очень благоприятное мнение о Рцоде.

Однако Четвертый, как и прочие члены Совета, был связан законом. Закон же гласил, что значительные изменения политики нуждались в одобрении всех Кон-

сулов — всех без исключения. А встреча с землянами требовала не просто изменения политики — нет, она могла привести к глубокому социальному перевороту. В этом-то и заключалась проблема.

К счастью для Хрула, Первый Консул был на месте, и секретарь, дежуривший в этот день, узнал его, что позволило быстро получить аудиенцию. Перешагнув порог просторного кабинета, Хрул с подчеркнутым уважением начал выполнять приветственный ритуал. Первый, однако, остановил его нетерпеливым жестом.

— Не трать мое время на ерунду, молодой Хрул. Переходи к делу.

Несколько сбитый с толка, Хрул начал излагать последние новости, особо подчеркнув просьбу Ррива, переданную дважды — с поляны, где раньше находилась деревня, и из поселка землян. Выслушав, Первый долго сидел в задумчивости, опустив глаза; даже хвост его перестал двигаться. Наконец, он глубоко вздохнул.

— Я опасался именно такого поворота событий, — пробормотал он с грустной улыбкой. — Эти земляне так похожи на нас! Та же боязнь изменений, чрезмерное самолюбие и мелочный эгоцентризм... Что я могу сделать? Что? — последние слова он произнес чуть слышно; Хрул, в напряженном ожидании застывший у стола, едва различил их.

Внезапно, Первый поднялся из кресла и подошел к огромному, во всю стену, окну. Он посмотрел на раскинувшийся внизу город, бескрайнее скопление башен и пирамид, уходящих к самому горизонту.

— Если они покинут Ралу, мы, возможно, никогда не найдем их планету, — задумчиво произнес старик. — Да, надо действовать быстро, но осторожно. — Он повернулся к Хрулу, пристально разглядывая разведчика. — Существует еще одно обстоятельство, мой молодой друг. Весьма, весьма важное! Среди землян не должно быть случаев насилия... Это может испортить все дело, возродить страхи, создать предубеждение... А твой приятель, Ррив, как я понял, едва избежал ареста и находится в бегах.

— Зато мы можем быть уверенными в том, что земляне не покинут Ралу, пока не разыщут его и Рцода.

— Это не столь существенно. Главное — не допустить насилия!

— Но что все-таки делать с ребенком? — спросил Хрул. — Я уверен, что его будут ждать, однако...

Первый вскинул голову с поседевшей гривой; глаза его сверкнули.

— Ты прав, молодой Хрул! Возвращение Рцода — это вторая половина проблемы. Более того — это вопрос чести! Очень деликатный и тонкий! Надеюсь, мы решим его.

Без особых церемоний он проводил Хрула до дверей, протянув на прощание руку. Это было немалой честью, учитывая разницу в их возрасте и положении.

— На Рале не должно быть случаев насилия, — повторил Первый, взглядываясь в лицо разведчика. — Действуй, мой друг, быстро, но осторожно.

Когда Хрул покинул резиденцию главы Совета, эти слова еще звучали у него в ушах. «Действуй быстро, но осторожно,» — пробормотал он. Действовать — но как?

— Последние видеозаписи разоблачают их, — резкий голос Третьего наполнил огромный коридор. Он важно шествовал навстречу Хрулу, окруженный многочисленной свитой. — Эти существа не уважают друг друга! Они не уважают нас! Их корабли доставили на Ралу толпы вооруженных! Помяните мое слово — там будет вспышка насилия!

Хрул с отвращением метнулся к ближайшей кабине трансмиттера и наугад ткнул когтем в клавишу пульта. Ему не хотелось встречаться с Третьим. Когда разведчик возник из мгновенного небытия на приемно-передаточной станции где-то под океанским дном, он уже знал, что будет делать. «Корабли доставили на Ралу толпы вооруженных,» — сказал Третий. Да, надо торопиться! И если сегодня у мониторов дежурит Мрим, то лучше случая не придумаешь. Удача сама шла ему в руки.

АБСОЛЮТНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

На дорожке, что шла к домику Ривов, была выставлена охрана, но Кен миновал ее без труда. И с легкостью вынул оконную раму в комнатухе Тода. К счастью, в бельевой корзине, что стояла в коридоре, нашлась чистая смена одежды, и ему не пришлось рисковать, прокрадываясь в свою спальню, окно которой выходило на дорогу.

Прихватив на кухне несколько пищевых пакетов и сняв одеяло с кровати Тода, Кен вылез наружу. Теперь он был тепло одет и располагал запасом еды. По лесу, подступавшему к задней части домика, он пробирался с величайшей осторожностью; ему совсем не хотелось наткнуться на лиану роамал или на кусты с ядовитыми шипами. Кен шел к просеке, вырубленной во время недавних лесозаготовок. Там был навес, служивший местом отдыха людям и хрубанам; под его защитой он и расположился на ночь. Смертельно усталый, Кен завернулся в одеяло и сразу уснул.

Грохот стартовых двигателей вырвал его из сна. Кен вскочил на ноги, морщась и шурясь; на миг ему показалось, что доносившийся сверху вой был продолжением мучившего его кошмара — Пат и Ильзу увозят на корабле Космодепа, и он остается на Дьюне один, совсем один, обреченный вечно ждать возвращения хрубанов или землян. Он бросился к посадочной площадке не разбирая дороги, почти уверенный, что увидит в небе взлетевший корабль Ландрю.

Нет, это было другое судно. И оно шло на посадку! Кен успел разглядеть массивную сверкающую колонну, потом ее скрыли вершины деревьев. Тяжело дыша, он прислонился к стволу. Сердце медленно успокаивалось, возбуждение проходило. Итак, у них снова гости! Не важно, кто — дипломаты или представители колониальной службы; и те, и другие положили бы конец самоуправству Ландрю.

Кен вскрыл пищевой пакет с полевым рационом, сорвал пломбу с саморазогревающегося контейнера с кофе и жадно сделал несколько глотков. Потом он с трудом начал жевать брикет питательной смеси, по вкусу напоминавший картон. Однако пища сделала свое

дело — через несколько минут он почувствовал прилив сил. Бодрый и сытый, он зашагал к поселку.

Устроившись среди густых кустов на опушке, откуда открывался вид на посадочное поле и площадку перед столовой, Кен изучил прибывший корабль. Даже с такого расстояния на нем можно было разглядеть эмблему колониальной службы; само судно было гораздо меньше корабля Космодепа, и на роль транспорта никак не подходило. Он расценил это как положительный факт.

Из столовой донесся звон посуды, потом ноздри Кена защекотали запахи яичницы и свежего кофе. Невольно он сглотнул слюну. Посадочная площадка кишела людьми — космодеповцами в зеленом, и служащими Колониального департамента в синей униформе. Внезапно дверь столовой распахнулась и по ступенькам сошел целый отряд охранников; за ними следовали Ху Ши, Филлис и двое их детей. Лицо метрополога застыло, Филлис и дети плакали. Вслед за семейством Ши на крыльце появился Лоренс, обнимая одной рукой за плечи жену; его тоскливый взгляд обежал аккуратные домики колонии.

Все страхи вновь ожили в голове Кена, и он выскочил из-за кустов. На лице социолога промелькнуло изумление, и он замахал свободной рукой, будто приказывая Кену скрыться. Но было поздно — один из солдат уже заметил его.

— Вот он! — раздался крик, и с полдюжины зеленых мундиров бросилось к опушке.

Теперь Кен знал, что ему делать. Раз уж его заметили, то Ландрю никогда не тронется с планеты, пока не захватит главный приз. Он рванул к реке, стараясь бежать зигзагом. Предосторожность оказалась не лишней — над его головой прошипел разряд бластера.

Через час Кен снова подходил к деревне хрубанов. Ему пришлось перебираться через реку, затем он выбрал путь вдоль берега — тот, которым когда-то ходил Тодди. Густой лес затруднял преследование, а быстрая ходьба согрела его после очередной холодной ванны. Увязая в рыхлой почве, он миновал поляну, на которой Хрул убил мада, и очутился на опушке.

Поляна по-прежнему была пуста. Над травой, прогретой утренним солнцем, вздымался легкий туман, коричный запах губчатых деревьев стал еще более терпким, их листва тихо шелестела под вздохами весеннего ветра. Глядя на эту мирную картину, Кен постепенно

приходил в отчаяние. Они все еще не вернулись! Куда же идти? Возможно, за его плечами уже висит погоня!

Внезапно резкий свист нарушил тишину, и над землей фонтаном взметнулось облако пара, гораздо более густого, чем редеющий туман. Миг — и пар растаял, исчез, открыв взгляду Кена рослую фигуру в алом, похожем на хитон, одеянии. Хрул! Но в каком виде! Его талию стягивал пояс, сверкавший алмазными переливами, черные сапожки и перекрещивающиеся на груди ремни лаково поблескивали, запястья охватывали браслеты с рассыпью крохотных огоньков — несомненно, какие-то приборы.

— Ррив, я пробуду здесь не больше минуты, — голос Хрула выдавал его напряжение. — Задержи их! Задержи, насколько сумеешь! Только без насилия!

— Задержать? — прохрипел Кен, задохнувшись от неожиданности. — Но зачем?

— Наш правящий Совет должен принять единогласное решение, а в него входят два ксенофоба, которых не просто заставить сотрудничать. Руководитель Совета решит эту проблему, но ему нужно время.

— Времени, Хрул, у меня нет. Слышишь? — Кен вытянул руку в сторону лесной чащи; оттуда уже доносились крики его преследователей и шипение бластеров. — Останься, Хрул! Докажи этим болванам, что хрубаны не иллюзия и у нас появится время.

Внезапно плотный белый туман вновь начал окутывать фигуру Хрула. Молодой разведчик склонил голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то; он был явно удивлен.

— Что-то случилось, Ррив... меня возвращают обратно. Слушай! В комнате, где вы едите, под столом... и там, где сидит Ху Ши... ищи... — его слова заглохли в белесом облаке. Раздался резкий хлопок, словно из бутылки с шампанским вытащили пробку, и все исчезло.

Боже, что он должен искать под столом и у конторки Ху Ши? Что? Кен перебежал поляну, яростно пиная ногами почву и траву, чтобы обозначить свой след, затем вернулся и прыгнул в кусты. Дальше он шел едва ли не на цыпочках, выбирая места посуше, чтобы не оставлять отпечатков. Окончательно запутав следы, Кен остановился передохнуть, с удовольствием представляя озадаченные физиономии преследователей. Он выведет их обратно к поселку, но не сразу, не сразу... Пусть вначале побегают по лесу!

Но — никакого насилия! Хмм... Хорошо, что Хрул предупредил его. Несколько раз Кен был готов проломить голову Ландрю. Что ж, придется полагаться на ноги, а не на кулаки.

Кен опять пересек реку и, никем не замеченный, углубился в густой лес рядом с поселком. Он залег в тех же кустах, откуда рано утром следил за крыльцом столовой, и начал раздумывать, как бы в нее пробраться.

Вскоре вернулся поисковый отряд; солдаты, растрепанные и испаранные, плелись с недовольным видом. На крыльцо вышли Ландрю и Хаминейд, начали расспрашивать руководившего погоней сержанта. Кен понял, что разговор идет о нем. Внезапно со стороны загона раздался рев и визг животных, такой сильный, что люди, видимо, не слышали друг друга. Ландрю кивком подозвал солдата и велел проверить, что случилось.

Но сам Кен уже догадался, в чем дело. Со стороны лощины над склонами холмов вздымались клубы пыли. На этот раз шли не урфы, а драконы — и в количестве, которое могло ужаснуть любого! Как же так? Либо Экерд не успел перекрыть вчера проход, либо рептилии смогли прорваться через завал.

Солдат, посланный на разведку, вернулся и теперь докладывал Ландрю. Кен видел реакцию командора — равнодушное пожатие плеч. Солдат явно колебался; вот он что-то сказал, но начальник только рявкнул в ответ.

Кен пристально наблюдал за растущим пылевым фронтом, сожалея, что у него нет бинокля. Запах становился все сильнее. Наконец, смрад доконал даже Ландрю; обменявшись парой слов с Хаминейдом, он поднес к губам рацию. Через минуту десятка три солдат направились к столовой и начали выводить из здания колонистов. Затем с посадочной площадки взвился разведывательный бот и направился в сторону пыльной завесы.

Почему колонистов убрали из столовой? Кен не видел в этом смысла. Он пролез меж кустов и, прячась за сараями, подобрался ближе. Солдаты гнали людей к конюшне, из которой по-прежнему доносились рев, ржание и топот копыт — лошади рвались наружу. Может быть, они решили, что Аджей сможет успокоить животных? Но зачем тогда остальные?

Сверкнула вспышка, прорезав пыльное облако, затем другая, третья. Итак, включился в дело тяжелый лазер, установленный на боте — первая разумная вещь, которую можно было зачислить на счет Ландрю, с тех

пор, как он появился на планете. Кен бросил взгляд в сторону скотного двора. Охрана прижала колонистов к воротам конюшни, наставив бластеры. Он видел, как Лоренс шагнул вперед, протестуя подняв руку и что-то крича; тут же почву у его ног вспорола молния и социолог отпрянул назад. Над дальним концом долины кружил бот, сверкали разряды лазера, но туча пыли приближалась к поселку.

Внезапно Кен понял две вещи: то, что лазер не может остановить рептилий, и то, что столовая, скорее всего, пуста. Он метнулся к ней пригнувшись и стараясь бежать побыстрее, с проворством, рожденным отчаянием. Распахнув дверь, Кен понял, что ошибся в своих расчетах — в комнате было два человека в синих мундирах колониальной службы. Сейчас он не размышлял о недопустимости насилия. Прыгнув вперед, он сшиб одного ударом в висок, второго — в челюсть.

Резким движением он перевернул ближайший обеденный стол, пытаясь совладать с трясущимися руками. Ничего! Он швырнул на пол второй, но и здесь на внутренней стороне крышки ничего не было. Один из синемундирных дернулся, застонал, и Кен с неожиданной злостью ударил его ногой. Зато третий стол хранил то, что он жаждал найти: там, где ножка крепилась к столешнице, виднелся небольшой полусферический предмет.

Кен оторвал его, услышав едва различимый треск. Эта штука была размером с фалангу большого пальца и изготовлена из темного металла; с одной стороны находился выступ в форме миниатюрного экрана, на основании — кольцо из чего-то похожего на резину или пластмассу. Видимо, присоска, решил Кен.

Он взвесил приборчик на ладони — тот оказался неожиданно тяжелым для своих миниатюрных размеров. Значит, вот каковы они, «жучки» — наблюдатели хрубанов... Ну и что же ему делать с этой штукой?

Внезапно с улицы донеслись пронзительные крики. Кен бросился к окну и застыл в ужасе — мутная пелена накатывалась на поселок, над ней торчали жуткие головы с развернутыми пастьями. Бот почему-то прекратил обстрел и возвращался к кораблям. «Хрубаны! Где же вы?» — взмолился про себя Кен, потом сунул увесистую полусферу в карман и шагнул к телам в синем.

Он взял себе оба бластера, заодно проверив, что поверженные им враги находятся просто в глубоком обмороке, затем опять подошел к окну. Ситуация была

ужасной. Всех обитателей поселка загнали в конюшню; солдаты беспорядочно отступали перед стеной пыли, стреляя по ней из бластеров. Кен терпеливо ждал, пока их неровная шеренга приблизится к нему.

Через минуту-другую они были уже совсем рядом. Он выпалил несколько раз в землю у их ног, потом, приподняв бластер, срезал его лучом ствол оружия в руке одного из солдат. Человек вскрикнул, когда мгновенно раскалившийся металл обжег ему ладонь.

— Бросайте оружие! И поднимите руки! — крикнул Кен. Затем он прорычал самое добродетельное приветствие на языке хрубанов, как будто вызывая подкрепление. — Эй, Ландрю, Хаминейд! Не пытайтесь сопротивляться, если вам дорога жизнь! И учтите — излучатели хрубанов мощнее ваших пукалок!

Кто-то из солдат сорвал с плеча винтовку, но Кен был настороже. Его выстрел обжег человеку бедро; тот упал, и больше никто не делал попыток к сопротивлению.

— Отлично, Ландрю! А теперь прикажи-ка этой галлюцинации рассеяться! Интересно, послушают ли тебя драконы! Ну, давай!

Он ухмыльнулся, представив себе лицо Ландрю. В этот момент солдаты издали дружный вопль, показывая в сторону конюшни. Ворота ее распахнулись и наружу вылетел кавалерийский отряд на лошадях и быках, сопровождаемый остальной живностью. Впереди на огромном быке, мчался Бен Аджей, держа наперевес вилы словно рыцарское копьё; за его плечи цеплялась сидевшая сзади Мария. В сарае нашлась еще пара вил да навозная лопата, которой вооружился Лоренс. Остальные колонисты с угрозой потрясали шестами, палками и кнутами. С левого фланга атаку поддерживал взвод свиней по главе с разъяренным кабаном.

Солдаты, имея в тылу целый отряд хрубанов с таинственными излучателями, не думали сопротивляться. Бен прыгнул на землю рядом с Ландрю, повергнутым в совершенную прострацию, и сорвал с его запястья передатчик. Угрожая проломить голову командору — что при силе Аджея было пустячным делом — он велел боту продолжать обстрел надвигавшейся на поселок стаи.

В воцарившейся затем суеде никто не заметил, что на мачте загорелся сигнальный огонь. Колонисты занялись разбежавшейся скотиной, пока Кен, с бластерами в обеих руках, присматривал за пленными. Кейт Моуди ринулась в свой домик за медикаментами, чтобы оказать

помощь раненым. К этому времени между обитателями поселка, захватившими заложников, и остатками экипажей обеих кораблей установилось напряженное перемирие.

— Эй, — воскликнула Кейт, возвращаясь со своим чемоданчиком, — сигнал! Наверное, уже можно увидеть корабль.

«Неужели дипломаты?» — подумал Кен и тут вспомнил о «жучке», томившемся в его кармане. Он подскочил к командору.

— Посмотри-ка на эту штуку, Ландрю, — Кен повертел приборчик перед носом еще не очухавшегося командора. — Вот тебе и доказательство, что хрубаны — не миф! Это передатчик — и они слышали каждое твое слово! Подумай, каким идиотом ты выглядел!

— Гм, — раздался сзади голос Хаминейда, — я бы тоже хотел взглянуть на этот предмет.

— А стоит ли? После того, как вы сговорились с Ландрю бросить нас на съедение драконам? — спросил Ли Лоренс. Его голова была перевязана, но руки крепко сжимали направленную на пленных винтовку. Кен похолодел, только сейчас осознав масштабы трагедии, разворачивавшейся перед его глазами. Пат с Ильзой едва не погибли! Вместе со всеми остальными!

— Ну, — протянул Хаминейд, — чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных мер.

— Таких же, как двести лет назад на Сиванне, — констатировал Ху Ши, и его твердый голос перекрыл царивший вокруг шум. — Теперь я понял, что там произошло. Такие же преступники, как вы оба, — он ткнул пальцем в Ландрю, потом — в Хаминейда, — уничтожили целую разумную расу! Но сейчас...

— Это корабль дипломатического корпуса! — прервал его чей-то крик.

Кен сбегал в столовую, включив приемник на полную мощность. Над площадкой тут же загремело:

— Говорит Сумитрал! Что случилось? Почему бот ведет обстрел? Где Ху Ши? Почему корабль Космодепса сообщает об осадном положении? Ни Космодепс, ни колониальная служба не имеют права приказывать на этой планете!

Метрополог бросился к микрофону.

— Ху Ши на связи, адмирал. Сложилась чрезвычайная ситуация...

— Это я и сам вижу. Пришельцы слышат нас?

— Я... я... начал Ху Ши, затем увидел «жучка» на ладони Кена. — Полагаю, что так, сэр.

— Если вы вынудили их покинуть Дьюну, мы потеряли шанс, который выпадает раз в тысячелетие... — голос Сумитрала был перекрыт ревом посадочных двигателей.

— Они ушли сами! — в отчаянии бросил Кен в микрофон.

— Вот как? — в столовой появился Ландрю; за ним шли Хаминейд и Лоренс с винтовкой. — Каким же образом они ушли, когда над планетой развешаны спутники наблюдения? — спросил командор.

— Плевать им на твои спутники! Они используют трансмиттеры материи! — Кен с такой яростью повернулся к командору, что тот отступил на шаг. Лицо его под слоем загара побледнело.

— Но... но это же значит, что они в технологическом отношении превосходят нас... — пробормотал Ландрю.

— Вот тут вы правы, черт побери! — раздался новый голос, громкий и четкий. Высокий худощавый человек в коричневом комбинезоне с адмиральскими погонами, появился в дверях. Сухо кивнув Ландрю и Хаминейду, он пронзительно уставился на Ху Ши. — Ну, где же ваши хрубаны?

— Наконец-то прибыл большой босс, который верит в их существование, — язвительно заметил Кен.

— Конечно, — адмирал словно не заметил иронии. — Вы кто? Кеннет Рив? Так вот, мистер Рив, мы нашли их следы на полудюжине планет, и едва не столкнулись нос к носу в системе 87—СК—24С. Вам следовало вспомнить об этом, Ландрю, прежде чем заниматься самоуправством на Дьюне.

Командор побледнел и оперся рукой об стол.

— Но если вы знали о хрубанах, адмирал, — произнес Кен с раздражением, — почему вы так долго добирались сюда?

Сумитрал медленно покачал головой.

— Подобную встречу надо тщательно подготовить. Непонимание может обернуться трагедией, мистер Рив. И я провел много часов в лингафонной, изучая их язык. Кстати, примите мою благодарность — ваши записи оказались превосходными! А теперь, — в голосе адмирала зазвучали резкие командирские нотки, — проводите меня к хрубанам!

— Если бы я мог, — покачал головой Кен. — Эти

бандиты, — он кивнул в сторону Ландрю и Хаминейда, — считали, что мы морочим им голову и перешли к довольно грубым действиям. Хрубаны же просили нас не допускать насилия... у них свои трудности в правительстве... Боюсь, адмирал, мы их больше не увидим.

— Эй, папа! — раздался звонкий голосок.

Кен обернулся, чувствуя, как сердце гулко ударило в ребра. Топот быстрых ног, шум отворившейся двери — и в комнату влетел Тодди, в курточке из шкуры мада, с волочившимся сзади веревочным хвостом.

— О, Тодди! — закричала Пат, бросаясь к сыну и подхватывая его на руки.

— Привет, мамочка! Ой, да отпусти же меня! Папа, папа, я привел кой-кого, кто хочет тебя видеть. Посмотри!

Кен шагнул к порогу и тут же остановился, пораженный. В дверном проеме, четко вырисовываясь на фоне голубого неба, появилась аеличественная фигура.

Этот хрубан, с седой шерстью и длинной темной гривой, был выше самого высокого человека. Взгляд его зеленых зрачков, медленно скользивший по лицам людей, был полон дружелюбной иронии со странной примесью грусти. Накидка цвета слоновой кости со сложным узором, спадавшая до блестящей кожи башмаков, контрастировала с широким поясом, сверкающим переливами красных и зеленых самоцветов. Да, пришелец занимал высокое положение! И признаком этого служила не только богатая одежда и гордая величественная осанка, но то чувство собственного достоинства, с которым он держался.

Старый хрубан шагнул к Кену, и Тодди дернул отца за руку.

— Папа, это Хрун, — сообщил он громким шепотом. — Он Первый член Совета... очень, очень высокая дол... — мальчик запнулся на трудном слове, — должность у хрубанов. Хрун сам привел меня домой и взял с меня обещание... Знаешь, какое? — лицо Тодди расплылось в счастливой улыбке. — Что мы никогда не покинem Ралу... то есть, Дьюну! Вот!

Чувствуя сухость в горле, Кен вдруг понял, что Первый смотрит на него, пронзительно и ожидающе. Но Тодди не растерялся.

— Высокочитимый господин, — произнес он громким, ясным и четким голосом, — разреши представить тебе моего отца, Кеннета Рива, — он низко поклонился, потом посмотрел на Кена. — Ты должен говорить с ним очень

почтительно, папа. Он и вправду очень, очень высокий хрубан. Ты только взгляни на него!

Кен взглянул.

— Не только говорить, — пробормотал он, — я готов и выслушать его со всем почтением.

— Так и надо, — подтвердил Тодди и выпрямился, когда старый хрубан важно кивнул головой.

Снаружи донеслись радостные восклицания. Тодди, сорвавшись с места, подскочил к окну.

— Эй, папа, мамочка! Сюда идут Хрул и Хрестан! И остальные! — он бросился к дверям, словно метеор.

Тихое шипение Хруна привело его в чувство. По-краснев, мальчик промурлыкал извинение, поклонился и подошел к отцу.

— Приветствую благороднейшего из членов Совета, — раздался рядом с Кеном чей-то спокойный голос. Он автоматически отметил, что произношение было совсем неплохим.

Вперед выступил Сумитрал, протянув для рукопожатия открытую ладонь.

— Мое имя Сумитрал, адмирал и полномочный посланник Федерации Земли. Мы чрезвычайно рады...

— Не так! — прошептал за адмиральской спиной Тодди. — Они не пожимают друг другу руки, сэр!

Кен невольно восхитился, с какой грацией Сумитрал превратил попытку рукопожатия в широкий приглашающий жест. На лице адмирала появилась улыбка, рука изящно пошла в сторону, указывая на нишу, где стояла рабочая конторка Ху Ши. Затем он обернулся и сделал сердитые глаза.

— Очистите комнату от посторонних, мистер Рив, — губы его почти не шевельнулись, но Кен ясно расслышал приказ.

Хрун, величественно кивнув, направился к нише. По пути его покрытые седовато-коричневой шерстью пальцы легко коснулись плеча Тодди.

— Будь моим посланником, малыш, — голос Первого оказался низким и звучным. — Пригласи Хрестана и молодого Хрула присоединиться к нам.

Тодди, гордый поручением, убежал. Жестом руки, не менее изящным, чем у Сумитрала, Первый пригласил Ху Ши и Кена последовать за ним. По-видимому, это не очень понравилось адмиралу, но внешне он был сама любезность. Его помощники уже суетились в комнате, расставляя столы и записывающие приборы.

Мысли Кена метались подобно стаду обезумевших урфов. Почему сам Первый, наиболее почитаемый из правителей Хрубы, планеты хрубанов, появился в этой забытой Богом дыре? Да еще привел Тода! Возможно, было принято какое-то важное решение... Но разве столь высокопоставленное лицо обязано само объявлять о нем? Здесь крылась некая загадка, и Кен полагал, что она разрешится в ближайшие минуты.

Хрун величественно опустился в кресло Ху Ши, не слишком просторное для его величественного тела.

— Я глубоко сожалею, что не могу ответить вам на языке Земли, почтенный Сумитрал, — произнес он, плавным жестом пресекая попытку адмирала приступить к тонкостям дипломатического протокола. — Я появился здесь, чтобы сопроводить этого мальчика, Рцода, к родителям. Теперь я уверен, что с ним все в порядке.

На лице Сумитрала отразилось легкое недоумение. Он взглянул на Кена.

— Мистер Рив, я правильно понял нашего благородного гостя?

— Надеюсь. Он сказал, что единственная причина появления его на Рале — Тодди. Ему хотелось лично проводить мальчика в наш поселок.

Сухощавая рука Ху Ши коснулась плеча Кена. Приблизив губы к уху адмирала, руководитель колонии негромко сказал:

— Не предавайте значения внешнему смыслу его слов, сэр. Я тоже кое-что понял. Он просто хочет подчеркнуть, что визит носит неофициальный характер.

Кен облизнул пересохшие губы, с тревогой взглянув на дверь. Лоренс очистил комнату, но на крыльце столпились почти все колонисты; оттуда долетал возбужденный шум голосов. Внезапно Ли отступил в сторону, пропуская запыхавшегося Тодди. За ним вошли Хрестан и Хрул. Молодой разведчик все еще был облачен в свой алый хитон, но только теперь Кен понял, насколько великолепнее выглядело одеяние Первого. Казалось, оба хрубана бежали; Хрул, отступив на шаг, пропустил Хрестана вперед. Оба с почтением поклонились Хруну, затем приветствовали землян.

Сумитрал шагнул вперед, явно собираясь начать переговоры, но его опередил Тодди.

— Папа, — шепнул он достаточно громко, чтобы его мог услышать и полномочный посланник, — только я могу говорить с Хруном. Меня учили, как надо... Вы не

должны первыми обращаться к нему, — Тодди опасливо покосился на Сумитрала, уже открывшего рот. — Прошу вас, сэр... Он устал и хочет пить.

Мальчик повернулся к Хруну и спросил, не хочет ли благородный господин немного освежиться. Только сейчас Кен заметил, что речь Тодди в чем-то отличается от языка, на котором говорили в деревне хрубанов. Звуки казались более четко артикулированными, ударения — чуть смещенными; другой была и интонация. Что бы это значило? Может быть, официальный язык хрубанов отличался от того, который они изучали?

Первый кивнул, и Кен торопливо отправился на кухню, размышляя, что можно предложить столь важной персоне. На глаза ему попался превосходный стеклянный кубок, который Мэйси Мак-Ки выдул еще зимой в порядке эксперимента. Водрузив сосуд на поднос, Кен наполнил его холодным молоком урфа. Солнечный свет, отраженный полированными стеклянными гранями, заставил искриться белую жидкость, словно огромную жемчужину. Да, этот Мак-Ки — настоящий умелец, подумал Кен, и вдруг хлопнул себя по лбу. Сапфир! Сапфир, который нашел и обработал Мэйси! Вот достойный дар для Первого... хрубаны, похоже, равнодушны к самоцветам... Надо только вытрясти камень из Хаминейда. Ну, сейчас это не составляло проблемы.

Прихватив поднос, Кен вернулся в столовую. Хрун беседовал с Тодди, и теперь тренированное ухо лингвиста уже свободно улавливало разницу в произношении. Заметив отца, мальчик поклонился Первому.

— Вот молоко урфов, благородный господин. Это животные, обитающие на Рале. Если ты желаешь...

Плавная речь Тодди была прервана топотом сапог на крыльце. Дверь резко распахнулась, и в комнату ворвались шестеро хрубанов — рослых, затянутых в ремни, с металлическими цилиндрами в руках. Без сомнения, то была задержавшаяся где-то охрана Первого. Хрун спокойно взглянул на свою стражу и жестом велел занять ей место у стены.

Глаза Тодди чуть расширились при виде солдат, но Первый улыбнулся мальчику и что-то быстро произнес. Тодд приподнял кубок, отпил глоток, затем протянул его Хруну с вежливым поклоном.

— Выпей, господин, и отдохни... Мой отец благодарит тебя за честь, оказанную нашей семье.

— Черт побери! — расслышал Кен шепот Сумитра-

ла. — Кто научил этого мальчика правилам этикета? Я готов обменять на него половину своего штата!

«За меня он не дал бы ничего,» — подумал Кен, собиравшийся сей этикет нарушить. Он бросил взгляд на Хрула и Хрестана — те с неподдельным интересом наблюдали за происходящим.

— Прекрасный напиток! — Хрун до дна осушил кубок. — Я полагаю, это лишь один из даров этой прекрасной планеты?

— Есть и другие, благородный господин, — произнес Кен, стараясь подражать произношению сынишки. — Если ты позволишь, мы с Хрулом представим их тебе.

Первый величественно склонил голову, посмотрел на Хрула и кивнул еще раз. Облегченно вздохнув, Кен выскочил из столовой и метнулся за угол ближайшего домика. Где же этот чертов Хаминейд? Ага! Вот он! Томится со своими тремя чинушами под охраной Гейнора!

Кен рванулся к ним, но на его плечо легла рука Хрула.

— Какие-то проблемы, Ррив?

— Только одна. Что происходит?

Молодой хрубан улыбнулся.

— Ничего особенного. Наш Первый Консул еще раз доказал, что может переиграть всех. То, что творилось здесь утром, произвело крайне неблагоприятное впечатление на Совет. Все надежды на сотрудничество рухнули, Ррив! Но твой Рцод начал плакать и проситься домой... он сказал, что должен защитить мать и сестренку. Тогда Первый поднялся, взял его за руку и заявил, что дело его чести вернуть мальчика семье. И если остальные предпочитают трусливо выжидать, то он выполнит это сам. Что началось в Совете! — Хрул затрясся в приступе беззвучного смеха. — Пока шли споры, старый мудрый Хрун был уже тут, в нашей деревне, и шел с Рцодом через лес. Раньше, чем кто-нибудь сообразил, что происходит! Ну, мы с Хрестаном отправились за ним, а следом — охранники... Только им пришлось поблуждать в лесу. И все это видели на Хрубе! Целая планета сейчас следит за нами!

Кен покачал головой; он не испытывал желания повеселиться. Заметив, что Хаминейд смотрит на него, он жестом велел чиновнику подойти. Жирный человечек послушно засеменил к ним, с опаской поглядывая на хрубана.

— Сапфир, живо! — прошипел Кен, догадываясь, что

камень уже сменил хозяина. — Тот, который твои ворюги утащили у Мак-Ки! — протянув ладонь, он пояснил Хрулу: — Будет достойный подарок для Первого... только не говори, в чьих лапах он побывал.

Хаминейд сощурил маленькие глазки.

— Конечно, конечно! — камень, словно по волшебству, вдруг возник на ладони Кена. Чиновник махнул рукой на окна столовой. — Эти кошки неплохо вооружены, Рив. Хотел бы я знать, что у них на уме!

— Только охрана Первого Консула — и ничего больше, — заверил чиновника Хрул. — От варваров, которые готовы скормить хищным тварям своих же людей!

Хаминейд вздрогнул — видимо не ожидал, что хрубан поймет его. Не обращая на чиновника внимания, Хрул повернулся к Кену.

— Послушай, Ррив, я должен еще кое-что объяснить тебе. Этот визит Первого — неофициальный. Значит, никаких разговоров о соглашении, сотрудничестве и всем прочем. Сейчас не время! — хрубан нервно кашлянул. — Рцод должен оставаться рядом с Хруном. Он обучен правилам этикета и держится молодцом. Это очень важно, Ррив! Наш народ получит благоприятное впечатление от встречи, общественность выскажется в вашу пользу, что придется учесть и политикам... Да, Первый знает, что делает! И Рцод...

— Но этот Тодди — шестилетний ребенок! — воскликнул Хаминейд.

— Рцод — ваш лучший заступник! — прервал чиновника Хрул. — Вы больше надеетесь на Сумитрала? Он допустил уже не одну ошибку! Эти просчеты вполне понятны, ведь никто из вас не владеет правильным языком хрубанов... в своей деревне мы говорили на упрощенном диалекте. Но вряд ли это будет принято во внимание многими. Они сочтут, что с Первым обходились невежливо и недостойно.

Хаминейд хмыкнул; казалось, ошибки Сумитрала доставили ему немало удовольствия. Хрул задумчиво глядел на сверкающий синий кристалл на ладони Кена.

— Хорошая мысль показать Первому богатства Ралы, — задумчиво протянул он. — Но стоит вспомнить и о дарах Земли... Слушай, Ррив, с черным конем ничего не случилось? Пожалуйста, попроси Бена привести его сюда... и рыжую кобылу тоже. Это важные аргументы в вашу пользу. На Хрубе животных давно уже нет... о чем сейчас мы горько сожалеем.

Кен подозревал Билла Моуди и отправил его на конюшню к Аджею. Затем, вслед за Хрулом, он направился к столовой.

— Камень передай через Рцода, — напомнил молодой хрубан, когда они переступили порог.

Кен наградил его долгим задумчивым взглядом, но возражать не стал. Низко поклонившись Первому Консулу, он поймал сынишку за плечо и шепнул ему:

— Тодди, вот наш подарок досточтимому Хруну, — он положил завернутый в черный бархат кристалл на ладонку мальчика. — Преподнеси его, сынок, как тебя учили. И скажи, что мы делаем этот дар от всего сердца.

Мальчик широко улыбнулся и расправил ткань. На ее темном фоне сапфир засверкал, заискрился еще ярче, разбрасывая сполохи синего огня. Камень был огромным, но не совсем чистой воды; Мэйси пришлось немало потрудиться, чтобы огранить его наилучшим образом. И старания его не пропали даром; чудесный самоцвет в ладонях мальчика казался символом богатств Ралы.

Гордо сжимая его обеими руками Тодди проследовал мимо строя охранников к креслу, в котором восседал Хрун.

— Высокочитимый господин, — он склонил головку, протянув кристалл Первому Консулу, — мой отец просит принять тебя этот дар. Когда ты будешь смотреть на него — там, на далекой Хрубe, — вспомни о тех, кто хочет дружить с твоим народом.

С возгласом невольного восхищения Хрун взял камень и долго смотрел на него, подставляя под щедрый свет солнца Ралы то одной, то другой гранью.

— Благодарю, — наконец тихо произнес он. — Синий цвет приятен для наших глаз... он дарит покой и отдых. — Он взглянул на сияющую мордашку Тодди. — Наверное, на Рале немало богатства, малыш? Подходящая планета для хрубанов!

— И для нас тоже! — безапелляционно заявил мальчик.

— В самом деле? — голос Хруна был полон мягкой иронии.

— Еще как! Только... только я хочу, чтобы Хрисс тоже жил здесь... и Хрул, и... раздавшийся за окном топот отвлек внимание Тодди. — Смотрите! Лошади! — он бросился к двери и распахнул ее.

— Досточтимый, — Хрестан склонил голову, — это

животные, привезенные землянами на Ралу. Очень редкие даже на их планете. Прекрасные создания!

— Я хочу их увидеть, — Первый поднялся, его изумрудные глаза горели неподдельным интересом. Хрестан отступил в сторону, кивнул Тодди, предлагая идти сразу за стариком. В торжественном молчании два хрубана и мальчик вышли на крыльцо.

Сумитрал направился к Кену. Выглядел он весьма печальным, в глазах застыло недоумение.

— Простите, мистер Рив, но я ничего не понимаю. Каждый раз, стоит мне только открыть рот, либо наш почтенный гость, либо малыш прерывают меня. В чем дело?

Слава Богу, подумал Кен, у этого человека хватило ума и выдержки, чтобы не устроить скандал.

— Видите ли, сэр, мальчика специально обучили надлежащему поведению и языку. Все мы, не исключая вас, говорили не совсем правильно. А наши новые друзья, похоже, придают церемониалу весьма большое значение. Хрул предупредил меня, что все происходящее здесь транслируется на Хрубу. За нами следят миллионы глаз!

Сумитрал побледнел и судорожно сглотнул.

— О! Значит, я не могу беседовать с ним насчет договора?

— Совершенно верно! Визит Первого — неофициальный... Фактически — это отчаянная попытка исправить положение — после того, что натворили здесь Ландрю и Хаминейд. В их правительстве, как я понял, существуют разногласия, но Хрун стоит за союз с нами. Будем надеяться, что все закончится хорошо.

Сумитрал раскрыл рот, потом сжал губы, ничего не сказав. Видимо, вспомнил первый закон дипломатии — если не знаешь, что говорить — молчи и улыбайся. Правда, на улыбку у него не хватило самообладания.

Они вышли на крыльцо, когда Бен с Хрулом начали демонстрировать высокому гостю приемы верховой езды. Копыта лошади мягко топотали по земле, потом отдавались барабанным боем галопа; ветерок развеивал гривы, кони гордо изгибали шеи, то чуть приседая, то вздымаясь на дыбы. На физиономии Хрула блуждала счастливая улыбка, и Кен вдруг поймал себя на том, что непроизвольно улыбается в ответ.

К тому времени, когда выступление завершилось, солнце начало склоняться к закату. Хрун махнул рукой охранникам, и старший из них прорычал какой-то

приказ. Затем Первый Консул повернулся к землянам, склонив голову.

— Спасибо, мои друзья, — на лице его промелькнуло сожаление. — Благодарю вас за любезный прием и этот символ прекрасного нового мира, — он поднял сапфир, пылавший синим огнем в лучах заходящего солнца. — Мне пора... боюсь, я и так слишком надолго пренебрег своими обязанностями.

Прощаясь, он обвел взглядом колонистов, словно хотел запомнить их лица. Он был доволен — Кен в этом не сомневался.

— Что же дальше, мистер главный эксперт? — спросил Сумитрал с чуть заметной улыбкой.

— Не знаю, — Кен пожал плечами. — Вот настоящий специалист по хрубам, — он кивнул на Тодди. — Поинтересуйтесь у него.

Они молча наблюдали, как мальчик повел процессию гостей к мосту. Хрун со своей свитой перешел на другую сторону, где была разостлана большая металлическая сеть. Первый с двумя стражами встал посередине, над сеткой поднялся густой туман, выстрелил вверх белым сполохом и отпал. Старый хрубан и его охранники исчезли.

— Так это и есть их трансмиттер! — потрясенно выдохнул Сумитрал.

— Вероятно, — кивнул Кен. — Держу пари, что под каждым их поселением проложена такая же сеть. Вот так они и исчезали... мгновенно и бесследно.

Четыре солдата подошли к сетке, скатали ее, вскинули тугой рулон на плечи. Затем колонна, возглавляемая Хрестаном и Хрулом, быстрым шагом направилась в сторону деревни. Тодди, глядя им вслед, стоял на мосту. Наконец, он махнул рукой на прощанье, и вприпрыжку двинулся к дому.

ПЕРЕДЫШКА

— Что не говори, а мы так и не знаем, оставаться ли нам или уходить, — с кривой улыбкой заметил Ли Лоренс.

Усталые, сбитые с толка колонисты засыпали вопросами представителей трех департаментов. Собрание было бурным и провести его решили вне зоны действия следящих устройств хрубанов.

— Если вспомнить о технических аспектах проблемы, — произнес Сумитрал, — то планетой, несомненно, владеют хрубаны. Мы не можем им противостоять. Да и смысла я в этом не вижу. Хрубаны — превосходный народ и заслужили право остаться на Дьюне, — он бросил взгляд на Хаминейда.

— Несомненно, — с легкостью согласился представитель колониальной службы, бросив взгляд на Ландрю.

Командор тут же ошетинился.

— Когда я изучал эту планету, здесь не было ни туземцев, ни гигантских рептилий, — безапелляционно произнес он.

— Ну, с драконами все ясно, — вставил Дотриш. — Эти земноводные находились в глубокой спячке во время зимнего сезона. Хрубаны тоже появляются на Рале только в теплое время.

Ландрю пожал плечами и сел. Кен надеялся, что Космодеп не станет претендовать на власть над Дьюной; в конце концов, ни колонизация, ни контакты с иными расами не входят в задачи этого департамента.

— Если хрубаны освободят Дьюну для наших колонистов, то планета по-прежнему останется под юрисдикцией моей службы, — хитрые глазки Хаминейда ощупали каждого, словно напоминая, кто здесь хозяин.

Сумитрал с негодованием взмахнул рукой.

— Ни в коем случае! Дьюна — наш полигон для контакта с древней и высокоразвитой расой. И эти люди, — он широким жестом обвел колонистов, — уже вступили в контакт с ее представителями... чрезвычайно удачно, должен заметить! — Взгляд адмирала задержался на лице Кена. — Надо использовать любой шанс для укрепления связей с хрубанами и, рано или поздно, придет время для заключения договора. А до того

планета должна находиться под защитой департамента Внешних Сношений. Поверьте, Хаминейд, правительство не примет иного решения.

— Постоите-ка, Сумитрал! — снова вскочил на ноги Ландрю. — Ваше дело — дипломатия, но за оборону пока что отвечает Крсмодеп. И тут...

— Заткнись, Ландрю! — Кен не собирался церемониться с этим типом. — Ты уже показал, как умеешь оборонять детей и женщин! Мы уже могли подписать соглашение с хрубанами, если бы не орда твоих бандитов!

— Поосторожнее, Рив! — Ландрю с угрозой сделал шаг вперед.

— Хватит! — взревел Сумитрал, на миг превращаясь из выдержанного дипломата в бывалого вояку. — Говоря откровенно, Ландрю, если бы я не имел полную уверенность в том, что хрубаны сейчас не наблюдают за нами, я бы не препятствовал Риву разобраться с вами! Но вернемся к делу. Никаких оборонных проблем здесь не возникает, зарубите себе на носу. Хрубаны — не кровожадные туземцы с Мирна и не переносчики чумы с Дзеты Альгейта. И они, бесспорно, не сиванцы! Это высокоразвитая раса, и я сделаю все, чтобы заключить с ними договор. Я даже не откажусь от помощи шестилетнего мальчугана, который разбирается в их сложном этикете лучше, чем мы все вместе взятые!

Колонисты бурно заплодировали, и Сумитрал с некоторым удивлением воззрелся на них. Потом, усмехнувшись, он произнес:

— Я получил инструкции от своего начальства — вы узнаете о них завтра. Этот мальчик, Тодди, просто счастливая находка для нас. Простите, мистер Рив, — он обернулся к Кену, — если я буду вынужден монополизировать на время вашего сына. А сейчас я иду спать. И будучи по натуре оптимистом, я надеюсь, что хрубаны проголосуют за мирный договор с Землей.

Он удалился, велел Ландрю и Хаминейду отправляться на их корабли.

— Похоже, нам повезло с этим Сумитралом, — заметил Лоренс, когда все посторонние вышли.

— Не обольщайся, — Ху Ши поднялся из-за своей конторки. — Я знаком с его репутацией. Хитрый оппортунист, но человек неглупый. Он почувствовал возможность выдвинуться, и ляжет костями, чтобы заключить этот договор, — метрополог неожиданно улыбнулся. —

Что на руку и нам, и хрубанам! А сейчас — спать, всем спать, друзья мои.

Обняв жену за плечи, Кен повел ее к дому.

— Я так вымоталась, — прошептала Пат. — Они не давали нам спать всю прошлую ночь, когда закрыли в столовой.

— И я едва держусь на ногах, дорогая, — ответил Кен. — И если наш практичный адмирал отправился в постель, то нам надо сделать то же самое.

Они подошли к крыльцу. Окна домика были темными, значит, дети уже уснули. Кен почти втащил жену по ступенькам и тихо растворил дверь. Вдруг Пат, оглянувшись на скамейку у крыльца, сказала:

— Что же будет с Тодди, если хрубаны не вернутся, Кен? Я с ужасом вспоминаю, как он сидел здесь, на скамье...

— Они вернутся, — успокоил ее Кен. — И Тодди сделал для этого больше всех нас... и еще сделает немало.

— Что ты имеешь в виду?

Тяжело ступая, Кен добрался до постели, сел и стащил сапоги. Он так устал, что язык едва ворочался.

— Знаешь, такой сообразительный малыш с забавным веревочным хвостиком выглядит очень привлекательно...

Его голова коснулась подушки. Он еще успел заметить, как Пат сбросила башмаки и потянулась с глубоким вздохом. В следующее мгновение Кен забылся беспробудным сном.

— Папа, папа, проснись! Ну проснись же!

Он с трудом разлепил заплывшие веки. В горле было сухо, голова гудела, тело не подчинялось ему. Кен с трудом сообразил, что кто-то пытается его разбудить.

— Папа!

Восклицание сопровождалось толчком маленькой ладошки. Он почувствовал ее тепло на обнаженном плече и несколько раз моргнул.

— Папа!

— Малыш, я бы хотел еще поспать...

К удивлению Кена, это возымело действие — толчки прекратились. Он слышал, как Тодди прошлепал на кухню, потом снова появился в комнате с большой кружкой горячего кофе. Бодрящий аромат защекотал ноздри, и Кен, спустив ноги на пол, со стоном сел. Они с Пат заснули полураздетыми, даже не разобрав постели. Он прикрыл жену одеялом и повернулся к Тодди.

Тот был уже одет, причем в свой лучший комбинезончик. Поверх него малыш натянул куртку из шкуры мада и застегнул сверкающий поясок с богато изукрашенным ножом — наверняка, подарок хрубанов. Вереvoчный хвостик был на месте, однако новый, из куска толстого коричневого шнура. Выглядел Тодди непривычно чистым и нарядным.

— Что, хрубаны вернулись? — буркнул Кен, протягивая руку к кружке.

Лицо мальчика приняло столь важный и загадочный вид, что он все понял.

— Сейчас я оденусь, сынок, и мы пойдем к мосту, — Кен в два приема опустошил кружку. — Слушай, сделайка мне еще, ладно? И прихвати с собой что-нибудь поесть.

Солнце еще только вставало, окрашивая восточный небосклон в розовато-лиловые тона, когда они торопливо зашагали к мосту. Было еще свежо, и Кен обрадовался, что прихватил с собой одеяло. Набросив его на плечи и прикрыв одним краем Тода, он пристроился на берегу. Выспаться не удалось, но он не жалел об этом. С Тодди творились чудеса; капризный ребенок исчез, превратившись в собранного и энергичного мальчугана. Был ли сегодняшний ранний подъем достойным выкупом за эту метаморфозу? Обнимая хрупкие плечи сына, Кен решил, что готов встать и на час раньше — лишь бы вернулись хрубаны.

Они приступили к завтраку — сэндвичам с холодным мясом и кофе, который тод налил в термос. Прихлебывая горячий напиток, Кен сказал:

— Ты здорово научился говорить на их языке, сынок. И ты говоришь иначе, чем раньше.

— О! — Тодди выразительно сморщил нос. — Хрул сказал, что я должен говорить правильно. Мне Хрисс помог. И Мрва! Я же был у них дома, — он хихикнул. — Знаешь, папа, у них такие же коридоры и тупики в больших домах, как на Земле... Только называются «широкие тропы» и «узкие тропинки»! Смешно! Как в лесу... — Тод потерся головой о плечо отца. — Помнишь того старика, Храла? Важный хрубан! Он тоже часто приходил и заставлял меня говорить, говорить... У нас с Хриссом совсем не было времени на игры. Но я об этом и не думал. Если Хрисс вернется, как обещал... все лето у нас впереди.

Кен от всей души надеялся, что маленький приятель Тода выполнит свое обещание.

— А что говорят старшие? — осторожно спросил он. — Хрестан, Хрул? Они тоже хотят вернуться?

— Самый важный из всех — Хрун. Он объяснил мне, что надо делать, и я все сделал правильно, папа! И Хрун сказал, что все будет в порядке!

Мысленно поблагодарив Первого Консула, внесшего столь немалую лепту в воспитание Тодди, Кен похлопал его по плечу.

— Ты отлично справился, сынок. Мы все гордимся тобой — и я, и мама, и дядя Бен, и Ху Ши... Сам адмирал сказал, что готов зачислить тебя в свой штат...

Он надеялся, что похвалы не вскружат Тодди голову, но мальчика интересовало совсем другое. Тод поднял на отца расширившиеся глаза.

— Мы ведь останемся на Рале, папа? Правда, останемся?

— Да, сынок, — Кен глядел на быстрое течение реки, стараясь, чтобы голос не выдал владевшие им страх и неуверенность. — Конечно, мы останемся тут.

Над гребнем горы на другом берегу поднялось солнце, заливая теплыми лучами долину. Остроконечные носы трех космических кораблей на посадочной площадке засверкали расплавленным серебром, затем из предрассветного сумрака выступили яркие крыши домиков колонии. Со скотного двора раздалось призывное мычание, визг свиней и кудахтанье кур. В окнах Аджея вспыхнул свет и через несколько минут ветеринар сбежал по ступенькам крыльца и направился к сараю, кормить скотину. Потом зажегся огонек в доме Ху Ши, но все остальные были еще тихими и темными.

Кен задумчиво уставился на прозрачную речную гладь, на мост, соединивший два берега, два народа. Да, только здесь, на Дьюне, можно найти решение проблемы! И дело не в том, чтобы оправдаться перед чиновниками с Земли или решить, какой департамент будет распоряжаться на планете. Все было гораздо сложнее, неопределеннее, тоньше... Но два мальчугана, дети разных рас, умевшие внимательно слушать друг друга, хотели расти вместе в этом просторном мире, где хватало места для игр, беготни и дальних странствий. Они уже заключили договор — без книжных слов, клятв и вороха бесполезных бумаг.

Внезапно тело Тодди под его рукой напряглось,

и в следующий момент оба, и сын, и отец, вскочили на ноги. На дальнем конце моста появились высокие гривастые фигуры.

Что-то их слишком много, подумал Кен. Может быть, хрубаны на этот раз выслали охрану? Он крепко стиснул плечо Тода, словно желая защитить его от разочарования, если в плотной группе пришельцев не окажется ни Хрула, ни Хрестана.

— Все в порядке, папа! — вдруг раздался торжествующий крик мальчика. — Все в порядке! Смотри, что они несут! Сети! Много-много сетей!

ПЕРЕГОВОРЫ

Когда потом они вспоминали этот день, решивший судьбу Дьюны, никто не мог себе представить картину целиком — лишь обрывки, фрагменты собственных ярких впечатлений. Однако, все произошедшее было детально занесено на пленки — и людьми, и хрубанами.

Кен помнил, как ему принесли очередную, наверное, уже десятую чашку кофе, которую он не смог одолеть. Он помнил, как терял и снова находил Тодди, чьи услуги требовались сразу в пяти местах. Он помнил, как разбудил Пат, повторяя опять и опять, что хрубаны наконец-то вернулись. Что касается его жены, то ей в память запала Мрва в легком, сверкающем украшениями платье. Она появилась у домика Ривов в сопровождении целой толпы женщин-хрубанов, чтобы согласовать с подругой с Земли меню торжественного обеда.

— В тот день я простояла у плиты четырнадцать часов, — нередко напоминала Пат мужу; это было ее вторым самым ярким воспоминанием. Кен в ответ только снисходительно улыбался.

Если бы при этом разговоре присутствовал Тодди, то он наверняка мог бы заявить:

— А мне в тот день даже не дали поиграть с Хриссом! Все время я говорил, говорил и говорил!

Хрисс бы добавил:

— Ну а я весь день молчал.

— Что касается меня, — сказал бы Хрул, — я был бы рад помолчать, потому что накануне вечером мне пришлось спорить до хрипоты.

И Кен согласился бы с ними. Каждому свое!

Когда они с Тодди увидели утром группу хрубанских техников, Кен сразу послал сынишку включить сирену. Хрубаны, тащившие свернутые сетчатые панели, перешли мост и остановились, поглядывая на Кена со смесью опаски и любопытства; знакомых среди них не было. Ими предводительствовала высокая темногровая женщина, сообщившая, что ее зовут Мрим. На земном она говорила неважно и сразу же перешла на родной язык.

В руках у нее был голубоватый лист с текстом, украшенный внизу множеством закорючек и странных значков — как догадался Кен, решение правительствен-

ного Совета Хрубы со всеми надлежащими подписями. Мрим старалась говорить медленно и отчетливо, так что он понимал почти все. Хрубаны хотели установить большой трансмиттер на площадке у столовой. Через несколько часов (к счастью, тут прибежал Тод и помог разобраться с мерами времени) ожидалось прибытие сановников и специалистов, которым было поручено вести переговоры с землянами. Мрим просила уважаемого Ррива помочь ей и указать место, где удобнее установить приемную сетку.

К мосту уже бежал Ху Ши, за ним — Аджей и Лоренс. Рев сирены вызвал тревогу и на космических кораблях. По трапу судна Сумитрала сбежал посыльный и занял место в машине дипломатической службы. Колонисты, однако, не теряли времени; Кен объяснил ситуацию и Ли, поклонившись Мрим, пригласил ее следовать за собой. Не прошло и получаса, как сеть была установлена и над ней задрожал молочный туман.

С этого момента в поселок начали прибывать гости. Первыми появились солдаты в блестящей амуниции, тащившие какие-то устройства, за ними — инженеры. Хрул был в первой группе. Он сразу отвел Кена и Ху Ши в сторону — требовалось посоветоваться. Белки глаз молодого хрубана покраснели; хвост беспокойно хлестал воздух. Потом Кен узнал, что его другу не удалось сомкнуть глаз прошлой ночью — он занимался организацией встречи.

— Совет провел всенародный опрос, — возбужденно сообщил Хрул. — Решено продолжать освоение Ралы, но проект несколько видоизменен — теперь он учитывает и ваше присутствие. — Глаза хрубана весело сверкнули. — Благодарите Рцода! Он устроил неплохой трюк со своим веревочным хвостом! Очаровал всех! А его поведение вчера, когда вы принимали Первого... Выше всяких похвал! Прекрасно воспитанный ребенок!

— Значит, нам разрешено остаться? — Ху Ши интересовало самое главное. Хрул удовлетворенно кивнул. — Ну, тогда все проблемы решены.

— Боюсь, они только начинаются. Нам надо обговорить еще кое-какие детали. — Хрубан вытащил голубую ленту с текстом и начал читать — медленно и внятно, иногда переходя на земной язык. Когда он кончил, Кен и Ху Ши тревожно переглянулись.

— Боюсь, Сумитралу это не понравится, — покачал головой метрополог.

— Придется ему смириться, — тонкие губы Хрула растянулись в усмешке. — Поверьте, мы не предполагали обременять Рцода такой ответственностью, когда учили его языку. Конечно, можно обучить и Сумитрала, но это требует времени, а его-то у нас и нет. На сегодняшний день Рцод — единственный из вас, кто знаком с тонкостями языка и этикета.

— Да, ты прав, — Кен пожал плечами. — Выбора у адмирала не остается.

Хрул осторожно коснулся когтем потрепанного рукава комбинезона Кена.

— Я привез для Рцода церемониальный детский наряд... А у вас, Ррив, есть какая-нибудь подходящая случаю одежда?

— Хмм... — раздалось сзади покашливание Сумитрала. — Полагаю, парадной формы дипломатической службы хватит на всех. Подойдет?

— Коричневый — превосходный цвет, — заметил Хрул, — приятный для наших глаз. Пусть ваши люди принесут одежду. А теперь, адмирал, о тех вещах, которых вам не следует делать...

Список был весьма обширен, но Сумитрал, морща лоб и закатывая глаза, добросовестно старался запомнить каждую мелочь. Видимо, подобные детали этикета служили для него неоспоримым доказательством древности и изысканной сложности цивилизации хрубанов. Кен же был потрясен.

— Я вижу, и у вас чиновники не дремлют, — пробормотал он.

— Тут, на Рале, мы обходимся без нелегких церемоний, но Хруба — совсем другое дело, — вздохнул Хрул. — Если все тонкости этикета на предстоящей встрече будут соблюдены, это нам поможет, Ррив.

— Ладно, — подвел итог Сумитрал, — мы выполним все, как надо. Но какие условия договора предлагает ваш Совет?

— Не знаю, — лицо хрубана было бесстрастным. — Нам нужно время, чтобы пережить этот шок. Понимаете, мой народ привык считать себя уникальным явлением в галактике, единственной высокоразвитой расой... И вдруг — встреча с вами! Да, пришло время... Тем, кто остался на Хрубе, надо привыкнуть к вашему облику, к вашей голой коже... понять, что их безопасности и сытому покою ничего не грозит...

Скрестив на груди руки и покачиваясь с пятки на

носок, Сумитрал задумчиво слушал молодого хрубана; глаза его были непроницаемы. Будь у него хвост, пришлось в голову Кену, он стоял бы сейчас торчком. Наконец, адмирал согласно кивнул.

— И еще одно, досточтимый друг... — лицо Хрула выражало полную серьезность. — Переговоры придется вести через Рцода. Он единственный среди вас, кто может изъясняться правильно на нашем языке.

— Это я понял еще вчера, — уныло согласился Сумитрал. — И мне кажется, что данное обстоятельство скорее облегчит, чем затруднит заключение договора. Только способен ли ребенок выдержать такое напряжение?

— Ну, ради встречи с Хриссом... — начал Кен. — Кстати, Хрул, а ваш малыш будет здесь?

— Наверное. Сюда отправляют всех, кто знает земной язык.

После получаса интенсивных розысков Тодди обнаружили вместе с Хриссом на сеновале. Комбинезончик его был в пыли, грязное личико раскраснелось после веселых прыжков и кувырканий в мягкой копне, в волосах запуталась солома. Главного переводчика бесцеремонно сунули в лохань, вымыли, вытерли и облачили в розовый наряд и красные сапожки. Несмотря на эти жизнерадостные цвета, выглядел Тодди весьма мрачным. Схватив сына за руку, Кен потащил его к площадке перед столовой.

Там уже выстроились друг против друга хрубаны и земляне — солдаты, инженеры, чиновники и колонисты. День был солнечным и ясным, воздух благоухал запахами весны, с кухни тянуло соблазнительными ароматами, ветерок развеивал яркие флаги. Внезапно огромную сеть окутал уже знакомый белесоватый туман; облако сгустилось и резко опало, открыв взволнованным взглядам собравшихся группу хрубанов.

Центр металлической сети покрывал роскошный ковер сапфирового оттенка с возвышавшимся на нем столом — длинным, резным, из странной древесины серебристого оттенка. С одной его стороны в великолепных креслах восседала семерка пожилых хрубанов с пышными, тронутыми сединой гривами. На груди у них покоились украшенные самоцветами цепи, плечи закрывали яркие расшитые накидки, сверкающие пояса стягивали длинные кильты. Напротив стояло семь пустых кресел столь же роскошного вида.

— Господи, — пробормотал Кен Хрулу, — ваши пар-

ни постарались на совесть! Туземцы потрясены!

— Какие именно? — хвост хрубана изогнулся, глаза смеялись.

— Кто из них Третий Консул? — пошептал Сумитрал, разглядывая членов Совета.

— Второй слева, рядом с Хруном, — ответил Хрул. — И он явно напуган! Посмотрите на его хвост...

Кен привстал на цыпочки, пытаясь рассмотреть такую важную подробность и, в то же время, не выпустить из руки ладонку Тодди. Мальчишка вертелся, как выюн. Не хватало только, чтобы он опять сбежал куда-нибудь!

По знаку распорядителя — рослого хрубана в голубом — делегация землян направилась к своим местам. Первое кресло слева занял Лоренс; затем уселись более важные персоны — Ландрю, Ху Ши, Хаминейд и Сумитрал; рядом с ним — Тодди и Кен. Хрул встал за креслом мальчика, Хрестан — около Ху Ши, чтобы помогать с переводом.

Во время долгой неторопливой речи распорядителя, излагавшего причины и обстоятельства сей исторической встречи, Тодди изо всех сил старался не ерзать. Сейчас его помощь была не нужна; колонисты и Сумитрал поняли почти все. Дипломат, державший ответное слово, постарался облегчить задачу маленького переводчика. Он кратко изложил историю открытия Дьюны, используя простые и ясные фразы.

Кен начал потихоньку успокаиваться, как вдруг сообразил: что Тодди по своему интерпретирует речи адмирала. Пару раз он добавил описания наиболее ярких эпизодов, вроде охоты на мада и сражения с драконами, однако это, похоже не вызвало возражений у слушателей. Члены Совета снисходительно улыбались, покачивая гривами; лишь Третий с застывшим лицом уставился поверх головы сидевшего напротив Ху Ши. Этого, понял Кен, ничем не удивишь, он просто не станет слушать. Тот же Ландрю, только с хвостом и физиономией кота, упустившего мышь.

Адмирал закончил свое сообщение, и Хрул предложил обсудить проект совместного владения Ралой. Переговоры начались.

Они проходили непросто — в основном, потому, что Третий Консул очнулся от шока и начал вносить бесконечные поправки, изменения и дополнения. Каждый раз Хрун и Сумитрал совместными усилиями находили реше-

ние, и каждый раз Тодди, спотыкаясь на сложных фразах, переводил речи участников совещания. Мальчик начал уставать; некоторые особо изощренные формулировки были ему просто непонятны. В состязании таких опытных политиков, какими были Третий Консул и Сумитрал, Тодди напоминал камешек, попавший меж тяжелых жерновов. Но он держался, держался изо всех сил, снова и снова возвращаясь к главному требованию земной делегации: хрубаны и люди должны жить на Рале вместе.

Кроме того, Сумитралу очень хотелось иметь на Земле трансмиттерную станцию, которая значительно облегчила бы связь с Дьюной. Он подчеркнул, что сеть нужна небольшая, рассчитанная на пять-шесть человек, и обслуживать ее будет персонал инженеров-хрубанов. Он даже был согласен на то, чтобы руководитель этой станции осуществлял проверку всех пересылаемых грузов. Третий сопротивлялся отчаянно. Закончив очередную десятиминутную речь, полную возражений и недомолвок, он свирепо уставился на Тодди, ожидая перевода. И тут малыш поразил всех.

— Благородный господин, — произнес он, поклонившись Третьему, — конечно, я могу сказать адмиралу, будто ты боишься, что с Земли сюда пришлют какое-нибудь страшное оружие или солдат. Но это же глупо! И если наши ученые увидят, как работает сеть, они не сумеют за день сделать такую же. Это тоже глупо! Лучше я скажу, что тебе просто не нравится наше предложение. Ведь так?

Именно это и было квинтэссенцией выступления Третьего, ясной даже шестилетнему ребенку. По лицу Хруна расплылась довольная улыбка. Он повернулся к своему соседу и сказал:

— Мальчик прав! Невозможно понять принцип работы трансмиттера, поглядев на сеть. И, безусловно, небольшая станция не представляет никакой опасности. А помочь может! Например, ее стоит использовать для транспортировки на Ралу земных животных или лекарств.

Глаза Третьего сердито сверкнули, но больше возражений не последовало.

К середине дня были сформулированы основные пункты договора. Он должен был действовать пятьдесят земных лет или двадцать пять лет Ралы — вполне достаточный срок, чтобы подготовить почву для более длительного соглашения.

Но уже сейчас космические станции и корабли обеих сторон требовалось оснастить опознавательными системами, договориться о сферах влияния каждой из рас, о взаимном невмешательстве в дела колоний. Кроме, разумеется, Ралы. Она оставалась единственной точкой соприкосновения людей и хрубанов — если не считать трансмиттерной станции на Земле.

На большом материке в южном полушарии Ралы будет создан контрольный пост наблюдения за всеми техническими устройствами, которые оба народа станут ввозить на планету и в окружающее космическое пространство. Туда же все исследовательские группы станут сообщать о своих маршрутах; это облегчит оказание им поддержки и поможет избежать столкновений. Вопросы торговли было решено отложить на будущее, когда определится список товаров, интересующих каждую из рас.

Самой тяжелой проблемой оказался вопрос об автономии колонии, но тут Сумитрал был непреклонен: только сами поселенцы Ралы, люди и хрубаны, должны установить законы, регулирующие жизнь подобного смешанного общества. Третий считал, что в колонии придется создать самообеспечивающееся хозяйство, с чем Сумитрал полностью согласился — этот принцип лежал в основе всех инопланетных поселений землян. Отсюда следовало, что все залежи полезных ископаемых, обнаруженные в будущем, должны оставаться в распоряжении колонистов. Третий сердито буркнул, что на сельскохозяйственной планете нет нужды в горных машинах, и Сумитрал, тонко улыбнувшись, согласился ограничить мощность ввозимых механизмов. Третий Консул, видимо, забыл, что шахты можно разрабатывать с помощью кайла и лопаты.

Не обошлось без споров и обсуждение гражданских прав жителей Ралы. Довольно быстро стороны согласились, что каждый достигший совершеннолетия подросток имеет право вернуться на свою родную планету. Однако, когда Третий выдвинул требование, чтобы всю молодежь обучали языку хрубанов, Сумитрал тут же сделал такое же контрпредложение, касавшееся земного языка.

Наконец, был разрешен и вопрос о выравнивании состава населения, ибо хрубаны имели на Дьюне пять поселков, а земляне — только один. К этому часу Тодди настолько устал, что чуть не вываливался из кресла. Произношение его стало нечетким, личико побледнело, и

Хрун все чаще с тревогой поглядывал на мальчика. Вдруг приемник на запястье Ландрю пронзительно пискнул, и командор поднес его к уху. Одновременно, инженер-хрубан подбежал к одному из помощников Хруна и что-то ему зашептал.

— Кажется, прибывает корабль, — объявил Тодди с довольным видом, предвкушая передышку.

— Разве мы ждем кого-нибудь еще? — поинтересовался Кен у Сумитрала, поглядывая на совещающихся хрубанов. Адмирал, пожав плечами, бросил вопросительный взгляд на Хаминейда.

— Был отдан приказ об эвакуации колонии, — заметил толстый чиновник, — и сюда направляется транспортное судно. Конечно, в свете последних событий, это распоряжение отменяется. Если только, — добавил он со злобной ухмылкой, — вы не решите возвратиться домой.

Кен ухмыльнулся ему в ответ, и не менее злобно. Похоже, Хаминейд выскользнет из этой истории невредимым. Сумитралу предназначен лавровый венок героя, заключившего договор с хрубанами; Ландрю — как минимум, официальный выговор за превышение власти; репутация же Хаминейда особого ущерба не потерпит. Колония, которую основал его департамент, так или иначе прижилась на Дьюне.

— Тодди, — Сумитрал наклонился к мальчику, — скажи им, что приближается транспорт, который должен был вывезти вас на Землю. Это не военный корабль.

Тодд нахмурился.

— Но нам не нужен транспорт! Мы же не собираемся улетать!

— О, не беспокойся! Вы останетесь на Дьюне. По крайней мере, ты это заслужил, паренек.

Лицо Тодди расплылось в улыбке. И она не исчезла даже тогда, когда он переводил слова адмирала.

Внезапно Первый Консул поднялся, и остальные участники встречи торопливо вскочили на ноги. Не обращая внимания на протестующие возгласы Третьего, Хрун объявил заседание закрытым. Мнее важные детали можно обсудить потом, отметил старый хрубан, а сейчас он ждет, что в течение трех дней текст соглашения будет представлен ему и Сумитралу. Причем без всяких изменений и задержек! — его холодный взгляд скользнул по лицу Третьего.

Хрун кивнул Тодди, предлагая следовать за ним, и

бросил несколько слов помощнику. Тот обогнул стол и что-то прошептал Хрулу.

— Мы свободны, — сказал молодой хрубан Кену. — Сейчас начнут отправлять на Хрубу тех, кто не имеет желания участвовать в празднике.

Они покинули сеть и медленно направились к столовой, вдыхая запахи жареного мяса. Кен только сейчас почувствовал, как устал и проголодался; казалось напряжение этого дня. Вдруг за его спиной раздались быстрые шаги и плечо заныло от шлепка могучей ладони.

— Ну, мы успели прямо к угощению! — рявкнул Киачи, разворачивая Кена лицом к себе. За спиной капитана маячил его сперкарго. — Но мой корабль, кажется, уйдет пустым? Вы договорились со своими котами? — он дружески ткнул в бок Хрула.

— Хаминейд отменил приказ об эвакуации, — заверил капитана Кен. — Мы подготовили соглашение с хрубанами, и мы остаемся на Рале.

— Ну, вовремя я исчез тогда, в первый раз? — подмигнул Киачи. Он задумчиво принялся к ароматам, что текли с кухни. — Не плохо бы выпить перед обедом, не так ли? Не найдется ли чего-нибудь подходящего у наших хвостатых друзей? Я, во всяком случае, заслужил рюмку-другую из рук самой хорошенькой кошечки на Дьюне.

Внезапно капитан замер, уставившись на стол заседаний Совета. Там оставались всего трое. Два Консула что-то обсуждали, перебирая голубоватые листки с текстом и рулончики лент; Третий сидел с мрачным видом, поигрывая сверкающей цепью. Белый туман начал сгущаться, скрывая эту картину; потом раздался свист и облако исчезло. Теперь лишь одна металлическая сеть лежала в центре утопанной площадки.

Туман снова взметнулся и опал. На великолепном ковре стояла группа женщин — в ниспадающих ярких одеждах, с драгоценными камнями, переливавшимися на плечах, на шеях и в темных гривах. Изящные, как фарфоровые статуэтки, они будто служили иллюстрацией одному из главных правил этикета хрубанов: женщины должны появляться в нужное время, не раньше и не позже.

— Вот это да! — Киачи нервно вцепился в свою бородку. — С такой штукой, — он кивнул на сеть, — не нужно и половины кораблей космофлота!

Первый Консул выступил вперед, предложив руку стройной, роскошно одетой женщине — видимо, супруге. Они направились к конюшне, смотреть столь очаровавших хрубанов лошадей. Тодди и неизвестно откуда взявшийся Хрисс шли с ними; сзади вышагивала охрана — три хвостатых солдата и трое в коричневой одежде дипломатического корпуса.

— О, Кен, наконец-то! — Патриция бросилась к мужу, схватив его за руку. Ее волосы были уложены в аккуратную прическу, лицо покраснелось от волнения. — Тодди хорошо себя вел? А где Первый Консул? Вот этот, высокий? Кто с ним, жена? А правда, что вас с Хрулом назначили ответственными представителями? Ты доволен?

— Да, да и еще раз да, моя дорогая! — засмеялся Кен, обняв жену. — Наш Тодди — молодец! Спас всю колонию!

— Слава Богу!

— Где же ты была?

Пат нахмурилась, на лицо ее легла тень усталости.

— Мне пришлось объяснять сотне женщин с Хрубы, как готовят пищу на Земле. Честно говоря, я не отказалась бы сейчас от кухонного робота... Но Мрве пришлось еще тяжелей. Она врач, биохимик, и просидела всю ночь, составляя меню банкета — так, чтобы блюда подходили и нам и хрубанам. Мы с Филлис...

— Родная моя! — Кен притянул жену к себе, и вдруг она, уткнувшись лицом ему в грудь, расплакалась. — Эй, малышка, что с тобой? Ты устала? — они завернули за угол столовой, подальше от чужих глаз, и только здесь Пат подняла голову.

— Это просто... просто нервы, — шепнула она. — Так много всего... в один день... Вчера... еще вчера я боялась, что нас отправят на рудники... и потом эти страшные драконы... и...

Кен прижал жену к себе, поглаживая по волосам. Радость бурлила в его сердце, выплескиваясь безудержным смехом. Такова жизнь, таковы люди... Одни смеются от счастья, другие плачут... особенно — женщины. Им обоим, и ему и Пат, надо успокоиться. Она права — слишком много всего. Слишком трудно сразу привыкнуть к тому, что хрубаны вернулись с миром, что они могут теперь жить на Дьюне в покое и безопасности.

Он посмотрел на зеленую площадку перед загоном. Хрул, гарцуя на вороном жеребце, демонстрировал его

Хруну с супругой. Тод с Хриссом забрались на забор и подбадривали всадника лихими воплями. Охранники сгрудились вокруг поилки; один из землян протягивал хрубану ковш с чистой водой. За конюшней и сараями на равнине темнела полоса выжженной земли — там, где лазеры бота остановили лавину рептилий. Когда ветер задувал оттуда, в воздухе чувствовался запах гари. Еще дальше, у самой реки, Кен мог разглядеть россыпь темных пятнышек — стадо пасущихся урфов. Солнце склонялось к закату и его оранжевые лучи играли на серебристых корпусах четырех кораблей на посадочной площадке.

Пат подняла голову. В ее глазах еще блестели слезы, но губы уже улыбались. И Кен нежно прижался к ним, словно к роднику, струившему надежду и обещание счастья. Вся бескрайняя необозримая Дьюна раскинулась перед ними — планета, навеки принадлежащая им и их детям.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Последний из гостей, отправлявшийся на Хруббу, пожелал землянам спокойной ночи, махнув рукой сквозь сгущающийся над сеткой туман. С глубоким вздохом Кен обернулся и посмотрел на темные домики поселка. Очаг, на котором жарили мясо, еще тлел, изредка выстреливая красными языками пламени; они освещали обеденные столы и перевернутые скамейки. Над головой Кена взметнулось высокое небо Ролы, устланное звездами, безлунное. Последние жители деревни пересекали мост, освещая дорогу уже не факелами, а мощными фонарями, бросавшими яркий желтый свет на доски настила. Кен усмехнулся. Народ, создавший трансмиттеры материи, использовал факелы, чтобы сбить с толка другой народ, путешествующий к звездам на космических кораблях!

— Ррив, — прозвучал усталый голос, и Хрул появился из густой тени вместе с шагавшим вслед Хрестаном. — Мы не можем найти ни Рцода, ни Хрисса. У тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— А где вы уже смотрели?

— В конюшне и в сарае с сеном, под столами на площадке, около ваших кораблей и у моста на реке, — устало перечислил Хрул. — Во всех самых соблазнительных местах.

— Ладно. Давайте теперь посмотрим там, где соблазнов поменьше. — И Кен повел хрубанов к своему домику.

Они нашли мальчиков крепко спящими в кровати Тода. И тихо рассмеялись при виде этой сцены. Обняв друг друга, склонив головы, словно захваченные дремой на полуслове, они тихо посапывали в темноте. Несомненно, эта парочка как следует поработала над установлением добрых международных отношений. Тодди был одет в свою любимую курточку из шкуры мада и шорты, его веревочный хвост был просунут в одну из штанин. Хрисс обошелся только нижней частью этого туалета, и его хвост тоже был прижат к ноге, как бы уравнивая обоих друзей.

Хрестан улыбнулся Кену, кивнув на спящих мальчиков.

— Мы не будем разлучать их сегодня, верно? —

предложил хрубан, и мужчины набросили одеяло на своих сыновей.

— Пат, наверное, еще заканчивает свои дела в столовой, — сказал Кен и пошел проводить гостей до моста. Они были уже на половине пути, когда громовой хохот капитана Киачи разорвал ночную тишину. Затем сам капитан, покачиваясь, вынырнул из темноты.

— Теперь я знаю, Рив, я знаю! — торжествующе проревел он, размахивая неким предметом, зажатым в кулаке. — Видишь эту маленькую бутылочку? В ней отличный напиток... просто восхитительный! — в голосе Киачи слышались ликующие нотки. — Каждая разумная тварь имеет пищу, одежду и дом, а также кое-что, позволяющее расслабиться и забыть, каким трудом все это достается. И у наших хвостатых приятелей — благодать Господь их бархатные шкурки! — дело обстоит точно так же!

Киачи протянул бутылку Кену, но Хрул, перехватив руку капитана, поднес горлышко к носу. Лицо его выразило высшую степень отвращения.

— Млейд! — с резким присвистом произнес молодой хрубан.

— Да, млейд! — подтвердил Киачи. — Прекрасное название для превосходного пойла! Я бы с удовольствием посетил вашу планету! — покачиваясь и что-то бормоча, он направился к своему кораблю.

— Завтра ему будет не так весело, — заметил Хрул.

Они остановились у моста, провожая взглядами фигуру капитана; его силуэт долго еще вырисовывался на фоне освещенной прожекторами посадочной площадки. Размахивая бутылкой, он нетвердыми шагами ковылял к трапу, иногда раздражаясь взрывами буйного хохота.

— Похоже, ты не одобряешь это питье? — спросил Кен.

— У нас его потребляют многие и потом спят часами, — в голосе Хрула чувствовались горечь и гнев. — Существа без цели в жизни, бездумные искатели удовольствий...

— Дурман млейда позволяет им забыть о бессмысленности прожитых лет, — задумчиво добавил Хрестан.

Кен протянул руку, его пальцы коснулись бархатистого плеча Хрула. Тот молча кивнул, понимая и принимая этот жест дружеского сочувствия, потом, глубоко

вздохнув, раскинул руки, словно хотел обнять бескрайние просторы Дьюны.

— Здесь так много нового, неизведанного... такого, чему стоит посвятить жизнь, — голос Хрула дрогнул. — Вот лучшее лекарство — для нас, и для вас!

Обнимая за плечи молодого разведчика, Кен нащупал ладонь Хрестана и сомкнул пальцы. Они стояли втроем под куполом звездного неба Ралы, и бесконечность предстоящих свершений раскинула перед ними череду долгих, трудных и невероятно заманчивых лет.

— Мы всегда пойдем друг друга, если будем внимательно слушать, — словно клятву произнес Кен.

— Я уже слушаю, — раздался тихий ответ Хрула.

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

Рождение едва не обрекло ее на смерть: она появилась на свет физически неполноценной. Оставался последний шанс — контрольная энцефалограмма, тест, которому подвергались все новорожденные. Ведь всегда оставалась надежда, что в жалком тельце таится полноценный разум, что, несмотря на недоразвитые органы чувств, мозг обладает цепкостью и восприимчивостью.

Энцефалограмма оказалась неожиданно благоприятной, и эту новость поспешили сообщить ожидающим в печали родителям. Теперь от них зависело последнее, решающее слово — подвергнуть младенца безболезненному умерщвлению или предоставить ему возможность стать заключенным в капсулу «мозгом», ведущим элементом сложнейшей системы управления — из тех, которые применялись в совершенно особых сферах деятельности. В этом качестве их отпрыску предстояло на протяжении нескольких веков вести безболезненное и даже вполне комфортное существование в металлической оболочке, неся свою необычную службу на благо Федерации Центральных Миров.

Она осталась жить и получила имя Хельва. Три первых молочных месяца малютка размахивала скрюченными ручонками и слабо сучила обрубками ножек, как и все младенцы, наслаждаясь жизнью. И в этом она была не одинока — в специальных яслях большого города подрастало еще три таких же ребенка.

Прошло некоторое время, и всех их перевели в Центральный институт экспериментальной медицины, где для них началась череда постепенных тонких превращений.

Один из младенцев погиб в процессе первой же пересадки, но семнадцать малышей из группы Хельвы продолжали расти и развиваться в металлических капсулах. Теперь Хельва уже не сучила ножками — ее нервные импульсы вращали колеса — и не размахивала кулачками, а приводила в движение механические манипуляторы. По мере того, как девочка выросла, все больше нервных синапсов включалось в управление механизмами, осуществляющими разнообразные функции пилотирования и эксплуатации космического корабля, ибо Хельве было суждено стать его неподвижной, «мозговой» половиной; роль же подвижной половины, или «тела» отводилась ее напарнику — мужчине или жен-

щине, которого ей предстоит избрать самой, когда придет срок. Хельве повезло — она попала в высшую элиту себе подобных. Ее интеллектуальные тесты с самого начала давали результаты, превышающие средний уровень, а коэффициент адаптации был чрезвычайно высок. Поскольку ее развитие в капсуле протекало как нельзя лучше и операция на гипофизе не дала нежелательных последствий, Хельву ожидала захватывающая, богатая событиями, неординарная жизнь, которая, как небо от земли, отличалась от той участи, что была бы ей уготована, уродись она обычным, «нормальным» человеком.

Однако ни диаграмма активности мозга, ни ранние показатели коэффициента умственного развития не обнаружили некоторых скрытых особенностей характера Хельвы, о которых Центральным Мирам предстояло раньше или позже узнать. Пока же им оставалось одно — выждать, уповая на то, что массивированные дозы капсульной психологии пошли на пользу, сформировав надежную защиту, способную выдержать как бремя пожизненного заключения в оболочке, так и тяготы необычной профессии. Ведь нельзя допустить, чтобы корабль, управляемый человеческим мозгом, ударился в бега или потерял рассудок — слишком огромны были материальные и энергетические ресурсы, вложенные в него Мирами. Разумеется, мыслящие корабли уже давно миновали стадию экспериментального освоения. Большинство младенцев благополучно переносили доведенную до высочайшего совершенства операцию на гипофизе, вследствие которой их тела прекращали расти, что исключало необходимость последовательных пересадок из меньших капсул в большие. И лишь ничтожный процент погибал в процессе окончательного присоединения к пульту управления космического корабля или сложнейшего промышленного агрегата. Ростом капсульник, сохранявший все свои врожденные уродства, был не больше взрослого карлика, однако самое безупречное тело во Вселенной не могло бы соперничать совершенством с его мозгом — продуктом планомерного и целенаправленного развития.

Итак, несколько безмятежных лет Хельва разъезжала в своей скорлупе, забавляясь в обществе одноклассников, играла с ними в особые игры — «Срыв потока», «Утечка энергии», — изучала космические траектории, ракетные двигатели, вычислительную технику, логику, психогигиену, основы инопланетной психо-

логии, филологию, историю космонавтики, право, организацию межпланетных сообщений, коды — словом все те премудрости, которые полагалось усвоить разумному, логично мыслящему, эрудированному гражданину Федерации. Незаметно для себя и к радости своих учителей Хельва поглощала знания так же легко и непринужденно, как питательную жидкость. Когда-нибудь она с благодарностью вспомнит терпеливые, монотонные наставления, которые на подсознательном уровне впечатывали в ее память необходимые сведения.

Цивилизация, к которой принадлежала Хельва, не обходилась без хлопотливых благотворительных организаций, целью которых была защита обитателей Земли и других планет от бесчеловечного обращения. Одна из таких групп — Общество защиты интересов разумных меньшинств — как-то подняла шумиху вокруг детей-капсульников. Хельве в ту пору только что миновал четырнадцатый год. Под давлением общественности Центральные Миры, были вынуждены, организовать экскурсию по Институту Экспериментальной Медицины, которую начали весьма эффектно — с демонстрации историй болезни, дополненных фотоматериалами. Очень немногие из проверяющих пошли дальше первых снимков. Большинство их первоначальных возражений по поводу несчастных пленников было сметено волной облегчения: какое счастье, что эти отвратительные тела милосердно убрали с глаз долой!

В тот день в классе Хельвы шел урок изобразительного искусства — факультативный предмет в перенасыщенной учебной программе. Девочка работала с набором микроскопических инструментов — позже ей предстоит использовать их для мелкого ремонта деталей пульта управления. Задача перед ней стояла огромная — выполнить копию Тайной вечери, а полотно было совсем мизерным — головка малюсенького болта. Хельва настраивала зрение на нужную кратность увеличения и принялась за дело. Во время работы она рассеяно мурлыкала — получался странный, но вполне мелодичный звук. Капсульники пользовались собственными голосовыми связками и диафрагмой, только выходил звук через микрофоны, а не через рот. Поэтому в голосе Хельвы бездумно выводящем бесконечные рулады, несмотря на теплый, нежный тембр, ощущалось что-то механическое.

— Какой у тебя милый голосок, — заметила одна из дам.

Хельва, очнувшись, подняла взгляд и... перед ней предстала ошеломляющая картина: шелушащаяся розовая равнина, усеянная круглыми грязными кратерами. Ее мурлыканье перешло в возглас изумления, но она тут же спохватилась и отрегулировала зрение — поры сразу уменьшились до обычного размера и перестали походить на кратеры.

— Видите ли, мадам, — невозмутимо ответила девочка, — наша голосовая подготовка длится несколько лет. Некоторые несовершенства голоса могут стать сущим наказанием для партнера во время длительного космического полета, поэтому их необходимо заранее устранить. Эти уроки мне очень много дали.

Хельва впервые увидела обычных людей, без капсул, и к чести своей перенесла испытание совершенно спокойно. Среагируй она как-то иначе, и это немедленно стало бы известно наверху.

— Я хотела сказать, милочка, что у тебя настоящий певческий голос, — пояснила дама.

— Благодарю за любезность. Не хотите ли взглянуть на мою работу? — вежливо осведомилась Хельва. Она инстинктивно сторонилась бесед на личные темы, но слова гостьи запомнила и решила обдумать их на досуге.

— Работу? Какую работу? — не поняла дама.

— Я выполняю копию Тайной вечери на головке болта.

— О, неужели? — прощепетала гостья.

Хельва снова настроила зрение на увеличение и окинула копию критическим взглядом.

— Конечно, некоторые цветовые тона несколько отличаются от тех, которые использовали старые мастера, да и перспектива слегка подкачала, но, по-моему, в целом копия мне удалась.

Глаза гостьи, неспособные разглядеть столь мелкий объект, недоуменно витарились.

— Ой, я совсем упустила из вида, — сказала Хельва виновато. Она бы наверное покраснела, если бы умела. — Ведь вы не можете настраивать зрение.

Руководитель экскурсии так и расплылся в одобрительной улыбке: в голосе девочки явственно прозвучала жалость к обделенным судьбой.

— Вот, возьмите, это вам поможет, — великодушно предложила Хельва, и ухватив манипулятором увеличительное устройство, поднесла его к своему творению.

Потрясенные визитеры склонились над ним, разглядывая скопированную до мельчайших деталей Тайную вечерю, искусно запечатленную на головке болта.

— Остается сказать, — заметил пожилой господин, которого жена притащила с собой, — что всеблагой Господь может вкушать пищу там, куда не осмеливаются ступить ангелы.

— Вы о тех дебатах, сэр, которые велись в средние века, — о том, сколько ангелов может уместиться на булавоочной головке? — учтиво поинтересовалась Хельва.

— Да, я имел в виду их.

— Если заменить ангелов на атомы, то проблема не так уж неразрешима, если, конечно, знать количество металла в упомянутой булавке.

— И ваша программа позволяет ее решить?

— Разумеется.

— А скажите, юная леди, в вашу программу не забыли ввести чувство юмора?

— Нас, сэр, нас учат развивать чувство пропорции, а это дает тот же эффект.

Добряк понимающе хохотнул, а про себя решил, что потратил время не зря.

Если комиссии наблюдателей потребовались месяцы на то, чтобы переварить ту весьма содержательную пищу, которой их угостили в Институте, то и Хельве от этого визита перепала крошка.

Термин «пение» в приложении к ней самой — с этим стоило разобраться. В свое время она, конечно, прошла курс музыкальной грамоты, включавший знакомство как с наиболее известными классическими произведениями — такими, как Тристан и Изольда, Кандид, Оклахома, Свадьба Фигаро, так и с творчеством певцов атомного века: Бригит Нильссон, Боба Дилана, Джеральдины Тодд, а также с любопытными ритмическими построениями венериан, с видеохроматическими картинами уроженцев Капеллы, акустическими изысками альтаирцев и напевами ретикулийцев. Однако сам процесс пения представлял для любого капсульника значительные технические сложности. Но не зря же их с детства приучали: сначала исследуй проблему или ситуацию со всех сторон и только потом делай вывод. Их настрой на победу, должным образом уравновешенный между двумя полюсами — оптимизмом и практичностью, позволял им выходить самим и выводить свой корабль и экипаж из самых запутанных ситуаций. Поэтому Хельву нисколько

не смутил тот факт, что она не может открывать рот, чтобы петь. Ничего, она изобретет какой-нибудь способ, который даст ей возможность компенсировать свои недостатки в этой области. Для начала она изучила методы звукоизвлечения, существовавшие на протяжении веков, включая как вокальное, так и инструментальное искусство. Ее собственный аппарат, служивший для извлечения звука, был скорее инструментальным, нежели вокальным. Оказалось, чтобы добиться правильного дыхания и четкой артикуляции звуков в ротовой полости, придется серьезно потрудиться. Ведь капсульники, строго говоря, не дышат. Они не извлекают кислород и другие газы из атмосферного воздуха, поскольку нужная газовая смесь содержится в питательном растворе, подаваемом прямо в оболочку. Поэкспериментировав, Хельва пришла к выводу, что может создавать нужный тон, манипулируя диафрагмальной системой. А расслабляя мышцы гортани и расширяя ротовую полость в лобные пазухи, можно извлекать гласные звуки так, чтобы они с максимальным эффектом воспроизводились через горловой микрофон. Она сравнила полученные результаты с записями современных певцов и осталась довольна, хотя записи ее голоса отличались какой-то присущей лишь ей одной неуловимой особенностью. И дело было не в каких-то технических погрешностях — просто ее голос был совершенно уникален. Для Хельвы, которая в совершенстве освоила поиск информации, не составило никакого труда ознакомиться с музыкальным репертуаром, содержавшимся в библиотеке института. И скоро она убедилась, что может исполнить любую партию, любую песню, которая придет на ум. Ей не приходило в голову, что кому-то может показаться странным: девочка — и поет на все голоса, от баса до колоратурного сопрано. Для Хельвы все дело заключалось в правильном звукоизвлечении и регуляции диафрагмальных сокращений, задаваемых конкретным произведением.

Если наверху и заметили ее необычное увлечение, то вида не подали. Начальство только приветствовало, когда у капсульников появлялись хобби, — лишь бы они не мешали их профессиональной деятельности.

В канун своего шестнадцатилетия Хельва полностью закончила курс обучения и водворилась на своем корабле — X—834. Ее постоянная титановая оболочка, окруженная еще более неуязвимым барьером, скрылась в центральном пилоне спасательного корабля. Все нервные,

зрительные, слуховые, сенсорные контакты были смонтированы и опечатаны. Манипуляторы снабжены новыми удлинителями, соединениями, усилителями. И, наконец, неописуемо тонкие мозговые выводы присоединены к цепям управления. Все эти процедуры Хельва перенесла под полной анестезией, а очнувшись от забытья она уже кораблем. Ее мозг и разум управляли всеми функциями — от навигации до определения нагрузки, соответствующей спасательному судну ее класса. Она могла нести полную ответственность за себя и свою подвижную полувину не только в любой из ситуаций, уже зарегистрированных в анналах Центральных Миров, но и в любой из ситуаций, которые их самые изощренные умы сумели изобрести.

Ее первый же настоящий полет — ибо она и ей подобные начиная с восьми лет совершали учебные полеты на тренажерах, — продемонстрировал, что она в совершенстве владеет всеми тайнами своего ремесла. Она была готова к захватывающим приключениям, и с нетерпением ожидала появления подвижного напарника.

В тот день, когда Хельва доложила, что готова приступить к выполнению своих обязанностей, на базе томились от безделья девять дипломированных пилотов-спасателей. Несколько рейсов требовали первоочередного внимания, но на Хельву уже давно положили глаз руководители многих служб Центральных Миров, и каждый был полон решимости заполучить ее в свою епархию. Все были так заняты своими делами, что никто не удосужился представить Хельву ее будущим соискателям. Ведь корабль всегда сам выбирал себе напарника. Будь в это время на базе другой «мозговой» корабль, он подсказал бы Хельве, что ей следует самой сделать первый шаг. Но вышло так, что пока Миры выясняли отношения между собой, Роберт Тэннер выскользнул из казармы пилотов и, миновав летное поле, подобрался к стройному серебристому корпусу Хельвы.

— Привет! Есть кто дома? — спросил он.

— Конечно, есть, — ответила Хельва, включая наружные видеодатчики. — Ты мой напарник? — с надеждой спросила она, увидев на незнакомце форму спасательной службы.

— Все будет зависеть от тебя, — томно отозвался он.

— Никто не идет. Я уже подумала, что здесь нет ни одного свободного партнера, и от Миров никаких инструкций не поступает... — Хельва и сама почувствовала,

что ее слова прозвучали довольно жалобно, но ей действительно стало очень грустно одной на погруженном в темноту поле. Ведь она привыкла к обществу других капсульников, а в последнее время вокруг нее постоянно сустились толпы инженеров и техников. Затянувшееся одиночество быстро утратило свое очарование и стало действовать ей на нервы.

— Стоит ли печалиться, что Миры не торопятся с инструкциями? Зато, моя красавица, еще восемь молодых, кроме меня, так и сгорают от нетерпения, ожидая, чтобы ты пригласила их на борт!

Эти слова Тэннер произнес уже стоя в центральной рубке. Чуткие пальцы спасателя пробежали по пульту управления, погладили пилотское кресло. Он заглянул в каюты, в камбуз, в герметичные грузовые отсеки.

— А знаешь, если хочешь напомнить Мирам о себе, а заодно и оказать услугу всем нам, вызови казарму, и давай устроим тепленькую вечеринку с выбором партнера! Как тебе моя идея?

Хельва хихикнула про себя. Как он отличается от институтского персонала или редких посетителей, с которыми ей доводилось встречаться. Какой он веселый, уверенный, до чего отличная мысль — устроить вечеринку на борту! По ее мнению, это никак не противоречило установленным правилам.

— Ценком, это Х—834. Соедините меня с казармой пилотов.

— Связь визуальная?

— Да, пожалуйста.

На экране возникла картина: восемь томящихся мужчин в позах, выражающих крайнюю степень скуки.

— Говорит Х—834. Не соблаговолят ли свободные пилоты зайти ко мне на борт?

Восемь фигур заматались по комнате, хватая одежду, сбрасывая наушники, выпутываясь из простынь и одеял. Хельва дала отбой, а Тэннер, довольно посмеиваясь, уселся в кресло дожидаться прибытия товарищей.

Хельву же охватило доселе неведомое ей чувство тревожного ожидания. Наверное ни одна дебютантка не испытывала такого панического ужаса, волнения и неуверенности. Но, в отличие от начинающей актрисы, она не могла закатить истерику, разбить фарфоровую безделушку или разбросать гримировальные принадлежности, чтобы хоть как-то ослабить гнетущую тревогу. Зато она могла проверить ассортимент напитков и закусок,

чем и занялась, заодно угостив Тэннера из своих нетронутых продовольственных запасов.

На пилотском жаргоне пилотов называли «телами» — в противоположность «мозгам», которыми были их корабли. Они проходили такую же насыщенную программу подготовки, как и «мозги», и только один процент с каждой планеты, входящей в Федерацию, допускался к занятиям по особой учебной программе Централных Миров, рассчитанной на пилотов-спасателей. Так что не было ничего удивительного в том, что все восемь молодых людей, которые поднялись в гостеприимно открытый шлюз Хельвы, были на редкость хороши собой, умны, обладали прекрасной координацией и выдержкой. Все они с надеждой ожидали веселой пирушки, если, конечно, Хельва не будет иметь ничего против, и каждый был готов подложить свинью остальным, лишь бы снискать ее расположение.

От появления стольких мужчин сразу у Хельвы даже дух захватило, и решив, что может на секундочку позволить себе такую необычную роскошь, она целиком отдалась этому новому для себя чувству.

Потом придирчиво разобрала своих соискателей по косточкам. Проныра Тэннер забавлял ее, но не особенно привлекал; белокурый Нордсен показался простоватым; в смуглом аль-Атпае она почувствовала скрытое упрямство, которое ей было явно не по нутру, в сумрачном Мир-Анине уловила намек на некий внутренний разлад, улаживать который у нее не было никакого желания, хотя он как никто другой старался произвести на нее впечатление. Да, странное это было сватовство — первое в череде ее будущих браков: ведь для «тела» срок службы составлял семьдесят пять лет или того меньше, если судьба распорядится иначе. «Мозг» же, защищенный от всех внешних воздействий, был не подвержен разрушению. Теоретически, как только капсульник выплачивал солидный долг, слагавшийся из затрат на образование, хирургическую адаптацию и эксплуатационное обслуживание, он имел право сам выбирать себе будущее. На практике же капсульники оставались на службе, пока не избирали добровольное саморазрушение или не погибали, исполняя свой долг. Хельве довелось общаться с одним капсульником, которому минуло триста двадцать два года. Эта встреча наполнила ее таким благоговением, что она так и не посмела задать кое-какие личные вопросы, хотя и собиралась.

Она никак не могла решиться сделать выбор, пока Тэннер не затянул популярные в пилотской среде куплеты, повествующие о передрягах, выпадавших на долю дерзкого, самоуверенного и на редкость бестолкового Билли Тела. Попытка исполнить их хором привела к полной какофонии, и Тэннер бешено замахал руками, требуя тишины.

— Нам просто позарез необходим отличный первый тенор. Ну-ка, Дженнан, открой свои козыри — какой у тебя голос?

— Прескверный, — с непринужденным юмором откликнулся Дженнан.

— Если без тенора никак не обойтись, я могу попробовать, — откликнулась Хельва.

— Но милочка... — изумился Тэннер.

— Ну-ка, спой ля, — засмеялся Дженнан.

В ошеломленной тишине, воцарившейся после того, как отзвучало чистое, глубокое, сочное ля, Дженнан тихо заметил: — Карузо отдал бы все остальные ноты, лишь бы взять одну такую.

Пришлось продемонстрировать им весь диапазон.

— Тэннеру был нужен всего-навсего отличный первый тенор, — рассмеялся Дженнан, — а наша милая хозяйка может одна заменить целую оперную труппу. Парень, который получит этот корабль, отправится прямиком на седьмое небо.

— К туманности «Конская голова»? — спросил Нордсен, цитируя бытовавшую в Мирах старую поговорку.

— К туманности «Конская голова» и обратно — да еще и с музыкой, — кокетливо парировала Хельва.

— С тобой я готов, — отозвался Дженнан, — только с моим голосом лучше слушать, а петь я предоставляю тебе.

— А я-то воображала, что слушать придется мне, — заметила Хельва.

Дженнан изобразил изысканный поклон, и даже изящно взмахнул своей изрядно потрепанной фуражкой. Причем поклон его был направлен в сторону центрального пилона, где находилась сама Хельва. И именно в этот миг она сделала свой выбор, причем отнюдь не случайно: Дженнан, единственный из всех, обращался прямо к ней, как к человеку, несмотря на то, что без сомнения знал — она может видеть его в любой точке корабля, и несмотря на то, что тело ее было скрыто за

толстой металлической панелью. И на протяжении всего их союза Дженнан, где бы он ни находился, ни разу не забыл при разговоре повернуть голову в ее сторону. В ответ Хельва, начиная с этого мгновения, всегда говорила с ним только через центральный микрофон, пусть даже это не всегда бывало очень удобно.

В тот вечер Хельва еще не поняла, что влюбилась в Дженнана. Да и как ей было узнать тот взволнованный трепет, который рождала в ней его душевная теплота, его спокойная раздумчивость, — ведь до сих пор она не знала ни любви, ни нежности — только их более суровых собратьев — уважение и восхищение... Как и все капсульники, она считала, что неуязвима для чувства, так тесно связанного с физическим влечением.

— Ну что ж, Хельва, было чертовски приятно познакомиться, — вдруг произнес Тэннер, когда они с Дженнаном обсуждали барочное звучание хорала «Придите все, сыны творенья». А ты, Дженнан, везунчик! Как-нибудь встретимся в космосе. Спасибо за вечеринку, Хельва.

— Как, тебе уже пора? — спросила Хельва, запоздало заметив, что они с Дженнаном уже довольно давно беседуют вдвоем.

— Победил сильнейший, — с натянутой улыбкой ответил Тэннер. — А я, пожалуй, пойду поищу записи любовных серенад. Может, пригодятся в общении со следующим кораблем, если появится еще один вроде тебя.

Хельва с Дженнаном в легком замешательстве проводили его взглядами.

— Может быть, Тэннер слишком спешит с выводами? — спросил Дженнан.

Хельва разглядывала его: вот он стоит, прислонившись к консоли лицом к тому месту, где находится ее капсула: руки скрещены на груди, стакан, который он задумчиво вертит в пальцах, давно опустел. Спору нет, красив. Но они все хороши собой. Да и не это главное... Его внимательные глаза смотрят прямо и открыто, губы легко складываются в улыбку, но особенно очаровал Хельву голос Дженнана — звучный, глубокий, приятного тембра и без всякого акцента.

— Не торопись, Хельва, — утро вечера мудренее. А если не передумаешь, позови меня утром.

Она позвала его к завтраку, предварительно проверив свой выбор в банке данных Центральных Миров.

Дженнан перенес на борт свои пожитки, получил для них обоих полетные инструкции, ввел свое личное и служебное досье в ее память и задал ей координаты первого пункта назначения. После чего корабль Х—834 стал официально именоваться ДХ—834.

Их первый рейс оказался скучным, но необходимым заданием, к тому же чрезвычайно срочным. В борьбе за Хельву верх одержали медики, и теперь ДХ—834 предстояло забросить вакцину в отдаленную планетную систему, пораженную опасной споровой инфекцией. Перед ними стояла задача как можно скорее добраться до Сники в созвездии Девы.

После головокружительного стартового броска на максимальной скорости Хельва убедилась: в этом нудном полете ни ей, ни напарнику не придется особенно напрягаться. Зато у них оставалась масса времени для того, чтобы как следует узнать друг друга. Дженнану, разумеется, было известно, на что способна Хельва как корабль и партнер, да и она тоже знала, чего от него можно ожидать. Но все это были только сухие факты, а Хельва всей душой стремилась изведать ту человеческую сторону своего напарника, которую невозможно свести к набору символов. Ведь это все равно, что пытаться понять взаимоотношения двух людей, прочитав о них в книге. Нет, такое нужно прочувствовать самой...

— Мой отец тоже был спасателем — или это есть в твоей памяти? — сказал Дженнан на исходе третьего дня.

— Конечно, есть.

— А знаешь, так нечестно. Ты о моей семье знаешь все, а я о твоей — ни шиша.

— Как и я сама, — отозвалась Хельва. Пока я не прочла твою семейную хронику, мне как-то даже в голову не приходило, что где-то в банке данных Централных Миров содержатся сведения и о моих предках.

— Ох уж эта ваша капсульная психология! — фыркнул Дженнан.

— А ты думал! — рассмеялась Хельва. — Я даже запрограммирована от ненужного любезничества по этому поводу. Чего и тебе желаю.

Дженнан заказал себе напиток, уселся в противоперегрузочное кресло прямо перед ней и, поставив ступни на подножки, стал лениво поворачиваться на шарнирах из стороны в сторону.

— Хельва — это придуманное имя.
— Со скандинавским оттенком.
— Но ты не блондинка, — уверенно сказал Дженнан.

— Значит, бывают темные шведки.
— И белобрысые турки. Правда султан из меня неважный — ведь в моем гареме только ты одна.

— К тому же твоя единственная женщина обречена на вечное затворничество, правда ты всегда можешь поискать утешения на стороне... — Хельва ошеломленно отметила, что ее прекрасно поставленный голос предательски дрогнул.

— Ты знаешь, — перебил ее Дженнан, витавший где-то далеко в своих мыслях, — у меня сложилось впечатление, что отец мой был женат в первую очередь на Сильвии, своем корабле, а уж потом на матери. Постепенно я привык считать Сильвию своей бабушкой. Вообще-то она скорее пра-прабабушка — у нее небольшой номер. Раньше мы с ней, бывало, болтали часами.

— Какой у нее опознавательный знак? — спросила Хельва, неосознанно завидуя всем и каждому, кому доводилось знать его прежде.

— 422. По-моему, сейчас ее инициалы ТС. Я как-то раз встречал Тома Берджеса.

Отец Дженнана умер от космической инфекции — у него не осталось вакцины, вся ушла на спасение обитателей далекой планеты.

— Том сказал, что она стала сурова и резка на язык. Только попробуй утратить свое очарование, милочка, — я обращусь в призрак и стану тебя преследовать, — пригрозил он.

Хельва засмеялась. И тут он ее испугал: подошел к центральному пилону, легко и нежно провел пальцами по смотровой панели.

— Хотел бы я знать, какая ты... — тихо и чуть печально проговорил он.

Хельву предупреждали, что для пилотов вполне естественно такое проявление любопытства. Она не знала о себе ничего, и никто из них тоже не сможет узнать.

— Выбирай любую внешность на выбор — и я твоя! — ответила она, как ее учили.

— Тогда, железная дева, я предпочитаю блондинок с длинными локонами, — Дженнан изобразил кудри в стиле леди Годивы. — И поскольку, моя радость, ты зако-

вана в титановую броню, я буду звать тебя Брунгильдой, — он церемонно поклонился.

Хельва прыснула и запела арию Брунгильды. Как раз в это время Спика вышла на связь.

— Что это, черт возьми, за вопли? Вы кто такие? Валите отсюда, если только вы не медицинская служба Центральных миров. У нас эпидемия. Всем даем от ворот поворот.

— Это мой корабль поет. Мы ДХ—834, Центральные Миры, доставили вам вакцину. Дайте координаты для посадки.

— Твой корабль... поет?

— Да, и у него самый большой диапазон во всем обитаемом космосе. Есть еще вопросы?

ДХ—834 сдал груз вакцины, на этот раз обойдясь без арий, и получил приказ немедленно отправляться к Левиту IV. Добрались они быстро, но слухи оказались еще быстрее, и Дженнану пришлось защищать девичью честь Хильвы.

— Я больше не буду петь, — сокрушенно бормотала Хельва, готовя примочки для третьего за неделю фонаря под глазом.

— Еще как будешь, — стиснув зубы, буркнул Дженнан. — Даже если мне придется ставить фингалы отсюда и до самой «Конской головы», чтобы заставить шутников заткнуться, мы все равно будем называться «Корабль, который поет».

После того, как «Корабль, который поет», столкнулся в районе малого Магелланова облака с небольшой, но жестокой шайкой торговцев наркотиками, этот титул стал произноситься с нескрываемым уважением. Мирам были известны все их подвиги, и в досье ДХ—834 появилась пометка «обратить особое внимание». Первоклассная команда отлично притиралась.

Вырвавшись из плена, где они пробыли довольно долго, Дженнан с Хельвой тоже стали считать себя первоклассной командой.

— Из всех существующих во вселенной пороков больше всего я ненавижу наркоманию, — заметил Дженнан, когда они взяли курс на Центральную базу. — Люди и без помощи наркотиков могут быстренько отправиться прямиком в ад.

— Ты затем и пошел в спасательную службу? Чтобы остановить поток наркотиков?

— Могу поспорить, что официальный ответ содержится у тебя в памяти.

— Слишком уж он напыщенный: «Хочу продолжать традиции своей семьи, которая по праву гордится четырьмя поколениями спасателей», если мне будет позволено процитировать твои собственные слова.

Дженнан бессильно застонал. — Я был совсем мальчишкой, когда написал это! И уж конечно еще не прошел заключительный этап подготовки. На заключительном этапе мне бы просто гордость не позволила.

Я уже говорил тебе, что частенько навещал отца на борту Сильвии. Теперь-то я понимаю, что она положила на меня глаз — решила сделать преемником отца. Ведь я к тому времени уже получил лошадиные дозы пропаганды в пользу спасательной службы, и она не могла не подействовать. С тех пор, как мне стукнуло семь, я твердо решил, что стану только пилотом-спасателем и никем другим. — Он пожал плечами, будто укоряя себя за детские мечтания, — кто тогда предполагал, чего будет стоить довести их до осуществления.

— Вот оно что? Отважный спасатель Сахир Силан на ДС—422 врывается в туманность «Конская голова»?

Дженнан предпочел пропустить ее колкость мимо ушей.

— С тобой я готов отправиться даже в такую даль. Но несмотря на все подначки Сильвии, я даже в самых смелых мечтах никогда не стремился к подобной славе. Так что предоставляю тебе пожинать все лавры. А меня удовлетворит и небольшой вклад в историю космонавтики.

— Что так скромно?

— Просто я трезво смотрю на вещи. Все мы служим, и так далее, — театральным жестом он прижал руку к сердцу.

— Тщеславный тип! — фыркнула Хельва.

— Кто бы говорил, подружка, — разве не ты бредишь туманностью «Конская голова». Я по крайней мере человек бескорыстный. Таких героев, как мой отец, считанные единицы, но и мне хотелось бы, чтобы меня запомнили. Да и кому не хотелось бы? Зачем тогда мы на каждом шагу рискуем жизнью?

— Позволь напомнить тебе некоторые неоспоримые факты. Твой отец умер, возвращаясь с Персиды. Так что он никак не мог узнать, что стал героем благодаря тому, что пошел на смертельный риск. И что это помогло

колонии на Персиде выжить. Что в свою очередь дало возможность открыть антипаралитические свойства тамошней атмосферы. Но он-то об этом так никогда и не узнал!

— Зато я знаю, — тихо промолвил Дженнан.

Хельва сразу же пожалела о своей резкой отповеди. Ведь она прекрасно знала, как Дженнан был привязан к отцу. В его досье говорилось, что смириться с гибелью отца ему помог неожиданно благоприятный исход событий на Персиде.

— Факты бесчеловечны, Хельва. Зато отец был человек, и я такой же. Да и ты тоже — в душе. Загляни в себя, 834. За всеми проводочками, которыми тебя опутали, бьется сердце — пусть маленькое, но обычное человеческое сердце. Воистину так.

— Прости меня, Дженнан, — тихо проговорила она.

После секундного раздумья Дженнан протянул руку и ласково похлопал по панели, за которой находилась ее капсула.

— Если нас когда-нибудь снимут с этих нудных рейсов, мы сразу рванем к нашей туманности — договорились?

Как это часто случалось в спасательной службе, не прошло и часа, как они получили приказ изменить курс, правда не в сторону туманности, а к недавно колонизированной системе с двумя обитаемыми планетами, одна из которых была тропической, а вторая ледниковой. Ее солнце, носившее имя Равель, стало проявлять опасную неустойчивость: его спектр можно было сравнить с излучением стремительно взрывающейся бомбы, причем линии поглощения быстро смещались в сторону фиолетового. Все возрастающее выделение тепла уже привело к эвакуации ближайшей планеты, Дафниса. И диаграмма спектрального излучения давала все основания предполагать, что солнце в скором времени спалит и вторую планету, Хлою. Всем кораблям, оказавшимся поблизости от района бедствия, предписывалось поступить в распоряжение спасательного штаба на Хлое и оказать помощь в срочной эвакуации оставшихся на планете колонистов.

ДХ поспешил заявить о себе и получил приказ отправиться в отдаленные районы Хлои — нужно было подобрать затерянных в глуши поселенцев, которые, судя по всему, не понимали всей серьезности создавшегося положения. Температура на Хлое уже поднялась выше

точки замерзания — впервые за всю историю планеты. Но на беду многие колонисты принадлежали к секте религиозных фанатиков, которые поселились на суровой Хлое, дабы подготовиться к жизни, исполненной набожного созерцания. И столь резкую оттепель на планете они приписывали совсем иному источнику, нежели вzbесившееся солнце.

Дженнан затратил столько времени, убеждая упрямец, что они с Хельвой отчаянно отстали от графика, а еще нужно было забрать людей из последнего, четвертого поселения.

Хельва перенеслась через высокую гряду зазубренных вершин, которые окружали уединенную долину, защищая ее как от бушевавших еще недавно снежных бурь, так и от нынешнего вторжения тепла. Когда они совершили посадку, ослепительное солнце, окруженное пылающей короной, еще только начинало заливать своими лучами глубокую долину.

— Пусть хватают зубные щетки и прыгают на борт, — сказала Хельва. — Штаб настоятельно советует поторопиться.

— Гляди-ка, одни женщины, — удивился Дженнан, выходя навстречу поселенцам. — Или мужчины на Хлое тоже носят меховые юбки?

— Постарайся их очаровать, но по возможности будь краток. И переключись на двустороннюю персональную связь.

Дженнан продолжал расточать улыбки, но все его объяснения относительно цели неожиданного визита были встречены с глухим недоверием и даже вызвали сомнения: а тот ли он, за кого себя выдает. Он застонал про себя — матушка снова стала излагать свою теорию наступившего потепления.

— Досточтимая мать, ваши молитвы дали слишком бурный эффект — солнце вот-вот взорвется. Я прибыл, чтобы отвезти вас в космопорт Розари...

— В этот содом? — В ответ на столь кощунственное предложение достойная матрона наградила молодого человека возмущенным взглядом и содрогнулась от омерзения. — Благодарим вас за предупреждение, но у нас нет никакого желания сменить нашу обитель на суетный мир. А теперь нам пора вернуться к утреннему созерцанию, которое было прервано...

— Оно будет прервано навсегда, если вы изжаритесь

живьем. Нужно немедленно отправляться, — твердо заявил Дженнан.

— Госпожа, — вмешалась Хельва, рассчитывая, что в этот решающий миг женский голос может оказаться весомее мужского обаяния Дженнана.

— Кто говорит? — вздрогнула монахиня, напуганная бестелесным голосом.

— Я Хельва, корабль. Вы и ваши сестры по вере можете смело прийти под мою защиту, не опасаясь оскверняющего соседства с мужчиной. Я обязуюсь вас охранять и доставить в специально подготовленное для вас место целыми и невредимыми.

Матушка осторожно заглянула в открытый люк корабля.

— Поскольку только в Центральных Мирах разрешено применение подобных кораблей, я, молодой человек, прихожу к выводу, что вы нас не обманываете. И все же нам и здесь ничто не угрожает.

— Сейчас температура в Розари уже 99 градусов, — заметила Хельва, — и, как только прямые лучи солнца проникнут в вашу долину, здесь она тоже поднимется до 99, а к концу дня обещает достичь 180. Я вижу, что ваши дома построены из дерева и проконопачены мхом. Мох сухой, как трут. К полудню он воспламенится.

Солнце стало просачиваться в долину, и его обжигающие лучи упали на кучку женщин, пугливо жмущихся вокруг матушки. Вот уже кое-кто расстегнул ворот мехового одеяния.

— Дженнан, — предупредила Хельва по внутренней связи, — время на исходе.

— Пойми, Хельва, я не могу их оставить. Взгляни, некоторые из них совсем девочки.

— И к тому же прехорошенькие. Не удивительно, что матушка тебе не доверяет.

— Хельва!..

— На все воля Божья, — изрекла матушка, поворачиваясь к спасателю спиной.

— Даже на то, чтобы сгореть живьем? — крикнул ей вслед Дженнан, но она, не оборачиваясь, двинулась сквозь строй своей ропщущей паствы.

— Они желают стать мученицами? Это их право, Дженнан, — бесстрастным голосом произнесла Хельва. А нам пора — у нас другого выбора нет.

— Подумай, Хельва, разве я могу их бросить?

— Ты хочешь повторения Персиды? — язвительно

осведомилась Хельва, видя, как он бросился вперед, стараясь поймать одну из женщин. — Не можешь же ты затаскивать их на борт по одной, к тому же нам некогда играть в догонялки. Возвращайся, Дженнан, или я подам на тебя рапорт.

— Но они погибнут, — удрученно бормотал Дженнан, неохотно направляясь в сторону корабля.

— Мы не имеем права рисковать собой, — в душе сочувствуя ему, ответила Хельва. У нас и так времени в обрез — только-только успеваем на встречу. К тому же лаборатория сообщает о критическом ускорении спектральной эволюции.

Дженнан уже вошел в воздушный шлюз, когда одна из женщин помоложе с криком бросилась вперед, пытаясь протиснуться в закрывающийся люк. Остальные, последовав ее примеру, в панике полезли сквозь узкое отверстие. Несмотря на то, что корабль был набит битком, внутри всем места не хватило. Дженнан раздал скафандры трем женщинам, которым пришлось вместе с ним остаться в воздушном шлюзе. Он тратил драгоценное время, объясняя матушке, что ей совершенно необходимо облачиться в скафандр, потому что в воздушном шлюзе нет автономных кислородных и охлаждающих систем.

— Мы рискуем здесь застрять, — мрачно сказала Дженнану Хельва по внутренней связи. — На этой с позволения сказать посадке мы потеряли восемнадцать минут. Я слишком перегружена, чтобы развить максимальную скорость, а она нам необходима, если мы хотим обогнать тепловую волну.

— Ты можешь подняться? Мы уже надели скафандры.

— Подняться-то могу, — ответила она, отрываясь от земли. А вот разогнаться — не уверена.

Дженнан, прижимавший к себе перепуганных женщин, ощущал неуверенность и даже неуклюжесть, с которой Хельва одолевала подъем. Она безжалостно удерживала полную тягу как можно дольше, невзирая на то, что сбившиеся в рубке женщины жестоко страдали от чудовищного ускорения, а двое получили смертельные увечья. Приходилось идти на жертвы, чтобы спасти остальных. Но по-настоящему заботил Хельву лишь один человек — Дженнан, и мысль о его судьбе наполняла ее душу леденящим ужасом. Воздушный шлюз, не имевший ни подачи воздуха, ни системы охлаждения, защи-

щенный всего одним слоем обшивки вместо трех, отнюдь не представлял безопасное убежище для троих заключенных в нем людей. Да, у них были скафандры, но всего лишь стандартные модели, не рассчитанные на защиту от избыточного тепла, которое вот-вот обрушится на корабль.

Хельва мчалась на предельной скорости, но колоссальная тепловая волна от взорвавшегося солнца настигла их на полпути к спасительному холоду космоса.

Она оставалась глуха к крикам, стонам, мольбам и заклинаниям, звучавшим в ее рубке, и прислушивалась к хриплому, измученному дыханию Дженнана, к перебоям в системе очистки его скафандра, к усталому чавканью перегруженной системы охлаждения. Она беспомощно слушала истерические вопли его спутниц, извивающихся в адской жаре. Напрасно Дженнан старался их успокоить, старался уговорить их потерпеть — еще чуть-чуть, и их ждут безопасность и прохлада. Обезумев от страха и муки, они набросились на него в тесном пространстве шлюза. Чья-то рука, занесенная для удара, зацепила шланг, ведущий к его системе жизнеобеспечения, и тут случилось непоправимое. От жары и сильного рывка герметичность соединения нарушилась.

И Хельва, при всех безграничных ресурсах, бывших в ее распоряжении, не смогла, не сумела его спасти. Она могла лишь беспомощно наблюдать, как Дженнан судорожно вздохнул, повернул голову, умоляюще взглянул на нее... и умер.

Только усиленное программирование, которому ее подвергали все годы обучения, помещало Хельве развернуться и ринуться прямо в раскаленное сердце взорвавшейся звезды. Окаменев от горя, она встретилась с конвоем беженцев, безропотно переправила своих обожженных, обессиленных от жары пассажиров на ожидавший их корабль.

— Я оставляю на борту тело моего пилота и последую к ближайшей базе для погребения, — безжизненным голосом сообщила она Мирам.

— Тебе будет предоставлен эскорт, — ответили ей.

— Никакой эскорт мне не нужен.

Ответ был короткий:

— Х—834, эскорт выслан. — Итак, первая буква имени Дженнана уже исчезла из ее номера — так скоро! Потрясение было столь острым, что Хельва даже не смогла ничего возразить. Оглушенная, она молча

ожидала рядом с транспортным конвоем, пока на ее экранах не появились очертания двух стройных «мозговых» кораблей. И вот уже все трое устремились к дому со скоростью, которая — увы! — мало напоминала мерную поступь погребального кортежа.

— 834? Корабль, который поет?

— Все мои песни спеты.

— Твоим пилотом был Дженнан?

— Мне не до бесед.

— Я 422.

— Сильвия?

— Сильвия давно умерла. А я — 422. Сейчас мои инициалы МС. — коротко отозвался корабль. Наш второй спутник АГ—640, но Генри нас не слушает. И это только к лучшему — вздумай ты удариться в бега, он не смог бы тебя понять. Но я бы его остановила, если бы он попытался тебе помешать.

— В бега? — от этой мысли всю апатию Хельвы как рукой сняло.

— Ну да. Ведь ты еще так молода. Запаса энергии тебе хватит на многие годы. Возьми да удери. Ведь ты — не первая. 732 исчезла двадцать лет назад — после того, как потеряла своего напарника в полете к белому карлику. С тех пор ее никто не видел.

— Я никогда не слышала о беглецах.

— Будь уверена, детка, в школе ты об этом ничего не услышишь, — ответила 422. — Ведь это как раз то, от чего нас так старательно программируют.

— Нарушить заложенную программу? — в отчаянии крикнула Хельва, с тоской вспоминая ослепительное, добела раскаленное сердце звезды, которую она так недавно покинула.

— Думаю, сейчас это далось бы тебе без всякого труда, — тихо проговорила 422, и в ее голосе уже не было прежней горечи. — Ведь звезды по-прежнему мерцают в небе.

— Летать одной? — ошеломленно воскликнула Хельва.

— Одной! — сурово подтвердила 422.

Остаться наедине с пространством и временем... где даже далекая туманность «Конская голова» больше не будет пугать ее своей недостижимостью. Наедине с сотнями лет грядущей жизни, наполненной воспоминаниями о нем и... больше ничем.

— Скажи, Персида стояла той жертвы, которую ты ей принесла? — тихо спросила Хельва.

— Персида? — удивленно переспросила та. Ты имеешь в виду его отца? Да. Мы были там, на Персиде, когда без нас было не обойтись. Так же, как ты... с его сыном... на Хлое. Они тоже не могли обойтись без вас. Не знать, где ты необходим, не быть там, где нужна твоя помощь — это преступление.

— Но мне необходим он. Кто утолит мою нужду? — с горечью бросила Хельва...

— 834, — сказала 422 после того, как они целый день летели бок о бок в полном молчании, — Миры ждут твоего рапорта. На Регуле тебя ожидает замена. Пора менять курс.

— Замена? — только не сейчас, не так скоро... Напоминание о новом напарнике грубо нарушило щемящую пустоту, которую оставил в ее душе Дженнан. Но ведь ее корпус едва успел остыть от обжигающего жара Хлой! Хельва ощущала первобытное желание выждать время, чтобы в одиночестве оплакать свою утрату.

— Любой из них сойдет, если ты первоклассный корабль, — философски заметила 422. Замена — как раз то, что тебе нужно. И чем скорее, тем лучше.

— Ты ведь сказала им, что я не собираюсь удариться в бег? — спросила Хельва.

— Ты сама упустила момент, как, впрочем, и я после Персиды. А еще раньше — после Глен Архура и Бетельгейзе.

— Ведь мы запрограммированы на выживание. Мы просто не способны бросить все и сбежать. Ты испытывала меня.

— Поневоле пришлось. Мне приказали. Даже психологи не знают, почему корабль вдруг ударяется в бег. Миры забеспокоились и мы, твои друзья, тоже, сестренка. Я сама напросилась в эскорт. Не хотела... потерять вас обоих.

Как ни тяжело было Хельве, все же она ощутила прилив благодарности к Сильвии за ее грубоватое сочувствие.

— Никого из нас, Хельва, сия чаша не миновала. И поверь, это не просто слова утешения. Помни: если бы мы не умели сродниться со своими пилотами, то так и остались бы машинами, начиненными всяким хламом.

Хельва взглянула на неподвижное тело Дженнана,

застывшее под саваном, и вдруг услышала в тихой каюте отзвук его глуховатого голоса.

— Сильвия! Я не сумела ему помочь.

— Да, дорогая, я знаю, — ласково пробормотала 422 и замолкла. Так, в молчании, три корабля стремительно неслись к главной базе Централных Миров, размещавшейся на Регуле. Хельва нарушила тишину только для того, чтобы испросить разрешения на посадку и ответить на официальные соболезнования.

Три корабля одновременно опустили у края леса, где гигантские голубые деревья Регула несли стражу, оберегая сон тех, кто упокоился на маленьком кладбище базы. Весь личный состав, чеканя шаг, прошагал колонной и выстроился, образовав проход — от Хельвы до самой могилы. Почетный караул выступил вперед и медленно вошел в рубку. Тело ее покойного возлюбленного бережно уложили на катафалк, покрыли темно-синим, усеянным звездами знаменем спасательной службы. Она следила, как оно медленно движется по живому проходу, как ряды смыкаются за катафалком, образуют последний эскорт.

Наконец, когда отзвучали скупые слова прощания и самолеты совершили над открытой могилой церемониальный круг, Хельва, собравшись с духом, нашла в себе силы сказать любимому последнее прости.

Сначала тихо, едва слышно, потом все громче полились звуки старинной мелодии о вечере и вечном покое и, наконец, достигли такой пронзительной силы, что, казалось, весь бездонный черный космос отозвался эхом на эту прощальную песню, которую пел корабль.

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ СКОРБЕЛ

Равнодушным, отсутствующим взором, наблюдала Хельва, как личный состав базы Регул стал расходиться. Похороны закончились. Больше никогда, — поклялась она себе, — обо мне не услышат как о корабле, который поет. Эта часть души умерла вместе с Дженнаном.

Она продолжала следить за тем, что происходит вокруг, но откуда-то издалека, как будто ее это все вовсе не касалось: вот крохотные фигурки по одиночке и парами медленно потянулись к казармам. Другие деловито зашагали кто куда, спеша вернуться к прерванным делам. Некоторые, проходя мимо нее, поднимали глаза, но их взгляды ее не трогали. Жизнь утратила всякий смысл, ей хотелось одного — остаться здесь, рядом с кладбищем, где навеки упокоился ее напарник.

«Не может быть, чтобы все кончилось вот так, — думала она, чувствуя, как смертельная тоска пробиивается сквозь сковавшее сердце оцепенение. — Я этого не вынесу. Как жить дальше?»

— Х-834, Теода с Медеи просит разрешения войти, — раздался голос у подножия лифтовой шахты.

— Разрешение дано, — машинально ответила Хельва. Она так глубоко погрузилась в пучину своего горя, что к тому времени, когда из лифта появилась стройная фигура женщины, уже успела забыть, что сама разрешила ей войти. Женщина подошла к центральному пилону, в котором была замурована оболочка Хельвы. В руке она держала кассету с полетным заданием.

— Ну что ж, вставляй кассету, если пришла, — сухо сказала Хельва, увидев, что женщина неуверенно переминается на месте.

— Куда? Я не состою на постоянной службе. На пленке объясняется маршрут полета, но...

— В северо-западном квадранте главной панели ты увидишь синюю прорезь. Вставь в нее кассету, так чтобы стрелка смотрела в сторону центральной красной кнопки. Нажми на синюю клавишу с надписью «пуск», а если сама не знакома с текстом и имеешь необходимый допуск, нажми еще одну клавишу, желтую, с надписью «аудио». И не стой, садись, пожалуйста.

Без малейших эмоций, лишь мимолетно подумав о

том, что следовало бы подбодрить Теоду, оказав ей хоть какое-то подобие любезного приема, Хельва наблюдала, как женщина неумело возится с кассетой. Наконец она робко присела на краешек пилотского кресла. Зазвучала запись.

— Х—834, вам вместе с психотерапевтом Теодой с Медеи предписывается проследовать к планете НДЕ, в системе Лира II, Анигон IV, и сделать все возможное для содействия программе реабилитации населения Ван Гога, которое уцелело после космической эпидемии. Срочно! Срочно! Срочно!

Хельва остановила пленку и вызвала Ценком.

— Следует ли понимать, что психотерапевт Теода— мой новый напарник?

— Нет, 834. Теода не состоит у нас на службе. Замена временно откладывается. Тебе же сказано: срочно, повторяю, срочно отправляйся к Аннигону.

— Прошу разрешить немедленный взлет.

Хельва автоматически выполнила все до мелочей знакомые процедуры, сопутствующие взлету, и только потом спохватилась: что же она делает?! Ей была ненавистна сама мысль об отлете с Регула, но приказ был получен, и в ушах ее еще звучал настойчивый призыв: «срочно!»

— Все прилегающие территории свободны для взлета. Старт дан. И еще... Х—834...

— Слушаю?

— Счастливого пути.

— Принято, — ответила Хельва, игнорируя дружеский, совсем неофициальный тон прощания. Она кратко объяснила Теоде, как пристегнуться к пилотскому креслу, следя, как тонкие пальцы женщины нервно возятся с пряжками. Наконец, убедившись, что во время ускорения Теода будет в целости и сохранности, Хельва рванулась ввысь, но еще долго, до тех пор пока позволяло острое зрение, взгляд ее камер был прикован к все удаляющемуся кладбищу базы.

Теперь Хельве было все равно, с какой скоростью лететь, и скоро она поймала себя на том, что непроизвольно увеличивает ускорение, повинуясь безотчетному желанию поскорее закончить полет и вернуться на Регул — к Дженнану. Взяв себя в руки, она убавила скорость, приспособивая ее к возможностям Теоды. — Мы вышли на маршевый режим, — сообщила она женщине, — можно покинуть кресло.

Теода расстегнула ремни и неуверенно поднялась.

— Меня так срочно вызвали, — сказала она, оглядывая свою мятую, несвежую форму, — к тому же я в пути уже целые сутки.

— Каюты расположены позади центрального пилона, — у Хельвы сжалось сердце: — она только сейчас поняла, что Теода поселится там, где еще так недавно жил Дженнан. Не удержавшись, она заглянула в его каюту. Кто-то уже вынес все личные вещи ее бывшего напарника. Не осталось ни единой мелочи, которая напоминала бы о нем, об их мимолетном счастье. С новой силой на нее нахлынуло одиночество. Как они могли? Когда успели? До чего же это несправедливо. А теперь еще придется терпеть присутствие этой суетливой женщины.

Тем временем Теода уже вошла в каюту, бросила вещевой мешок на койку и направилась в ванную. Хельва деликатно отключила камеру. Она попробовала убедить себя, что там Дженнан, что это он по-домашнему плещется под душем, — но нет, у новой пассажирки совсем другие повадки.

«Не то, все не то!» — в тоске вскричала Хельва.

Вновь погружившись в пучину скорби, она лишь через некоторое время осознала, что на корабле стоит полная тишина. Заглянув в каюту, она увидела, что Теода, вытянувшись на спине, забылась глубоким, тяжелым сном вконец измотанного человека. Теперь, во сне, женщина выглядела старше, чем Хельве показалось сначала. И еще, Хельва запоздало поняла: то, что она приняла за суетливость и неумелость, на самом деле было смертельной усталостью. Лицо Теоды изрезали глубокие морщины — следы страданий и переутомления, закрытые глаза обведены темными кругами. Уголки рта опущены — видно женщине довелось немало пережить. Вот длинные пальцы с закругленными кончиками чуть дрогнули, откликаясь на тревожное сновидение, и Хельва заметила, какие они сильные и чуткие. А на ладонях разглядела странные отметины, следы физической работы, совершенно необъяснимые в век, когда весь ручной труд, как правило, ограничивался нажатием кнопок.

«Дженнан тоже любил поработать руками», — выплыло из памяти непрощенное сравнение, и ею снова завладела скорбь.

— Я долго спала? — прервал воспоминания Хельвы

женский голос, и Теода, пошатываясь со сна, вошла в рубку. — Сколько нам еще осталось лететь?

— Ты проспала восемнадцать часов. Судя по маршрутной карте, мы выйдем на орбиту Аннигона через сорок девять часов галактического времени.

— А кухня здесь есть?

— Первая дверь направо.

— Тебе ничего не нужно? — спросила Теода, направляясь на камбуз.

— Все мои нужды удовлетворены на ближайшую сотню лет, — холодно ответила Хельва, и, когда эти слова уже прозвучали, с отчаянием осознала, что самую острую ее нужду не сможет утолить никто на свете.

— Извини, я так мало знаю о вас, кораблях, — смутилась Теода. А на такой престижный мне и вовсе не доводилось попадать, — она робко улыбнулась.

— Так ты родом с Медеи? — Хельва заставила себя проявить хоть какое-то подобие любезности. Профессионалы нередко интересуются происхождением своих коллег.

— Да, с Медеи, — ответила Теода. И сразу же начала без особой надобности перебирать банки с консервами, со стуком ставя их на стол. Такая реакция позволяла сделать вывод о некоем внутреннем разладе или тяжелых воспоминаниях, но Хельва не могла припомнить ничего особенного в связи с Медеей, поэтому оставалось предположить, что все дело в каких-то личных переживаниях.

— Я, конечно, и раньше видела корабли твоего типа. У нас, жителей Медеи, есть свои причины относиться к вам с благодарностью, но сама я ни разу не была у вас на борту, — сбивчиво говорила Теода, взгляд ее беспокойно блуждал по коробкам и банкам, заполнявшим шкафы камбуза, она суетливо переставляла их, осматривая содержимое полок. — Тебе нравится твоя работа? Она должна приносить огромное удовлетворение.

Эти вполне невинные слова, как раскаленные угли, упали на незажившую рану Хельвы. Она поспешно заговорила, стараясь не дать собеседнице повода отпустить очередную, столь же болезненную любезность.

— Я служу не так давно. Тебе, как врачу, должно быть известно о нашем происхождении.

— Ну да, разумеется. Врожденное уродство. — Теода смутилась, как будто затронула какую-то непри-

личную тему. И все-таки, по-моему, это ужасно. Ведь у тебя не было никакого выбора, — гневно выпалила она.

Внезапно Хельва ощутила огромное превосходство. — На начальном этапе, пожалуй, не было. Но теперь мне было бы очень трудно отказаться от стремительных бросков через космос и удовольствоваться ходьбой.

Услышав, как пренебрежительно Хельва произнесла последнее слово, женщина вспыхнула.

— Предоставляю это тому, кто станет моим «телом», — бросила Хельва и внутренне сжалась, снова вспомнив Дженнана.

— Я недавно слышала об одном из ваших кораблей — о том, который поет, — сказала Теода.

— Да, я тоже слышала, — сухо отозвалась Хельва, не проявляя никакого желания продолжить разговор. Неужели ей постоянно будут напоминать о ее утрате?!

— Сколько лет вы живете?

— Сколько захотим.

— То есть... Я хотела спросить, какой корабль самый старший?

— Один из двухсотых до сих пор состоит на службе.

— Значит, ты еще совсем молода — ведь ты из восьмисотых.

— Да.

— А вот я, — проговорила Теода, устремив отсутствующий взгляд на зажатую в руке пустую банку, — я уже совсем старуха, и мой конец близок. — В ее голосе не прозвучало ни сожаления, ни даже смирения.

Только сейчас до Хельвы дошло, что в этой душе тоже таится глубокая печаль, обреченно отсчитывающая дни и часы.

— Сколько осталось до выхода на орбиту?

— Сорок семь часов.

— Пора браться за дело, — Теода резко повернулась и отправилась в каюту, где, порывшись в мешке, достала видеокассету и проектор.

— В чем проблема? — вежливо поинтересовалась Хельва.

— На Ван Гог в созвездии Лира II нагрянула космическая эпидемия, и симптомы ее очень похожи на ту болезнь, которая поразила Медею сто двадцать пять лет назад, — пояснила Теода.

— Внезапно Хельва поняла, где Теода могла видеть корабли Миров. Она навела увеличение на лицо жен-

щины и увидела сетку микроскопических морщин — свидетельство преклонного возраста. Сомнений нет — Теода жила на Медее, когда там разразилась космическая эпидемия. Хельва вспомнила, что мор обрушился на густо населенные районы и за считанные дни свирепым ураганом пронесся по всей планете. Его натиск был так стремителен, а потери столь высоки, что часто медики, теряя силы, валились рядом с теми, кого выхаживали. Но некоторых болезней не тронула, а почему — никто не знал. Переносимые по воздуху споры — возбудители заболевания — поражали не только людей, но и животных. И вдруг эпидемия отступила — так же внезапно, как появилась, — словно почувствовав, что силы галактического содружества, грозящие укротить ее неистовство, уже на пути к планете. Всего за неделю Медее опустела, немногие уцелевшие — и те, у кого хватило сил перенести изнурительную лихорадку, и те, кто по неизвестным причинам оказался к ней невосприимчив, посвятили жизнь поискам источника беды или ее причины, лекарства или вакцины.

Предприняв быстрый ассоциативный поиск в своей обширной памяти, Хельва выяснила, что было еще семь волн эпидемии, правда другого вида, но столь же неожиданных и необъяснимых, и некоторым из них удалось оказать лучшее сопротивление, чем тогда, на Медее. Самая опустошительная из всех зарегистрированных обрушилась на планету Клематис и унесла девяносто три процента человеческих жизней еще до того, как подоспела помощь. После этого на Клематисе был установлен вечный карантин. «Все равно, что запереть конюшню, даже не попытавшись отыскать пропавших лошадей», — подумала Хельва.

— Наверное, тогда, на Медее, ты получила большой опыт, и теперь сможешь очень помочь пострадавшим на Ван Гоге?

— Затем меня туда и направили, — вздрогнув, проговорила Теода. Она так поспешно схватилась за проектор, что Хельва поняла: дальнейшие расспросы сейчас неуместны. И еще она поняла, что, несмотря на долгую жизнь за плечами, Теода все еще болезненно откликается на некоторые словесные ассоциации. Она и сама не могла представить, что когда-нибудь, через века, не будет испытывать боль при упоминании имени Дженнана.

Аннигон показался на экранах, когда бортовой хронометр отмерил ровно шестьдесят семь часов полета, и сразу же Хельве пришлось отвечать на карантинное предупреждение орбитальной станции.

— У тебя на борту психотерапевт Теода? — последовал вопрос, едва Хельва успела назваться.

— Да.

— Постарайся совершить посадку как можно ближе к больничному городку Эрфар. Там нет своей посадочной площадки, поэтому для тебя подготовили ближайшее поле. Ты сможешь свести до минимума выделение вредных выхлопных газов?

Хельва сухо завершила, что сумеет совершить посадку, соблюдая все необходимые предосторожности. Получив координаты, она без особого труда опустила на клочок земли, указанный ей как поле. Пыльная белая дорога вела к вытянутому скоплению белых зданий, прорезанных длинными рядами окон — оно находилось на расстоянии в полкилометра. Вскоре оттуда выехал наземный экипаж.

— Теода, — обратилась к женщине Хельва, пока они ожидали машину, — в ящике под панелью управления ты найдешь маленькую серую кнопку. Пристегни ее к своей одежде — и ты сможешь поддерживать со мной постоянную связь. А если повернешь верхнюю часть кнопки по часовой стрелке, связь будет двусторонней. Мне хотелось бы помочь тебе, если возникнут какие-нибудь затруднения.

— Да, конечно, благодарю.

— Если повернуть нижнюю половинку кнопки, я смогу увидеть, что происходит вокруг, правда в небольшом радиусе.

— Отлично придумано, — рассеянно пробормотала Теода и, повертев кнопку в руках, пристегнула ее к куртке.

Машина подъехала и остановилась. Теода помахала сверху ее пассажирам и вошла в лифт.

— Хельва, большое тебе спасибо за путешествие. Прошу меня извинить — я неважный компаньон.

— Я тоже. Желаю удачи.

Лифт пошел вниз, и Хельва подумала, что они обе сказали неправду. Они составили отличную компанию — каждая была замкнута в скорлупу собственного горя. Раньше ей как-то не приходило в голову, что страдание — нередкий гость во вселенной, и что едва

ли она одна пережила трагедию, не сумев спасти любимого человека. Все другие корабли, ее собраты, имели такой же печальный опыт, однако продолжали нести свою службу.

— Прошу разрешения подняться на борт, — раздался чей-то хриплый голос у подножия лифта.

— Прошу назваться.

— Онро, майор медицинской службы, откомандирован базой Регула. Мне необходимо воспользоваться экстренной связью.

— Разрешение дано, — ответила Хельва, быстро отыскав его имя в списке личного состава медицинской службы.

Офицер Онро ввалился в шлюз и, кратко отсалютовав в сторону центрального пилона, плюхнулся в пилотское кресло и резко нажал на кнопку вызова.

— Не найдется ли у тебя мало-мальски приличного кофе? — просипел он и, стремительно крутанувшись в кресле, устремился на камбуз.

— Будьте как дома, — пробормотала Хельва, неготовая к такому бурному проявлению энергии после нескольких дней, проведенных в обществе Теоды.

Едва не свернув плечом дверной косяк, Онро ворвался на камбуз и принялся рыться в шкафах.

— Кофе, скорее всего, находится на своем обычном месте — на третьей полке шкафа, который стоит по правую руку от вас, — сухо заметила Хельва. Прошу прощения, банка свалилась на пол.

Онро поднял банку, умудрившись весьма ощутимо стукнуться головой о дверцу шкафа, которую он оставил открытой. Но потока брани, который Хельва почти наверняка ожидала услышать, не последовало. Посетитель осторожно, с терпением, свидетельствующим о редкой выдержке, притворил дверцу и, вскрыл герметическую оболочку, проследовал обратно в рубку, где, усевшись в кресло и глотая горячий, дымящийся кофе, стал наблюдать, как разгорается шкала экстренной связи. Понемногу напряжение стало отпускать его.

— Все мы жертвы собственных привычек, правда, X—834? Я мечтал о чашке кофе восемнадцать дней и ночей напролет. От пойла, которое здесь, на этом Богом забытом шарике, используют взамен, меня только ко сну клонит. Правда, кофе, действует не так сильно, как бензедрин, но зато менее вреден для организма. А вот и они. Могу поклясться, что с каждым

разом эту чертову связь приходится ждать все дольше

— Говорит Регул, Центральная база на связи.

— Докладывает X—834, — провозгласил Онро.

— Кто? — от удивления голос базы утратил всю свою официальность.

— На связи Онро.

— Ясно, сэр, не сразу узнал ваш голос.

— А ты что думал — это Хельва охрипла?

— Нет, сэр, я так не подумал.

— Ладно, поболтали и будет. Теперь введи данные в компьютер, и пусть он как следует пошевелит мозгами. А то я слишком устал. И проверь как следует программу. В последнее время мне приходилось очень мало спать. — Он повернулся к Хельве. — Как тебе это понравится — впервые за три галактических года попасть домой и угодить в самый разгар эпидемии! Надеюсь, мне хотя бы продлят отпуск. Онро снова повернулся к рации. — Вот, дребедень для машины, — он быстро продиктовал данные. — А вот словесная часть — это для проверки:

«Заболевание не удалось идентифицировать по шкале Орсона ни как известный вирус, ни как его видоизменение. У всесторонне проверенных пациентов, признанных абсолютно здоровыми, клинические симптомы могут развиваться за десять часов: полное исчезновение мышечного контроля, сильный жар, острые боли в спине наступают через три дня. Смерть наступает от: 1/ кровоизлияния в мозг, 2/ остановки сердца, 3/ легочного коллапса, 4/ удушья или в случае запоздалого оказания медицинской помощи, 5/ истощения. Все выжившие страдают полным отсутствием мышечной координации. Показатель повреждения мозга отрицательный. Но они ничем не лучше трупов».

— Интеллект страдает? — спросил Ценком.

— Невозможно сказать ничего определенного, остается только надеяться, что, как и в большинстве подобных случаев, изменения в мозгу не затрагивают интеллект.

— Джули О'Греди и сановная леди во всем остальном равны, — пробормотала Хельва. Из сказанного медиком она сделала вывод, что телам, перенесшим эпидемию, повезло все же больше, чем ее, наделенному врождению увечьями.

— Наша стройная подружка ближе к истине, чем она сама подозревает, — хохотнул Онро. Если не счи-

тать младенцев, нет ни единого человека, которому не было бы лучше прямо сейчас попасть в капсулу. Все равно в том состоянии, в котором бедняги находятся, они ни на что не годятся.

— Будете дожидаться ответа? — осведомился Ценком.

— Смотря сколько времени.

— Вполне успеете вздремнуть, — предупредительно заметила Хельва. Пока еще они разберутся с вашим рапортом, — добавила она, одновременно направляя Ценкому личный сигнал тревоги.

— Только недолго, майор Онро, — вставил Ценком.

— Онро, вы так свернете себе шею, — заметила Хельва, увидев, что он вытянул длинные ноги и, притулившись в пилотском кресле, собрался соснуть. — Можете воспользоваться койкой пилота. Я подниму вас, как только придет ответ.

— Да уж, милочка, не забудь, а то я отвинчу твою смотровую панель, — пригрозил Онро и, пьяно пошатываясь, побрел в каюту.

— Постараюсь, — Хельва увидела, как он два раза глубоко вздохнул и провалился в сон.

И сразу же включилась связь с Теодой — слуховая и зрительная. Вот Теода стоит, склонившись над постелью. Ее сильные пальцы ласково поглаживают неподвижное тело лежащей женщины. Дряблые мышцы, полное отсутствие рефлексов, одутловатое лицо, невидящие глаза, отвисшая челюсть; на какое-то мгновение шейные мышцы напряглись, и из горла больной вырвался невнятный стон.

— Мы не можем обнаружить реакции даже на самые сильные раздражители, — произнес голос, обладателя которого Хельва не могла видеть. — Возможно, пациентка как-то реагирует на боль, но полной уверенности у нас нет. Даже если она нас понимает, то не может подать знак.

Хельва заметила, что полузакрытые веки женщины еле заметно дрогнули — вниз, потом вверх. Не укрылся от нее и легчайший трепет ноздрей. Она надеялась, что Теода тоже это отметила, но решила проверить.

— Теода, сказала она тихо, стараясь не испугать женщину, и все же та вздрогнула от неожиданности.

— Это ты, Хельва?

— Да, Насколько мне позволяет мое ограниченное зрение, я сумела разглядеть дрожание век и трепет

ноздрей. Если паралич протекает в такой острой форме, как мне стало известно из донесения майора Онро, эти чуть заметные подергивания, возможно, являются единственными мышечными сокращениями, сохранившимися у пациентки. Попроси, пожалуйста, одного из твоих спутников понаблюдать за правым глазом, второго за левым, а ты сама сосредоточь внимание на ноздрях. Объясните больной, какие знаки ей следует подавать и посмотрите, поймет ли она вас.

— Это что — корабль? — недовольно осведомился невидимый спутник Теоды.

— Да, Х—834, это она доставила меня сюда. Только Хельва не что, а кто.

— Вот как, — последовал пренебрежительный ответ, — Корабль, который поет? Только мне казалось, что его инициалы ДХ или ЖХ.

— Давайте попробуем сделать то, что предлагает Хельва, — перебила его Теода. — Ее зрение гораздо острее нашего, а способность сосредоточиваться неизмеримо выше.

Обращаясь к пациентке, она тихо и отчетливо произнесла:

— Если вы меня слышите, постарайтесь, пожалуйста, опустить правое веко.

На протяжении секунды, показавшейся всем столетием, никакого движения не последовало. Потом медленно-медленно, словно преодолевая чудовищное сопротивление, правое веко опустилось на долю миллиметра.

— Чтобы мы могли быть уверены, что это движение — сознательное, я прошу вас постараться дважды расширить ноздри.

Снова прошло время, и вот Хельва уловила слабое движение ноздрей. Она заметила еще кое-что, куда более важное, — бисеринки пота, выступившие на лбу и верхней губе больной и сразу же привлекала к ним остальных.

— Каких колоссальных усилий это, видимо, стоило несчастному, попавшему в заточение разуму, — с бесконечным состраданием проговорила Теода. Ее рука с закругленными пальцами мягко легла на влажный лоб женщины. — А теперь отдыхайте, милая. Мы больше не будем вас мучить, но знайте — у нас появилась надежда.

Только Хельва заметила, как бессильно поникли и

почти сразу же распрямились плечи Теоды, когда она направилась к соседней койке.

Хельва сопровождала Теоду на всем протяжении обхода — из женского отделения в мужское, а оттуда в детское и даже в бокс для младенцев. Эпидемия не пощадила ни старых, ни малых — даже малыши, которым было несколько недель от роду, стали ее жертвами.

— Можно лишь надеяться, что чем моложе больной и чем более упруги его ткани, тем больше шанс, что их функции восстановятся, — заметил один из провожатых Теоды. Хельва поймала часть его жеста — он обвел рукой отделение, в котором стояло пятьдесят кроваток с неподвижно застывшими на них младенцами.

Теода нагнулась и взяла на руки крошечного техмесячного малыша — розового и белокурого. Тельце у него было упругое, цвет кожи свежий. Ловким движением женщина оттянула грудную складку и сильно ущипнула. Глаза младенца расширились, ротик приоткрылся, издав слабый писк.

Теода быстро прижала малыша к груди и стала покачивать, как бы извиняясь за то, что сделала ему больно. И хотя одеяло приглушало звук и ограничивало видимость, Хельва успела увидеть и понять то же, что и Теода.

Пока Теода укачивала младенца, до Хельвы долетали только обрывки разгоревшегося спора. Но вот прежний уровень зрения и слуха вернулся к ней — Теода положила ребенка на живот и стала осторожно сгибать и разгибать его ручки и ножки, подражая тем беспорядочным подергиваниям, которые предвещают начало первых самостоятельных движений.

— И так мы будем работать с каждым ребенком, с каждым больным — по часу утром и вечером. Если возникнет потребность, мы мобилизуем всех взрослых и всех сознательных подростков на Анигоне, и они станут нашими помощниками. Если мы хотим достучаться до мозга, восстановить связь между разумом и нервной системой, нам придется восстанавливать функцию мозговых центров с самого начала деятельности мозга. Нужно спешить. Эти несчастные и так слишком долго ждут, чтобы их освободили из кошмарного заключения.

— Но... но как, доктор Теода, вы можете обосновать свои выводы? Вы же сами согласились, что дан-

ный случай имеет меньше сходства с эпидемией на Медее, чем считалось первоначально.

— Пока я не могу дать вам никаких обоснований. Да и к чему это? Весь мой опыт подсказывает, что я права.

— Опыт? Вы, наверное, хотели сказать «интуиция»? — неодобрительно изрек чиновник. — Но не можем же мы, доверившись интуиции одной женщины, отвлекать занятых людей от их дел...

— Разве вы не видели испарины на лице той женщины? Не поняли, какого усилия ей стоило всего лишь опустить веко? — набросилась на него Теода. — Так неужели после этого какие-то усилия с нашей стороны могут показаться вам слишком большими?

— Зачем столько эмоций? — вспыхнул чиновник. Разве Аннигон не приютил у себя переживших эпидемию, невзирая на опасность стать жертвой того же вируса?...

— Не надо, — решительно заявила Теода. Прежде, чем приблизиться к Ван Гогу, ваши корабли убедились, что эпидемия миновала. Но это к делу не относится. Я возвращаюсь на корабль и немедленно свяжусь с Ценкомом. И вы получите и обоснование, и подтверждение в аккуратнейшей компьютерной распечатке. Она резко повернулась, и Хельва увидела почтиительно застывших поодаль медсестер. — Но прошу тех из вас, кто любит детей и доверяет женской интуиции: делайте то, что я вам показала, независимо от того, будет получено подтверждение или нет. Терять все равно нечего, а живых нужно спасать.

Теода стремительно покинула больницу, не обращая внимания на жалобы и уговоры чиновников. Она забралась в машину и велела возвращаться на корабль. Услышав ее звенящий от бессильной ярости голос, водитель счел за лучшее не вступать в разговоры. Хельва видела, как сильные пальцы женщины, ни на миг не останавливаясь, беспокойно шевелятся — то судорожно сжимаются, то беспомощно вытягиваются, то теребят застежку куртки. словно почувствовав ее взгляд, Теода резко отключила связь.

Нимало не смутившись, Хельва переключилась на наружные камеры, которые давали более широкий обзор, и поймала приближающуюся машину. Экипаж высадил пассажирку и уехал. Но Теода не спешила входить в лифт. Ограниченная неудобным углом зрения, Хельва

могла только наблюдать, как женщина ходит взад-вперед.

Онро храпел в каюте, а Хельва терпеливо ждала.

— Прошу разрешения войти, — наконец тихо сказала Теода.

— Разрешение дано.

Пошатываясь от усталости, вытянув руку вперед, как будто нащупывая путь в темноте, Теода вышла из лифта. Бессильно упала в пилотское кресло и, облокотившись на пульт, уронила голову на руки.

— Ты видела, Хельва, — пробормотала женщина, — ты все видела. Эти несчастные пребывают в таком состоянии уже больше шести недель. И моргнуть глазом для них тяжелее, чем поднять тонну. Разве мыслимо — пережить такое и сохранить рассудок?

— У них всегда остается надежда. Не забывай, Теода: если есть уверенность, что разум не пострадал, без тела в конце концов можно и обойтись. И даже найти в этом кое-какие преимущества, — напомнила она.

Теода стремительно подняла голову и, повернувшись в кресле, ошеломленно уставилась на панель, за которой скрывалось заключенное в капсулу тело Хельвы.

— Ну да... И ты сама — отличный пример!

Потом сокрушенно помотала головой.

— Нет, Хельва. Одно дело — когда тебя с младенчества приучили к этой мысли, и совсем другое — когда ты вынуждена смириться с ней, как с единственным выходом.

— Молодые без особых потрясений привыкнут к жизни в капсуле. Повторяю, в ней есть свои преимущества и прямые выгоды. Вспомни, как я сопровождала тебя в твоей поездке в больницу.

— Но иметь возможность ходить, дотрагиваться руками, вдыхать запахи, смеяться и плакать...

— Плакать... — выдохнула Хельва, — облегчить душу слезами. Да, ты права, — ее сердце стиснула невыносимая тоска, и ненадолго отступившая горечь утраты вернулась с новой силой.

— Хельва... Там, в больнице... Я хочу сказать, что слышала о том, как ты... Прости, но я так ушла в свои мысли, что тогда не поняла, что это ты — Корабль, который пел, и что ты... — голос ее сорвался.

— И я тоже забыла, что у вас на Медее вирус не только отгородил разум от тела, но и уничтожил мозг, оставив лишь неодушевленную плоть.

Теода отвела взгляд.

— Не могу забыть того несчастного малыша...

— Ценком — Х—834. Ты на связи?

Испуганная голосом, который неожиданно загремел у ее локтя, Теода отпрянула от загоревшейся шкалы экстренной связи.

— Х—834 слушает.

— Приготовься отпечатать компьютерное заключение в ответ на запрос майора Онро.

Хельва включила принтер и доложила о готовности.

— В словесной форме? — громким шепотом спросила Теода.

— Он просил в словесной, — ответила Хельва.

— Не выявлено никакой зависимости от возраста, физического развития, состояния здоровья, этнической принадлежности, группы крови, структуры тканей, режима питания, места жительства и перенесенных ранее заболеваний. Болезнь поражает без разбора и распространяется со скоростью эпидемии. При вскрытии никаких изменений в мышцах, костных тканях, крови, мокроте, моче, спинном мозге не обнаружено. Медикаментозное лечение — бесполезно. Хирургическое — бесполезно. Терапия — возможна.

— Вот оно! — вскочив на ноги, торжествующе воскликнула Теода. — Терапия — единственный выход.

— Но только возможный.

— И тем не менее, это единственная возможность. Я уверена: спасение кроется в методе обратной связи.

— Обратной связи?

— Да. Это странный метод, и он не всегда приносит успех. Но, возможно, неудачи бывают в тех случаях, когда разум, отчаявшись, прекращает борьбу. — Горячо, словно стараясь убедить в первую очередь себя, проговорила Теода. — Ты только вообрази: оказаться в западне, не иметь возможности установить даже самый простой контакт — это же ни с чем не сравнимый ужас! Боже, что я говорю!... — воскликнула она, виновато повернувшись к пилону, за которым находилась Хельва.

— Ты абсолютно права, — невозмутимо заверила ее Хельва, но про себя усмехнулась. — Было бы действительно невыносимо, если бы я вдруг потеряла способность управлять своими синапсами с помощью электронных устройств, как делаю это сейчас. Думаю, что я просто спятила бы, враз лишившись всего, что было мне

подвластно, — мчаться от звезды к звезде, общаться через несколько световых лет, подслушивать и подглядывать, при этом никак не обнаруживая себя.

Теода снова принялась беспокойно расхаживать взад-вперед.

— Неужели ты надеешься убедить этих скептиков, — спросила Хельва, — заставить их мобилизовать людей, основываясь лишь на компьютерном заключении?

— Но в нем же ясно сказано: терапия может дать положительные результаты, — решительно заявила Теода, и лицо ее приняло упрямое выражение.

— В нем сказано «возможно». Я вовсе не оспариваю твою позицию, просто предупреждаю, какой скорее всего будет их реакция, — добавила она, заметив, что Теода уже набрала побольше воздуха, собираясь дать отпор. — Я-то как раз совершенно уверена, что ты права. Но они — совсем другое дело. История знает немало случаев, когда добрые самаритяне преждевременно решали с чистой совестью почтить на лаврах, в полной уверенности, что сделали все от них зависящее.

Теода непримиримо сжала губы. — Я уверена, что этих людей можно спасти... во всяком случае, некоторых — разве ради этого не стоит сделать все возможное?

— Но почему? Я хотела сказать, почему ты думаешь, что метод обратной связи сработает?

— Этот метод, разработанный еще в двадцатом веке, раньше его использовали для коррекции большинства врожденных нарушений и некоторых серьезных поражений мозга и нервной системы. Я получила научную степень по истории психотерапии. Многие из ранее существующих в этой области проблем теперь не актуальны, но иногда бывают случаи, когда болезни, которые считались давно побежденными, возвращаются вновь. Как эпидемия полиомиелита на Эварте II. Вот тогда и вспоминают о старых методах. Например, возбудитель этой болезни напоминает вирус Ратдже, с той разницей, что атаки исходного штамма были не так опустошительны и выздоровление наступало хоть и медленно, но верно. Может быть, потому, что терапию начинали сразу же, как только миновал острый период. Да и паралич, насколько мне известно, не был таким тяжелым. Но, возможно, на протяжении веков штамм видоизменился и стал еще более опасным.

И все же нельзя отрицать, что сходство существует.

Вот, посмотри, Хельва, — я захватила с собой пленки, — с жаром сказала Теода, от волнения ее лицо казалось странно помолодевшим. — Тогда при лечении жертв вируса Ратдже широко применяли метод обратной связи Домана-Делакато, и он давал отличные результаты.

А вдруг, — Теода остановилась как вкопанная, — нам удастся доказать, что в те времена споры космической эпидемии занесло на старушку Землю? У тебя есть данные по развитию галактических спиралей?

— Давай пока ограничимся проблемами из области медицины и физиологии усмехнулась Хельва.

Теода потерла лицо руками, как будто пытаясь смыть усталость и заставить утомленный мозг сделать невозможное.

— Всего один ребенок, одно доказательство — вот все, что мне нужно.

— А сколько времени это займет? И какого возраста должен быть ребенок? Кстати, почему именно ребенок? Почему не та несчастная женщина, с таким трудом опускавшая веки?

— Продолговатый мозг начинает управлять рефлексными движениями с самого рождения. Мостовой участок, который полностью развивается к двадцати неделям, руководит ползанием на животе. К пятнадцати неделям начинает функционировать средний мозг, и ребенок овладевает навыками передвижения на четвереньках, и, наконец, к шестидесяти неделям заканчивается формирование коры, которая ведает ходьбой, речью, зрением, осязанием и координацией движений.

— Год — это, пожалуй слишком рано... Внятная речь еще отсутствует, — вслух подумала Хельва, без труда припоминая свой первый день рождения. Правда, она в этом возрасте уже «ходила» и «говорила».

— Лучший возраст — пять лет, — вмешался вдруг чей-то голос. Теода вздрогнула и только сейчас заметила Онро — он стоял на пороге камбуза, держа в руке согревающуюся жестянку с кофе. — Потому что моему сыну как раз пять. Я Онро, майор медицинской службы. Это я вас вызвал, доктор Теода, потому что слышал: вы никогда не сдаетесь. — Его помятое со сна лицо обрело жесткое, упрямое выражение. — И я тоже не сдамся, пока мой сын снова не станет ходить, говорить и смеяться. Он — все, что у меня осталось. Неплохой отпуск у меня получился, — он горько усмехнулся и глотнул дымящийся кофе.

— Так вы с Ван Гога? — спросила Теода.

— Да, один из немногих уцелевших.

— Вы слышали, о чем я говорила? Вы согласны?

— Слышал. В моем случае не может быть и речи о согласии или несогласии. Я готов на все, что выглядит хотя бы отдаленно правдоподобным. Ваша идея разумна, к тому же компьютер дал единственную положительную рекомендацию, и это терапия. Я пошел за сыном.

Дойдя до шлюза, он повернулся и погрозил Хельве кулаком. — А ведь ты опоила меня, фея из серебряного замка!

— Формулировка неточна, но обвинение принято к сведению, — сказала Хельва ему вслед, когда он, хмуясь, шагнул в кабину лифта.

Теода, охваченная радостным волнением, схватила свой проектор и стала внимательно просматривать пленки, на которых был заснят метод, который она собиралась испробовать.

— Они вводили стероиды и еще кое-какие препараты, — бормотала она. — У тебя что-нибудь найдется?

— В заключении ничего не говорилось о медикаментах, — напомнила Хельва, — но всегда можно попросить Онро, чтобы он стащил все, что понадобится из больничного синтезатора. Ведь он, в конце концов, майор медслужбы.

— Да, это очень кстати, — согласилась Теода и снова с головой ушла в свои пленки. — А зачем им понадобилось... ах да, все ясно! Ведь у них не было готовых соединений.

Хельва заворуженно следила, как Теода смотрит фильм, то возвращаясь назад, то прокручивая пленку вперед, многократно перепроверяет, делая пометки, что-то бормоча про себя, и время от времени застывает в раздумье, уставясь в пространство невидящими глазами.

Когда Теода стала проделывать это в четвертый раз, Хельва категорически потребовала, чтобы она что-нибудь съела. Женщина рассеянно доедала жаркое, когда вернулся Онро, на руках он держал обмякшее тельце рыжеволосого мальчугана. На грубоватом лице медика застыло отсутствующее, почти оцепенелое выражение — он бесстрастно следил, как его сынишку бережно укладывают на койку. Хельва заметила у мальчика одну особенность, которая роднила его со всеми жертвами страшного вируса: глаза были полузакрыты, как будто веки до того отяжелели, что он не мог их поднять.

Опустившись рядом с койкой на колени, Теода повернула голову ребенка, так чтобы его глаза находились вровень с ее лицом.

— Дитя мое, я знаю, что ты меня слышишь. Мы будем работать с твоим телом, чтобы помочь тебе вспомнить, что оно умело делать. Скоро ты у нас опять будешь бегать и радоваться солнышку.

Потом без лишних слов, не обращая внимания на невнятные возражения отца, она положила мальчика прямо на пол, на живот, взяла его за руку и за ногу и знаком велела Онро последовать ее примеру.

— Мы переносимся в то время, когда ты был совсем маленький, и впервые пытался ползать. Мы помогаем твоему телу ползти на животе, как будто ты змея.

Терпеливо, монотонным голосом, она повторяла слова внушения. Хельва отметила, что сеанс продлился пятнадцать минут. Они выждали час и повторили все сначала. Прошел еще час, и Теода так же терпеливо проговорила слова, которые должны были восстановить у ребенка навыки ходьбы: сначала вперед двигаются левая рука и правая нога, потом правая рука и левая нога. Еще час — и она повторила наставления по ходьбе. Потом они снова вернулись к ползанию и снова повторили дважды. В промежутках оба врача пытались вздремнуть. Хельва незаметно закрыла шлюз, переключила связь с центральной рубки на себя и оставалась глуха к настойчивым требованиям из больницы вызвать Теоду или Онро. Через двадцать четыре часа Теода слегла изменила схему внушения и добавила массаж и лечебную гимнастику, терпеливо придавая телу разные положения, работая над каждой мышцей — от пальцев рук до пальцев ног.

На исходе двадцать седьмого часа Онро, чьи силы были подорваны накопившейся усталостью, отчаянием и все растущей безнадежностью, забылся тяжелым сном, так что растолкать его больше не удалось. Теода, бледнея на глазах, продолжала сражаться в одиночку, повторяя каждое движение так же точно и старательно, как и в самом начале курса интенсивной терапии.

Хельва намеренно игнорировала собравшуюся внизу толпу, не обращая внимания на приглушенные требования, угрозы и уговоры.

— Теода, — тихо проговорила Хельва, когда к концу подходил тридцатый час, — ты заметила то, что заметила я? Шейные мышцы проявляют тенденцию к сжатию.

— Да. А ведь этот ребенок был так плох, что ему пришлось делать трахеотомию. Видишь шрам? — Теода показала на тонкий шов. И еще я вижу: когда мы начинаем сеанс, веки поднимаются чуть выше. Мальчик понимает, что мы хотим ему помочь. Смотри, глаза приоткрываются... чуть-чуть, но и этого достаточно. Я была права! Я знала, что не ошибаюсь!

— У тебя мало времени, — предупредила Хельва. — Здешние власти вызвали патрульное судно, через полчаса оно сядет рядом со мной. Мне придется открыть люк под угрозой повреждения корабля, так уж я запрограммирована.

Теода испуганно подняла глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Взгляни на экран, — Хельва настроила изображение, так чтобы Теода могла увидеть толпу людей и скопление машин у подножия корабля. — Они становятся чересчур настойчивы.

Но я ничего не знала.

Тебе был нужен покой. И я сумела его обеспечить, — ответила Хельва. Но если взглянуть на все со стороны, можно предположить, что майор медицинской службы, его сын и приглашенный медицинский советник содержатся в заключении у меня на борту. К тому же они подозревают, что мои недавние... словом, что я собираюсь удариться в бег.

— Разве ты им не сказала, что мы проводим сеансы терапии?

— Конечно, нет.

— Но почему...

— Пора начинать очередной сеанс. Сейчас дорога каждая минута.

— Сначала нужно покормить малыша.

Теода осторожно ввела концентрированный раствор в тонюсенькую вену и стала массировать бугорок, оставшийся на месте инъекции.

— Какой сладкий мальчик, правда, Хельва? — сказала она. — Даже по лицу видно.

— Наверняка жуткий озорник — с такими-то веснушками, — фыркнула Хельва.

— В душе они как раз и есть сладкие, — твердо возразила Теода.

Хельва заметила, как ресницы мальчугана упали на щеку, потом снова приподнялись. И решила, что права

она, а не Теода. Это надо же придумать: рыжий, весь в веснушках — и сладкий!

Снова началось терпеливое, монотонное восстановление нарушенных связей. Внезапно Теода вздрогнула, услышав громкий стук. Он разбудил и медика, который уснул прямо на полу. Хельва, скосив один глаз на экран, ожидала удара. Онро поднялся и заговорил, еще не соображая, где находится.

— Что происходит?

— Ответом ему последовал второй глухой удар.

— Да что там, черт возьми, стряслось? Кто это колотится, как полоумный?

— Половина планеты, — едко ответила Хельва, включая внешние аудио и видео камеры. Ей сразу пришлось убавить звук — в кабину ворвался оглушительный гвалт.

— Ну, ладно, угомонитесь, — сказала она толпе, без усилия заглушая ее недовольный ропот.

— Х—834, требую разрешение войти! — выкрикнул кто-то у входа. Она покорно включила лифт и открыла люк. Онро протопал к отверстию и, нагнувшись над ним, заорал:

— Какого черта вы тут беснуетесь? Убирайтесь все немедленно! Вы что, совсем забыли о приличиях? Что за тарарам? Имеет человек право хоть немного отоспаться? Единственное тихое место на всей вашей паршивой планете!

В это время с ним поровнялась кабина лифта, обнаружив внутри пилота патрульного корабля и нудного чиновника, сопровождавшего Теоду во время посещения больницы.

— Майор Онро, мы беспокоились за вас, особенно после того, как ваш сын исчез из своей постели.

— Послушайте, инспектор Кариф, вы никак решили, что госпожа Теода похитила меня вместе с сыном и держит в качестве заложников на борту спятившего корабля? Экий вы, однако, фантазер! Эй, что это ты задумал... ты, ты, парень, — крикнул он, заметив, что пилот потянулся к панели центрального пилона, за которой находилась оболочка Хельвы.

— Я выполняю приказ Ценкома.

— Включи-ка лучше экстренную связь и скажи своему Ценкому, чтобы он не совал свой длинный нос в чужие дела. Если бы не Хельва, не тишина и покой,

которые она для нас создала и поддерживала, не знаю, что бы с нами стало.

Он тихонько вошел в каюту, где распростертый на полу лежал его сын. Над ним сосредоточенно колдовала Теода, проводя очередной — который уже по счету! — сеанс терапии Домана-Делакато.

— Не знаю, сколько несчастных нам удастся спасти таким способом, только я вижу: он помогает. И ты, парень, скажешь своему Ценкому, — после того, как передашь ему от меня пожелание катиться к чертовой бабушке, — чтобы они дали Теоде полномочия мобилизовать всех до последнего человека на этой планете... если возникнет такая необходимость... чтобы привлечь их к ее программе реабилитации.

Он опустился на колени рядом с сыном.

— Ползи, малыш, ползи.

— Но ребенок может простудиться на холодном полу, — взвизгнул чиновник.

— Какая-то женщина упрашивала Хельву спустить лифт, но та не обращала внимания: она видела, как лицо ребенка покрылось капельками пота. Но никаких движений не последовало... ни малейшего содрогания.

— Ну постарайся, сынок, — молил Онро.

— Твой разум помнит, что твое тело умело делать раньше. Правую руку вперед, левое колено вверх, — произнесла Теода с таким самообладанием, что в ее спокойном, ласковом голосе не отразилось даже намек на то напряжение, которое она должна была испытать.

Хельва увидела, как мышцы на шее мальчика стали судорожно подергиваться, но она знала, что наблюдатели ожидают гораздо более убедительного результата.

— Иди скорей ко мне, золотое мамино солнышко, — протянула она нежно и призывно.

Не успели пораженные наблюдатели пронзить ее укоризненными взглядами, как локоть мальчика скользнул на дюйм вперед, а левое колено, которое Теода сжимала пальцами, дернулось назад; горло его напряглось, и с губ сорвался тоненький всхлип. Онро издал радостный вопль и рывком прижал сына к груди.

— Теперь вы видите? Теода была права!

— Я видел, что ребенок сделал произвольное движение, — неохотно согласился Кариф. — Но это единственный, отдельно взятый пример... — он красноречиво развел руками, показывая, что остается при своем мнении.

— Достаточно и одного. На других у нас просто не было времени, — отрезал Онро. — Нужно рассказать людям, которые собирались внизу. Они станут нашими помощниками.

Он вынес сына в шлюз и стал громко кричать толпе о том, что произошло. В ответ зазвучали радостные возгласы и аплодисменты. Маленькая кучка людей, толпившаяся у входа, выразительно показывала на женщину, которая давно просила, чтобы ее выпустили.

— Я вас отсюда не слышу, — крикнул Онро: слишком много народа кричало, перебивая друг друга, и все они явно старались сообщить что-то одно, очень важное.

Хельва спустила лифт, и женщина вошла в кабину. Еще не поднявшись до половины, она стала радостно выкрикивать свою новость:

— Мы в детском отделении стали проводить терапию, которую показала нам Теода. Уже сейчас заметны признаки улучшения. Хотя и не очень явные. Мы хотели бы узнать, что мы делаем не так. Но четверо младенцев уже могут кричать! — выпалила она и, выйдя из кабины, бросилась к Теоде, которая стояла, устало прислонившись к дверному косяку. — Никогда не думала, что это такое счастье — слышать, как ребенок снова кричит. Одни кричат, другие кряхтят, а одна девочка даже махнула ручкой, когда ее пеленали. Мы делали все, как вы нам сказали!

Теода с торжеством взглянула на Карифа, который пожал плечами и кивнул в знак того, что ему не остается ничего другого, как признать ее правоту.

— Послушайте, Кариф, — бросил Онро, войдя в лифт и все еще прижимая сына к груди, — вот что нам предстоит сделать, я имею в виду организацию. Мы не станем отрывать всех жителей вашей планеты от их чрезвычайно важных дел. Можно вызвать с Авалона Молодежный корпус. Это занятие как раз для них.

— Спасибо вам за то, что поверили мне, — сказала медсестре Теода.

— Один из малышей — мой племянник, — прошептала женщина, смахивая с глаз слезы. Он единственный уцелевший из всего города.

Лифт вернулся, и в него вошли пилот с медсестрой. Теода принялась собирать свои вещи.

— Это было самое легкое. Теперь будет все труднее

и труднее — ободрять, наставлять, и ни на миг не терять терпения. Даже сынишке Онро предстоит пройти долгий курс лечения, прежде чем он снова станет таким, каким был до болезни.

— Но теперь есть надежда.

— Пока живешь, всегда надеешься.

— Это случилось с твоим сыном? — спросила Хельва.

— С сыном, с дочерью, с мужем — со всей семьей. Только меня болезнь не тронула, — лицо Теоды сморщилось. И я, несмотря на все мои познания, несмотря на годы практики, не сумела их спасти.

Теода закрыла глаза, словно перед ней снова встала пережитая трагедия.

Хельва задохнулась, и свет перед ней померк: в словах Теоды эхом прозвучал тот же бессильный упрек, которым она постоянно терзала себя. В памяти снова всплыла обжигающая душу картина: взгляд Дженнана, обращенный к ней перед смертью.

— Не знаю, как человек способен все пережить, — устало проговорила Теода. — Наверное, это инстинкт самосохранения заставляет нас не сдаваться, помогает сохранить рассудок и не потерять себя, прибегая для этого к переоценке ценностей. Помню, мне тогда казалось: если я добьюсь такого профессионального совершенства, что мне больше никогда не придется беспомощно наблюдать, как из-за неумелости умирают любимые люди, то неведение, которое погубило мою семью, обретет прощение.

— Но разве ты могла остановить космическую эпидемию? — спросила Хельва.

— Знаю, что не могла, и все равно не могу себе простить.

Хельва мысленно перебирала слова Теоды, и смысл их, как обезболивающий бальзам, изливался ей в душу.

— Спасибо тебе, Теода, — помолчав, сказала она и снова взглянула на женщину. — О чем ты плачешь? — она с удивлением увидела, что Теода сидит на краешке койки, и по лицу ее безудержно струятся слезы.

— О тебе. Ведь ты сама не можешь, правда? Ты потеряла своего Дженнана, а они даже не позволили тебе передохнуть. Сразу дали приказ доставить меня сюда и...

Хельва глядела на Теоду, и ее разрывали противоречивые чувства: недоверие — неужели кто-то еще

может понять ее тоску по Дженнану? Удивление — в час своего триумфа Теода думает о страданиях Хельвы... Она чувствовала, как тугой узел боли мало-помалу ослабевает, и вдруг ошеломленно поняла: ее, Хельву, кто-то жалеет.

— Эй, Хельва, проснись, ради Бога, — донесся снизу голос Онро, и она поспешила спустить лифт.

— По какому поводу слезы? Можете не отвечать, — захохотал он, врываясь в кабину и забирая вещевой мешок из обмякших рук Теоды. Потом ринулся на камбуз. — Не сомневаюсь, что у вас есть причина, только знайте: вся планета ожидает ваших указаний... — Он собрал все банки с кофе, которые ему удалось отыскать, и затолкал в мешок, а те, что не поместились, принялся рассовывать по карманам. Обещаю, что дам вам сколько угодно времени, чтобы выплакаться, но только после того, как вы подробно объясните мне режим терапии. — Он сгреб отсавшиеся банки в охапку. — И тогда я предоставляю вам свою жилетку.

— Моя тоже в ее распоряжении, в любое время дня и ночи, — не совсем уверенно вставила Хельва.

— Ты понимаешь, что говоришь? — насмешливо спросил майор. — Разве у тебя есть жилетка?

— Она все прекрасно понимает, — решительно возразила Теода, но Онро уже тащил ее по направлению к шлюзу.

— Скорее, Теода, нас ждут.

— Спасибо тебе, дорогая, — пробормотала Теода, оборачиваясь к Хельве. Потом стремительно отвернулась и позволила Онро затолкать себя в кабину.

— Нет, Теода, это я должна тебя благодарить, — сказала Хельва ей вслед. — Мне так недоставало слез, — тихо добавила она про себя.

Машина стремительно понеслась по направлению к больнице. Хельва видела, как Теода помахала ей рукой. Она знала: Теода поняла все то, что осталось невысказанным. Пыль, поднятая экипажем, еще не успела осесть, а Хельва уже отправила на Регул сообщение: «Задание выполнено. Возвращаюсь на базу».

Потом, как феникс, восставший из горького пепла сточасовой скорби, Хельва взвилась на ослепительном хвосте топливных газов и устремилась вперед — навстречу звездам и исцелению.

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ УБИВАЛ

Каждый мельчайший синапс заключенного в капсулу тела Хельвы вибрировал от негодования: ну почему Центральные Миры снова позволяют себе такое самоуправство!

— И это у них называется срочно, — в бессильной ярости проворчала она, обращаясь к своей товарке 822 по внутреннему межсудовому каналу, который не мог прослушивать даже Ценком.

Но Селд-Ильза, только хмыкнула, и в голосе ее не прозвучало ни тени сочувствия. — Мне вообще непонятно, о чем думает ваша Диспетчерская служба. Я столько недель проторчала на старте, дожидаясь, пока они решат, какой планете требуется самая неотложная помощь. А когда мы добрались до места, там уже творилось такое, что мы не знали, за что хвататься.

— Ты думаешь, у Медслужбы не бывает проводочек? — огрызнулась Хельва. — Как-то мы с Дженна-ном... — и растерянно замолчала: вот она и смогла произнести его имя...

Воспользовавшись этой краткой паузой. Ильза снова принялась бубнить свое, не замечая ошеломленного молчания Хельвы.

— А вспомни, как нас учили! Когда я думаю, сколько мне уже встречалось ситуаций, о которых нам не удалось даже намекнуть... Только и знали, что долбить теорию, методику да устав. И ничего настоящего полезного. Знай переливали из пустого в порожнее. Им нужны не мозговые корабли, а компьютеры! — все больше заводилась 822. — Тупые, безмозглые, бесчувственные компьютеры!

Хельва заметила в обличениях Ильзы некоторую непоследовательность, но предпочла промолчать. Они были одноклассницами, и Хельве по прошлому опыту были известны некоторые слабые места ее товарищей.

— Я слышала, — доверительно произнесла 822, — что твое задание имеет какое-то отношение к той голубой панельной пристройке, которая примыкает к больничному корпусу.

Хельва настроила камеру на правом крыле, но в длинном унылом здании не было никаких внешних признаков, по которым можно было бы предположить, что делается у него внутри.

— А ты случайно не слышала, когда я должна отправляться, — с надеждой спросила она.

— Пока больше ничего сказать не могу — Селд возвращается. Как-нибудь увидимся!

Хельва наблюдала, как напарник 822 поднялся в воздушный шлюз, и скоро СИ-822 покинула базу Регул. Однажды Селд был у них с Дженнаном, когда оба корабля застряли на Левите IV. Она помнила, что у Селда оказался неплохой бас. Хельва ощутила мимолетный укол зависти к подруге и поскорее переключила камеры на загадочную больничную пристройку. Она терзала любопытством: что за срочное задание ожидает ее на этот раз? Неужели ей всю жизнь суждено носить половинный буквенный индекс — Х?

На этот раз Хельва совершила посадку на самом краю огромного поля базы Регул, как можно дальше от кладбища. Несмотря на то, что она уже смирилась с потерей Дженнана, несмотря на живительные слезы Теоды, находиться рядом с могилой возлюбленного значило бы сыпать соль на едва начавшую рубцеваться рану. Может быть, через век-другой... И вообще, ожидание на Регуле было для нее тягостным. Теперь, когда рядом больше нет 822, она даже не может отвлечься, пошаловавшись подруге на затянувшееся ожидание, которому ее здесь подвергают.

— КХ—834, твоя напарница сейчас прибудет. Пленка с заданием при ней, — прервал ее раздумья голос Ценкома.

Хельва почувствовала, как от этой новости ее начинает охватывать волнение. Что ж, пожалуй, это уже некоторое облегчение — наконец-то к ней обратились, используя полный буквенный индекс. Нахлынувшая радость заглушила укол сожаления при вести о том, что ее новое «тело» оказалось женщиной. И еще большее облегчение она ощутила, осознав, что снова способна на какие-то чувства после тупого оцепенения, овладевшего ею после смерти Дженнана. Пережитое на Аннигоне помогло ей сбросить апатию.

Со стороны огромного комплекса, где размещались диспетчерские службы и казармы, стремительно приближался наземный экипаж. Скоро он притормозил у ее основания и остановился. Не дожидаясь просьбы, Хельва спустила лифт и стала наблюдать, как маленькая фигурка поднимает на площадку багаж — три предмета.

Похоже, «К» собирается задержаться, — решила Хельва. Лифт поплыл вверх, и через несколько мгновений новая напарница появилась в отверстии шлюза, четким силуэтом выделяясь на фоне сияющего небосвода.

— Кира с Канопуса просит разрешения войти на борт Х—834, — отрапортовала молодая женщина, четко салютуя в ту сторону, где за своей титановой броней скрывалась Хельва.

— Разрешение дано. Добро пожаловать на борт, Кира с Канопуса.

Девушка бесцеремонным пинком втокнула матерчатый мешок в рубку. Два остальных предмета она осторожно перенесла в пилотскую каюту. У одного из них была странная форма, но после недолгого раздумья Хельва узнала в нем старинный струнный инструмент, называемый гитарой.

«Вполне в их духе — прислать мне напарницу, которая разбирается в музыке», — подумала Хельва, вовсе не уверенная, что ей по нраву такое посягательство на самые заветные воспоминания, связанные с Дженнаном. Но она безжалостно отбросила эту мысль, как недостойную, напомнив себе, что большинство персонала спасательной службы разбирается в музыке — безграничные возможности искусства помогают приятно коротать время в долгих полетах.

Кира раскрыла второй пакет, и Хельва, незаметно заглянув внутрь, увидела, что он битком набит ампулами и прочей медицинской утварью. Пробежав быстрыми пальцами по содержимому коробки, Кира закрыла крышку и бережно пристегнула контейнер к полке рядом с койкой, чтобы уберечь от опасностей, связанных с ускорением.

И внешнестью, и повадками, не говоря уже о поле. Кира оказалась полной противоположностью Дженнану. Поскольку Хельва была настроена подозрительно, она невольно задала себе вопрос: не кроется ли за этим тонкий расчет? Но тогда придется признать, что Ценкому со всеми его компьютерами присуща большая чуткость, чем она привыкла считать.

Кира с Канопуса весила никак не больше сорока кило, и это в полном обмундировании. Ее узкое личико с выдающимися скулами было тонким и нежным и плохо сочеталось с грубоватым прозвищем «тело», которым именовали пилотов «мозговых» кораблей.

Темно-каштановые волосы, туго заплетенные во множество косичек, венчали удлинненную головку затейливой короной. Широко расставленные миндалевидные глаза в ореоле густых ресниц отливали чистой, прохладной зеленью. Тонкие чуткие пальцы были столь же изящны, как и маленькие узкие ступни, сохранявшие странную грацию даже в тяжелых форменных сапогах.

Девушка вернулась в рубку. Хельве, привыкшей к замедленным движениям Теоды, пришлось срочно перестроиться.

Вот Кира вставила в углубление на приборной доске кассету с полетным заданием. Пошла запись, и у Хельвы вырвался возглас изумления:

— Триста тысяч младенцев?

Кирина смех прозвучал, как веселый перезвон бубенчиков.

— Да, теперь ты, ни дать ни взять, межпланетный аист!

— Так ты мой временный партнер? — спросила Хельва, стараясь не выдать своего разочарования. Было в Кире что-то притягательное, что-то подкупающее с первого взгляда.

Девушка натянуто улыбнулась. — Да, только кто знает, сколько времени уйдет на выполнение задания, ведь пока в нашем распоряжении всего тридцать тысяч. Даже в наш век дети быстро не делаются.

— Но я совсем не приспособлена... — начала Хельва. Ее приводила в ужас перспектива превратиться в летающие ясли. Она замолчала — пошли подробные объяснения состояния предполагаемого груза. — Что — младенцы в лентах?!

Услышав ошеломленную реакцию Хельвы, Кира, которая уже получила инструкции о предстоящем задании, звонко расхохоталась.

Разъяснения бесстрастно шли своим чередом, и постепенно Хельва поняла, зачем в ее не слишком просторных грузовых отсеках разместили километры пластиковых трубок и баки с какой-то жидкостью.

В звездной системе Неккар неожиданный всплеск радиации привел к тому, что все население недавно колонизированной планеты стало бесплодным. А в результате случайной аварии в системе энергоснабжения полностью погиб эмбриобанк. Целью полета КХ—834 была доставка на Неккар эмбрионов с тех планет,

которые откликнулись на призыв о помощи.

В самые первые дни развития космонавтики, когда нога человека еще не ступила ни на Марс, ни на спутники Юпитера, генетика достигла колоссальных успехов. Человеческий зародыш на ранней стадии развития научились пересаживать из одной матки в другую, и приемная мать, не будучи родственницей младенца, вынашивала его и производила на свет. Второй важнейший шаг вперед в распространении человеческого рода был сделан, когда мужскую сперму удалось в лабораторных условиях соединить с женской яйцеклеткой. Оплодотворение прошло успешно, и ребенок нормально развивался и рос.

Впоследствии для тех, чья профессия была связана с постоянным риском, а также для носителей особо желательных, доминирующих показателей умственного или физического совершенства стало правилом сдавать сперму и яйцеклетки в учреждение, которое получило название Банк Сохранения Человечества.

По мере того, как цивилизация расширяла свои границы, охватывая все новые миры, суровые и опасные, у молодых мужчин и женщин, достигших зрелости, вошло в привычку оставлять свое семя в БСЧ. Это диктовалось здравым смыслом — всегда можно было иметь в своем распоряжении собрание жизнеспособных зародышей, классифицированные по генетическим признакам. Тогда, если, к примеру, возникнет недостаток в воспроизводстве какой-либо конкретной этнической группы, можно будет поставить необходимое количество дополнительных эмбрионов, дабы восстановить экологическое равновесие.

Что касается решения личных проблем, то безвременно овдовевшая молодая женщина получала возможность выносить ребенка от своего покойного мужа, воспользовавшись его семенем, хранящимся в БСЧ. Любой человек, желающий, чтобы его наследник обладал выраженными генетическими признаками, которые помогут ему прославить фамильное имя или дело, тоже мог обратиться в банк. Не обходилось, конечно, и без курьезов: некоторые женщины, ставшие жертвами истерического обожания какой-нибудь знаменитости — покорителя космоса или модного актера, — кидались в БСЧ, стремясь заполучить его семя, и, если мужчина не возражал, удовлетворяли свою прихоть. Но естественное зачатие все же оставалось скорее правилом, чем

исключением. И сама Хельва появилась на свет в результате естественного соития своих родителей.

В основном БСЧ выполнял для Центральных Миров функцию хранилища на случай таких катастроф, какая недавно постигла Неккар, — когда население теряло способность к самовоспроизводству. Главное отделение БСЧ на Земле получило запрос: изыскать и доставить триста тысяч оплодотворенных яйцеклеток, по генотипу сходных с неккарийскими. На тот момент БСЧ смог предоставить только тридцать тысяч, поэтому он отправил во все крупнейшие филиалы, расположенные на входящих в Центральные Миры планетах, просьбы о содействии. А КХ—834 предстояло собрать эти вклады и переправить на Неккар.

Запись заканчивалась беззвучным стоп-сигналом, предназначенным только Хельве. Она и без того недоумевала: получив исчерпывающую информацию о полете, она так ничего и не узнала о своей новой напарнице. Пусть Кира лишь временная замена, но полет обещает быть довольно длительным. Не мешало бы все-таки знать хотя бы самое основное о партнере, чтобы их сотрудничество сложилось успешно. Хельва покорно остановила пленку, предварительно записав остаток себе в память, чтобы прослушать на досуге. Похоже, в этом задании ее ожидает немало сюрпризов. Поистине, пути Центральных Миров неисповедимы, когда они преследуют свои цели.

— Ну и ну! — воскликнула Хельва, нарушив краткое молчание, которое повисло в рубке после того, как отзвучало полетное задание. — Никак не ожидала, что мне в моем нежном возрасте доведется испытать радости материнства! Теперь я вижу, что недооценивала те требования, которые Миры предъявляют к своим любимым детищам.

Ее попытка невинно пошутить вызвала у Киры такую бурную реакцию, что Хельва призадумалась: звезды небесные, ну и напарника ей навязали!

— Прежде, чем приступить к выполнению задания, послушай-ка сначала еще одну пленку, — помертвевшим голосом произнесла девушка, разом утратив всю свою жизнерадостность.

Она резко ударила по клавише памяти, отправляя полетное задание в корабельный архив, и поставила на место вторую кассету. Потом крутанула рукоятку аудио воспроизведения и равнодушно застыла в кресле, как

будто подробности собственной биографии ее нисколько не касались.

Кира Фалернова-Мирски с Канопуса прошла всю пилотскую подготовку, за исключением последнего года. Происходит из семьи, на протяжении десяти поколений самыми тесными узами связанной с Космической службой. Немало ее блестящих представителей доблестно трудились в разных подразделениях Централь-ных Миров. После замужества взяла академический отпуск, который продлился два года. Незадолго до истечения этого срока ее муж погиб. Последовала длительная госпитализация и лечение. В это время, — говорилось в записи, — Кира по собственному желанию получила медицинское образование, но в школу пилотов так и не вернулась. Сейчас она пошла навстречу просьбе высокого руководства, потому что ее подготовка полностью отвечает потребностям данного полета.

Дальше шел закодированный перечень личных показателей — эмоциональных, психологических и интеллектуальных, — которые Хельва немедленно расшифровала. Из него следовало, что Кира Мирски с Канопуса могла бы стать первоклассной телесной половиной мозгового корабля, приложи она для этого хотя бы половину старания. Запись неожиданно оборвалась, оставив у Хельвы отчетливое ощущение, что сказано далеко не все. Сведения, опущенные в конце полетного задания заявляли о себе гораздо громче, чем все банальные оценки и выводы, содержащиеся в этой пленке. Центральные Миры отличались редким умением «наводить тень на плетень» наверняка и столь явное умолчание — их очередная штучка.

И Кира это конечно почувствовала. Чертов биограф! — он оставил слишком много белых пятен, и это не могло сойти незаметно для человека, прошедшего почти полный курс подготовки. Хельва сгорала от любопытства: ей не терпелось узнать, что же скрывается за стоп-сигналом. А пока ситуация складывалась весьма неловко — ее напарница ушла в свою раковину, терзаясь невысказанными подозрениями. Да, Центральные Миры сделали все, что могли, чтобы испортить их первый, самый важный контакт.

Неожиданно Хельва громко и пренебрежительно фыркнула и с облегчением увидела, что Кира удивленно взглянула в ее сторону.

— Не понимаю, чем они думали? — презрительно изрекла Хельва. — Разве это можно назвать биографией? Они упустили половину сведений. — Она снова фыркнула. — Надеюсь, мы прекрасно поладим, несмотря на то, что они забыли половину обычной ерунды. К тому же наше сотрудничество носит временный характер.

Кира ничего не ответила, но ее хрупкая фигурка расслабилась, как будто приговор, который она так боялась услышать, в последний момент отменили. Она с трудом проглотила комок в горле и нервно облизнула пересохшие губы, все еще не уверенная в том, что ее ожидает, — девушка явно настроилась на что-то гораздо худшее.

— Ну что ж, давай загружаться — мне не терпится стать летающей колыбелью.

Кира встала, в ее движениях ощущалась скованность, но ей уже удалось улыбнуться. — С удовольствием. Оборудование уже завезли?

— Целые ярды кружев и велосипед — один на двоих, — бодро ответила Хельва словами из старинной детской песенки. — Она решила во что бы то ни стало разрядить обстановку.

Кира снова улыбнулась, уже более непринужденно, движения ее обрели прежнюю легкость и плавность.

— Очень похоже...

— Хотя я никогда не видела велосипеда, тем более на двоих...

— А малиновую корову? — по-девчоночьи хихикнула Кира.

— Малиновая корова, дорогая моя половина, — как раз то определение, которое отлично подходит к нашему нынешнему занятию, — ответила Хельва, словно и не замечая, что смех девушки звучит чуть надтреснуто. — Только не говори мне, что в грузовых отсеках, которыми заботливо снабдили меня Центральные Миры, найдется место для трехсот тысяч механических титек.

— Все не так страшно, — успокоила ее Кира. — Для начала мы примем на борт только первые сто тысяч, которые успели заказать к тому времени, когда записывалась эта пленка. Мы стартуем с Регула и двинемся в сторону Неккара, по пути собирая все то, что нам приготовили. Зародыши нужно доставить в четырехнедельный срок, когда их необходимо

имплантировать, иначе будет поздно. А потом начнем все сначала — и так, пока не наберется нужное количество.

Это Хельва и сама знала из задания. — Триста тысяч — не так уже много для планеты с миллионным населением, которое к тому же должно расти.

— КХ—834, дорогуша, — сладчайшим голоском пропела Кира, — тебе ли не знать, что словечко «временный», особенно, когда его использует наша обожаемая служба, имеет тенденцию растягиваться до бесконечности. К тому же еще одна команда, которую сопровождают беспилотные транспортные корабли, занимается тем, что собирает детей-сирот по разным захолустным планетам, чтобы обеспечить нужный возрастной состав. Но дети, которые уже родились, — это не наша забота.

— И слава Богу! — буркнула Хельва. У нее нет ни места, чтобы перевозить подвижных живых существ, ни, тем более, желания — слишком мало времени минуло со дня равельской трагедии.

Улыбнувшись Хельве, Кира связалась с отделением больницы, чтобы объяснить о готовности принять груз на борт.

— Включи, пожалуйста, систему подачи, — попросила она Хельву, которая как раз этим и занималась.

Километры пластиковых трубок, которые скоро заполнятся крошечными мешочками с оплодотворенными яйцеклетками, должны постоянно содержать питательную и амнионную жидкости, необходимые для роста зародышей.

Длинные ленты, состоящие из крошечных кармашков, в каждом из которых был заключен микроскопический живой организм, готовили к предстоящему путешествию с заботой и тщанием, сравнимыми разве что с подготовкой сложнейшей хирургической операцией для главы планеты. Ведь нужно было присоединить каждый ее сегмент к системе подачи питательной жидкости и к выпускному клапану для удаления отходов, а потом проверить каждый метр ленты — надежен ли контакт. Лента и жидкость, в которую она будет погружена, а также трубка-оболочка защитят зародышей от всех невзгод космического полета даже надежнее, чем если бы они предприняли это путешествие в материнском чреве. И если КХ—834 достигнет Неккара в четырехнедельный срок, все тридцать

тысяч эмбрионов благополучно доживут до рождения.

Скоро Хельва убедилась, что Кира выполняет свои обязанности вполне квалифицированно, но как-то без души. Может быть, Центральные Миры рассчитывали, что материнский инстинкт станет дополнительной гарантией успешного выполнения задания. И Хельва, внутренне потешаясь над собой, обнаружила, что у нее капсульника с недоразвитым гипофизом, эта цель вызывает благородный трепет. Кира же, столь молодая что ей еще наверняка предстоит пережить все радости материнства, оставалась совершенно равнодушной. Хотя, разумеется, то теплое чувство, которая Хельва ощущала по отношению к крошечным путешественникам, было чисто капсульной реакцией. Ведь в конце концов, они, как и сама она, находились в заключении. Вся разница в том, что они в один прекрасный день выйдут из своей лабораторной скорлупы, она же об этом не могла мечтать, да и не хотела. И все же она чувствовала, как в душе у нее растет желание их опекать, какого она никогда не ощущала к своим взрослым спутникам. Почему же Киру эта ситуация ничуть не затронула? — терялась в догадках Хельва.

Она старалась понять, разгадать причину Кириной холодности — и не могла. Наконец сотрудники технической службы, ведавшие размещением драгоценного груза, удалились, и Хельва занялась подготовкой к взлету.

Какое все же облегчение — когда на борту человек, который может сам позаботиться о себе. Нельзя сказать, чтобы Теода психологически обременяла Хельву, но Кира отлично знала все процедуры, и Хельве не приходилось отвлекаться, чтобы следить за ней. Она выполнила взлет при минимальной тяге, но не потому что эмбрионы, защищенные тройной оболочкой могли пострадать, включи она всю мощность, — просто Хельва предпочитала не делать ничего лишнего: у них была масса времени, чтобы добраться до Неккара, лежавшего в секторе Бетез.

Первая планета, которую им предстояло посетить, звалась Талита — там их ожидали сорок тысяч будущих граждан Неккара. После взлета Кира дотошно проверила все системы питания, сравнила свои выводы с данными на дистанционном мониторе Хельвы и доложила Ценкому, что они покинули Регул и направляются к Талите.

Покинув с формальностями, Кира уселась в пилотское кресло и стала медленно поворачиваться на шарнирах из стороны в сторону. В глубоком мягком кресле, где совсем утонула ее миниатюрная фигура, она казалась слишком юной и хрупкой для возложенной на нее ответственности.

— Наши кладовые просто ломаются, — заметила Хельва.

Кира лениво потянулась и повела плечами, разминая затекшие мышцы. Потом резко тряхнула головой, от чего по кабине разлетелся дождь заколок, а косички, выбившись из прически, рассыпались по спине. Хельва изумленно наблюдала. Обычно женщины-космонавты носили волосы до плеч. А у Киры концы косичек свесились почти до пола. Вместе со строгой прической она сразу утратила все подобие взрослости. Похожая на какое-то древнее фантастическое существо, девушка поднялась с пилотского кресла и направилась в сторону камбуза.

— А не найдется ли у тебя по какой-нибудь счастливой случайности напитка, именуемого кофе? — жалобно протянула она.

Хельва вспомнила Онро и усмехнулась про себя — похоже, это профессиональная привычка медиков.

— У меня его втрое больше, чем предусматривает обычная судовая опись, — заверила она девушку.

— Правда? — Кира закатила глаза, демонстрируя преувеличенный восторг. — Понимаешь, корабль, на котором я летела сюда, был допотопной посудиною с Дракона, и, представь себе, у него на борту не было ни капли кофе. Я чуть не погибла!

Кира распахнула нужный шкафчик, сорвала герметическую крышку и с наслаждением вдохнула аромат, поднявшийся от закипающей жидкости. Щурясь от горячего пара, она сделала первый глоток и с выражением огромного облегчения прислонилась к стенке. — Мы с тобой отлично поладим, Хельва. Я в этом просто уверена.

Хельва уловила в звнящем голоске отзвук усталости. Неужели она обречена на пассажиров, находящихся на последней стадии изнеможения? Или дело в ней самой — ну почему, попадая к ней на борт, все сразу впадают в сон? Правда, для летающих яслей это как раз большое преимущество, — кисло подумала она.

— У тебя был отличный день, Кира. Почему бы тебе не отдохнуть? Я-то в любом случае не ложусь.

Кира фыркнула: ей было отлично известно, что мозговые корабли никогда не спят. Она кинула взгляд в сторону грузовых отсеков.

— Буду держать ушки на макушке, — пообещала Хельва.

— Сейчас допью кофе и чуточку вздремну, — согласилась Кира. Остановившись на пороге каюты, она обернулась в сторону Хельвы и вздернула подбородок, ее зеленые глаза озорно беснули.

— Признайся, Хельва, ты не подглядываешь? — строго осведомилась она, для пущей выразительности поджав губы.

— Смею вас заверить пилот, — с превеликим достоинством отвечала Хельва, что я прекрасно воспитанный корабль.

— Значит, я могу надеяться, что вы всегда будете вести себя безупречно, как и приличествует персоне вашего ранга и звания, — заметила Кира с такой надменностью, будто в ее родословной было не меньше дюжины принцев крови. Высоко подняв голову, девушка гордо прошествовала в каюту, но наступила на одну из свисающих косичек и чуть не шлепнулась. Хельве отчаянно хотелось взглянуть на выражение ее лица.

— Не вздумай подглядывать! — давясь от смеха, взвизгнула Кира. Но насчет подслушивания уговора не было, и Хельва услышала, как девушка приглушенно хихикает. Прошло несколько минут, и в каюте воцарилась тишина, нарушаемая ровным дыханием спящей.

Хельва извлекла из памяти конец ленты, следовавший за стоп-сигналом. Полученная информация оказалась краткой и загадочной:

«Пилот Мирски — практикующий диланист. Приняв данное предложение Централных Миров, не отказалась от своей деятельности. Соответственно, ей не разрешено посещение планет: Рас Алготи, Рас Алхейг и Сабек, поскольку ее занятие является нарушением межпланетных законов, запрещающих оказывать давление на правительственные группировки и или грозит создать нежелательные осложнения для Централных Миров. Вышеупомянутому пилоту и его кораблю запрещается, — повторяю, — запрещается приближаться к планетам систем Багам и Гоман в секторе

Пегас, а также к планетам систем Бейд и Кейд в секторе Эридан.»

Казалось бы, сказано яснее ясного, но что за причины скрываются за этими запретами, оставалось для Хельвы полнейшей загадкой. Выходит, Кира — практикующий диланист, что бы это ни значило. Слово звучало странно знакомо, и гитара, с которой девушка так заботливо обращалась, подсказывала, что оно имеет какое-то отношение к музыке. Ладно, — решила Хельва, — надо будет при случае завести разговор на эту тему.

Шестидневный путь до Талиты скрашивался постоянными переменами Кирино настроения и поведения — только что она была сорванцом, и вот уже королева. Хельва не имела ничего против: это казалось ей приятным разнообразием после флегматичности Теоды и не давало сосредоточиться на горестных воспоминаниях о Дженнана. Она никогда не могла предугадать, что выкинет Кира в следующую минуту. Но когда дело доходило до проверки их крошечных пассажиров, девушка проявляла профессиональную сноровку и нудную въедливость.

Дубхе, вторая планета на их пути, вышла на связь, подтверждая готовность сорока тысяч оплодотворенных яйцеклеток. Кира проверила подсчеты БСЧ на Дубхе и одновременно с Хельвой получила ту же цифру. Она могла сколько угодно ребячиться, но ум ее работал четко и безошибочно.

Прием груза на Талите прошел без нежелательных осложнений — Кирина дотошность к мелочам помогла предотвратить большую неприятность. Один из помощников, спешивший поскорее покончить со своими обязанностями, наступил на шланг, ведущий к заполнявшим грузовую отсек бакам.

Кира обрушила на него с гневной тирадой, в которой красноречиво описывались его предки до седьмого колена, его личные качества, его ближайшее будущее, а, возможно, и преждевременная кончина, если он вздумает еще раз выкинуть что-нибудь подобное. Она повторила свой монолог на трех известных Хельве языках, кроме бейсика, и еще нескольких, которые звучали куда более устрашающе. Однако, исчерпав свой гнев, она мгновенно остыла и спокойно извинилась перед начальником группы.

Когда они покинули Талиту, Кира, избавившись от

заколок, удерживавших ее прическу, облегченно вздохнула и устроилась поудобнее в пилотском кресле.

— Мне удалось разобрать только три характеристики, которыми ты его наградила, прочие остались для меня загадкой.

— Я уже давно обнаружила, что добрый старый русский, щедро приправленный нововенгерским, производит весьма грозное впечатление, — ответила девушка. — А вообще-то я просто излагала рецепт белкового блюда под названием паприкаш. А ведь никогда не подумаешь, правда? Широко раскрыв зеленые глаза, она задорно улыбнулась Хельве.

— Да, впечатление производит отменное — тот верзил побелел, как полотно.

— Торн... — Кира замолкла и стиснула зубы, на один мимолетный миг лицо ее исказила судорога острой боли. — Пожалуй, — еле слышно прошелестела она, — я и правда проговорила. — Голос ее звучал вяло и безжизненно. И вдруг глаза распахнулись, лицо обрело прежнюю подвижность. — Приготовлю-ка я себе паприкаш! Я, знаешь ли, до того разозлилась, что даже вспомнила точный рецепт. — Она закружилась по рубке. — Мне дала его одна старая цыганка. — Она погрозила Хельве пальцем. — Только, чур, не подглядывать! Это семейный секрет.

Поднявшись на цыпочки, она сделала несколько пируэтов в сторону камбуза и, запыхавшись, прислонилась к стенке, беззаботно хохоча.

— Скажи, правда божественный запах? — спросила она через некоторое время, поднеся тарелку к самой панели, за которой скрывалась Хельва. — Сюда бы еще лапши и свежего хрустящего хлеба! — Набив полный рот, она застонала от удовольствия. — Просто объединенье! Я еще не утратила прежних навыков. — Прижав пальцы к губам, Кира изобразила воздушный поцелуй, переживая изысканное наслаждение завязтого гурмана. — Восторг и упоение! — Поджав под себя ноги, она по-домашнему расположилась в просторном кресле и стала жадно есть, то и дело облизывая пальцы.

— Ты заставляешь меня пожалеть, что мне всю жизнь приходится довольствоваться питательной жидкостью, — заметила Хельва. — В первый раз встречаю человека, который получал бы столько удовольствия от такого незатейливого процесса, как еда. А ведь ты явно не страдаешь избытком калорий.

Кира небрежно дернула плечиком. — Отличный метаболизм. И с годами ничуть не меняется. Такая уж я уродилась! — И снова в ее беззаботном голоске прозвенела скрытая горечь.

Хельва начинала подозревать, что за этими внезапными сменами настроения кроется не столько природная взбалмошность, сколько тщательно выстроенная защита смертельно раненой души, которая всеми силами старается унять боль, избегая любых напоминаний о ней.

Хельва помнила, как осторожно была упрятана в кладовку гитара. Кира ни разу даже намеком не обнаружила ее присутствия. Может быть, она просто щадит Хельву, не желая напоминать ей о недавней трагедии? — ведь Кира наверняка знает о гибели Дженнана и о тех легендах, которые уже начали слгаться вокруг 834. Или у нее есть свои причины не вспоминать о гитаре?

Наконец девушка насытилась. Пустая тарелка стояла у нее на колене. Лицо приобрело отрешенное выражение, глаза пусто глядели в одну точку.

Ею все больше овладевали равнодушие и тоска, и Хельва поняла, что нужно поскорее вывести Киру из этого состояния. Видимо, несмотря на внешне беспечную болтовню, девушка слишком глубоко ушла в свои переживания, чтобы справиться самой.

Не дав себе времени осознанно выбрать что-нибудь подходящее из своего богатого музыкального репертуара, Хельва стала тихо напевать старинную песню:

Муза в ночи

Грусть-тоску на время облегчит.

Ну скажи, что печали твои утолит?

— Что печали мои утолит? — злобно прошипела Кира, и, вытаращив зеленые глаза, с ненавистью уставилась на титановый пилон. — Ты хочешь знать, что утолит мои печали? — Неуловимым движением она, как отпущенная пружина взвилась с места. От ярости она даже стала казаться выше ростом, и неожиданная сила, обнаружившая в этом миниатюрном теле, испугала Хельву. — Смерть! — Слышишь — только СМЕРТЬ! — она повернула руки ладонями вверх, и Хельва увидела тонкие белые шрамы на месте перерезанных вен.

— А ты! — Кира уронила руки. — Ведь у тебя была

возможность умереть. И никто не смог бы тебя остановить. Так почему же ты этого не сделала? Что заставило тебя жить после того, как ОН умер? — с ядовитым презрением выкрикнула девушка.

Хельва судорожно вздохнула, стараясь отогнать мучительные воспоминания о том, как она поборола отчаянное желание броситься в раскаленное белое сердце взорвавшегося солнца.

— Разве ты не понимаешь, что человеку не позволено умереть, даже если он об этом мечтает? Не позволено! Кира заметалась по рубке, даже в ярости сохраняя странную звериную грацию. — Тебя тут же подвергают такой мощной обработке, что ты уже больше не можешь. В нашем великом обществе дозволено все — все кроме единственной малости, которая тебе необходима, если волею судеб ею оказывается смерть. Знаешь ли ты, что меня три года не оставляли в покое? А теперь... — Кирино лицо подурнело от гнева и презрения, — теперь ко мне приставили тебя в качестве сиделки. И не думай, что я не знаю: тебе уж конечно не преминули по секрету сообщить о моей психической неуравновешенности.

— Ну-ка присядь, — холодно приказала Хельва и включила окончание пленки, содержащее уже известные ей запреты. Как только смысл информации дошел до Кире, она безжизненно поникла в пилотском кресле, лицо ее утратило всякое выражение.

— Прости меня, Хельва. Я страшно виновата. — Она протянула дрожащие руки. — Просто я не могла поверить, что они наконец-то оставили меня в покое.

— Обработка у них поставлена на высоком уровне, — тихо обронила Хельва. — Впрочем, так и должно быть, без этого не обойтись. Не могут же они допустить, чтобы люди и корабли теряли рассудок от горя. И я думаю, на этот раз они оставили тебя в покое. Они просто сделали все, чтобы ты не могла попасть на те немногие планеты, где разрешено ритуальное самоубийство — на Гоман, Багам, Бейд и Кейд. А самоубийство они не могут тебе позволить по той простой причине, что духовное кредо Центральных Миров — продление и распространение жизни всеми доступными методами и средствами. Перед тобой живой пример тех крайностей, до которых они сознательно доходят в своем стремлении сохранить человеческую жизнь. Другой аспект того же кредо — БСЧ. А твое стрем-

ление покончить с собой есть нарушение этого кредо, которого они допустить не могут. Даже не планетах, входящих в сектора Пегас и Эридан, условия, при которых самоубийства разрешаются, весьма ограничены. К тому же там приняты довольно жесткие ритуалы, цель которых удостовериться, кто из бедняг действительно заслуживает такой милости.

Остается надеяться, — саркастически заключила Хельва, — что они изобретут какое-нибудь средства, которое позволит облегчить боль потери, раз уж смерть остается единственным недугом, который великие и славные Центральные Миры так и не смогли излечить.

Спутанные волосы Киры упали на лицо. Даже тонкие пальцы ее были совершенно неподвижны. Она так глубоко ушла в свое горе, что Хельва ощутила внезапный приступ безмерного возмущения: ну можно ли так предаваться жалости к себе? Да, она и сама испытала искушение покончить с собой, но ее обработка устояла. Она выплакала свою тоску бездонному космосу, а потом вернулась к жизни и вместе с Теодой отправилась к Аннигону. Она, как и Теода, пережила свою трагедию. Как и многие до них в этой вселенной. Если медики поняли, что блокирование... Ах да, — вспомнила Хельва, — ведь Кира почти закончила пилотскую подготовку, значит, она устойчива к блокированию и единственным методом терапии оставалось интенсивное психопрограммирование. Бесследно стереть то, что случилось, они не могли — оставалось только что загнать его внутрь.

Хельва окинула свою напарницу равнодушным взглядом. Ее бесила ситуация, в которую она попала по милости Централных Миров, — ведь они прекрасно знали, чего хотели от Хельвы, сажая ей на шею Киру. Это тоже часть их хваленного кредо. Цель оправдывает средства.

— Скажи, Кира, а кто такой диланист?

Опущенная голова рывком поднялась, волосы волной упали с лица. Девушка поморгала и уставилась на Хельву.

— Чего-чего, а этого вопроса я никак не ожидала. — тихо ответила она и, коротко рассмеявшись, тряхнула головой, откинув волосы за спину. Потом устремила на Хельву задумчивый взгляд. — Ладно, с тебя снимается обвинение в намеренной психотерапии. Хотя, — она жестом обвинителя направила на Хельву тонкий

палец, меня так уламывали согласиться на этот полет, что мне показалось весьма подозрительным, когда моим кораблем оказалась именно ты.

— Что ж, такой вывод вполне логичен, — спокойно согласилась Хельва.

Кира положила узкую ладонь на квадратную пластину — единственный доступ к титановой оболочке, в которой обитала Хельва. В этом порывистом движении были раскаяние и мольба. Если бы Хельва могла ощущать прикосновение, она почувствовала бы легчайшее пожатие.

— Диланист — это социальный комментатор, выразитель протеста, а музыка для него — орудие, средство выражения. Искусный диланист — а я к ним отнюдь не принадлежу, — по тому как Кира это произнесла, Хельва сделала вывод, что к искусным диланистам она причисляла Торна, своего покойного мужа, — может музыкой и словами создать столь неотразимые доводы, что все, в чем он хочет убедить своих слушателей, намертво впечатывается в их подсознание.

— Песня, действующая как внушение?

— Разве с тобой не бывало, чтобы тебя преследовал какой-нибудь мотив? — Кира остановилась на пороге своей каюты.

— Пожалуй, — согласилась Хельва, хотя и не была вполне уверена, что тема из Второй космической сиюты Роволодора именно то, что имеет в виду Кира. И все же она поняла, в чем суть.

— По-настоящему талантливый композитор-диланист, продолжала Кира, возвращаясь с гитарой, — способен создать мелодию, несущую в себе послание такой силы, что каждый начинает ее напевать или мурлыкать, насвистывать или барабанить — причем совершенно произвольно. Бывает даже, проснешься поутру — и в голове у тебя уже звучит песня в стиле Дилана. Можешь себе представить, какой эффект это производит, когда песня используется в целях воздействия на массы!

Хельва громко расхохоталась. — Стоит ли удивляться, что Центральные Миры опасаются тебя как огня.

Кира проказливо хихикнула. — На это есть специальный параграф в нашем соглашении, а кроме того, я обладаю способностями и талантами, которые могут найти достойное применение на службе Центральным Мирам.

Она состроила гримаску и ударила по струнам, но аккорд прозвучал фальшиво — видимо, инструмент расстроился от долгого неупотребления. Кира принялась настраивать гитару, начиная с басовой струны, и лицо ее приняло неожиданно мягкое выражение. Вот она взяла пробный аккорд, еще немного подтянула струну ми и удовлетворенно кивнула, услышав сочный, чистый звук.

Ее сильные стремительные пальцы плели причудливый узор из нот и аккордов, рождая звуки такой силы, которые трудно было ожидать от столь хрупкого инструмента. Хельва с изумлением узнала старинную фугу Баха, но тут Кира сердито оборвала игру и прижала струны ладонью.

— Бог ты мой! — она всплеснула руками и вдруг сжала кулачки. — Ведь я не играла с тех самых пор... — Потом взяла мажорный аккорд и перевела его в приглушенный минор. — Помню, как-то мы всю ночь напролет... и половину следующего дня... пытались анализировать одну раннюю песню Дилана. Только вот беда! — Дилана невозможно анализировать. Его нужно чувствовать, а если попробовать разложить то, о чем он говорит, по полочкам, используя бейсик или психологические термины... получается сущая бессмыслица. Именно полное образное слияние музыки и слов рождает в душе такой отклик. В этом и состоит цель его творчества. Когда нутро откликается, рассудок получает по мозгам, и из нерушимого на первый взгляд монолита вываливается еще один кирпич.

— Тогда его творчество можно назвать неплохой терапией, — сухо отозвалась Хельва.

Кира пронзила ее сердитым взглядом, который сразу же сменился улыбкой, и гитара рассмеялась вместе с ней. — Недостаток терапии в том, что ты начинаешь придавать простейшим словам и поступкам слишком много разных противоречивых значений, а потом сам запутываешься и подозреваешь всех и вся. — Кирина гитара откликалась на ее слова насмешливым эхом.

На панели вспыхнул красный сигнал тревоги, и одновременно внутренние датчики Хельвы получили предупреждение. Не успела Хельва включить систему видеоконтроля, как в кресле осталась одна гитара, а Кира уже была на полпути к отсеку № 3. Она замешкалась у двери ровно настолько, чтобы оценить мас-

штаб аварии, и тут же бросилась в дальний отсек, где хранились запасные детали.

Повреждение, случившееся по вине неуклюжего монтажника, после тщательной проверки своевременно устранили: трубопровод на выходе из бака с питательной жидкостью был надежно заизолирован. Но тогда в спешке не заметили, что на другом конце линии образовалась течь и из образовавшегося отверстия вылилось достаточно жидкости для того, чтобы сигнализатор это зарегистрировал. Настроив зрение на увеличение, Хельва поспешно принялась осматривать отрезок ленты с зародышами, получавший питание от этого бака. Несмотря на утечку, лента была достаточно влажной.

Кира уже прибежала обратно с новым куском трубы и соединениями. Она проворно заменила поврежденный отрезок, бдительно следя, чтобы в трубку не попали пузырьки воздуха. Потом, вооружившись увеличительным прибором, проверила всю ленту целиком и каждый крошечный мешочек в отдельности, пока не убедилась: не осталось ни единого пузырька, и ни один контакт между верхом мешочков и патрубками, подводящими к ним питательный раствор, не нарушен.

Покончив с этой процедурой, она проверила контакты других лент, каждой линии, каждого бака, каждого соединения. На эту работу ушло несколько часов, но она ни разу не попыталась ускорить кропотливый процесс.

Наконец, убедившись, что все в порядке, она вместе с Хельвой еще раз проверила показания внутренних датчиков и только после этого закрыла двери инкубатора.

— Надо было разрезать этого типа на куски и пустить на паприкаш — он это вполне заслужил, — свирепо прошипела Кира, удаляясь в свою каюту.

Хельва слушала до тех пор, пока не уловила ровное, глубокое дыхание. И все это время с пилотского кресла на нее молча глядела гитара, а обрывки запоминающейся мелодии преследовали ее всю долгую ночную вахту.

Кира настояла, чтобы на Дубхе поврежденную ленту подвергли тщательнейшему спектральному исследованию, дабы удостовериться, что ни один из нескольких тысяч эмбрионов не пострадал. Какие бы внутренние конфликты ни раздирали Киру, она не позволяла им влиять на свою работу. И Хельва, быв-

шая свидетелем душевных бурь, сотрясавших ее напарницу, могла по достоинству оценить ее профессиональные качества.

Закончив дела на Дубхе, КХ-834 поспешила к Мераку, где ее ожидали еще двадцать тысяч эмбрионов. На коротком отрезке пути от Дубхи до Мерака ни Кира, ни Хельва не вспоминали о «паприкашном» инциденте. Но гитару девушка больше не прятала, и по вечерам знакомила Хельву с образцами дилановского стиля, блистающими юмором и острой социальной направленностью, — от старинных песен-грез, относящихся к Декаде протеста ранней атомной эры до самых современных произведений.

Кира как раз исполняла, причем весьма мастерски, очень ранний дилан «Гонимые ветром», когда пришел вызов с Алиота. Бережно отложив гитару, она ответила на вызов, и на лице ее отразилось вежливое недоумение.

— Пятнадцать тысяч? — переспросила она и, как поняла Хельва, получила неожиданно резкий ответ, после чего собеседник сразу отключился.

Пока Кира разговаривала с Алиотом, Хельва запросила в памяти корабля сведения об этой планете.

— Странно, — пробормотала она.

— Что именно? — осведомилась Кира, записывая полученные от БСЧ цифры.

— У меня нет никаких данных о том, что на Алиоте существует отделение банка. И вообще это довольно мрачная планета с весьма активной вулканической деятельностью. Развитая горная промышленность, причем руды добываются в виде расплавов. И самый высокий уровень смертности во всех Центральных Мирах.

— Лучше бы ты выяснила, что думает Ценком о нашей посадке на Алиот, — сухо обронила Кира.

— Ведь Алиот не входит в перечень запретных планет, — заметила Хельва, но все-таки включила экстренную связь.

— Алиот? — воскликнул Ценком, от удивления утратив свою обычную официальность. — Но мы не обращались к ним с просьбой о помощи. И нам ничего не известно о существовании там банка. Этническая группа, правда, совпадает. Держите связь.

Кира, вздернув бровь, взглянула на Хельву. —

Совещаются, и я даже знаю с кем. Ставлю два против одного, что они аннулируют этот заказ.

— Два против одного — только чего? — насмешливо уточнила Хельва.

— КХ, — вновь прорезался Ценком. — Следуйте к Алиоту. Банк у нас не зарегистрирован, но усовершенствования в методах добычи, о которых сообщают торговцы, свидетельствуют о развитии технологии, достаточном для расширенного воспроизводства населения. Там сильная религиозная иерархия, так что воздержитесь от конфликтов. Повторяю, никаких конфликтов. И сразу доложите.

— Плакали твои два, что бы это ни было, — поддела Кира Хельва.

— Ну и ладно, — пожала плечами девушка. — У нас в фильмотеке есть какие-нибудь клипы?

Хельва включила проектор. Пошли виды небольшого космопорта. Над столицей царил огромный храм, прижавшийся к склону потухшего вулкана. Широкие лестницы, ведущие к входу, напомнили Хельве зиккурат. Ей были совсем не по нраву миры, где правили религиозные иерархии, но она отдавала себе отчет в том, что ее мнение никого не интересует. Слишком уж часто религии нагнетают такую тоску и безысходность... Алиот, четвертая в своей солнечной системе планета, находился слишком далеко от светила, так что лучи его доходили до поверхности, изрядно потускнев. А бурные вулканические кадры изображали процессию факельщиков — темные фигуры, закутанные в плащи с капюшонами, пересекают просторную площадь перед храмом.

— Да, ничего не скажешь — безрадостное местечко, — состроила гримаску Кира. — Но если у них в запасе всего пятнадцать тысяч, мы там долго не задержимся. — Она забренчала веселенький мотивчик, чтобы развеять мрачное впечатление.

— Но они действительно принадлежат к этнической группе, затребованной Неккаром, — с сомнением произнесла Хельва.

— Разве за этими колпаками что-нибудь разглядишь? Как ты думаешь, они так и появляются на свет в капюшонах? То-то был бы сюрприз для некарцев! — Кира хихикнула, и гитара отозвалась смехом.

— Может быть, в сорочках с капюшонами?

Кира погрозила Хельве гитарой и отправилась осмат-

ривать отсеки. — Дополнительные пятнадцать тысяч штук заставят нас потесниться, — оторвавшись от работы, заметила она, — если учесть, что в Мераке нас ожидают еще двадцать тысяч.

— Алиот находится на пути к Неккару, так что мы можем завернуть туда без особой потери времени. А потом — эге-ей! — и аист ринется в следующий полет.

Кира выпрямилась и, сморщив носик, повернулась в сторону Хельвы.

— Не понимаю, какое отношение «эге-гей» имеет к аистам?

— Для тебя, может, и не имеет, а для меня — самое прямое. Я ведь как-никак дева в железных доспехах.

— Ха! — Кира замолчала, все ее внимание сосредоточилось на очередном соединении, которое она разглядывала через увеличительный аппарат.

Когда они совместными усилиями закончили проверку, Кира заглянула в камбуз и рассеянно достала с полки банку с кофе. Она заметно приуныла, впервые за последние несколько дней, и, вернувшись в рубку, забралась с ногами в пилотское кресло и затихла — только пар от нагревающего кофе выдавал ее присутствие.

— Аист ринется в полет, людям деток принесет, — произнесла она наконец. А знаешь ли ты, Хельва, что и я принадлежу к той же этнической группе? И эти искорки жизни — дети таких же людей, как я? С единственной разницей. Они оставили свое семья, а я — нет.

— Не болтай ерунду, — отрезала Хельва, надеясь предупредить очередной Кириин срыв. — Ведь ты же выполнила свой долг перед БСЧ, когда достигла совершеннолетия, разве не так?

— Нет, не так! — столь же резко ответила Кира. — В том-то все и дело. Тогда я уже повстречала Торна и хотела родить столько детей, сколько мне удастся. Я и думать не желала ни о каком банке, способном гарантировать сохранение хромосом, которые по сути я сама — Кира Фалернова — Мирски с Канопуса. Между прочим, — горько усмехнулась она, — я даже сочинила дилан, посвященный БСЧ, сплошной блеск остроумия, с нелестными нападка на производителей консервированных детей.

Она резко крутанулась в кресле и оказалась лицом к лицу с Хельвой, ее зеленые глаза сузились, выражая

горькое презрение к своей тогдашней самоуверенности.

— Одна из многих подробностей моей биографии, которую неизвестный цензор так безжалостно вымарал, заключается в том, что мой единственный ребенок, умер, так и не увидев света, умер в утробе своей матери, оставив ее навеки бесплодной...

Кира стиснула тонкими руками свои узенькие бедра. — И никогда в этом чреве не забьется жизнь, несмотря на все достижения науки. И не останется никакого следа от Торна и того счастья, которое мы с ним пережили. Вот, — она щелкнула пальцами, — награда за нашу чудовищную эгоистическую самоуверенность!

Как раз имея в виду такие случаи БСЧ и рекомендовал всем взрослым гражданам сдавать свое семя на хранение. Только какой смысл напоминать об этом Кире? Она и сама слишком хорошо знает о своей роковой ошибке.

— Вот почему после смерти Торна я не вернулась в школу, а занялась медициной. Но все мои познания доказывали одно: я не смогу родить, а, значит, и возродиться. Наука научилась творить множество чудес, исправлять множество ошибок, да только не эту.

Она тяжело вздохнула, но горечь ее была уже не такой отчаянной, как тот первый всплеск. Похоже, — подумала Хельва, — она смирилась со своим бесплодием, хотя так и не смирилась с необходимостью жить.

— Ну почему, милая Хельва, судьба сыграла со мной такую злую шутку — чтобы именно мне выпало на долю сопровождать этот груз?

Хельва воздержалась от ответа. Кира допила кофе и ушла отдыхать. Еще несколько часов, и им предстоит посадка на Мераке.

На Мераке она управлялись в рекордно короткое время — персонал проявил похвальную расторопность и сноровку. Впереди, всего в нескольких днях полета, их ожидал Алиот, а за ним — последний бросок к Неккару. А пока пилот и корабль наслаждались приятным бездельем — Хельва заполняла пробелы в своем музыкальном репертуаре, классическом и старинном, поскольку Кира была большим знатоком народной музыки старушки Земли и других ныне процветающих планет, относящихся к эпохе ранней колонизации.

Хельва разбудила Киру перед самой посадкой на Алиоте. Девушка быстро переоделась в темную куртку и

так туго заплела волосы, что Хельва удивилась, как у нее не заболит голова.

С самой посадки все пошло наперекосяк. Космопорт находился в тесной мрачной долине, окруженной зубчатыми вершинами действующих вулканов. Им было приказано сесть поодаль от приземистого прямоугольного здания, в котором размещались немногочисленные административные и технические службы, которыми располагала эта негостеприимная планета. Кира попыталась возразить, на что ей было весьма резко приказано ожидать прибытия наземного транспорта. Он прибыл не так скоро — огромный грузовик, набитый мрачными фигурами, облаченными в балахоны с капюшонами. Высадившись, они плотным кольцом окружили место посадки. Их агрессивное поведение, да и само присутствие, наносило прямое оскорбление кораблю с такими опознавательными знаками, как у Хельвы.

— С какой целью вокруг спасательного корабля, принадлежащего Медицинской службе Центральных Миров, выстроено оцепление? — решительно обратилась Кира к диспетчерскому пункту.

— С целью обеспечения безопасности груза.

В это время командир звена оцепления попросил разрешения подняться на борт.

— Ну, что будем делать? — тихо спросила Хельва.

— Особого выбора у нас нет, но, по-моему, стоит записать нашу встречу и по экстренной связи передать на Регул.

— У меня возникла такая же мысль, — откликнулась Хельва. — И, пожалуй, я пока не стану обнаруживать себя.

— Отличная идея, — согласилась Кира, пристегивая к куртке кнопку связи.

Существовало не так уж мало отсталых планет, где сотрудничество подвижной телесной половины — пилота — с мозгом корабля могло быть неверно понято. В подобных ситуациях напарники зачастую предпочитали до поры до времени скрывать от аборигенов способности мыслящего корабля. А кнопка позволит Хельве поддерживать с Кирой двустороннюю аудио— и видеосвязь.

Хельва открыла люк, и в шлюзе появился офицер — длинная злобная фигура в черном балахоне, лицо его скрывал капюшон. Темной тенью он навис над Кирой, из складок одеяния появилась тощая рука. Он приложил

ее к груди и спрятанному под капюшоном лицу, изобразив нечто вроде приветствия.

Кира отсалютовала в ответ, ожидая, пока он заговорит.

— Помощник вахтенного офицера Нонет, — выдавил он наконец.

— Медик-спасатель Кира с Канопуса, — с достоинством ответила девушка. От Хельвы не укрылось, что она предпочла назвать свою планетарную принадлежность, а не опознавательный знак пилота мозгового корабля КХ—834.

— Тебе необходимо проследовать в Святой Храм, дабы обсудить процедуру груза, — ровным глухим голосом пробубнил Нонет.

— Время — очень важный фактор при передаче подобного груза... — уклончиво начала Кира.

— Время, — перебил ее офицер, — во власти Того, кто Повелевает. Это он приказал тебе явиться.

— Семя готово к отправке? — спросила Кира, желая получить хоть какую-нибудь информацию.

По складкам балахона, окутывающего тело Нонета, пробежала дрожь. — Не богохульствуй, женщина!

— Уверяю вас, я не имела подобного намерения, — с достоинством ответила Кира, воздержавшись от каких-либо извинений.

— Ступай за мной, — тоном приказа произнес офицер.

— Тот, кто Повелевает, ожидает тебя, — взвыл глухой, замогильный голос, заполнивший все пространство рубки.

Хельва с уважением отметила, что Кира не обнаружила ни малейших признаков испуга, услышав этот жуткий вопль. Глаза девушки на миг остановились на гладкой овальной пряжке, скрепляющей капюшон Нонета. Хельва, как и Кира, сразу поняла, что это такое — устройство двусторонней связи, похожее на то, которое было у самой Киры; такие полагалось иметь только персоналу Космической службы.

Ну и скандал разразится, когда Центральные Миры узнают, что кто-то поставляет сюда эти приборы строго ограниченного пользования!

— Приказу нужно подчиняться — сам Храм заговорил! — дрожащим от благоговения голосом крикнул Нонет. — Не мешкай.

Так, значит, Храм — женщина, — Хельва поняла это по тембру голоса.

— Я выполняю приказы, — уклончиво ответила Кира.

— Такова Вечная Истина, — важно кивнул Нонет: видимо ответ Киры оказался созвучен его религиозным убеждениям. — Да придет к тебе Смерть в час твоего торжества! — добавил он, сопровождая свои слова замысловатым жестом.

Кира, которая как раз собиралась отвесить смиренный поклон, замерла, глаза ее впились в скрытое под капюшоном лицо. Было видно, как она потрясена.

— Да придет ко мне смерть в час моего торжества? — недоверчиво пробормотала девушка, побледнев, как полотно.

— Разве Смерть — не величайшее благо? — спросил алиотец, явно удивленный ее невежеством.

Хельве ничего не оставалось, как хранить молчание, но лишь огромным усилием воли ей удалось сдержать едва не вырвавшийся стон протеста. Не требовалось особой сообразительности, чтобы понять заранее: да, смерть на Алиоте действительно величайшее из благ — благо избавления от непосильного труда, от тоски и мрака окружающего мира, наполненного удушливыми испарениями зловещих вулканов. Ежедневный риск, сопряженный с добычей расплавленных руд, и взбавок постоянная вулканическая активность, сотрясающая почву под ногами, неуклонно напоминали о бренности человеческой жизни, пока все помыслы людей не обратились к смерти, способной принести желанное забвение. Где был хваленый ум Ценкома, когда тот дал Кире разрешение совершить посадку на Алиоте? Ведь они прекрасно знали о ее душевном состоянии! Здесь ей даже не нужно бороться с психопрограммированием, которому ее так заботливо подвергли.

— Да, Смерть — величайшее из благ. Такова Вечная Истина, — как загипнотизированная, повторила Кира.

— Иди же за мной, — ласково обратился к ней Нонет, призывно простирая тощую руку. — Иди! — жадным эхом откликнулся замогильный голос.

Не успела машина отъехать от подножия КХ—834, как стоявшие в карауле солдаты зашевелились.

— Она увидит Того, кто Повелевает, — с завистью вздохнул один из них. — Простоволосая блудница

удостоится незаслуженной чести. Скорее наверх — нужно захватить груз! Подумайте только! Еще тысячи умрут, дабы искупить вину перед Тем, кто Повелевает.

Это уж слишком! Хельва застопорила лифтовый механизм и закрыла герметичный шлюз. Пусть эти выжившие из ума алиотийцы вопят, стучат, гремят — ее они этим не проймут, а сколько-нибудь серьезного оружия у них на планете нет. Она включила экстренную связь с Ценкомом. Эти фанатики еще проклянут тот день, когда их религиозная иерархия вознамерилась похитить груз спасательного корабля, а вдобавок и его пилота!

Хельва бесстрастно взвесила варианты Кириногo поведения. Доведенная до отчаяния, девушка искала смерти — это правда. Но Хельва сомневалась, чтобы Кира изменила присяге, служебному долгу. Она сама никогда не пошла бы на это, хотя алиотийцы не знают, что корабль способен на самостоятельные мысли и поступки. Завладев пилотом, они уверовали, что беспомощный корабль прикован к земле и они могут не спеша обрабатывать Киру, стараясь склонить ее на свою сторону и помочь им завладеть тысячами человеческих зародышей.

«Ведь я могла бы просто-напросто убраться отсюда, — подумала Хельва, — Если смерть — та цель, к которой стремятся эти безумцы, то я могу без малейших угрызений совести превратить караул в пепел — пусть получают по заслугам. Но я не могу бросить Киру. Во всяком случае, пока. Время еще есть. Куда же провалился Ценком? Всегда-то его нет, когда он позарез нужен! И почему, во имя всего святого, они позволили Кире высадиться на этой, выбравшей смерть, планете? Да потому, дурища, — ответила себе Хельва, — что они понятия не имели, куда завлекла алиотийцев их религия.»

И тут земля под ней содрогнулась. Где-то на севере к небу взвился огненный шар и разорвался, рассыпав сноп раскаленных осколков. За ним последовал еще более ослепительный фейерверк и сильный толчок под хвостовыми стабилизаторами Хельвы. Она приготовилась к срочному взлету на тот случай, если новый толчок будет настолько силен, что ее равновесие окажется под угрозой. Далеко на северо-востоке последовало ответное извержение.

Хельва увидела, как машина, увозившая Киру, подъехала к центральному зданию, и Хельва послала девушке мысленный, увы, бессильный приказ сбросить наваждение и включить кнопку связи.

Солдаты, не обращая внимания на сильные подземные толчки, возились у лифта, пытаясь его включить. Капюшоны то и дело спадали, и они спешно водворяли их на место, как будто вид открытых лиц являл собой нечто непристойное. Красные отблески взрывов, озаряющие мрачное небо, высвечивали изможденные аскетичные лица, серые от ввевшейся вулканической пыли, глаза, потускневшие от скудной пищи и вечной усталости.

Кира вышла из грузовика и в сопровождении унылых стражей направилась к другой машине, поменьше. Несмотря на острое зрение, Хельва скоро потеряла ее из вида — экипаж исчез в лабиринте городских построек. Грузовик развернулся и двинулся в обратный путь — в сторону летного поля, где находилась Хельва.

Самый предприимчивый из караульных послал своих спутников за трапом. С большим трудом они медленно покатали громоздкое устройство с дальнего конца поля.

Хельва с мрачным удовлетворением наблюдала за их потугами. Сами виноваты — нечего было заставлять нас садиться так далеко от служб космопорта. Наверное, в постоянно окутывающем Алиот полумраке они не разглядели, что люк надежно задраен.

Яростно чертыхаясь, она снова попыталась вызвать Ценком по экстренной связи — ее очень беспокоило, что никак не удастся установить контакт с Кирой.

— Значит, у них есть кнопки связи, — бормотала она, припоминая, что видела одну на капюшоне Нонета. Если это стандартный образец или местная подделка, нужно попытаться им воспользоваться. Ведь удалось же этой чертовке из Храма посылать Кире через Нонета свои приказы!

Не откладывая дело в долгий ящик, Хельва включила диапазон контактной связи. И тут же поспешно выключила, оглушенная обрушившимся на нее бешеным калейдоскопом беспорядочных образов и звуков. Внутреннее содрогнувшись от столь хаотического вторжения, она сокрушенно задумалась: как же так получилось, что она установила несколько сот тысяч контактов сразу? Потом быстро окинула взглядом копошащихся

на поле караульных, которые все еще силились подтащить к ней трап. На шее у каждого красовалась кнопка, удерживающая просторный капюшон.

— Силы небесные! — простионала Хельва. — Не иначе, как эта религиозная иерархия состоит из одних шизиков — кто еще может выдержать подобный хаос?

Прилагая все усилия, чтобы не потерять рассудок, Хельва чуть-чуть приоткрыла диапазон, и ее снова бросило в дрожь от неразберихи звуков и образов. Она попыталась сосредоточиться на одном-единственном контакте, по почувствовала, что просто тонет в круговерти повторяющихся изображений. С таким же успехом можно было пытаться сосредоточиться на кончике булавки, глядя на него через фасеточный глаз мухи.

Вконец обозлившись, она ограничила видимость одним крошечным клочком, изо всех сил стараясь принимать лишь одно из множества противоречивых, перекрывающих друг друга изображений, наводняющих ее зрительную систему. Звук она полностью отключила. К счастью, каждый обладатель кнопки на избранном ею участке стремился к одной цели — пересечь необъятную площадь, забитую покачивающимися и кружащимися фигурами в балахонах, полы которых развевались по ветру, и достичь подножия широкой лестницы с пологими ступенями, которая поднималась по склону потухшего вулкана. Это и был тот самый зиккурат, который Хельва заметила еще на пленке.

Вдруг все фигуры дружно накренились. Хельва не сразу поняла, что она сама тоже раскачивается от подземных толчков, расходящихся от трех вулканов, которые с яростью изрыгали свои внутренности в небо. Она напряглась, выжидая, — не окажется ли ситуация в зоне космопорта слишком угрожающей для ее дальнейшего пребывания на этой планете.

В воздухе, затуманенном дымовыми газами, вырывавшимися из узких трещин, которые, змеясь, побежали по площади, прокатился экстатический стон. Хельва, и без того пребывающая в некотором смятении, не сразу уловила, что это за газы, и не придавала значения тому, что вопли толпы регистрируют внешние приемные устройства корабля, а не бесполезные контактные сети.

Она усилила мощность сигнала экстренного вызова,

отчаянно пытаюсь связаться с Ценкомом, несмотря на сильные помехи от извержения вулканов. Одновременно она продолжала сужать диапазон контактной связи, боясь потерять Киру из виду. Тем временем собравшиеся на площади алитийцы воздели руки к небу, капюшоны упали с блаженных лиц, обращенных к рассыпающим искры затуманенным небесам. Внезапно они стали кружиться на месте, нагибаясь, чтобы глубже вобрать в легкие вздымающиеся пары. Не веря своим глазам, Хельва наблюдала, как все новые люди проталкиваются к трещинам, спеша вдохнуть дымные испарения, а потом неверными шагами бредут прочь — с восторгом на лицах, раскинув руки, пошатываясь, как пьяные. Только теперь она поняла: эти газы вызывают либо галлюцинации, либо эйфорию, что вдвойне опасно во время массовых извержений. Просторная площадь быстро наполнялась телами алиотийцев, которые либо уже опьянели, либо изо всех сил стремились к этому.

От Хельвы не укрылся зловещий замысел — не случайно дурманящие газы вырвались из земли как раз на площади, перед самым храмом, вмещающим дьявольского культа. Очевидно, столпы храмовой иерархии отлично знали их действие и делали на него свою ставку. Подобное коварство наполнило душу Хельвы яростью и возмущением, и она с удвоенным старанием принялась искать Киру и ее стражей. Наверняка они оставят свой экипаж у южного края площади и дальше пойдут пешком. Наконец ее пристальный взор поймал множество изображений одной и той же группы. На этой обезумевшей планете просто не могло быть двух одинаковых стройных фигурок с непокрытыми головами! Кира только что ступила на площадь, ее неуклонное продвижение к ступеням зиккурата сдерживал водоворот трясущихся, конвульсивно дергающихся, опьяневших до невменяемости людей.

Снедаемая тревогой, Хельва снова расширила диапазон и попыталась, переходя от контакта к контакту, добраться до Киры. Эффект получился ошеломляющий — как будто перед ней на одном экране, бешено сменяя друг друга, замелькали кадры тысячи разных фильмов. Впервые в жизни Хельва почувствовала головокружение и тошноту. Ощущение надвигающейся беды все усиливалось, она отчаянно пыталась ус-

тановить контакт, пока девушка еще не ступила под своды Храма Смерти. Он покоился на самом верху огромного зиккурата, в опасной близости от старого вулкана, и наверняка был насыщен галлюциногенными газами. Хельва поблагодарила спасательную службу за проявленную предусмотрительность — благодаря полученной обработке Кира была нечувствительна к галлюциногенам и, тем не менее, девушка двигалась, будто в трансе, можно было подумать, что ядовитая атмосфера все же сделала свое дело.

У Хельвы вырвался бессильный стон: ей никак не удавалось дотянуться до Киры — ни физически, ни мысленно.

— О-о-ooo! — взлетел над толпой ответный вопль. — Храм рыдает! — сдавленным воплем откликнулись тысячи голосов. И даже караульные, которые все еще сражались с тяжеленным трапом, эхом подхватили этот крик.

Хельва изумленно охнула — похоже, каждое ее слово транслируется на весь Алиот! Ее предположение подтвердилось: толпа послушно повторила и этот возглас. Вот оно что: ее голос принимают за глас Храма.

Не обращая внимания на дробящееся изображение, Хельва пристальнее вгляделась в цилиндрическое завершение Храма, и внезапно до нее дошло то, чего она о сих пор не осознавала: да ведь цилиндр — это лежащий на боку корабль, чей нос и хвостовое оперение погребены под толстым слоем пепла и лавы, в вход в Храм — не что иное, как воздушный шлюз! Рядом с ним Хельве удалось разобрать еле заметный опознавательный знак «мозгового» корабля, принадлежащего Центральным Мирам.

И сразу все стало на свои места: ведь она слышала о нем в тот самый день, когда погиб Дженнан. Хельва вспомнила, что Сильвия упоминала еще один корабль, как и она, охваченный безутешной тоской. Кажется, она даже называла его номер: 732. Да, трудно найти место, где можно лучше оплакать утрату, чем этот сумрачный темно-багровый мир, словно специально созданный для вечной скорби. А может, 732, стремясь кануть в раскаленное жерло извергающегося гиганта, в последний миг по какому-то стечению обстоятельств отклонилась от его огнедышащей пасти и неподвижно застыла в потоке лавы у его подножия? А потом, обратив истерзанный разум на этот унылый мир, стала

принуждать несчастных тысячами идти на смерть во исполнение гибели своего возлюбленного?

В этот миг прозрения Хельва со всей ясностью осознала свой долг, и ей сразу пришел в голову план, ведущий к его исполнению. С гениальной находчивостью, порожденной полным отчаянием, она запела — глубоким бархатным баритоном, окрашенным печальным томлением, — подчинив разум чистой интуиции:

Смерть, приди и дай забвенье, —

затянула она, а когда алиотийцы, как замороженные, покорно повторили первую строку, пропела фразу еще раз, но на терцию выше. У Хельвы возникло ощущение, что ей послушно вторит огромный отлично спретигованный хор, и она без колебаний использовала этот феномен для осуществления своего замысла.

Я устал, но сон нейдет,

И на квинту ниже:

Думы разум истерзали,

А потом снова вверх, сразу на целую септиму, создавая рассчитанный диссонанс с хором, монотонно повторяющим предыдущую строку, — диссонанс, задевающий внутренние струны, наполняющий душу невыразимой тоской:

Все забыть, отдохнуть, умереть... —

Цела Хельва, меняя тембр на щемящий, проникновенный тенор. И снова вниз, к первой музыкальной фразе, но на этот раз баритон вложил в нее горькое презрение:

Смерть, приди и дай забвенье —

Все забыть, отдохнуть, умереть...

Последнее слово прозвучало мощным крещендо, исполненным жестокой издевкой, и перешло в насмешливый шепот, который еще долго висел над площадью, когда плач хора, покорно взлетевшего на септиму вверх, уже затих.

— Ценком вызывает КХ—834, отвечайте. ОТВЕЧАЙТЕ! — суровый официальный голос Ценкома базы Регул пробился даже сквозь фантастические музыкальные импровизации Хельвы.

— Спасите наши души! — переходя на резкое, вибрирующее сопрано, крикнула Хельва, и голос ее был услышан и по экстренной связи, и на контактном диапазоне алиотийцев. Хор с готовностью подхватил

громкий сигнал бедствия. Хельва затаила дыхание — она увидела, как Кира непроизвольно вздрогнула, услышав знакомый призыв.

— Спасать ваши души? — переспросил Ценком. Еще бы! Это же надо дойти до такой дури — диланизовать на весь Алиот!

И тут Хельва ошеломленно поняла, что именно этим она и занимается — диланизирует! Отчаянный призыв к Кире — единственный способ, который ей оставался, чтобы избавить девушку от наваждения, — соединившись с музыкой, обрел форму дилановского протеста, воздействующего на глубину подсознания. Хельву захлестнула волна радости: теперь она знает, как использовать этот эффект в своих целях! Едва заметно ускорив темп, она снова повторила первую строку, но теперь это было не тоскливое легато, а насмешливое стакатто. Пока хор с упорством идиота повторял за ней фразу, копируя мельчайшие оттенки, она стала торопливо докладывать Ценкому:

— Глава религиозной иерархии Алиота — беглый корабль 732, религиозная мотивация — смерть!

— А напарница — где твоя напарница? — поперхнулся Ценком.

— Сообщите отключающий код для 732! — прошипела Хельва и запела вторую строку дилана, еще больше ускоряя темп и вкладывая в звук всю силу убеждения.

— Отвечай! — не унимался Ценком.

— Нет у меня времени отвечать, дубина ты стое-росовая! — рявкнула Хельва. — Давай отключающий код! — Она взметнула голос на полторы октавы выше, переходя в регистр драматического тенора, и следующая фраза стрелой взвилась над площадью, неся звуковой заряд такой пронзительной силы, который просто не мог не развязать транс, охвативший ее напарницу.

Сопровождающие Киру стражи брели, пошатываясь, как пьяные, — на них тоже сказывалось действие коварных паров, заполнивших всю площадь. Они держали девушку за руки, но Хельва, вынужденная следить за ней со своего места в последнем ряду огромного хора, не могла разглядеть, удерживают они свою пленницу или цепляются за нее, чтобы устоять на ногах. Кира, единственная на всей площади, была неуязвима к действию галлюциногенных газов.

Все забыть, отдохнуть, умереть! —

Насмешливо загремел тенор, яростно бичуя Кирино стремление к смерти.

— Зря стараешься, — скептически заметил Ценком. — Разве не видишь — она решила умереть.

— **ОТКЛЮЧАЮЩИЙ ПАРОЛЫ** — вновь переходя на звонкое сопрано, возопила Хельва по экстренной связи и тут же возвысила над толпой оглушительный, исполненный грозной силы голос, гремевший ожесточенным протестом:

Все забыть, отдохнуть, умереть!

Последняя фраза язвительной издевкой разнеслась над площадью. Хор, не в силах повторить ее на той же невероятной высоте, спустился на октаву ниже, и насмешливый вызов, которому аккомпанировал рокот извергающихся вулканов, волной прокатился по толпе.

Внезапно Хельву потряс беззвучный толчок страшной силы, все в ней будто перевернулось, и беспорядочные обрывки образов рывком соединились в единое целое. Она увидела мрачную камеру, тускло освещенную красноватым отблеском пламени, и в ней — Киру! Перейдя на ночное зрение, Хельва смогла как следует разглядеть помещение и тотчас заметила ее жуткого обитателя.

На черной базальтовой плите, приподнятой над полом, покоились разложившиеся останки того, кто некогда был человеком. Обнажившиеся зубы белели в зловещей пародии на улыбку. Шейные сухожилия натянулись, как струны. Хрящ гортани уходил под ворот нетронутого тлением пилотского комбинезона. Руки, сложенные на раздавленной смертельным ударом груди, переплели отросшие после смерти ногти. Мертвый напарник 732 торжественно возлежал на траурном возвышении, как будто выставленный для последнего прощания.

Это его увидела Хельва через Кирину кнопку связи... наконец-то!

Вдруг камеру заполнил тоскливый рыдающий звук — монотонный и бессмысленный, он, казалось, исходил отовсюду — из стен, пола, потолка. Это обезумевший от горя мозг, заточенный в нерушимую титановую капсулу, разомкнув все контуры, забыв обо всем на свете, предавался своей неизбывной скорби.

До передела убавив звук, Хельва чуть слышно шепнула Кире:

— Это беглый 732. Он совсем обезумел. Придется его уничтожить. — Зная о том, что ей предстоит сделать, Хельва предпочитала думать о 732 как о безымянном корабле, чем о женщине, которой когда-то был этот несчастный мозг.

Кира вздрогнула, но ничего не ответила.

На какую-то страшную долю секунды Хельва задумалась: а вдруг Кира случайно включила связь, вдруг она все еще находится во власти непобедимого желания умереть? Удалось ли Хельвиному дилану своей едкой издевкой развеять наваждение, влекущее девушку к самоубийству? Сумела ли Хельва вырвать свою напарницу из опасного забвения? Отключающий код окажется бесполезным, если подвижная половина Хельвы не поможет ей обезопасить безумный мозг.

Кира медленно приблизилась к возвышению, на котором покоился ужасный труп. Рыдания стали громче, постепенно в бормотании 732 уже можно было разобрать отдельные слова:

— Он ушел. Тот, кто Повелевает, ушел, — заунывно запричитала 732, и толпа подхватила ее слова с такой же готовностью, как и дилан Хельвы. — Он ушел, мой Сибер, ушел навеки...

Нет, только не это! — Хельва почувствовала, как ее душу наполняет тоскливая безысходность.

В этот миг на фоне причитаний 732 послышался чей-то посторонний голос:

— Знаешь, Лия, этот карлик не так уж безобиден, — он звучал так гнусаво и неразборчиво, что с трудом можно было узнать отдельные слова. — Я ничуть не удивлюсь...

Да это же мужской голос, — вдруг поняла Хельва, — просто пленка движется на замедленной скорости, поэтому он и звучит таким странным завыванием. Очевидно, корабль уже столько раз прослушивал эту запись, что голос Сибера претерпел такие же невосстановимые изменения, как и его труп.

Между тем Кира, грациозно покачиваясь, приблизилась к пульту управления.

— Говори же, Сибер, позволь рабе твоей Кире вновь услышать певучую музыку твоего бесценного голоса, — промурлыкала она, склоняясь перед пилоном, за которым скрывалась капсула безумной 732.

Хельва едва сдержала крик несказанного облегчения — она поняла намек, который дала ей Кира.

— **ЦЕНКОМ, ОТКЛЮЧАЮЩИЙ КОД, СРОЧНО!** — с мольбой крикнула она в микрофон экстренной связи и услышала, как стоны 732 внезапно смолкли. Хельва почти ощутила, как корабль затаил дыхание.

Ну где же этот чертов Ценком?

— Лия, я почти ничего не слышу, ужасные помехи... Попробуй наладить связь. Это карлик черт знает что вытворяет...

Даже Кира невольно подскочила, услышав, как Хельва, перейдя на баритон, отчаянно импровизирует, подражая голосу Сибера.

— Ничего не могу разобрать... Лия! Лия! У тебя что, контакты распаялись?

— Это ты, Сибер? — воскликнул безумный корабль, и в голосе его прозвучала иступленная надежда. — Я в западне, в страшной западне! Меня снесло с курса, когда взорвалась вершина вулкана. Я хотела умереть, умереть вместе с тобой!

Кира отчаянно боролась с драпировками, скрывающими доступ к смотровой панели. Ее стражи, почуввав угрозу святотатства, стряхнули оцепенение и бросились вперед, чтобы остановить девушку. Но она с неожиданной силой двинула одного в челюсть, потом, поднырнув под второго, перекинула его через себя, да так ловко, что он ударился головой о каменную плиту и затих.

— **КХ, слушай отключающий код: на-тхом-те-ах-ро,** и не забудь о тональности!

И Хельва, отчетливо сознавая, что убивает себе подобное существо, передала 732 отключающий код. Эти слоги, прозвучавшие в строго определенной тональности, отключили механизм, запирающий смотровую панель, и Кира, ловко сняв ее, открыла клапан, пуская в оболочку усыпляющий газ.

— Где ты, Сибер? Я не вижу тебя... — взметнулся жалобный вопль 732 и, оборвавшись, смолк навеки.

Панель со щелчком встала на место. Кира задернула драпировки и стремительно обернулась — в главную рубку уже вваливались закутанные в балахоны фигуры.

— Стойте! — голосом Лии приказала Хельва. — Тот, кто Повелевает принял решение. Отведите прос-

товолосую блудницу обратно. Не пристало избранным Алиота касаться дьявольского семени.

Кира, сделав вид, что снова погрузилась в транс, под конвоем пошатывающихся стражников двинулась обратно к лестнице.

— Хельва, что там у вас, черт побери, происходит? — донесся из приемника экстренной связи голос Ценкома.

— Он принял решение, — простонала толпа фанатиков на площади, покачиваясь в клубах галлюциногенных паров.

— Хельва! — взвизгнул Ценком.

— Да заткнитесь вы все наконец! — устало огрызнулась Хельва, она была на грани срыва.

— Он принял решение — вот Вечная Истина.

Хельва выждала, пока не убедилась, что вконец одурманенные, еле бредущие алиотийцы не помешают Кире вернуться. Да они бы при всем желании не смогли ничего сделать — бедняги целыми сотнями валились наземь, сраженные наркотическими парами и неистовым возбуждением.

— Советую подготовить внятное объяснение — на каком основании ты умышленно нарушила запрет, изложенный в полетном задании и касающийся диланистских...

— Я сейчас и тебя задиланизирую, придурок несчастный, — злобно накинулась на него Хельва. — Цель оправдывает средства. И еще, смею напомнить, что по какой-то причине, не ведомой ни людям, ни самому Всевышнему, Алиота в вашем списке запрещенных для высадки планет НЕ БЫЛО, хотя, видит Бог, он должен был его возглавлять!

Ценком что-то возмущенно закудахтал.

— Держал себя в руках, — язвительно посоветовала Хельва. — Я отыскала вашу давным-давно пропавшую беглянку и убила ее. И вдобавок подвергла вашу бесценную Киру с Канопуса суровой, но зато весьма эффективной терапии. Чего, спрашивается, вы еще хотите от одного мозга, к тому же заключенного в капсулу?

Оскорбленное молчание Ценкома длилось долгих шестьдесят секунд.

— Где Кира? — Хельва могла бы поклясться, что голос собеседника звучал виновато.

— С ней все в порядке.

— Пусть выйдет на связь.

— Я же сказала: с ней все в порядке, — теряя терпение громко повторила Хельва. — Она возвращается из храма.

Не успела доставившая Киру машина со скрежетом затормозить у лифта, как почва корабля снова затряслась от подземных толчков. Хельва открыла запорный механизм, и Кира, не дав своим спутникам времени опомниться, вскочила в кабину лифта. Земля под кормовыми стабилизаторами издымалась, и Хельва, дождавшись, пока Кира выпрыгнет из шлюза и нырнет в пилотское кресло, задраила люк и резко стартовала с угрюмого, негостеприимного Алиота.

Хвостовые камеры показали им разбегающийся врассыпную караул и кренящийся набок трап. Над стремительно удаляющейся планетой взметнулись яркие вспышки — это вулканы посылали им прощальный салют.

— Докладывает пилот Кира с борта КХ—834, — сбрасывая куртку, бодро отрапортовала девушка по экстренной связи. Хельва ожидала, что на пол посыплется дождь заколок, но Кира, чинно выпрямившись, застыла перед микрофоном. Она дала сжатый отчет о происшествии на Алиоте и потребовала объяснений: почему торговцы ни разу не сообщили о том, что видно невооруженным глазом — каждый местный житель носит кнопку связи служебного образца. И второе, прямо таки преступное упущение — почему нет никаких свесений о том, что газовые выбросы обладают галлюциногенным действием?

— Галлюциногенные газы? — слабым голосом отозвался Ценком. Такие сюрпризы — суший кошмар в деле колонизации новых планет: уже не раз бывало, что население становилось жертвой преступного применения дурманящих паров, как это случилось на Алиоте.

— Настоятельно рекомендую допросить всех торговцев, которые за последние пятьдесят лет имели сношение с Алиотом, и выяснить, по какой причине они скрыли эти сведения от Центральных Миров. И еще: установите личность недоумка из ЦМ, который открыл эту вконец одурневшую планету для колонизации.

Ценком разразился невятным бульканьем.

— Кончайте кудяхать, — самым любезным тоном произнесла Кира, — и срочно вышлите туда команду планетной терапии. Предстоит переориентировать насе-

ление целой планеты на выживание. Мы отправим вам с Неккара подробный отчет, а сейчас мне нужно проверить наших детишек. Взлет был не очень гладкий. У меня все. — Кира отключилась.

Гибким движением она встала с кресла, тряхнула головой — только косички разлетелись — и, энергично потирая затылок, направилась к камбузу.

— Голова просто разламывается, — пожаловалась девушка, доставая банку с кофе. — Этот газ так омерзительно воняет! — она устало прислонилась к стене, плечи безвольно поникли.

Хельва выжидала — она знала, что Кира еще не избавилась от воспоминаний о пережитом.

— Чем ближе я подходила к храму, тем глубже погружалась в густой мрак безысходной тоски. Понимаешь, Хельва, он был почти осязаем, — задумчиво проговорила она и вдруг добавила без всякой жалости к себе: — и я бездумно отдавалась ему... Пока меня не достал твой дилан.

Глаза ее восторженно распахнулись. — У меня просто мороз пошел по коже! А последний аккорд пронзил до самого нутра, — простионала она, для пущей убедительности прижав кулачок к животу. — Торн отдал бы все на свете, лишь бы сочинить дилан такой невероятной силы! — плечи ее судорожно вздрогнули.

— А этот кошмарный труп! — она зажмурила глаза и передернулась, но тут же резко тряхнула головой, отгоняя мрачное виденье. — Знаешь, задумчиво прищурясь, пробормотала она, — теперь я понимаю, что и сама сделала нечто подобное... с Торном.

— Пожалуй, так оно и было, — тихо согласилась Хельва.

Кира маленькими глотками отхлебнула кофе. Теперь когда на смену показной веселости пришел внутренний покой, лицо ее, несмотря на усталость, выглядело оживленным. — Ну какой же я была дурой, — с горькой насмешкой проговорила она.

— Даже Ценкому случается сесть в лужу, — напомнила Хельва.

Кира заразительно расхохоталась.

— Такова Вечная Истина! — провозгласила она, и, приплясывая, закружилась по кабине.

Хельва одобрительно следила за этим победным танцем — что касается Киры, такой исход дела ее не-

сказанно радовал. Да и себя она не могла упрекнуть за то, что пришлось убить своего же собрата: Лия умерла уже давным давно, не пережив своего пилота. Наконец-то этот измученный рассудок обрел покой — так же, как и Кира. Теперь они вместе продолжают свой полет аиста, собирая семья...

Внезапно Хельва издала такой восторженный вопль, что Кира вздрогнула от неожиданности.

— Что это на тебя нашло?

— Послушай, выход невероятно прост! Не могу верить, чтобы тебе его до сих пор никто его не подсказал. Или может быть, ты сама не захотела?

— Я так никогда и не узнаю, о чем речь, если ты мне, наконец, не скажешь, — поддела ее Кира.

— Одна из причин твоей одержимости горем...

— Я уже с ним справилась, — резко перебила Кира, глаза ее сверкнули гневом.

— Не смей меня! Так вот, одна из причин в том, что вы с Торном не оставили потомства — так?

Кира стремительно побледнела, но Хельва продолжала гнуть свое.

— Но я уверена, что ни его, ни твои родители, в отличие от вас, не свалили дурака и выполнили свой долг пред БСЧ. Я не ошиблась? Так что их семья и поныне хранится там. Остается взять яйцеклетку твоей матери и сперму его отца, и...

Глаза Киры недоверчиво расширились, рот приоткрылся, лицо озарилось робкой надеждой. По щекам побежали ручейки слез. Она осторожно протянула руку и легонько коснулась смотровой панели.

Хельва увидела, что Кира приняла ее идею, и душа ее наполнилась странным, неизъяснимым ликованием. Вдруг девушка судорожно вздохнула, и на лице ее мелькнуло недоумение.

— А ты сама... Почему бы тебе тоже не взять яйцеклетку твоей матери...

— Нет, резко ответила Хельва, потом добавила, уже мягче, — в этом нет необходимости. — Теперь она знала — и умом, и сердцем, что каждый переживает горе по-своему, каждый находит свой выход: и она, и Кира, и Теода.

Вид у Киры был сокрушенный и слегка виноватый — как будто она не чувствовала себя вправе воспользоваться предложением Хельвы, если та сама от него отказывается.

— В конце концов, — со смешком в голосе проговорила Хельва, — не многие женщины, — она сознательно и даже гордо употребила это слово, зная, что сама, как и ее подвижные сестры, может с полным правом именовать себя так, — произвели на свет сразу сто десять тысяч младенцев!

Кира залилась веселым смехом — эта аналогия привела ее в неописуемый восторг. Потом схватила гитару и громко заиграла вступительное арпеджио. И вот уже голоса пилота и корабля, гармонично сливаясь, вознесли к изумленным звездам распевную серенаду Шуберта. Путь их лежал к Неккару и к избавлению.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ

Хельва убавила звук. Какое счастье, что наконец вынесли все трубки с эмбрионами и баки с питательными смесями! Правда, ее отнюдь не радовал тот разгром, который учинили монтажники у нее на борту. Можно подумать, ей мало царапин, оставленных на полу металлическими стеллажами, и пятен от питательной жидкости на обшивке! Но оставалось только помалкивать: даже в пилотской каюте виднелись явные следы долгого обитания, а уж Кире Фалерновой никак нельзя отказать в опрятности. Однако у Хельвы не было ни малейшего желания явиться на Регул в таком затрапезном виде, и уж тем более, предстать перед новым «телом», если такое ожидает ее там.

Все это она и высказала другому мозговому кораблю, который коротал время по соседству с ней, неподалеку от торговых складов космопорта Неккар.

— А по-моему, Хельва, это неразумная трата денег, — ворчливо проговорил Амон, ТА—618. — Откуда ты знаешь, что новый напарник оценит твой вкус? Пусть лучше сам заплатит из своего жалованья. Надо шевелить мозгами, иначе так никогда и не избавишься от кабалы. Я вообще не понимаю, почему тебе так не терпится посадить себе на шею очередного напарника.

— Просто я люблю людей.

Амон насмешливо фыркнул. Не успев приземлиться, он сразу принялся жаловаться на пороки и недостатки своего «тела». Хельва напомнила себе, что Амон с Трейсом провели бок о бок уже пятнадцать галактических лет, а это, говорят, самый трудный период любого длительного союза.

— Интересно, как бы ты запела, если бы тебе пришлось терпеть их у себя на борту так подолгу! Вот узнаешь, что это за удовольствие — всегда угадывать наперед, что скажет твое «тело», — тогда, может быть, поймешь, каково мне приходится...

— Мы с Кирой Фалерновой провели вместе три года...

— Сравнила! Ты же знала, что это временное назначение! На таких условиях можно примириться с чем угодно. А вот когда ты неотвратно уверен, что впереди двадцать пять, а то и тридцать лет...

— Если все так уж скверно, попроси замену, — предложила Хельва.

— И прибавь неустойку к тому долгу, который на мне висит?

— Извини, я совсем забыла, — поспешно ответила Хельва. Она сразу поняла, что ее совет был не очень-то уместен. У Амона были свои причины для недовольства — не так давно он столкнулся с тучей космического мусора, и это стоило ему замены половины носовой обшивки. А цены на ремонт и обслуживание станции, не принадлежащие Мирам, заламывают просто грабительские. Сами же Центральные Миры доказали, что причиной аварии явилась его собственная оплошность, и он не получил ни страховки, ни компенсации.

— Ну, предположим, попрошу я замену, — кисло продолжал Амон, — тогда придется соглашаться на первого попавшегося напарника, и никаких тебе отказов.

— Да, ты прав.

— Ведь это не меня благодарные неккарцы завалили двойными премиями!

Упрек был столь несправедлив, что Хельва едва не ответила резкостью, но все же сдержалась и лишь кротко выразила надежду, что все потихоньку образуется. Амону был нужен не советчик, а сочувствующий слушатель.

— Послушай того, кто на этом деле собаку съел, — смягчившись изрек Амон. — Хватайся за каждый одинокый рейс. Копи премии, пока они к тебе плывут. Тогда потом ты сможешь поторговаться с Мирами. Мне не повезло. А вот и мой напарничек...

— Я вижу, он торопится.

— Интересно, кто придал ему такое ускорение? — так ехидно буркнул Амон, что Хельва начала задумываться: уж так ли виноват его партнер? В конце концов, мозговые корабли — те же люди...

Тогда-то она и услышала по междудовой связи возбужденный голос Амонова напарника:

— Амон, старина, срочно снимаемся! И во весь дух обратно на Регул! Мне только что сказали...

Связь прервалась.

В этом весь Амон — взять и зажать хорошие новости! Хельва даже не обиделась. «Пусть ему хоть на этот раз повезет», — мысленно пожелала она, переключаясь на наружные камеры, чтобы увидеть его взлет. Если он получит выгодный рейс и вдобавок премию за доставку груза, то сможет выплатить свой долг. И даже разобраться с напарником. Он заглядывал к ней на борт в тот день, когда они с Кирой прибыли на Неккар,

и показался ей вполне симпатичным. «Но так поступить — это просто мелочность», — подумала Хельва и тут ей пришло в голову, что новость, которую принес пилот АТ—618, наверняка пришла не по экстренной связи.

— Диспетчерская космопорта Неккар? Это Х—834.

— Хельва? Я как раз собирался с тобой связаться. Ты довольна нашими эксплуатационниками? Если тебе что-нибудь понадобится, скажи им, не стесняйся, — любезно предложил диспетчер.

А ведь совсем недавно некарцев постигло такое бедствие — вот уж кто, казалось бы, имел все основания жаловаться, как этот зануда Амон.

— Я только хотела узнать, почему ТА—618 так поспешно умчался.

— Да, новость конечно потрясающая! Живешь и не знаешь, что творится в соседней звездной системе! Я всегда говорил: чего только не бывает на свете. Но кто бы мог подумать, что людям... если, конечно, их можно называть людьми... могут понадобиться какие-то старозаветные пьесы. Нет, ты можешь себе такое представить? — диспетчер так долго гоготал, что Хельва уже начала терять терпение.

«И этот придурок Амон еще недоволен, когда знает наперед, что скажет его напарник!» — размышляла она, терпеливо дожидаясь, пока весельчак наконец выдаст что-нибудь осмысленное.

— К сожалению, не могу: ведь вы так и не сказали мне, что именно вам стало известно, — вставила Хельва, поняв, что диспетчер и дальше собирается ходить вокруг да около.

— Извини. Я думал, вы, корабли, всегда держите, ушки... прошу прощения... связь с друг другом. Обычно я пользуюсь только проверенными данными, а на этот раз сведения получены сразу по двум каналам — я уже говорил об этом пилоту Трейсу. Разведывательный корабль, направлявшийся к Бете Корви, зарегистрировал регулируемые энергетические всплески. И засек их источник — им оказалась шестая планета, у которой, каким бы невероятным это ни показалось... аммиачно-метановая атмосфера! Впервые слышу, чтобы в такой среде существовала разумная жизнь, а ты?

— Я тоже. Продолжайте, пожалуйста.

— Не успел экипаж подготовить зонд, который мог

бы уцелеть в таком, с позволения сказать, воздухе... — он снова загоготал.

— Скорее всего, то, чем мы дышим, для них не меньшая отрава, — заметила Хельва.

— Ну да, конечно. Так вот, не успели они почесать в затылках, как корвики сами установили с ними контакт. Как тебе это нравится?

— Я вся внимание. Никогда не слышала ничего более интересного.

— Не удивительно, что разведчики уцепились за них руками и ногами. Предложили этим корвикам обмениваться научной информацией и пригласили присоединиться к Федерации Центральных Миров. Послушай, — диспетчер задумался, — а откуда разведчики взяли, что их уровень по шкале цивилизаций достаточно высок, если они даже не спустили зонд на поверхность планеты?

— Если корвики смогли установить контакт с кораблем и вдобавок балуются регулируемыи энергетическими всплесками такой силы, что их можно зарегистрировать за пределами их солнечной системы, то я опасуюсь, что наш уровень на их шкале цивилизаций может оказаться слишком низким.

— Гм, об этом я как-то не подумал... — Нет, этот парень обладал поистине неисчерпаемой жизнерадостностью — после секундной паузы он снова завел свое: — Зато у нас есть кое-что такое, в чем они нуждаются просто позарез! — Он выпалил это с таким торжеством, будто дефицитный товар принадлежал лично ему. — И это не что иное, как пьесы!

— Пьесы?

— Вот именно! Сама подумай — каково, должно быть, создавать произведения искусства на планете с аммиачно-метановой атмосферой! Короче, суть дела в том, что они согласны обменять кое-какие энергетические процессы, которые нужны нам, на наши старые пьесы.

— Шило на мыло? — пробормотала Хельва.

— В каком смысле?

— И все же не пойму, почему ТА—618 так резво рванул отсюда?

— Это-то как раз самое простое. Центральные Миры созывают корабли со всего сектора. А уж тебе, Кораблю, который поет, сам Бог велел взяться за это дело.

— Что ж, может быть, — задумчиво проговорила Хельва. Только я должна получить нового напарника,

а кто же поручит такое ответственное задание совсем зеленой команде?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что заранее отказываешься от борьбы? Трейс говорил, за этот рейс обещают тройную премию, так что каждый корабль в здравом уме и твердой памяти постарается не упустить свой шанс.

— Я-то как раз в здравом уме, но для меня есть кое-что поважнее, чем тройная премия.

Молчание, последовавшее за ее словами, оказалось куда красноречивее любой банальности, которую смог бы изречь словоохотливый диспетчер. К счастью, Хельва заметила, что зажегся сигнал экстренной связи и, извинившись, включила приемник.

Сообщение начиналось с кода рейса, и она принялась записывать полетные данные.

Ей предписывалось срочно вылететь на базу Регул, а по пути совершить посадку на планете Дуур III. Там, в шлюзе № 24 Университетского космопорта, ей предстояло взять на борт четырех пассажиров и незамедлительно проследовать на базу.

— Раз уж пришел такой приказ, мэм, придется дать вам немедленный вылет, — сказал диспетчер, когда она снова переключилась на его канал.

— Не надо так спешить, дружище. Раз уж мне велено взять на борт пассажиров, я не хотела бы выглядеть замарашкой. Кажется, вы говорили, что если мне что-нибудь понадобится...

— И это не только слова, — галантно заверил ее услужливый неккарец.

Итак, Хельва мчалась к Дууру III со скоростью, которую не смог бы выдержать ни один человек. Ее каюты и грузовые отсеки сверкали свежей краской; там, где еще недавно качались колыбели с тысячами эмбрионов, снова появились койки обычного размера.

Приняв к сведению скептические замечания Амона, она убедила сговорчивого бригадира ввести в обычные краски хитрые химические добавки. Благодаря вкраплениям тубанской пемзы, приглушенные зеленые тона пилотской каюты могли менять оттенок в зависимости от освещения и таким образом удовлетворить любой вкус. По ее просьбе камбуз отделали в ярко-оранжевой гамме. Цвет получился довольно знойный, но она на это и рассчитывала — на камбузе надо быстро есть, а не рассиживаться. Главная рубка стала кремовой с голубой от-

делкой, а остальные каюты голубыми и бежевыми. «Бедняга Амон сам не дает себе труда пошевелить мозгами, — размышляла Хельва. — Наверное, он просто не додумался воздействовать на своего напарника методами цветопсихологии. А еще говорит, что с постоянным партнером труднее ужиться.»

Бригадир и его подчиненные работали споро, и после того, как отделочные составы были выбраны и подготовлены, переоборудование интерьера не заняло много времени. Чистота и порядок на борту стоили того, чтобы задержаться и на более долгий срок, — зато теперь она может встретить пассажиров, не стыдясь за свою внешность. По правде говоря, она с нетерпением ожидала этого, ее всегда волновали встречи с новыми людьми. «И новыми напарниками», — решительно напомнила она себе. Как бы там ни было, плата за провоз этих пассажиров с лихвой окупит затраты на косметический ремонт, так что можно забыть про дурацкие советы Амона.

Значит, он хочет расплатиться с долгами — каково? Мчась через черный космос к мерцающему вдали Дууру, Хельва задумалась. Что ж, даже мозговому кораблю нужна цель в жизни. На всякий случай она проверила сумму своей задолженности и была приятно удивлена: долг резко сократился.

Какая неожиданность! Если, оставаясь «бестелесным» кораблем, она будет продолжать хотя бы вполовину столь же резво, то уже через три стандартных года сможет откупиться от Центральных Миров! Всего десять лет службы — и она сама себе госпожа? Это просто неслыханно! Амон тянет лямку уже почти сто пятьдесят лет и, тем не менее, постоянно стонет по поводу суммы своего долга. Правда, нужно учесть, что он из породы нытиков и половину его жалоб не стоит принимать всерьез. Но ведь есть и «свободные» корабли! — например ИГ-635, Амонов одноклассник! Он выполняет кое-какие задания для Федерации Скорпиона и прошел переоборудование для работы в их атмосфере.

Что до нее, то ей просто везло. Конечно, вознаграждение за тот роковой рейс к Равелю — это деньги, политые слезами и кровью, хотя они тоже пошли ей в актив. Борьба с эпидемией на Аннигоне принесла ей полное жалование плюс премиальные. А все то время, пока они с Кирой работали по заданию БСЧ, выполняя серию «полетов аиста», ей платили вдвойне, потому что у Киры был отдельный контракт с Банком. Происшеств-

вие на Алиоте дало ей вознаграждение, объявленное за обнаружение беглого 732, а теперь еще невиданная премия от нектарцев... Серьезного ремона у нее не было — да и зачем он ей, в ее-то возрасте? — Так что ее финансовое положение выглядело весьма и весьма радужно, несмотря на астрономические затраты на уход и обслуживание, накопившиеся за время ее детства.

Допустим, ей удастся погасить остаток долга — и что дальше? Все равно она наверняка заключит контракт с Космической службой Центральных Миров, потому что эта работа ей по душе. Хотя, спору нет, было бы приятно в кои-то веки послать Миры подальше. Тогда она могла бы сама нанимать и увольнять напарников, когда ей это заблагорассудится.

Да, такое преимущество стоит того, чтобы рассчитать-ся с долгами!

И все же она никак не могла понять: почему Амон не предпочтет уплатить неустойку, если Трейс так уж невыносим? Все равно Центральные Миры не откажутся от своего корабля, будь он хоть по уши в долгах... С другой стороны, ей-то какое дело? Ей нужно думать о своем напарнике — хорошо бы он ждал ее на Регуле, когда она прибудет туда с пассажирами. В конце концов, у нее тоже есть свои права, независимо от величины долга.

Несмотря на огромную скорость, полет казался бесконечным: вереница дней и ночей сливалась в один сплошной поток времени, состоящий из бессонных и бессмысленных часов. Она была запрограммирована для сотрудничества, для того, чтобы о ком-то заботиться, о ком-то думать, кому-то служить. Ее привлекала духовная близость с другими людьми, взаимный обмен мыслями — пусть даже где-то в будущем свежесть чувств сменится глухим раздражением, рожденным долгой привычкой. Все равно она хочет пройти все это сама, познать на собственном опыте, а не из жалоб старого разочарованного мозга.

Службы дуурского космопорта частично скрывались в толще мощного горного хребта, пересекающего северо-восточное полушарие планеты. По другую его сторону и в самой горе находился грандиозный административный комплекс этой университетской планеты.

Приземлившись у шлюза № 24, Хельва заявила о своем прибытии, и сразу же к ее пассажирскому люку

уверенно пополз гигантский гибкий червь переходного тоннеля. Двое стояли поодаль, дожидаясь, пока будет завершено соединение: один облокотился на заваленную багажом тележку, второй то и дело одергивал полы и рукава кителя и поглядывал на часы.

— Время дорого. Ты знаешь, чьи вещи куда везти?

Грузчик, не удостоив чиновника ответом, ловко направил тележку на корабль и, проехав через главную рубку, свернул в коридор.

— Гм, корабль выглядит как новенький, — оглядываясь по сторонам, пробурчал чиновник, было видно, что он приятно удивлен. Он задержался на камбузе, чтобы сунуть нос в ящики и кладовки. — А где у кораблей этого класса клавиша заказа? — спросил он грузчика, который заносил в каюту чемоданы.

— Спросите у самого корабля, — посоветовал тот. — Разве вы не заметили, что это МТ?

— Мозг-тело? — изумился чиновник. Прошу прощения, сэр, или, может быть, мадам?

Хельва снисходительно наблюдала, как он, не имея понятия, где она находится, пытается изобразить поклон, одновременно поворачиваясь на месте, так чтобы его приветствие охватило весь периметр главной рубки.

— У вас достаточно продовольствия, чтобы прокормить четырех пассажиров до базы Регул?

— Вполне.

— Какая удача. Ведь мы не знали, какой корабль придет, — все случилось так неожиданно. А оказалось — корабль класса МТ! Что ж, это очень лестно. Ведь вы, наверное, можете во время полета регулировать силу тяжести у себя внутри? — спросил он, снова взглянув на часы.

— Безусловно. А в чем дело? Я ведь еще не получила задания.

— Неужели? — Он был заметно озабочен. — Ничего не понимаю — вас должны были проинструктировать заранее. В обязательном порядке. Впрочем: это не так важно, забудьте об этом. Правда, я настоятельно просил... но раз вы можете регулировать гравитацию, то все проблемы снимаются, ведь так?

«Ну и везет же мне на недоумков!» — простонала про себя Хельва, а вслух сказала: — Если вы уточните, какая именно гравитация вам потребуется...

В это время у дальнего конца шлюзового перехода раздался взрыв криков и аплодисментов, и чиновник

выжидательно повернулся по направлению к входу. — Вот и они. Солар сам вам скажет или мисс Стер, медсестра, которая его сопровождает. Вы знаете, что стартовать нужно немедленно?

Грузчик лихо покатил к выходу, по дороге бойко отсалютовав Хельве. — Багаж подготовлен к взлету, — бросил он через плечо.

— Отлично, — рассеянно пробормотал его начальник, вслед за ним направляясь к шлюзу. Его озабоченность сменилась заученной улыбкой — навстречу по тоннелю уже двигалась шумная компания.

Судя по всему, четверо идущих впереди и есть ее пассажиры — не зря они одеты в летные костюмы. Хельва увеличила картинку, и ей сразу стало ясно, кому из пассажиров понадобится уменьшенная гравитация. Как минимум половинная, — решила она. Один из мужчин двигался явно через силу, было видно, что он ценой огромного напряжения заставляет свои мускулы преодолевать непривычное сопротивление. Хельва заметила, что даже мышцы лица у него обмякли, а жаль — когда-то он по-видимому отличался незаурядной красотой. И все же он держался прямо и высоко нес гордую голову, не желая, чтобы физическая слабость лишила его внешнего достоинства.

Он так заинтересовал ее, что она только мельком взглянула на второго мужчину и двух женщин. Вот уже вся компания ввалилась в шлюз.

Портовый чиновник поспешно отступил в сторонку, пропуская пожилого мужчину импозантной наружности, чье одеяние украшал целый букет разноцветных академических отличий. Ступив в рубку, он изысканным жестом подал руку своей спутнице. Это была женщина поистине ослепительной красоты.

— А вот и ваш ковер-самолет, он перенесет вас на базу Регул. Позвольте, Ансра Колмер, еще раз напомнить вам, какое удовольствие доставила лично мне наша встреча. Что же касается Дуурского университета, то его руководство по достоинству оценило ту любезность, с которой вы согласились нарушить свои личные планы и вместе с соларом Прейном познакомить студентов с вашим непревзойденным искусством. Ваша Антигона — само совершенство. Ваш монолог из второго акта Фера впервые позволил мне всецело оценить напряженную переключку цвета, запаха и ритма. Вам подвластны все тайны вашего искусства, и я уверен, что ваш талант

в самое ближайшее время будет по достоинству увенчан званием солары.

Хельве показалось, что улыбка на внешне безмятежном лице Ансры Колмер слегка застыла, а уж в ее мерцающих глазах и вовсе не было ни тени веселья.

— Вы необычайно любезны, господин директор, особенно если учесть, что на Дууре уже есть свой солар, — она изящно повернулась в сторону жертвы гравитации. — Не понимаю, как вы можете с ним расстаться... — Не ожидая ответа, она миновала шлюз и прошествовала в главную рубку. Теперь, когда женщина стояла спиной к шумной группе провожающих, Хельва заметила, что она едва сдерживает раздражение и злость.

Директор откашлялся, казалось, он отлично понял ее намеки. Потом церемонно поклонился солару.

— Ведь вас, Прейн, навряд ли удастся отговорить?

— Уважаемый директор, Центральные Миры слишком настоятельно заявили, что я им нужен. Откликнуться на их зов — мой профессиональный долг. И если мой вклад в это начинание получит признание, в нем будет и ваша заслуга — вы всегда были так добры ко мне. — У Прейна был глубокий звучный голос, голос опытного профессионального актера. И если Хельва заметила в нем странную глуховатость, а временами и некоторую неуверенность — будто голос вот-вот сорвется — то лишь потому, что ее датчики были более чуткими, чем уши восторженной толпы юных студентов и их терпеливых наставников.

— Предоставленный заботам мисс Стер, наш солар вернется с триумфом еще до конца семестра, — проговорил второй мужчина, отправляющийся вместе с Прейном.

— Ваша правда, Даво Филаназер, — горячо поддержал его директор и повернулся, чтобы попрощаться с молодой женщиной, сопровождавшей Прейна.

Хельва зачарованно следила за разнообразными нюансами и богатым подтекстом этой сцены прощания. В любом случае, скучать во время полета не придется.

— Мы не должны задерживать пилота, — сказал наконец солар Прейн. Очаровательно улыбнувшись, он виновато пожал плечами и помахал толпе, которая откликнулась вздохом печали и ропотом сожаления. Кое-у кого даже слезы навернулись на глаза, когда он, взяв под руку мисс Стер, ступил в шлюз.

Мужчина, которого называли Даво Филаназер, встал

рядом с ним и тоже принялся махать провожающим.

Вот солар Прейн повернулся к своей юной спутнице, и Хельва заметила, как он тихо обронил несколько слов.

— Керла, я едва держусь на ногах. Попроси пилота закрыть шлюз.

Не дожидаясь просьбы, Хельва включила механизм закрытия шлюза.

— Даво, помогите мне, — крикнула Керла, как только провожающие скрылись из вида. Она обхватила солара за талию, и его крупное тело бессильно обмякло.

— Чертов упрямец, — пробормотал сквозь зубы Даво Филаназер, но руки его обняли Прейна так бережно... как будто он боялся причинить солару боль.

— Мне уже лучше... лучше, — свистящим шепотом повторял Прейн.

— Это было чистое безумие — согласиться на прощальный банкет в вашем состоянии да еще при полной гравитации, — с упреком сказала Керла.

— Герой должен и уходить, как герой, — язвительно протянула Ансра Колмер. Теперь она уже не скрывала своих чувств, и ее лицо дышало откровенной ненавистью, в глазах светился злорадный огонек — ее несказанно забавляла слабость Прейна.

— Но герой пока еще не на щите, Ансра, — ответил Прейн; казалось, брошенный женщине вызов придал ему сил. Он отстранил от себя Керлу, отвел заботливую руку готового прийти на помощь Даво и, собрав все силы, медленно пересек рубку.

— Ну что, Ансра, осечка получилась? — спросил Даво, следуя за соларом.

— Несгибаемость Ансры передается и мне, — усмехнулся Прейн, и Хельва снова могла бы поклясться, что этот резкий обмен уколами ему только на пользу. Но медсестра солара явно придерживалась иного мнения.

— На сегодня вполне достаточно, — с дежурной бесстрастностью произнесла она, и, словно не замечая, что Прейн способен двигаться самостоятельно, снова обхватила его за талию и повела к койке. — Здесь должен быть амортизирующий матрас, — сказала она, откидывая ячеистое одеяло. — Да, все в порядке. — Девушка ловко повернула Солара и помогла ему опуститься на койку. Потом вынула из висящей на боку сумки диагностический прибор. Лицо ее ничего не выражало, но глаза внимательно следили за показаниями.

Хельва взглянула на шкалы и индикаторы, и некоторые цифры ее слегка озадачили. Напряжение сердечной мышцы оказалось в норме, хотя пульс частил от перегрузки. Кровяное давление выглядело слишком низким для человека в состоянии стресса и слишком высоким для того, кто привык к пониженной гравитации. И совсем в тупик ее поставила ЭЭГ. Прейна сотрясала реакция на мышечную перегрузку. Распростертый на койке, он выглядел постаревшим и усталым.

— Что ты собираешься мне дать, Керла? — резко спросил он и приподнялся, увидев, что девушка готовит ампулу для внутривенного впрыскивания.

— Релаксант и...

— Только никаких снотворных и блокаторов — я категорически отказываюсь.

— Не забывайте, солар Прейн, что я ваша медсестра, — твердо и невозмутимо ответила она.

Прейн потянулся к ней, и рука его задрожала, но Хельва увидела, как крепко его пальцы впились в тонкое запястье девушки. Керла Стер, не дрогнув, выдержала его взгляд.

— Вы не перенесете взлет без снотворного — после того, как вы истратили столько сил на этом банкете...

— Дай мне релаксант, Керла, и больше ничего. Я сам справлюсь со своими... затруднениями. Как только мы будем в космосе, пилот убавит силу тяжести.

Это была дуэль двух волей, за которой с интересом наблюдал Даво. К своему удивлению, Хельва сделала вывод, что он на стороне Прейна, — когда сестра убрала два пузырька в сумку и ввела лишь один препарат, у него вырвался вздох облегчения.

— А где же наш пилот? — спросила девушка у Даво, выйдя из каюты и плотно прикрыв за собой дверь.

— Пилот? — переспросила Ансра Колмер, лениво поворачиваясь в кресле. — Вы, милочка моя, так самозабвенно любовались классическим профилем нашего солара, что пропустили мимо ушей весь предполетный инструктаж.

— Христа ради, Ансра, спрячь свои когти: ты начинаешь действовать всем на нервы, — предостерегающе усмехаясь, проговорил Даво и подтолкнул медсестру к кушетке. — Это мозговой корабль, Керла, так что больше никакой пилот нам не нужен. От нас требуется только занять свои места.

— Мисс Колмер, если вы...

— И соблюдать тишину, — непреклонным тоном добавил Даво, и сжал руку девушки, призывая к послушанию. — Ведь чем скорее мы стартуем, тем лучше для Прейна, разве не так?

Она покорилась, все еще пылая возмущением. В довершение ко всему, Ансра Колмер торжествующе улыбнулась, наблюдая за ее капитуляцией.

— В путь, — сказал Даво, и, обернувшись, кивнул Хельве.

— Благодарю, мистер Филаназер, и приветствую всех на борту Х—834, спокойно произнесла Хельва, но на этот раз бесстрастный тон дался ей с трудом. — Прошу пристегнуть ремни. — Ансра Колмер прекратила крутиться в кресле только для того, чтобы выполнить это распоряжение, а потом возобновила прерванное занятие. — Мисс Стер, у меня к вам вопрос: повлияет ли обычное стартовое ускорение на состояние солара Прейна?

— Не должно, если его предохраняет амортизирующий матрас.

— И наркотики, — едко вставила Ансра.

— Солар Прейн не принимал снотворного, — взвилась медсестра, но ремни не дали ей вскочить с места.

— Ансра, перестань к ней цепляться! Ты прекрасно знаешь, что Прейн не принимает наркотиков и никогда не принимал!

— Разрешение на взлет получено, — сказала Хельва, чтобы прекратить перепалку. Для пущей правдоподобности она даже пустила шум двигателя через главный динамик.

Готовясь к старту, Хельва не спускала глаз с Прейна. Конечно, амортизирующий матрас надежно защищал его, но для человека, с трудом переносящего полную гравитацию, старт должен показаться весьма мучительным. Она решила, что быстрый взлет доставит ему меньше страданий, чем постепенно наращивание ускорения. Дав полную тягу, Хельва увидела, как он мгновенно потерял сознание от боли.

Освободившись от притяжения Дуура и взяв курс на Регул, Хельва сразу же полностью отключила тягу, даже то небольшое вращение, которое она обычно поддерживала для удобства пассажиров. Прейн не приходил в сознание, но жилка на его шее билась ровно.

— Я должна пойти к нему, — раздался в главной рубке голос Керлы.

Хельва заглянула туда, и увидела, что медсестра беспомощно распласталась по стене каюты.

— Тогда двигайся потихоньку, — подсказал Даво. — Ты достаточно времени провела в половинной гравитации, чтобы знать: чем сильнее действие, тем сильнее и противодействие.

— Знала бы ты, какой у тебя дурацкий вид! — фыркнула Ансра.

— Мисс Стер, солар Прейн потерял сознание еще до достижения максимальной тяги, — доложила Хельва, — но состояние у него удовлетворительное.

— Мне нужно к нему, — заволновалась Керла, — у него такие мягкие кости!

Нарушение опорно-двигательного аппарата? Как же ему позволили лететь? С ума они там что ли посходили? Но откуда тогда такое сильное мозговое возбуждение?

— Может быть, прибавить гравитацию? Амортизирующая сетка поможет...

— Нет, пожалуйста, не нужно, — взмолилась Керла.

— Если вы думаете, что я соглашусь провести весь полет до Регула в невесомости, то глубоко ошибаетесь, — заявила Ансра, разом утратив всю свою веселость.

— Чем дольше он не будет испытывать воздействия гравитационных сил...

— Весьма сожалею, — перебила девушку Ансра. — Но я знаю, что может случиться со мной при постоянной невесомости и не собираюсь...

— Опасаешься за свои мышцы, дорогуша? — усмехнулся Даво. — Но ты можешь всегда присоединиться к нам — изометрическая гимнастика творит чудеса. К тому же советую тебе привыкать к невесомости. Ты наверняка помнишь, что в предполетном инструктаже — ведь ты слушала его с таким вниманием — упоминалось: нам придется играть в полной невесомости. Так что хочешь — не хочешь, а привыкнуть придется.

— Но я слышала и другое: переносу подвергнутся наши сознания. А меня сейчас заботит мое тело.

— Что касается тела солара Прейна, то ему нужен отдых, — отрезала Керла, которой удалось добраться до каюты солара. — Ведь если я не ошибаюсь, он — режиссер труппы.

— Послушайте, дамы, а что если нам пойти на компромисс? — предложил Даво. Днем удовлетворимся половинной гравитацией, а ночи, когда все мы спокойно

спим в своих сетках и ни о чем не тревожимся, будем проводить в невесомости.

— А это можно устроить? — с надеждой спросила Керла. На Дууре приходилось постоянно поддерживать половинную гравитацию, потому что на большее не хватало энергии.

— Половинная гравитация устроит вашу милость? — спросил Даво, отвечивая Ансре насмешливый поклон.

— Невесомость или половинная гравитация — он все равно долго не протянет! — со злобной усмешкой бросила она, услышав, как за Керлой захлопнулась дверь.

Ансра сбросила ремни и, устроившись в кресле с ногами, в упор уставилась на Даво.

— Не понимаю, Даво, почему ты продолжаешь защищать эту развалину, почти труп. Не надо спорить: я вижу, что его рассудок поврежден. Не забывай, я его неплохо знаю, — ее улыбка намекала на весьма интимную близость. — А ведь именно сознание подвергнется переносу. — Внезапно ее голос и повадка неуловимо изменились. — Скажи, Даво, неужели тебя устраивает положение актера на вторых ролях?

Хельва повнимательнее присмотрелась к мужчине. Сначала она подумала что он друг или помощник Прейна, а не его коллега. В нем не было того налета постоянного актерства, который отличал Ансру и солара.

— В Театральной гильдии тебя очень высоко ценят как прекрасного исполнителя классических ролей, — продолжала тем временем Ансра. Почему ты всегда остаешься в тени Прейна — и на сцене, и в жизни?

Несколько секунд Даво спокойно разглядывал женщину, потом безмятежно улыбнулся. — Так уж вышло, что я безгранично уважаю Прейна — и как актера, и как человека.

Ансра насмешливо фыркнула. — Ты не сводишь с него глаз, как дублер в день премьеры. Слушаешь его лекции, когда он экспериментирует со сценическим движением в невесомости! Смех да и только! Прикрываешь его, чтобы толпы поклонников не прознали про слабости своего героя!

— Мои мотивы не так подозрительны, как твои. Интересно, почему два месяца назад, во время последних гастролей, ты сделала такой огромный крюк, чтобы навестить своего старинного друга Прейна Листона? Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Даже слой косметики не смог скрыть от Хельвы ру-

мянца злости, вспыхнувшего на щеках актрисы.

— Тот мой визит, Даво Филаназер, пришлось весьма кстати, — с притворной улыбкой ответила она. — Как следует из полетного инструктажа, нас перенесут в... как там говорилось... в пустые оболочки, которые ожидают каждого из нас на Бете Корви, и тогда внешность не будет играть никакой роли. Все решит талант. Я всегда считала, Даво, что ты сделал неудачный выбор, ударившись в классику. У тебя такой голодный, неудовлетворенный вид, что ты пожизненно обречен оставаться Яго или Кассио. А ведь на Бете Корви ты мог бы стать... Ромео. — Она ослепительно улыбнулась.

— Но, как я понимаю, не в том случае, если режиссером и Ромео останется Преин Листон, не так ли? — Даво наклонился к женщине, глаза его блеснули, но смуглое худощавое лицо оставалось непроницаемым. — Ты не желаешь верить очевидным фактам даже тогда, когда слышишь их своими ушами. Ведь так, Ансра? Ты никак не можешь поверить, что чары Ансры Колмер больше не властны над Преином Листоном.

— Причем тут это! — с высокомерным безразличием бросила она.

Даво понимающе улыбнулся. Откинувшись на кушетке, он продолжил за нее. — Тебе ведь нужен свой, послушный режиссер, который позволит Джульетте затмить всех остальных? А имея рядом благодарного, но слабого Ромео, — вроде меня — ты сумеешь выглядеть вдвое эффектнее, не затрачивая и половины тех сил, которых требует от тебя Преин. Забудь и думать об этом, Ансра, — посоветовал он, до глубины души возмущенный ее коварством. — Преину всегда удавалось выбить из тебя лень, и в его постановках ты бывала хороша, как никогда.

Но ведь не это главное, во всяком случае в нашем спектакле. На сей раз на карту поставлено нечто гораздо большее, чем твое чудовищное самолюбие. Или ты и правда плохо слушала инструктаж? Бета-корвики могут регулировать период полураспада любого нестабильного изотопа. И если Центральные Миры получают от них этот метод, грядет настоящая революция в области ядерных двигателей, и тогда мы скоро сможем беспрепятственно странствовать по просторам галактик... — Он иронически усмехнулся. — Представь себе: если наше ничтожное кривлянье придется им по вкусу, то уже на следующий сезон ты сможешь играть в туманности «Конская голова».

Ты поняла, Ансра Колмер? Или, — он вопросительно прищурился, — мне уже пора привыкать к новому обращению — солара Ансра?

— Тогда крепко подумай, Даво, — предупредила она, настороженно глядя ему в глаза, — подумай обо всем, чем это чревато. Мне наплевать на альтруизм — не он подписывает контракты и платит жалованье. И я бы ни за что не согласилась на это турне, если бы не метод переноса, который применяют корвики.

Даво смотрел на нее с таким пристальным вниманием, что она мимолетно улыбнулась.

— Нет, правда, Даво, — что интересного для себя могут найти эти корвики в такой старомодной любовной истории да еще с совершенно невероятным общественным строем, как Ромео и Джульетта?

— А ты, оказывается, еще большая лицемерка, чем я предполагал!

— Обман — это то, что мы создаем, а вовсе не то, во что верим. А с нашим выжившим из ума Ромео вся затея потеряла бы всякий смысл... если бы не этот перенос. Раз уж их метод может работать в аммиачно-метановой атмосфере, то в других условиях сработает и подавно. Он открывает перед нами совершенно новое зрительское измерение...

— И в этой новой среде солара Ансра становится звездой первой величины? — спросил Даво, пристально глядя ей в глаза.

«Интересно, заметил ли он, что в ее планы вкралась ошибка?» — подумала Хельва.

— Почему бы и нет? Не нужно быть медицинской сестрой, чтобы видеть: дни Прейна сочтены. Он настолько ослаб, что не вынесет такого напряжения. От мыслеуловителя его череп совсем размяк...

— Череп — да, но не мозг, — резко парировал Даво. И уж тем более, не мой. Я отлично помню, чем я обязан этому человеку, живому или мертвому, и я останусь с ним до конца. Запомни это, Ансра Колмер. И если ты не прекратишь третировать эту милую девушку и не убедишь меня, что собираешься всерьез сотрудничать с нами, я подам на тебя в суд. В этом дальнем драматическом полете на карту поставлено слишком многое, чтобы мы могли пойти на риск и терпеть в своей среде раскол. Не забывай, что компьютеры выбрали Прейна из-за его таланта. Несмотря на состояние здоровья, у него самая благоприятная вероятност-

ная кривая. И тебе, Ансра, лучше унятьсья, а то ведь я могу дать компьютерам кое-какие сведения, которые могут резко изменить твою кривую.

Даво оттолкнулся от кресла, но сделал это слишком резко для половинной гравитации и взмыл к полотку. Тут же исправив свой промах, он неторопливо двинулся в сторону камбуза.

— Автопилот, — злобно прошипела Ансра, — приказываю стереть мой разговор с Даво Филаназером. Команда ясна?

— Так точно, — ответила Хельва, стараясь, чтобы голос ее звучал неодушевленно, как у машины.

— Выполняй. Какая каюта предназначена мне?

— Номер два.

Наблюдая, как стройная фигура актрисы, покачиваясь, удаляется по коридору, Хельва ощутила странное, чисто женское удовлетворение: хорошо, что она задержалась на Неккаре, чтобы привести себя в порядок, зато теперь она, как всегда, в отличной форме.

Вечер выдался невеселый, совсем не такой, каким рисовала его себе Хельва, когда получила полетное задание. Даво был молчалив и насторожен, он бдительно наблюдал за Ансрой и Керлой и часто как бы невзначай проходил мимо открытой двери в каюту Прейна. Керла выглядела расстроенной, хотя и пыталась это скрыть. Хельва слышала, что Прейн отказался от медицинской помощи, а ее датчики подсказали ей, что он только притворяется спящим, — вероятно, чтобы избежать новых перепалок. Холодный, неприязненный взгляд Ансры неотвязно следовал за молоденькой медсестрой. Хельва подавала голос только в том случае, если к ней обращались, играя роль корабля-автомата, хотя Даво скорее всего знал, что она собой представляет.

Его разговор с Ансрой ничем не помог Прейну и только еще больше озлобил актрису, что усугубило напряженность на борту. Хельва даже заподозрила, что он намеренно спровоцировал женщину, заставив ее обнаружить свои честолюбивые замыслы в присутствии ее, Хельвы, как незримого свидетеля. Но если он хотел, чтобы Ансра скомпрометировала себя перед свидетелями, зачем давать ей еще один шанс? Неужели Даво, отлично зная актрису, все же надеется, что она исправится?

С другой стороны, при чем тут она, Хельва? Конечно, если понадобится, она не преминет воспроизвести этот

любопытный диалог. Но ей нет никакого дела до коварной звезды, безнадежно влюбленной медсестры и умирающего актера. Пусть о них печется другой корабль, хотя бы старина Амон. Нет, это надо же придумать: Ромео и Джульетта в невесомости, в газовой атмосфере! Шекспир в обмен на метод стабилизации? Пожалуй, в этом вопросе Хельва солидарна с Ансрой Колмер — вся затея выглядит чистой нелепицей!

Внезапно ее раздумья нарушил чей-то протяжный вздох. Кого-то мучат тревожные сновидения? Но нет, Прейн не спал, хотя все остальные безмятежно почивали под ячеистыми одеялами. А как раз ему отдых совершенно необходим. Вот в тишине зазвучали слова:

Аминь, амины! Но пусть приходит горе:
Оно не сможет радости превысить,
Что мне дает одно мгновенье с ней.
Соедини лишь нас святым обрядом,
И пусть любви убийца, смерть — придет:
Успеть бы мне назвать ее своею!

Голос Прейна неподражаемо передавал все оттенки страстного монолога — нежный, звучный, он был неподвластен физическому недугу, терзавшему его тело. Но последовавший за словами смешок прозвучал горько и глухо.

Не кормчий я, но будь ты так далеко,
Как самый дальний берег океана,
Я б за такой отважился добычей.

И после долгой паузы:

Зловещий мой, отчаянный мой кормчий!
Разбей о скалы мой усталый чевл!
Любовь моя, пью за тебя!

И снова пауза, такая долгая, что Хельва уже было решила, что он уснул.

О, смерть: где твое жало?
О, тлен, ты победил!

Хельва почувствовала дрожь: услышав, какое острое сожаление, какая невыносимая тоска прозвучали в его насыщенном глубокой страстью голосе. Он хочет умереть! Предвидит, что эта авантюра его убьет и желает смерти. Чтобы овладеть собой, Хельва повторила набор самых

смачных Кириных ругательств. Если бы она хоть что-то знала о механизме переноса сознания у бета-корвиков! Если они и вправду умеют стабилизировать изотопы, то, очевидно, достигли гениальных результатов в работе с энергией. Но если учесть, что мозг вырабатывает электричество, — а это весьма примитивная форма энергии — то, вероятно, электрический заряд можно переносить из одной емкости в другую. Теоретически все весьма просто, а вот как на практике? Может произойти утечка энергии, ошибочное запечатление у принимающего. Вдруг кто-то вернется полудурком? Хельва выбросила из головы эти мысли за явной недостаточностью данных. Кроме того, это не ее дело.

К тому же она сомневалась, что Преину удастся выполнить свой замысел: ведь Керла Стер полна решимости поддерживать искру жизни в его брэнном теле. И хотя она ничего не знала о бета-корвиках, ей было известно, что во всех цивилизованных обществах, с которыми ей удалось познакомиться, человеку запрещалось распоряжаться своей жизнью. Не зря Кира Фалернова столкнулась с непреодолимыми препятствиями, когда задумала покончить с собой.

И если Керла не глупа, — чего про нее не скажешь, несмотря на ее безрассудную влюбленность в Прейна, — она должна так же хорошо знать о его стремлении к смерти, как и о его физических страданиях.

Мысли Хельвы беспорядочно метались. Ей известно так мало — например, совершенно не ясно, как Преин Листон мог дойти до столь плачевного состояния при нынешнем уровне профилактики, диагностики и медицинской коррекции? Он явно разменял второе пятидесятилетие, но в таком возрасте страдать размягчением костей? Костный мозг можно насытить кальцием, используя пищу с добавками фосфора. К тому же Ансра тонко намекала на пристрастие Прейна к наркотикам. Сказала, что у него размягчение мозга... нет, черепных костей, — поправила себя Хельва, — «от мыслеуловителя его череп совсем размяк», — так она выразилась. Но мыслеуловитель всегда считался безвредным препаратом: он расширял возможности памяти, и его широко и подолгу применяли те, кто стремился застраховать себя от нежелательной потери информации. Ведь мозг взрослого человека ежедневно теряет около ста тысяч нейронов... Ясно, что для актера потеря памяти — это просто трагедия. Не могло ли случиться, что при долгом применении,

да еще и в больших дозах, мыслеуловитель мог дать побочные явления, губительно сказавшись на костных тканях?

Хельва порылась в судовом банке данных, но там не было зарегистрировано случаев пагубных последствий применения мыслеуловителя. Возможно, у актера, посещающего сотни планет, постоянно подвергающегося воздействию космических лучей, постепенно развилось нарушение клеточного кодирования, которое в свою очередь привело к развитию белкового стопора? Но клеточные инженеры должны были вовремя это заметить и исправить нарушение, изолировав дефектный фермент.

Хельва не сводила глаз с актера — теперь он бормотал целые сцены, изменяя голос по мере того, как один персонаж уступал место другому. Хельва зачарованно слушала, как в ночной тишине перед ней разворачивался акт за актом в безупречном исполнении солара. Его бдение закончилось перед самым рассветом, когда сон наконец принес страдальцу долгожданный покой.

Утро пришло и ушло. Хельва совершила дежурную проверку всех систем, пробежала показания детекторов и обнаружила что вокруг в радиусе связи нет ни единого корабля. Она ощутила разочарование и одновременно облегчение.

Первой пошевелилась Керла. И сразу же подплыла к постели солара. Увидев, что он мирно спит и даже следы усталости на его лице разгладились, она заметно успокоилась. Черты ее озарились любовью и нежностью. Девушка вышла, и распахнула дверь напротив, плавно проплыла в камбуз.

Вскоре к ней присоединился Даво. — Ну, как он сегодня?

Керла, сразу замкнувшись в себе, стала сыпать медицинскими терминами.

— Меня не интересуют подробности внутреннего устройства твоего любовника.

— Но Прейн Листон никогда не был моим любовником!

— Уже ли желание обогнало исполнение?

— Прошу вас, Даво!

— Не надо краснеть, детка. Я ведь просто пошутил. Меня устроит обычное да или нет. Сможет Прейн сегодня репетировать? Постановка в условиях невесомости представляет немалые трудности, и он говорил, что хочет пройти несколько сцен заранее, пока у нас

есть время. Хельва сможет устроить нам невесомость в любой момент. Правда, Хельва?

— Конечно.

— Он говорит совсем, как человек, — стараясь скрыть дрожь проговорила Керла.

— Она, а не он, Керла. Не забывай: Хельва такая же женщина, как и ты, — ведь так, Хельва?

— Рада, что вы это заметили.

Даво расхохотался — такое замешательство отразилось на лице Керлы.

— Милая мисс Стер, уж вы-то как медик должны были давно установить личность нашего капитана!

— У меня слишком много других забот, — ответила она, вызываяще вздернув подбородок. — Но если я вас обидела, Хельва, то прошу меня извинить, — обернувшись добавила она. Взгляд ее упал на закрытую дверь Прейна, и щеки залил густой румянец.

— Ведь ты, как никто, стараешься сохранить все в тайне, — сказала Хельва, заметив внезапное смущение девушки. — Можешь рассчитывать на мою помощь, — так выразительно добавила она, что Даво понял, почему покраснела Керла.

— Так, значит, киборгам тоже знакомо понятие «честь»? — с легкой иронией осведомился он, но глаза его смеялись.

— Безусловно, и каждому известно, что нас отличают врожденная надежность, верность, учтивость, честность, вдумчивость и нечеловеческая неподкупность.

Даво оглушительно расхохотался, но Керла зашикала на него, указывая на дверь Прейна.

— Ну и что? Он мне нужен. Да и ему было бы только полезно проснуться под звуки моего жизнерадостного смеха.

— Это похоже на хорошую выходную реплику, — отозвался Прейн, распахивая дверь. На лице его играла улыбка, плечи откинuty, голова высоко поднята — словом, все следы слабости и усталости как рукой сняло. А ведь Хельва знала, что он не мог так отлично отдохнуть, поскольку полночи бормотал про себя отрывки из пьес. Тем не менее, он даже помолодел. — Ну, что, приступим, Даво? — спросил он.

— Вы ни к чему не приступите, солар, — решительно заявила девушка, — пока не позавтракаете.

Он безропотно подчинился.

Несмотря на свою решимость не ввязываться в лич-

ные взаимоотношения этого квартета, Хельва наблюдала за репетицией с напряженным интересом. Керле дали сценарий и велели исполнять обязанности суфлера.

— Итак, — бодро начал Прейн, — мы совершенно не представляем себе, как относятся корвики к поединкам между отдельными особями, если они вообще знают, что это такое. Кроме того, мы не знаем, могут ли они понять древние правила, которые сделали именно эту дуэль неизбежной. Однако, наша труппа не ставит себе целью объяснять древние социальные структуры и понятия о нравственности. Если верить капитану разведывательного корабля, корвики были очарованы принципом особой «формулы» — команда в тот день смотрела «Отелло», — имеющей целью исключительно расход энергии для достижения возбуждения и рекомбинации и никаких более глобальных задач. — Он озадаченно усмехнулся. — Но ведь везде и всегда находились люди, считавшие театральное искусство пустой тратой энергии. Таким образом, не стоит и пытаться играть Шекспира, как какой-то социальный комментарий. Будем придерживаться классической манеры и поставим «Ромео и Джульетту» в чистом виде, как это сделала бы труппа театра Глобус.

— Тогда для полной чистоты роль Джульетты должен исполнять мальчик, — с ехидной улыбкой напомнил Даво.

— Чистота — чистотой, но не до такой же степени, — рассмеялся Прейн. — Пожалуй, я все же сохраню прежний состав исполнителей. Перед нами и так немало трудностей: придется играть в полной невесомости да еще освоиться с оболочками, которыми снабдят нас корвики. И если мы сейчас сумеем разучить все мизансцены, то по прибытии на Бету Корви нам останется только привыкнуть к нашим новым телам. Эта процедура мне представляется чем-то вроде смены костюма.

Итак, Даво в роли Тибальда выходит на авансцену. Бенволио и Меркуцио располагаются в южной части сцены, а я, Ромео, подхожу с востока.

Хельва поняла, что оба актера уже работали в невесомости, — они умело принимали позы, ухитряясь так рассчитать силу толчка, что движения получались плавными, как у танцоров. Однако все перемещения требовали значительных физических усилий, и скоро, раз за разом проходя сцену дуэли, чтобы запомнить все движения до мельчайших нюансов, оба друга изрядно вспотели и запы-

хались.

Они продолжали усердно трудиться, экспериментирова, внося изменения и усовершенствования, пока дважды не исполнили сцену дуэли без малейшего изъяна. Хельва, которая знала о состоянии Прейна, была потрясена его работоспособностью.

Но как только в рубку томно вплыла Ансра, атмосфера так резко изменилась, что Хельва непроизвольно покосилась на систему аварийной сигнализации.

— День добрый, добрая подруга, — галантно приветствовал ее Прейн. — Приступим к сцене у балкона, милая моя Джульетта?

— Дорогой солар, неужели репетиция с Даво тебя не переутомила и ты еще способен продолжать?

Прейн помешкал лишь долю секунды, а потом поклонился и, лучезарно улыбнувшись, ответил: — Ты, дорогая, как и положено Джульетте, отправляйся наверх, — и он изысканным жестом показал Ансре место, которое ей предстояло занимать в этой сцене.

Повернувшись, он поплыл к стене; Ансра, чей укол не попал в цель, пожала плечами и вознеслась наверх.

— Дай мне реплику Бенволио, — попросил Керлу Прейн.

Появление Ансры выбило девушку из колеи, и она принялась нервно шелестеть страницами.

— Акт второй, сцена первая, — ободряюще подсказал Даво. Хельва понизила голос до тенора:

Пойдем — искать того напрасно,
Кто не желает, чтобы его нашли.

— Кто это, черт побери? — воскликнул Прейн и от удивления так резко обернулся, что отлетел к самой стене и машинально оттолкнулся от нее рукой.

— Это я, — скромно ответила Хельва.

— Ты что же, можешь по желанию изменять голос?

— Видите ли, здесь все дело в проекции звука. А поскольку мой голос идет через аудиоаппаратуру, я всегда могу выбрать ту, которая необходима для конкретного регистра.

От Хельвы не укрылось, что на Ансру эта ее способность произвела неизмеримо большее впечатление, нежели на Прейна.

— А как ты нашла нужную реплику? — не унимался Прейн, указывая на сценарий, находившийся в руках Керлы.

— Я следила за текстом по библиотечному банку данных. — Хельва сочла излишним рассказывать длинную историю о своих детских годах, когда она приохотилась к старинным фильмам, которые как-то вполне естественно привели ее к Шекспиру и музыке — и легкой, и классической, в частности, оперной. Постепенно это стало ее единственным хобби, и сейчас Хельва извлекла реплику из своей собственной памяти.

Прейн опрометчиво простер к ней руки, и его подбросило к потолку.

— Какая невероятная удача! А не смогла бы ты прочитать что-нибудь еще?

— Ты никак собрался устроить кораблю пробу? — поинтересовалась Ансра, прозрачно намекая на то, что он не в своем уме.

— Если не ошибаюсь, — вступил в разговор Даво, и глаза его насмешливо блеснули, — Хельва к тому же прославилась как Корабль, который поет. Ты, Ансра, наверняка видела передачу о ней. Я даже уверен, что видела, — мы тогда играли греков на Драконе.

— Погоди, Даво, — перебил его Прейн-режиссер, подлетая к центральному пилону. — Так ты — Корабль, который поет?

— Да.

— Не откажи мне в любезности, прочитай, пожалуйста, монолог кормилицы из первого акта, сцена третья, — там где синьора Капулетти и кормилица обсуждают замужество Джульетты. Начиная с «Ну вот, в Петров день к ночи...»

— Комилица должна быть простовата?

— Да, добрая душа, счастливая в своем неведении. Ее реплики — торжество образности. Понимаешь, только она одна может сказать то, что вложил в ее уста драматург. А это и есть свидетельство подлинной образности.

— А мне-то казалось, что я присутствую на репетиции моей сцены, а не на очередной лекции, — язвительно заметила Ансра.

Прейн повелительным жестом дал ей знак помолчать. — Примерно в таком ключе: Ну вот, в Петров день к ночи... — произнес он, переходя на дребезжащее сопрано пожилой женщины.

И Хельва, активно включившись в действие, стала читать монолог кормилицы Анжелики.

Под предлогом срочных расчетов Хельва прервала

репетицию, которая грозила растянуться на весь день. Но что действительно требовало срочного вмешательства, так это поведение Ансры.

Даво и Керла с готовностью подавали реплики за второстепенных персонажей, причем Даво с таким блеском исполнял самые незначительные роли, что заслужил молчаливое уважение Хельвы и щедрые похвалы Прейна. Керла на удивление прилично справлялась с ролью синьоры Монтекки. Зато Джульетта становилась все менее убедительной. Ансра читала свою роль, а не играла, оставаясь глуха к страсти, юношескому восторгу и нежности Ромео-Прейна. Она была холодна, как манекен. Правда, голосом и жестами она походила на девушку, однако, несмотря на все усилия Прейна, отказывалась играть Джульетту такой, какой видел ее режиссер.

И хотя Прейн, ничем не обнаруживая своего недовольства, высказывал замечания ровным, невозмутимым голосом, другие отлично все понимали. Что до Хельвы, она считала поведение Ансры вдвойне непростительным.

Как только Хельва вышла из игры, Керла объявила, что всем давно пора как следует подкрепиться, а после обеда отдохнуть. Хельва украдкой наблюдала, как Керла подвергла Прейна краткому медицинскому исследованию. Она тоже недоумевала: как солар после столь долгой и напряженной репетиции умудряется сохранять столько энергии.

— Солар Прейн, вам необходим отдых. Меня не интересует, что показывают приборы. Вы не сможете восстановиться затраченные сегодня силы, если не поспите, — твердо сказала Керла. — Даже я устала. А вам еще предстоит пережить посадку.

Солар надулся, как мальчишка, но послушно улегся на амортизирующий матрас, и Керла заботливо укрыла его длинное, безжизненное обмякшее тело. Потом резко повернулась и, повинаясь силе инерции, выплыла из каюты. Прейн быстро открыл глаза, и взгляд его выдал столь многое, что Хельва почувствовала смущение. Так, значит, в жизни Прейна Керла — солнце, тогда как Ансра — ревнивая луна, бледнеющая от тоски и зависти...

Хельва была несказанно рада, что не пройдет и дня, как она избавится от этой компании. Ансра была столь неосмотрительна, что дала понять: она способна не только на ревность, но и на месть. Изменит ли она свои планы теперь, когда знает, что Хельва вовсе не автомат?

Пассажиры засыпали один за другим, и скоро все

затихли. Все, кроме Прейна. Теперь он декламировал Ричарда III, начиная с монолога Глостера: «Здесь нынче солнце Йорка злую зиму...» и до заключительных слов Ричмонда: «Спокойствие настало, Злоба, сгинь! Да будет мир! Господь изрек: аминь!» Хельва сочла, что после всего, что произошло за этот день, он избрал отличный способ вызывать сон. Что ж, если мыслеуловитель дает такие отличные результаты...

Ближе к вечеру Хельва припомнила одну деталь и, понося себя за невероятную тупость, вызвала Регул по экстренной связи.

— Рад услышать твой голос, Хельва, — подчеркнуто дружелюбно отозвался диспетчер Ценкома.

— Не очень-то верится. Что вы там опять для меня состряпали? Не надейтесь, что я снова соглашусь на беспилотный рейс. Я знаю свои права и буду их отстаивать.

— Какая муха тебя укусила? Разве можно быть такой подозрительной? И такой неразумной?

— Зато вам доподлинно известны мои требования. А теперь слушайте внимательно: есть у вас на орбитальной станции свободный номер... нет, несколько номеров — в секции с нулевой гравитацией?

— Сейчас узнаю, только зачем тебе это?

— Узнайте и сообщите.

— Да, есть.

— Отлично. Прошу забронировать их для солара Прейна и тех его спутников, которые пожелают там остановиться. Чтобы подготовиться к выполнению их задания, мы поддерживаем на борту невесомость, так что им будет трудно сразу перейти к полной гравитации.

— Неплохая мысль. А разве тебя, Хельва, его задание не прельщает?

— Оставьте этот вкрадчивый тон, Ценком.

— Но ты так печешься об их благоденствии — даже заказываешь для солара Прейна особые номера!

Хельва спохватилась — не стоит обнаруживать излишнюю заинтересованность.

— Просто меня учили проявлять предусмотрительность. Было бы непростительно свести на нет все то, чего они уже достигли, приспособляясь к условиям невесомости.

— Не беспокойся, Хельва. Полет к Бете Корви у нас сейчас на первом месте.

— Конечно, этот фокус с переносом сознания — любопытная штука...

— Нет уж, детка, раз ты так настаиваешь на своих правах, я тебе больше ничего не скажу.

— Ну и ладно, все равно я в ваши игры не играю. И все же это свинство с вашей стороны, — отрезала она и отключила связь.

Пока пассажиры спали, Хельва размышляла над словами Ценкома. Значит, они хотят, чтобы она взяла это на себя. Что ж, пусть просят, пусть уламывают, пусть задабривают — она была полна решимости не поддаваться ни на какие приманки, пока не получит напарника.

Она и не подумала поставить своих пассажиров в известность о предрассветных переговорах с Ценкомом, а просто причалила к нужному шлюзу орбитальной станции, как будто это было оговорено заранее. Под ними, сверкая в лучах своего солнца, величаво проплывал Регул IV.

— Но нам было сказано, что мы приземлимся на базе Регул, — взорвалась Ансра, заглянув в шлюз станции. Она злобно уставилась на подплывающего к ним дежурного по шлюзу.

— Так здесь невесомость? — воскликнул Даво. — Тогда я предпочитаю остаться.

— Но это просто абсурд! — продолжала кипятиться Ансра, направляясь к смущенному дежурному. — Требуя, чтобы меня доставили на базу. И вызовите того, кто отвечает за этот рейс.

— Мисс Колмер, X—834 отправляется на базу, как только высадит здесь пассажиров, — старался унять разгневанную актрису дежурный.

— Мисс Колмер, если вы перейдете в главную рубку, я смогу закрыть люк, — сказала Хельва, увидев, что Прейн с Керлой перебрались в станционный шлюз.

Протиснувшись мимо Ансры, дежурный стал швырять сваленный у люка багаж в шлюз, и вещи, крутясь, полетели по направлению к станции. Хельва закрыла наружный люк, и Ансре пришлось попятиться внутрь.

— Только подожди, я тебе еще устрою, ах ты... ты...

— Ну кто — уродина, дрянь, доносчица, шпионка? — услужливо подсказала Хельва.

— Уж я позабочусь, чтобы тебя разобрали на части, мерзкая жестянка!

В ответ Хельва врубила тягу — и Ансра, привыкшая

к невесомости, кувырком полетела к ближайшему креслу. Да так и просидела в нем весь спуск и всю посадку, ни на минуту не переставая грязно ругаться.

— Ты еще пожалеешь о своей наглой выходке, бес- телесная Брунгильда, — бросила Ансра напоследок, не- уклуже ковыляя к пассажирскому люку.

— Прошу прощения, мисс Колмер, за небольшие нудобства во время обычного предпосадочного маневри- рования. Вам же советовали остаться на станции, — громыхнула Хельва через внешние динамики, в расчете, что ее услышат в машине, которая ожидала актрису, чтобы отвезти к главному административному комплексу, неподалеку от которого приземлилась Хельва.

— Скажи, Хельва, чем ты так насолила этой бестии Колмер? — осведомился Ценком по внутреннему каналу некоторое время спустя. — Если бы начальство к тебе так не благоволило, ты бы наверняка схлопотала официаль- ный выговор и штраф. Учти, у нее неплохие связи в верхах.

— Вот, значит, как она добилась этого назначения!

— Слушай, детка, я на твоей стороне, но все же такие заявления...

— Если бы я захотела сделать ей гадость, то вос- произвела бы целиком, без купюр, кое-какие подлинные и на редкость любопытные записи, сделанные во время нашего путешествия в открытом космосе.

— Например?

— Я же сказала: если бы захотела. — Она отключила связь и огляделась в поисках более приятного собесед- ника.

Вокруг нее, заняв всю служебную посадочную пло- щадку, сгрудилось не меньше двадцати мозговых кораб- лей. Что это — общий сбор или дружеские посиделки? Справа, в переднем ряду она углядела Амона, а рядом — пятерых своих одноклассников. Но когда она попыталась связаться с ВЛ—830, то не сумела к нему пробиться. Не удалось ей вызвать и других своих приятелей — диапазон межсудовой связи был перегружен до отказа.

Неужели все они стремятся заполучить этот ду- рацкий рейс к Бете Корви? Нужно их отговорить. Она вызвала диспетчерскую и попросила другое место для посадки, желательно поближе к пилотским казармам. Должен же найтись на площади в двадцать квадратных

километров хоть один корабль, с которым можно поболтать?

— Рад снова тебя услышать, прорезался на диспетчерской волне Ценком. — Тебе, спорщица, приказано оставаться на месте.

— Что ж, выходит, мне даже нельзя ни с кем пообщаться? Хотя бы с «телами» из пилотских казарм? Разве вы забыли: на этот раз мне обещан напарник. И я непременно хочу его получить. Знали бы вы, как бедная, одинокая женщина, совершенно беззащитная...

— Будет тебе общение, — буркнул Ценком и отключился.

Хельва принялась ждать, предусмотрительно спустив пассажирский лифт. И прождала довольно долго. Она уже начала терять терпение, когда получила просьбу о допуске на борт. Она с готовностью включила лифт и, к своему разочарованию, увидела, что из кабины вышел всего один человек.

— Но вы не «тело».

— Привет, подружка, — произнес худощавый, жилистый коротышка, и голос его показался ей подозрительно знакомым.

— Вы...

— Найал Паролан с Регула, твой главный инспектор-координатор, Центральные Миры, Отдел кораблей класса МТ, начальник сектора, — отрекомендовался он.

— Что ж, в хладнокровии вам не откажешь.

Он дружелюбно ухмыльнулся, было видно, что нелюбезный прием его ничуть не огоршил. — А у тебя, детка, его хватит на четверых.

— Он повернул ручной выключатель, запирающий шлюз, и неторопливо прошествовал к креслу, обращенному к ее пилону. На нем была обычная форма, ловко подогнанная к его небольшой стройной фигурке, ботинки из кожи серой мицарской ящерицы плотно облегали лодыжки.

— Будьте как дома.

— Я так и настроился. Мне кажется, нам стоит познакомиться поближе, раз уж я стал твоим начальством.

— Зачем?

Он бросил в ее сторону лукавый взгляд и улыбнулся, показав ровные белые зубы.

— Мне захотелось взглянуть, почему из-за некой Хельвы, Х—834, разгорелась такая драка.

— Между «телами»? — Хельва была польщена.

— У тебя такой голос, будто ты изголодалась. Не проверить ли подачу питания?

— Я вам не верю, Паролан, — помолчав, объявила она. — Смотреть здесь совершенно не на что... если вы имели в виду Хельву.

— А вот здесь ты ошибаешься, детка, — широкой короткопалой ладонью он задумчиво потер подбородок. — Что-то в тебе определенно есть.

— Я заново перекрасила каюты в Неккаре.

— Знаю, я проверял счета.

— Неблагодарные. Я-то надеялась, что ремонт обойдется мне бесплатно. — Увидев, что в ответ на ее упрек он только рассмеялся, Хельва добавила: — Если уж вы проверяли мое финансовое положение, то должны бы знать, что я могу себе позволить любой штраф за отказ от задания.

— А, так ты тоже умеешь кусаться! — восхитился Найал Паролан и захохотал, раскачиваясь взад-вперед. Значит, мне не удалось тебя провести?

— Ни на долю секунды. Запомните, Паролан: мне нужно настоящее «тело», а не хитрый маленький болтун вроде вас.

Он уже просто катался от хохота.

— Теперь мне все ясно. — Отсмеявшись, Паролан стал совершенно серьезен. Он подался вперед, устремив пристальный взгляд на ее панель, и эта поза вдруг показалась ей такой знакомой, что сердце болезненно сжалось. Он стал говорить, а она молча слушала.

— Итак: полет на Бету Корвик требует особого дипломатического такта от обоих партнеров, поскольку и «мозг», и «тело» будут поддерживать с корвиками непосредственный контакт. На капсульника возлагается дополнительная ответственность: он будет осуществлять прямой и полный контроль за механизмом переноса сознания, что потребует устройства дополнительных си-напсовых отводов.

Хельва тихонько свистнула. Как минимум это предполагает вскрытие титанового пилона — нелегкое испытание для любого капсульника. А в худшем случае — проникновение в капсулу, что крайне мучительно.

— Для кораблей двух новейших классов открывать капсулу не потребуется. У них уже предусмотрены дополнительные отводы, необходимые для этой цели: они

размещены в области полушарий на случай, если потребуется дальнейшая модификация.

— Тогда Амон отпадает, — проговорила Хельва.

— Он отпадает в любом случае, — заявил Найал. — Бедняга в жизни не слышал о Шекспире, а его напарник не сумел бы уладить даже скандал в пивной.

— Так «телу» тоже придется вступить в игру? Тогда, очевидно, отпадаю и я, поскольку у меня сейчас нет напарника, ведь так?

— Спаси меня Боже от твоего язычка, когда ты разойдешься не на шутку! Мы вызвали Шадресса Туро...

— Снова временный партнер? Это абсолютно исключено.

— Да ради такого задания любой корабль мигом менял бы напарника. Черт бы тебя побрал, Хельва! — взорвался Паролан. — Не будь ты такой душой! Выслушай меня — ведь раньше ты никогда не упрямилась не по делу.

Хельва молча проглотила этот нелिцеприятный выговор.

— Я слушаю.

— Вот это уже больше похоже на мою Хельву.

— Я не ваша Хельва.

— Ты говоришь совсем, как Ансра Колмер.

Хельва поперхнулась от возмущения.

— Да, да, — когда начинаешь вот так ерепениться.

— Надеюсь, она не пыталась вычеркнуть солара Прейна из списка участников полета? Если она вздувает...

— Ее поддерживают очень влиятельные лица, — сказал Найал, но что-то в выражении его лица, лукавый блеск, мелькнувший в глазах, подсказал Хельве истинное положение дел.

Она тихонько хихикнула, следя за его реакцией, и он отозвался.

— Так я и думала, — рассмеялась она уже громче. — Любая ее поддержка бессильна, если вероятностная кривая все еще благоприятствует Прейну. А до сих пор не случилось ничего такого, что смогло бы ее изменить, правильно?

— Ох, уж эти актеры — вечно все растрезвонят! — недовольно хмурясь, проворчал Найал. Ты, небось, ночи напролет слушала, что они бормочут во сне!

— Я же вам сказала: за время полета произошли весьма захватывающие драматические эпизоды, имеющие

самое прямое отношение к предстоящему заданию. Дайте мне знать, если Ансра будет слишком уж наседать на Прейна.

Найал резко поднял голову, лицо его прояснилось.

— Послушай, Хельва, неужели ты сама не понимаешь, какую неоценимую пользу могла бы принести? Ты сразу раскусила Ансру. А тебе известно, что она перебрала немало кораблей, приглядываясь к «мозгам» и «телам»? Что это она нашептывает нашему шефу Рейли, кого взять в партнеры, чтобы обеспечить успех задания?

— У нее это не пройдет! На вашем месте я бы заставила Даво Филаназера подать на нее в суд. Ведь она задумала сорвать спектакль!

— Да знаю я! — Найал вскочил с кресла и принялся мерить шагами рубку. — И ты знаешь. Но у нее есть связи. К тому же вероятностная кривая по-прежнему благоприятствует ее Джульетте. И с этим ничего не поделаешь. Вот почему нам так нужна ты.

Хельва упрямо молчала.

— Преин просит, чтобы это была именно ты.

— Это что же, официальное уведомление о назначении?

— Учти, Хельва, обещана тройная премия, — не сдавался Паролан.

— Мне решительно наплевать, пусть даже мне посулят пожизненное бесплатное обслуживание. Я свои права знаю. Еще раз спрашиваю: это официальное уведомление о задании?

— Ах ты упрямая, безмозглая титановая задница, девственница в консервной банке! — рывкнул Паролан. Он повернулся на каблуках и, громко топая, выскочил из рубки. Рывком распахнул дверь шлюза, нажал кнопку лифта и уехал, не удостоив ее взглядом.

Хельва злобно смотрела ему вслед, взбешенная его витиеватыми ругательствами, самоуверенными манерами, хитрыми уловками, завуалированным шантажом и наглым подкупом. Непонятно, как он вообще пролез в инспекторы, но у нее тоже есть свои права, и одно из них — самой выбрать себе начальство и...

Кто-то попросил разрешения войти.

— Вы решили извиниться, Найал Паролан?

— Извиниться? Разве мы опоздали? Нам только что дали добро, — прокричал в наружный микрофон незнакомый баритон.

— Кто просит разрешения войти? — неприветливо спросила Хельва.

— Похоже, она не в духе, — слышался чей-то хриплый шепот.

— Мы из пилотской казармы, очень хотели бы...

— Посвататься, вот как это называется, дурень, — подсказал тот же шепот.

— Разрешение дано, — ответила Хельва, стараясь чтобы в голосе не прозвучало безотчетное разочарование, которое она внезапно ощутила.

Семеро «тел» — пять мужчин и две женщины — набились в лифт и всю дорогу переругивались по поводу отдавленных ног и помятых ребер. Хельва чувствовала, с какой перегрузкой работают лифтовые механизмы. Потом все ворвались в шлюз и, толкаясь, бросились вперед — каждый стремился первым представиться Хельве. Она вглядывалась в их красивые сияющие лица — все высокие, сильные, и каждый жаждет ей понравиться, посвататься к ней, стать ее «телом»...

Как только казармы облетела новость, что можно посвататься к Х—834, от претендентов не стало отбоя. Не успевала Хельва поднять лифт, как его снова вызывали вниз. Так что не было ничего удивительного в том, что Керла Стер проникла на борт незамеченной.

— Эй, малышка, что стоишь, разинув рот? Присоединяйся к нам, если хочешь попытать счастья, — ободряюще предложил ей кто-то из «тел».

— Спокойно, ребята, она вам не конкурент, — повысила голос Хельва. — Пропустите ее в пилотскую каюту.

Керла прижала руку к груди, будто заслоняясь от неведомой опасности, на лице ее были написаны замешательство и смущение. Не успела она раскрыть рот, как ее уже втолкнули в каюту.

— Что-нибудь с соларом, Керла? — спросила Хельва, как только за девушкой закрылась дверь.

Неуверенность на лице медсестры сменилась радостным облегчением. — Так вам небезразлична его судьба!

— Я уважаю солара Прейна, как актера и как человека, — ответила Хельва, тщательно взвешивая каждое слово. Она подозревала, что за этим визитом стоит Паролан.

— Почему же тогда вы отказались от задания? Ведь он так просил, чтобы это были именно вы, — в голосе

девушки зазвенел упрек, хотя она изо всех сил старалась не выдать своих чувств.

— Я не отказывалась от задания.

Керла мстительно сжала губы. — Значит, это Ансра Колмер добились, чтобы вас отстранили.

— Погоди, Керла, я об этом ничего не знаю. Ко мне обращались... правда, неофициально... и я очень польщена, что солар Преин попросил, чтобы назначили именно меня. Но я дала понять... тоже неофициально... что не соглашусь на это задание, если мне снова дадут временного напарника.

— Ничего не понимаю. Я-то думала, что всему виной эта Колмер. Что вы не знали, что Преин хочет только вас. Неужели вы не отдадите себе отчет: больше ни один корабль понятия не имеет, кто такой Шекспир, и уж тем более не может декламировать его по памяти. Преин даже думает, что вы, может быть, захотите сыграть роль кормилицы. На него произвело большое впечатление, как вы прочитали ее монолог, когда мы летели сюда. Вы так подходите во всех отношениях, что это для нас просто находка. Ведь он непременно хочет, чтобы все получилось наилучшим образом. Хочет поставить совершенный спектакль... — она с трудом сдерживала дрожь в голосе, — и мы должны, просто обязаны ему помочь.

— Потому что это его последний спектакль?

Казалось, от этих слов ноги у Керлы подкосились — она скорчилась у подножия пилона и припала щекой к холодному металлу, из глаз ее хлынули непрошенные слезы.

— Избави меня Боже от женских слез, — сердито проворчала раздосадованная Хельва. — Итак, это его лебедина песня, и вы решили, что я тот корабль, который должен ее пропеть?

— Умоляю, если в вас есть хоть что-то человеческое...! — Запоздало осознав свою бестактность, Керла зажала рот ладонями, ее широко раскрытые глаза виновато глядели на Хельву.

— К твоему сведению, человеческого во мне целых двадцать два килограмма...

— Ой, Хельва, мне так жаль, — запинаясь пробормотала девушка. — Так жаль. Я не имела права приходить сюда. Прости меня, пожалуйста. Я думала, что если мне удастся объяснить...

Она неловко поднялась на ноги.

— Прошу вас, забудьте, что я сюда приходила, —

сухим официальным тоном заговорила Керла, взявась с дверным замком. — Никогда нельзя действовать сгоряча.

— Так это правда, что больше ни один корабль не знает Шекспира?

— Я бы никогда не стала унижаться до джи! — вспыхнула девушка.

— Значит, Ансра весьма осложнила вам дело.

Казалось, остатки гордости покинули Керлу — она устало прислонилась к двери, вся ее стройная фигурка выражала полную беспомощность.

— Она распространяет о нем ужасные слухи. Она говорит... впрочем, это не имеет значения. Но она подрывает его авторитет в труппе. И... знаешь, Хельва... я ей не доверяю.

— Тогда добейся, чтобы ее заменили, глупышка ты этакая!

— Я? Что я могу сделать? Я всего лишь медсестра.

— Керла, он умирает. Надеюсь, у тебя нет иллюзий на этот счет...

— Нет. Как раз этой иллюзии у меня нет. — Девушка выпрямилась, как пружина. — Просто я не хочу, чтобы чьи-то интриги сорвали его последний, самый совершенный спектакль. Ведь театр — все, что у него осталось, и он гениальный актер.

— Ты можешь на него повлиять. Заставь его заменить Ансру.

Керла безнадежно покачала головой. — Он не согласится, потому что уверен: Ансра лучшая исполнительница роли Джульетты, и готов мириться с ее... темпераментом. И, знаешь... — Керла замаялась, на ее выразительном личике была видна борьба противоречивых чувств, в которой победила честность, — так оно и было, когда они репетировали на Дууре. А потом... ее будто подменили. За одну ночь. И Прейн уже ничего не мог сделать. Она его погубит, Хельва. Я это чувствую. Так или иначе, но она его погубит.

— Нет уж, пока я за ней присматриваю, этот номер у нее не пройдет, — решительно заявила Хельва.

Скорость, с которой прибыл Шадресс Туро, показала Хельве подозрительной, но в том, что приход Керлы не был делом рук Паролана, она была совершенно уверена. А Шадресс ей понравился сразу. Должно быть, он ушел в отставку совсем недавно: походка у него была упругая, летная форма старого образца выгодно подчеркивала стройную мускулистую фигуру. На груди

красовалось целое созвездие знаков различия, но ни одного ордена — свидетельство того, что он имел их немало, но не желал выставлять напоказ.

— Добро пожаловать на корабль, Шадресс Туро с Марака. Рада, что у меня будет партнер, хоть и временный.

Шадресс уловил в ее голосе кислые нотки. — Надеюсь, не я причина твоего расстройства?

— Нет, ты первый счастливый на вид человек, которого я встречаю за последние два часа.

Его глаза лукаво прищурились. — Итак, «мозги» устроили тебе бойкот, а мне пришлось тайком пробираться на борт, чтобы не столкнуться с толпой взбешенных «тел». Ничего, они быстро утешатся, так всегда бывает. Зато начальство тобой довольное. Инспектор Паролан принимает поздравления: ведь это он уговорил тебя согласиться...

— Ну и наглость у этого замухрышки!

— Я так и подумал, — рассмеялся Шадресс. — Не обращай внимания. Не я один считаю, что ты единственный корабль, который может справиться с этим заданием, а ведь я могу судить только по слухам и легендам... Да, полет нас ожидает непростой — столько поставлено на карту и столько непредсказуемых...

— Личностей?

Шадресс усмехнулся. — Мне доводилось встречать немало актеров — я ведь и сам классический комик, почему меня, собственно, и призвали... — он помолчал, задумчиво щурясь и глядя в пустоту. — И я с готовностью ухватился за это предложение. Видно, я их тех, кто рожден, чтобы умереть на посту. Ну, да ладно. Вот полетное задание, — он вставил кассету в прорезь. Перед тем, как нажать клавишу пуска, он запер шлюз и выключил все динамики, кроме того, что находился на пульте. После чего устроился в пилотском кресле и приготовился слушать.

Корабль-разведчик, выполняя плановый рейс, зарегистрировал в районе Беты Корви излучение импульсной энергии колоссальной мощности. Экипаж выяснил, что источником излучения является шестая планета, гигант с аммиачно-метановой атмосферой и вывел корабль на круговую орбиту. Но, не успев он подготовить зонды, которые могли бы работать в столь разрушительной атмосфере, как корвики сами вышли на контакт.

«Я ощутил давление — как будто огромная рука легла

мне на голову и стала заталкивать в мозг новую информацию», — вспоминал капитан корабля-разведчика.

Несмотря на столь необычный способ общения, корвикам удалось весьма точно установить не только, что представляют собой нежданные гости, но и какой имеющийся у них товар они, достигшие невообразимого уровня научного развития, хотели бы заполучить.

«Пожалуй, можно привести такую аналогию, — продолжал капитан корабля. — Представьте кабинетного ученого, который посвятил полвека исследованию какого-то загадочного явления. Наконец, он добивается успеха, и у него появляется время, чтобы оглядеться по сторонам. И тут он обнаруживает, что существует кое-что еще... например, девушки, — хихикнул капитан, — и секс. Теоретически он все это понимает, но на практике — ни бум-бум. Ну, и естественно, жаждет научиться.»

Предметом сделки стала пьеса «Ромео и Джульетта», возбудившая у корвиков острое любопытство. Они просят, чтобы наши актеры научили их дублеров играть этот спектакль, причем сценическое движение должно быть приспособлено к условиям невесомости, существующей на Бете Корви. А оплатой послужит разработанный корвиками процесс стабилизации некоторых изотопов трансурановой группы, энергетический потенциал которых пока невозможно реализовать из-за необычайно короткого периода полураспада. Центральные Миры испытывают острейшую нужду в этом процессе, и X—834 должна обеспечить успех этого драматического полета.

— Что ж, попытка не пытка, — проговорила Хельва.

— Не слышу уверенности.

— Слишком уж просто у них все получается. Возьмем этот пресловутый перенос сознания: откуда нам знать, что он не принесет неожиданных сюрпризов и наши люди навеки не застрянут в корвиканской шкуре?

— Вот почему тебя и снабдят системами контроля времени и отключения.

— А вдруг корвики, очарованные Джульеттой Ансры Колмер, отключат меня?

Шадресс ухмыльнулся и бросил на пульт управления схематический чертеж приемопередатчика. — Каждый специалист по ЭЭГ в нашей галактике приложил к нему руку. В нем нет незамкнутых контуров и вообще ничего непредусмотренного схемой. К тому же его создали мы, а не корвики. Но они подчеркивают,

что длительность пребывания в их оболочке для нашего биологического вида не должна превышать семи часов.

— Ого!

— Не горячись. Приемопередатчик снабжен реле времени, установленным на максимальный срок в семь часов, так что ничего не может случиться.

— А что произойдет с человеком по истечении максимального срока, если...

— Давай не будем изобретать себе лишних проблем. Их у нас и так предостаточно. Я сам беседовал с капитаном разведывательного корабля, и он смотрит на перенос весьма оптимистично. Он считает, что для трупы актеров это как раз то, что нужно. Стоит представить, что находишься на поверхности планеты — раз! — и ты уже там. Ни тебе забот, ни хлопот. Сама простота!

— Простота имеет тенденцию перерастать в катастрофу.

Шадресс обозвал ее пессимисткой и снова углубился в задание. А она принялась перебирать полдюжины факторов, которые по пути до Беты Корви могут измениться самым роковым образом, и пришла к выводу, что неизвестное устройство — далеко не самый опасный из них.

Дополнительное усовершенствование, которым предстояло обзавестись ей самой, оказалось еще проще. Изучая компактный прибор под увеличением, она нашла новшество весьма оригинальным. Он соединит несколько мельчайших волокон, уже вживленных в кору ее головного мозга: одно глубоко уходит в ту область мозга, которая контролирует зрительные нервы, — ведь перенос сознания инициируется именно этим участком. Два других должны связать перекрестные рефлексy, что даст ей возможность прерывать и регулировать по времени перенос сознания подвижных участников эксперимента. Все три синапсовых контакта могут включаться автономно и не выводятся на пульт управления.

Присоединение предстояло выполнять под наркозом, и как раз эта перспектива не нравилась Хельве больше всего. Она вся сжалась от тягостных предчувствий, когда сам начальник базы Регул — неслыханная честь! — произнес набор слогов, отпиривший панель, которая была единственным доступом к ее капсуле, спрятанной в титановом пилоне. Ей показалось, что она целую вечность пребывала в полнейшей беззащитности, пока, наконец,

он не коснулся клапана, подающего в оболочку усыпляющий газ. Хельва инстинктивно боялась беспамятства. Неужели несчастная 732 ощущала то же? Или ее безумие оказалось сильнее страха?

Не успела Хельва сформулировать эту мысль, как сознание снова вернулось к ней. Она изумленно оглядела пустую рубку: неужели шеф Рейли осмелился оставить ее без охраны? Потом поняла, что с тех пор, как ее посетил шеф, уткло немало времени — если быть точной, то целых восемнадцать часов, двадцать минут и тридцать две секунды.

— Ну что, Хельва, пришла в себя? — спросил, входя в шлюз, Шадресс Туро. — Надо же, они рассчитали время до секунды. Мне велено узнать, не болит ли у тебя голова.

— Голова? С какой стати — ведь у меня нет болевых рефлексов.

Она снова обвела глазами рубку, где рядом с кушетками появились приемопередатчики, а на стенах — щиты для их подключения. Во всех каютах установили дополнительные койки, а в пилотской — второй стол.

— Ну и видок, — вздохнула Хельва. — Ни дать ни взять — затрапезная пассажирская посудина.

— Так оно и есть, — с усмешкой поддакнул Шадресс. — И пассажиры уже на подходе.

Из лифта вышли пятеро мужчин, и Шадресс представил их Хельве. Но ей больше нравилось называть их про себя именами тех персонажей, чьи роли они исполняли. Знакомство было нарушено воем сирен, и появлением целого каравана машин.

— Ансра, как всегда, устроила представление, — мрачно объявил актер, игравший герцога Эскала.

Похоже, никто не огорчился, когда Шадресс не впустил на борт никого из провожающих, в том числе и шефа Рейли. И поскольку сам шеф воспринял запрет добродушно, остальным ничего не оставалось, как последовать его примеру, а разочарованной Ансре — поднимаясь на лифте, расточать поклонникам улыбки и воздушные поцелуи.

— А вот и я, Хельва, — произнесла она беспечным тоном, который Хельву, разумеется, ни на миг не обманул.

— Добро пожаловать на борт, мисс Колмер, — ответила она, а про себя подумала: ты будешь подавать реплики, а я подыгрывать.

И тут же Ценком — на сей раз это был не Найал Паролан — объявил старт к орбитальной станции. Пробеги был коротким, и скоро Хельва уже причаливала к шлюзу в секторе невесомости.

Сцена очень напоминала посадку на Дууре: в центре улыбающейся группы находились Даво, солар Прейн и Керла. Только здесь на борт поднялась вся компания, причем каждый из новых пассажиров вплыл в рубку с отменной ловкостью, после чего все устроились на кушетках и пристегнули ремни, готовясь к маневрированию и стартовому ускорению. И все это без лишних затрат времени и энергии.

Прейн выглядел так бодро и безмятежно, что Хельва взглянула на Керлу: она знала, что по выражению лица девушки сможет сделать вывод об истинном состоянии здоровья ее пациента. Но Керла сияла, глаза ее светились таким же блеском, что и у Прейна, и держалась она гордо и уверенно. Ей даже удалось приветливо кивнуть Ансре, которая улыбалась всем заученной улыбкой.

Рядом с ними Даво выглядел усталым и обеспокоенным. Он сразу направился к своей койке и забрался под ячеистое одеяло.

Перед Хельвой повис Прейн. — Хочу принести свою глубокую благодарность за то, что ты, пожертвовав своими личными планами, согласилась принять участие в нашем предприятии. Шеф Рейли заверил меня, что по возвращении все твои желания будут немедленно удовлетворены.

Почему-то его слова насторожили Хельву, но у нее не было времени их проанализировать: орбитальная станция пожелала удачи и дала старт. Шадресс провел взлет в ручном режиме — так было оговорено в инструкции, — но Хельва настолько привыкла делать все сама, что с трудом сдерживалась, наблюдая за его действиями. И вовсе не потому, что он делал что-то не так. «Проклятье, — думала она, обводя взглядом переполненную рубку и жалея, что не может отвлечься на какую-нибудь привычную работу, — проклятье, как я могла позволить втянуть себя в эту авантюру!»

Как только Шадресс объявил разворот и переход к невесомости, Прейн созвал труппу на репетицию. Для начала он ввел пятерых актеров, присоединившихся к ним на Регуле, в курс репетиций, которые они пропус-

тили. Все они уже работали в невесомости раньше и знали свои роли. Им требовалось только разучить нужные движения и привыкнуть к голосу кормилицы, исходящему из стены рубки. Однако Ансра предпочитала и здесь создавать осложнения. Она лениво подплыла к режиссеру — то ли стараясь его очаровать, то ли поставить в тупик неожиданным вопросом.

— Послушай, Прейн, я, как и каждая одаренная актриса, могу передать любое чувство, но притворяться, что этот бестелесный голос принадлежит кормилице Джульетты, выше моих сил. Мыслимое ли дело — играть со стенкой, вместо партнера? И как, спрашивается... Хельва, — Ансра с явным трудом назвала ее по имени — сможет освоить непринужденное движение в невесомости, если, насколько я понимаю, она никогда не пользовалась своим телом?

— Мои сценические обязанности предельно ясны и внесены в мою программу. Следовательно, ошибиться я никак не могу. Во всяком случае, пока вы будете именно такой Джульеттой, какой вам надлежит быть.

Все услышали эту отповедь, но вслух никто не засмеялся. Ансра нахмурилась, и, закусив губу, вернулась на свое место.

Однако ее заявление относительно того, что она, как и каждая одаренная актриса, может передать любое чувство, даже в сценах с настоящими партнерами никак не оправдывало себя. Ее Джульетта оставалась деревянной куклой. Она не загоралась даже от страстных речей Ромео, хотя, как ей это удавалось, было для Хельвы совершенно непостижимо. Прейн пылал вдохновением и вдохновлял всех окружающих.

Теперь, когда бремя гравитации уже много дней не тяготило его, солар, воодушевленный успешным развитием их уникальной постановки, изучал энергию и энтузиазм, которые заражали его коллег. Казалось, он не знает усталости.

Они репетировали четвертую сцену первого акта — он сам, Меркуцио и Бенволио, остальные изображали масок и факельщиков.

Вот отзвучали слова Меркуцио:

— Однако даром свечи днем мы тратим.

В этой сцене шел быстрый, искрометный обмен репликами: легкомысленная болтовня приятелей, собравшихся провести веселый вечерок.

Меркуцио повторил свои слова. Хельва вспомнила,

что она еще и дублер, и поспешно отыскала нужное место.

— О нет! — прочитала она.

Ответом ей последовало молчание. Тогда она еще раз повторила реплику.

— Мы все знаем текст, — сказал Прейн, когда и эта пауза грозила затянуться до бесконечности. — Чьи это слова?

— Ваши, — озадаченно проговорила Хельва.

На миг в глазах его промелькнуло затравленное выражение. Потом он рассмеялся, и ужас отступил. — Самые короткие реплики всегда ускользают из памяти! — беспечно заметил он, ответив Меркуцию.

Ночью, когда все уже спали, Прейн не смыкал глаз. Хельва, не испытывая никаких угрызений совести, наблюдала, что происходит в каюте, которую он теперь делил с пятью другими актерами. Он снова и снова повторял четвертую сцену. Потом долго лежал молча. Хельва решила, что он уснул, и вдруг увидела, как его рука медленно скользнула к талии и осторожно извлекла из пояса маленькую таблетку. Неверным жестом, имитирующим случайное движение спящего, он отправил ее в рот.

То, что он сделал это украдкой, в сочетании с ожесточенным повторением пресловутой сцены, помогло Хельве разгадать трагическую тайну солара. Да, он действительно наркоман и к тому же находится на последней стадии: мыслеуловитель, который в галактической фармакопее считается безвредным, оказался для него ядом, губительным не только для тела, но и для разума. И он это знает. Но гораздо большим для себя злом солар Прейн счел потерю памяти и потому намеренно обрек себя на гибель.

Репетиции шли отлично — если бы не Ансра. Хельва не понимала, как Прейн умудряется сохранять хладнокровие, видя, как она сознательно губит спектакль. Каждая сцена, в которой участвовала Ансра, начинала терять темп, накал и постепенно разваливалась. Но Прейн, казалось, ничего не замечал. Постепенно, убедившись, что ей не удастся спровоцировать солара на скандал, который к тому же наверняка вызовет возмущение остальных, Ансра переменила тактику и избрала своей мишенью гораздо более уязвимую Керлу.

К счастью, вместе с ними в пилотской каюте, превращенной в спальню женщин, обосновалась Ная Табб, синьора Капулетти. Она отлично разбиралась в челове-

ческих отношениях и постаралась без лишних слов оградить Керлу от нападков Ансры. Ная помогала Керле с ролью и развлекала добродушной болтовней, когда они оставались вдвоем. Но, тем не менее, она отлично видела, что тактика Ансры начинает все больше угнетать чуткую, нервную девушку.

— Деточка, если у тебя возникнут серьезные осложнения с Колмер, 'позволь мне тебе помочь, ладно? — сказала Ная Табб Керле как-то утром.

— Спасибо вам, — печально улыбнувшись, ответила девушка.

— Послушай, между нами, Прейн часом не наркоман? С виду совсем не похож, а я-то уж их повидала на своем веку, но все же...

— У солара Прейна развилась вредная химическая реакция на длительное применение мыслеуловителя.

— А я-то всегда считала его самым безвредным снадобьем на свете. И сама принимала Бог знает сколько раз.

— В обычных условиях он действительно безвреден. Но ведь солар принимает его уже больше семидесяти лет. Постепенно остаток кремния, который должен выводиться из организма, стал откладываться у него в тканях. Вдобавок у него были проблемы с выделением жидкости, и мочегонное, которое ему прописали, вступило в соединение с кремниевым осадком. Произошло вымывание кальция из костей, и этот процесс необратим.

— Но в чем это заключается? На мой взгляд, выглядит он просто прекрасно.

Сухой, профессионально бесстрастный голос Керлы звучал безысходнее самых горьких слез.

— В условиях низкой гравитации, особенно в невесомости, когда отсутствует нагрузка на скелет, он чувствует себя отлично. Но все кости у него мягкие: удар, падение, длительное физическое напряжение — и он... просто развалится. А кремний постепенно все сильнее сдавливает его жизненно важные органы.

— Так пусть их заменят!

Девушка грустно покачала головой, и Ная ласково похлопала ее по руке. Тут Хельве пришлось их прервать — начиналась репетиция. И она оказалась еще хуже, чем все предыдущие. Поведение Ансры сводило на нет усилия всей труппы. Все шло наперекосяк: актеры путали слова, забывали уже отработанные мизансцены. Когда Меркуцио с Парисом начали непредусмотренный

сценарием поединка. Прейн объявил перерыв.

— Похоже, мы слегка переусердствовали. Сегодня и завтра устроим себе выходные. Хельва, как там у нас с напитками? А вас, Ная и Керла, я попрошу взглянуть, какие приятные сюрпризы может нам преподнести наш камбуз. Хельва, что там новенького в эфире? Мы так погрузились в жизнь древней Англии, что совсем забыли о том, что творится на белом свете.

Ансра покинула главную рубку и, громко хлопнув дверью, удалилась в женскую каюту. Заглянув туда, Хельва обнаружила, что актриса злобно уставилась в зеркало. Удивительное дело: Ансра мрачно и разочарованно разглядывает свое отражение, а Ная с Керлой на камбузе беспечно болтают о пустяках.

Хельва старалась везде поспевать, все видеть и слышать, чтобы суметь предупредить любую неприятность... если возможны еще большие неприятности. К Прейну решительно направился Даво. Хельва намеренно обращалась к своим пассажирам только через динамик центральной рубки, чтобы они забыли, что у нее везде есть глаза и уши.

— Давно пора понять, Прейн, — говорил Даво, — Ансра задумала сорвать постановку, и пока она в этом отлично преуспела.

Прейн долго смотрел на друга, на лице его мелькнула слабая улыбка. — Ты можешь предложить какой-нибудь выход?

— Нужно сбить ее с толка. Помнишь, как мы развлекались в долгих гастрольных турне?

— Менялись ролями?

— Вот именно! Господи, мы же знаем все реплики и выходы.

Прейн озорно усмехнулся. — А роль Джульетты отдадим... Хельве!

— Нет, Джульеттой будет Керла! — Даво, не моргнув глазом, ответил на удивленный взгляд друга.

— А Ромео?

— Здесь мы ничего менять не будем, — спокойно сказал Даво и добавил уже веселее: — А я стану братом Лоренцо и обвенчаю вас.

Прейн подождал, пока все поели и, отведав тракийского пива, пришли в приятное расположение духа. Его предложение вызвало бурное веселье и рискованные шутки.

— Я буду синьорой Капулетти, — писклявым фальцетом объявил Эскал.

— А я — синьорой Монтекки, — дребезжащим контральто откликнулся брат Лоренцо и, снова перейдя на бас, добавил: — я всегда считал, что она втихаря попиивает.

— Тогда я буду Эскалом, — вызвалась Хельва, так точно подражая голосу игравшего его актера, что тот выронил кружку.

— Ты одна могла бы исполнить всю эту чертову пьесу, — провозгласил Даво, причем язык у него заплетался куда сильнее, чем тому могло способствовать тракийское пиво. — В ней нет ни одной роли, которая не была бы тебе по плечу.

— Вот как? В таком случае я буду кормилицей, — объявила Ансра. — Пусть Хельва посмотрит, как нужно играть эту роль!

— А Джульеттой будет Керла! — воскликнул Даво, пристально глядя на Ансру. — Начнем сейчас же, с хора. Все по местам!

— В двух семьях, равных знатностью и славой... — с готовностью начала Хельва глубоким басом, и все остальные, не успев ни о чем подумать, были вынуждены включиться в игру.

Даво стал Самсоном, а Шадресс, обычно игравший синьора Капулетти, — Грегори. Они принялись дурачиться, вставляя в текст забавную отсебятину. Появился Бальтазар, шатаясь, как пьяный, и стычка между двумя домами разгорелась. Актеры скороговоркой отбарабанивали свои реплики, толкались и всячески старались перешеголять друг друга в озорстве.

Когда Эскал — синьора Капулетти выплыл в сопровождении кормилицы Анжелики, Ансра, которая по-прежнему пылала злобой и не принимала участия в общей забаве, вдруг заиграла свою роль, как никогда не играла Джульетту. При этом она умудрялась так произносить реплики кормилицы, что они начинали звучать весьма двусмысленно. Заключительные слова: «Иди, дитя, и вслед счастливых дней ищи себе счастливых ты ночей», она наполнила таким ядом, что Эскал недоуменно покосился в ее сторону.

Но вот на пиру Джульетта встретила Ромео, и злоба Ансры разгорелась с удвоенной силой: Преин играл совсем другого, более нежного Ромео: голос его дрожал не от усталости, а от зарождающейся любви — трепетной,

бережной и страстной. И Керла, чьи глаза выдавали так долго скрываемое чувство, была ему под стать — наконец-то все видели истинную Джульетту, робкую, порывистую, бесстрашную и благородную. Смущенно зардевшись, она сказала:

Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукой своей.

И, повернув руки ладонями вниз, положила их на ладони Ромео — этот жест Прейн много раз показывал Ансре, но она каждый раз ухитрялась так исказить интонации и движения, что все теряло смысл.

Ромео приподнял руки Джульетты на своих ладонях, и страсть в его глазах, встретившись с ее счастливым взглядом, наполнила этот эпизод такой нежностью, что все притихли, зачарованные.

— Твои уста с моих весь грех снимают, — промолвил Ромео так тихо, что голос его прозвучал, как замирающее эхо. И все же он был отчетливо слышен, пока губы его не слились с губами Джульетты в благоговейном поцелуе, который был красноречивее самых громких слов.

Начисто забыв свою роль, Ансра метнулась вперед, к застывшей в объятии паре, глухой и слепой ко всему, что творилось вокруг. И тут раздался сигнал прибытия. Они добрались до места.

Все актеры столпились в главной рубке, поспешно освобожденной от остатков вечеринки. — Итак, — обратился к ним Шадресс, — приемопередатчики подогнаны к размерам голов, так что никаких неудобств не должно быть. Все вы слышали рассказы членов экипажа корабля-разведчика, которые ими уже пользовались. Вам известно, что процесс переноса проходит просто и безболезненно. Только представьте, что вы на поверхности планеты — и все.

— Как я могу представить себя на поверхности планеты, которой никогда в глаза не видала? — осведомилась Ная, сумрачно разглядывая прибор.

— Больше всего это похоже на подводный ландшафт Земли в районе Карибского моря или на водную среду Альдебарана или Веги IV. Вообразите, что вас окружают водоросли разнообразных форм и цветов. Разведчики не раз подчеркивали, что цвет играет огромную роль. Корвики напоминают морских животных класса гидроидов:

у них большие мешкообразные тела со сложным набором щупалец, возможно, это нервные окончания.

— Господи, ну и костюмчики, — передернувшись, проворчала Ная Табб.

— Меня заверили, что они придутся нам впору, — ухмыльнулся Шадресс. — Хельва будет нашей палочкой-выручалочкой. Ее снабдили автоматическими реле взврата. Нас предупредили, чтобы мы не задерживались у корвиков слишком надолго.

— Почему? — капризно осведомилась Ансра.

— Наверняка у корвиков есть на это веские причины, только они их не называют. Теперь слово тебе, Прейн.

Солар поднялся и оглядел трупку. — Все мы отлично сознаем важность этого невероятного обмена пьесы Шекспира на энергетический процесс. Нашего барда переводили на все мыслимые и немыслимые языки, человеческие и нечеловеческие, и смысл его пьес каким-то образом понимали все — от эстетов до варваров. Так что у нас нет причины сомневаться: у старины Шекспира наверняка найдется что-то и для корвиков... если мы вложим в свое творчество все сердце... или то, что заменяет корвикам этот орган.

Дамы и господа, занавес! Он сел и, надев на голову шлем приемопередатчика, откинулся на кушетку и полностью расслабился. Прошло несколько секунд, и ободок шлема мягко засветился.

— Ну, если это все, что от нас требуется... — решительно произнесла Ная Табб и тоже натянула на голову шлем.

Остальные почти одновременно последовали ее примеру, и вскоре на борту остались только Шадресс и Хельва.

— Проверь, как там Прейн, — попросила она.

— Насколько я могу судить, с ним все в порядке. До встречи внизу, Хельва.

Он исчез. И тут Хельву охватил страх: ей показалось, что новые синапсовые вводы раскалились докрасна. Но этого не может быть. Собрав всю волю, она приказала себе спуститься вслед за остальными. При мысли о том, что она впервые в жизни покидает свою капсулу, ее обуял первобытный ужас и вдруг...

Мгновенный переход!

Первым отличием, которое она ощутила, было давление... что-то сдавливало ее со всех сторон. Но корвики

обещали предоставить членам труппы пустые оболочки. А она чувствовала, что находится в оболочке, которую снаружи облекает что-то еще. Хельва попробовала пошевелиться, надеясь избавиться от этого постороннего ощущения. В ней заговорила брезгливость — что за противное чувство, как будто к тебе со всех сторон что-то прикасается. Нет, ее ничто не удерживало, и все же давление оставалось. Причем оно не вызывалось гравитацией, а принадлежало той среде, в которой она находилась и двигалась. Что ж, давление для нее не новость — ведь она привыкла летать. Хельва снова пошевелилась, и откуда-то снизу, из-под нее, выплыли непонятные предметы, как оказалось, части ее нового тела. Но рассмотреть их как следует она не успела, потому что они тут же скрылись из вида. Раньше, когда она была кораблем, можно было воспользоваться наружными камерами, чтобы увидеть любую свою часть. Вот цена, которую придется платить за обретенную подвижность. Что ж, пора оглядеться... насколько это возможно. Она устремила взгляд вниз, в бездонную глубину, и, наконец, различила бурлящую и клокочущую рыжеватую массу, в которой узнала «землю». Вокруг покачивались перистые ветви, вдыхая и выдыхая богатейший спектр невероятно ярких цветов; иногда эти цвета отличались запахом и звуком. Правда, для Хельвы запахи были совершенно новым ощущением: ведь она всю жизнь вместо обоняния пользовалась датчиками.

— Ну что, Хельва, осваиваешься? — вторглось в ее мысли чье-то знакомое присутствие. Она инстинктивно повернулась на «звук», который не имел ничего общего с тем звуком, который она знала раньше, и представлял собой ритмичное колебание обволакивавшего ее давления.

— Как-то странно испытывать физические ощущения, — ответила она.

— Для тебя это конечно кажется странным.

— А ты как себя чувствуешь, Шадресс? — Хельва сразу узнала в постороннем присутствии своего напарника.

— На редкость приятное чувство — будто тебя окружает что-то мягкое, бархатистое. И еще я чувствую безграничную силу. — Шадресс был явно восхищен. — Я снова молод и полон энергии. — В его мыслях преобладали восторг и недоверчивое изумления. — Похоже, нам выдали свеженькие оболочки, новенькие, с иголочки.

— Интересно, где они их взяли.

Тут к ним приблизилось еще одно существо, и оба они сразу поняли, что это настоящий корвик. Его воздействие было очень глубоким, и у Шадресса с Хельвой возникло одинаковое ощущение — он несомненно стар и мудр и в совершенстве владеет энергетическими процессами.

— Я ваш администратор, — представился он. Все ваши спутники уже облеклись. Можно приступать к энергетическому выражению.

— То, что мы называем розой, будет благоухать, как ее ни назови, — размышляла Хельва, пока они приближались к шаровидному объему, который окружали свободно висящие сгустки матовой черной субстанции, окаймленные дышащими лианами. И вдруг она узнала всех своих спутников: несмотря на внешне одинаковую форму, их воздействия отличались цветовыми оттенками и силой давления.

Прейн показался ей таким же глубоким, как администратор, и Хельва догадалась, что ощущение глубины связано с возрастом и мудростью. «Интересно, а как остальные воспринимают меня?» — подумала она. Поскольку Хельва исполняла роль хора, Прейн попросил ее начать репетицию.

На миг Хельва растерялась: как же она изобразит хор — ведь все акустическое оборудование осталось на борту... Ей ужасно захотелось снова укрыться в своей капсуле. Но Прейн — режиссер, а режиссера положено слушаться.

— В двух семьях, равных знатностью и славой, — начала она, и ее воздействие потемнело и углубилось: она снова была собой.

Вот из-за колышущихся ветвей появились Самсон и Грегори. Их воздействия создавали ощущение легкости, поверхностности, и незначительности. Так, то сгущая, то рассеивая излучение энергии, труппа дошла до четвертого акта, и постепенно актеры привыкли и к новому окружению, и к необычным выразительным средствам.

Поэтому, когда сработало реле времени и они перенеслись обратно на корабль, все ощутили почти болезненное разочарование, обнаружив себя заурядными созданиями из плоти и крови. За столом почти никто не разговаривал. Все быстро и жадно поели и отправились спать.

Одна Хельва продолжала бодрствовать. Впервые за всю свою сознательную жизнь она пожалела, что не может предаться блаженному забытию сна. Она старалась не думать о том, как скажется временно обретенная подвижность на ее программных установках. Чтобы как-то отвлечься, она произвела полный наружный обзор. И не потому, что там могло что-то измениться, а просто, чтобы удостовериться, что все осталось прежним. Они находились на орбите; наверху чернел бездонный космос, а внизу туманно вырисовывалось бесформенное клубящееся облако переливчатого света, пронизанное сверкающими лучами. Хельва провела проверку бортовых систем, и тут в силовом отсеке обнаружилось нечто пугающее своей непонятностью. На приборной доске отсутствовали данные работы двигателя, хотя показания всех других систем бодро горели привычным зеленым светом. Она больше не управляла своей энергией, хотя не было никаких оснований говорить об ее исчезновении — просто она стала неконтролируемой. Размышляя о том, что бы это могло значить, Хельва уловила чей-то слабый шепот. Стремясь отвлечься от тревожных дум, она стала прислушиваться и узнала голос Прейна:

Отец! Когда своею властью волны
Ты разбушевал, утишь их!

Она жадно слушала, пока его сонный голос не умолк, произнеся последние строки:

Как нужно вам грехов прощенье,
Так мне даруйте отпущенье.

Назавтра они возобновили репетицию с того места, где остановились накануне. У Хельвы возникло впечатление, что никто из корвиков не покидал «зала» и даже не заметил временного отсутствия труппы. Может быть, они и с временем обращаются так же запросто, как с энергией? Или время, как утверждает один теоретик с Альфеи, просто один из видов излучения энергии?

Сегодня Хельва воспринимала окружающее гораздо острее. Она полностью управляла своей оболочкой и ощущениями, которые постоянно получала. Очень скоро она заметила: в игру включилась вся труппа, кроме Ансры, которая сознательно тормозила действие.

Перед самым окончанием репетиции к Ансре при-

близился администратор, и произошло это на глазах у всех.

— Нет никакой разумной причины в том, чтобы сдерживать энергию. Цель нашего эксперимента состоит вовсе не в ее сохранении. Мы стараемся оценить влияние излучения данной разновидности энергии на органы давления и факторы воздействия. Вы затрудняете наш эксперимент. Прошу вас терять энергию так, как того требуют факторы, содержащиеся в уравнении.

— Или?

Ответом на вызывающий вопрос Ансры послужили переливы цвета и давления.

— Или ваша оболочка опустеет навсегда...

— Я больше не собираюсь возвращаться в это гнусное болото, где меня оскорбляют и унижают на глазах у всех — заявила Ансра.

«Она была просто великолепна, — подумала Хельва, — хоть и не вызвала должного отклика у зрителей.»

— Хватит, Ансра Колмер, — поднимаясь с кушетки, тихо произнес Прейн, в голосе его звенела сталь, глаза метали молнии, весь вид выражал непреклонную решимость. — Ты добила своего: теперь твои личные пристрастия и взгляды известны всем членам труппы до единого. Однако на карту поставлено нечто куда более важное, чем личные предпочтения, поэтому все мы терпеливо сносили твои выходки и интриги. Так вот, завтра ты вернешься, как миленькая и, выполняя совет нашего уважаемого администратора, будешь терять энергию, как того требуют содержащиеся в уравнении факторы.

— Интересно, кто же меня заставит? — с вызовом спросила Ансра.

— Любой из нас, дорогуша, — ответила Ная Табб, опередив Шадресса и Даво, которые уже начали подниматься со своих мест. — Любой из нас, притом с превеликим удовольствием. Вот увидишь, мы тебя так отделаем, что шкура корвика покажется тебе райским блаженством.

— Вы не посмеете!

Неужели Ансра так упряма, что даже видя уязвимость своей позиции, не может пойти на попятный? — недоумевала Хельва. — Или она просто не допускает, что и на такую важную персону, как она, может найтись управа? К счастью, звезда относилась к той категории людей, которые совершенно не способны выносить физическую боль, и полдюжины увесистых затрещин, кото-

рыми наградила ее Ная, возымели весьма действенный эффект.

— Ну-ка постой, душенька, — воскликнула Ная, схватив всхлипывающую женщину за руку, когда та попыталась укрыться в каюте, — оставайся лучше здесь, у меня на глазах, а то я тебе не больно-то доверяю. А теперь садись, поешь и будь умницей. Учти, завтра ты должна быть такой Джульеттой, каких еще свет не видывал!

Столь бурная сцена, да еще после репетиции на Бете Корви, потребовавшей огромного психологического напряжения, лишила всех последних остатков сил. Шадресс и Керла разнесли флаконы с напитками и насыщенный белками суп. Покончив с едой, актеры разбрелись по своим каютам и легли отдыхать.

— Хельва, ты не спускай глаз с Наи и Ансры, ладно? — попросил Шадресс.

А ведь он изменился, — вдруг поняла Хельва, — в нем открылась какая-то новая глубина, совсем корвиканская. Она услышала, как Керла спросила Прейна:

— Ты думаешь, теперь Ансра будет играть в полную силу? — они единственные не спали — казалось, им было никак не расстаться.

— Судя по цвету, у нее преобладали гнев и страх... — Прейн замолк на полуслове и покосился на Керлу.

— Ты мыслишь совсем, как корвик, — рассмеялась девушка, и в глазах ее заплясали веселые искорки. — Похоже, это заразная штука. Как будто начинаешь походить на персонаж, который играешь! Ты видишь — даже такой зеленый новичок, как я, начинает постигать тайны ремесла!

— Но Керла, милая, ты преображаешься в очень теплое, чистое воздействие.

Смех замер у нее на губах, глаза вспыхнули страстным призывом. Казалось, влюбленные вот-вот сольются в поцелуе, но внезапно Прейн с глухим стоном отпрянул и стремительно бросился прочь по коридору.

На следующей репетиции Ансра с такой готовностью теряла энергию, что им удалось пройти всю пьесу до самого конца. Прейн был несказанно доволен результатом и сообщил администратору, что труппа может дать первое представление перед публикой.

— Моя энергетическая группа просто жаждет испытать полное сжимающее воздействие ваших оболочек, — ответил администратор, лучась лавандово-пурпур-

ными тонами, которые, как поняла Хельва, у корвиков равносильны удовольствию. — Можно назначать спектакль на ваше следующее появление здесь?

Прейн с энтузиазмом согласился.

— А если наша отдача энергии окажется удовлетворительной, — спросил Шадресс, слегка оттеняя свое воздействие строго дозированным выражением почтения к вышестоящему, — проведут ли корвики перенос наших форм, так чтобы мы могли выполнить условия нашего контракта?

— Безусловно. Уже сейчас очевидно, что потеря личностной сущности превышает обусловленный минимум. Таким образом, энтропия обещает превзойти основные энергетические потребности...

Хельва поняла, что это заявление необходимо проанализировать сразу, как только она вновь станет собой. Оно прозвучало как-то... зловеще, но только для Хельвы, а не для ее теперешнего «я», отождествившегося с корвиканской оболочкой. Такое раздвоение личности грозило опасностью.

На борту было значительно легче узнать тех, кто начал проявлять признаки перемены психологической ориентации. Они даже в разговоре широко использовали корвиканскую терминологию — совсем как Прейн и Шадресс накануне вечером. Единственным членом трупы, который оказался совершенно неуязвим к этой напасти, оказалась Ансра, но она так погружена в свои личные переживания, что у нее просто не остается энергии... — Господи и я туда же! — простонала Хельва, — для объективных ощущений.

День премьеры на Бете Корви ознаменовался неистовым, прямо-таки ошеломляющим успехом — именно так воспринимали корвики эту разновидность энергии. За порослью перистых ветвей собралось множество корвиков, и все они пульсировали и содрогались, жадно поглощая отдаваемую трупной энергией, по которой они явно изголодались.

Хельва ощущала, что ее оболочка разбухла до невероятных размеров: обратная связь выражалась в тепловой реакции, придавшей ей неограниченную массу, которую предстояло зарядить до высочайшего уровня возбуждения. Она понимала, что здешние зрители вполне разобрались в конфликте двух враждующих сторон, поняли желание двух юных, но отнюдь не поверхностных

сущностей образовать новую силовую группу, оценили ее собственное энергетическое вдохновение в роли кормилицы, свертание бета-частиц, которыми обменивались две новых сущности, вынужденные исчерпать до конца жизненную энергию своих ядер, дабы привести враждующие группировки к пониманию: и на их энергетическом уровне возможно сосуществование.

После того, как герцог подвел итог энтропийной смерти двух сущностей, из окаймленного ветвями пространства вырвались такие мощные всплески восторга, что Хельва, ощутив невыносимый гнет столь активной обратной связи, в порыве экстатического самопожертвования была вынуждена поспешно сбросить несколько эргов избыточного давления в ближайшую опустошенную оболочку. А вокруг раздавались треск, хлопки, гул и рев бесчисленных взрывов — это шла рекомбинация колоссальных положительных сил и поглощение ранее выделенной энергии.

Вот тогда Хельва и благословила своих нейрохирургов. И в то же время прокляла: как жаль, что для нее неотвратно близится конец столь великолепного, ошеломляющего взаимообмена! Она с огромным трудом собралась с мыслями, когда на фоне блистательных видений замелькали сигналы тревоги и зазвучала сирена, предупреждая о надвигающейся опасности.

Перед ней лежали безжизненные тела, неподвижные куклы, только едва заметно дыхание говорило о том, что в них еще теплится жизнь.

Хельва в панике отключила приемопередатчик. Их свечение медленно, словно нехотя угасло, и все же никаких новых признаков жизни не появилось. Хельве показалось, что прошла вечность, прежде чем она услышала стон Ансры.

— Ансра, Ансра! — принялась громко и настойчиво звать она, стремясь вывести женщину из глубокого забытья. — Ансра, очнись.

— Что?... Где?

— Скорее в камбуз, принеси стимулятор К, он в синих баллончиках для внутривенного впрыскивания.

Но заставить Ансру двигаться оказалось не так-то просто. Пришлось раз за разом монотонно повторять приказы, неумолимо принуждая женщину повиноваться. Хельве казалось, что она управляет роботом. Наконец ее старания увенчались успехом: Ансра взяла нужный

баллончик и поднесла распыскиватель к своей руке. Скоро стимулятор подействовал.

— Господи-боже-мой, — хрипло забормотала Ансра, — господи-боже-мой, господи...

— Ансра, ты должна сделать всем впрыскивания. Да шевелись же ты, ради Бога!

Актриса все еще была немногим лучше автомата, и, воспользовавшись ее покорностью, Хельва позаботилась, чтобы в первую очередь она впрыснула стимулятор Прейну и Керле, потом Шадрессу. Мало-помалу все пришли в себя.

— Не думаю, чтобы я смог вернуться туда еще раз, — хриплым, срывающимся голосом проговорил Эскал. Он прижал руки к вискам, на лбу краснел след, оставленный ободком прибора. — Вот уж никогда не думал, что наступит день, когда я не смогу выйти на публику только потому, что она от меня слишком в большом восторге. Да, друзья мои, это место... глаза его расширились от ужаса, но он быстро овладел собой, — ... я чуть было не сказал, чистая энтропия. Но именно в этом вся беда.

Прейн, выглядевший таким же измученным и подавленным, как и остальные, сумел все же выдавить слабую улыбку.

— Что и говорить, столь неожиданная реакция застала нас врасплох. В данный момент, — он сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность своего заявления, — я считаю, что повторная встреча просто немыслима. Нет, нет, сейчас мы не будем ничего обсуждать. Выражаясь языком наших хозяев, мы должны преобразовать массу в совершенно необходимую нам энергию и сдерживать нашу отдачу. Я хочу сказать только одно: я невероятно горжусь всеми вами.

«Пока этого достаточно, — подумала Хельва, — все равно труппа пребывает в столь плачевном состоянии, что не сможет вынести ошеломляющее сообщение о том, что мы попали в ловушку.» Корабль погрузился в тишину, которую этой ночью не нарушали даже декламации Прейна. Да и сама Хельва была близка к беспомощности. Она так устала, что даже не находила в себе сил тревожиться о завтрашнем дне.

Утро не принесло видимых перемен. Все по-прежнему пребывали в полупрострации. Одна Керла, движимая профессиональным долгом, разбудила тех, кто искал забвения во сне, и заставила их проглотить насыщенную

белками пищу, а потом ввела каждому большую дозу лекарственного аэрозоля.

Ближе к вечеру Хельва вызвала Шадресса на камбуз, чтобы с глазу на глаз обсудить создавшееся положение.

— Придется нам, Хельва, как можно дольше тянуть время. Все измотаны до последней крайности. Я это по себе чувствую, — он озабоченно покачал головой. — А ты как?

Хельва медлила с ответом. — Я всегда придерживалась мнения, что капсульники — такие же люди, как и их подвижные собратья. Теперь я в этом уверена. Мне самой было бы невероятно трудно вернуться на Бету Корви. Только я знаю одно: выбора у нас нет.

— Что ты хочешь этим сказать? — у Шадресса осталось так мало энергии, что он сумел выразить лишь легкое любопытство.

— Они уже сейчас недоумевают, почему мы задерживаемся. Там выстроилась целая очередь дублеров, жаждущих у нас учиться.

Шадресс испустил приглушенный стон отчаяния.

— Посуди сама, Хельва, ну как мы можем просить кого-то взяться за это дело?

— Я уже сказала, Шадресс, — у нас нет выбора.

— Не понимаю.

— На каждом проводке, идущем к источникам питания, стоит крошечный блок. Я не смогла бы даже увернуться от метеора, угрожай нам такая опасность.

Шадресс вздрогнул всем телом и уронил голову на руки. — Пойми, Хельва, я не могу вернуться. Не могу. Я бы...

— Тебе и не нужно возвращаться. Во всяком случае, сейчас. Господи, да у тебя даже не хватит энергии, чтобы надеть приемопередатчик, — сказала она, намеренно делая вид, что не понимает его боязни. — Предоставь это мне.

— Что тебе предоставить? — спросил Преин, выплывая в камбуз.

— Я собираюсь спуститься, чтобы объяснить корвикам причину нашего отсутствия.

— Ничего подобного, — возразил Преин и попытался распрямить плечи, но в результате только беспомощно ткнулся в аппарат для подогрева. Я режиссер, и это моя обязанность — объяснить, почему мы не способны выполнить условия контракта.

Шадресс бессильно застонал.

— Не глупите, Прейн, — вы едва держитесь на ногах, как впрочем, и Шадресс. Пойду я, и хватит об этом. Шадресс, мы еще поговорим на эту тему, когда я вернусь. Ты понял, Шадресс? — она подождала, пока он не кивнул в знак согласия.

Как только Хельва вернулась в корвиканскую оболочку, мозг ее пронзила острая боль. Мириады тактильных ощущений, поступающие от плывущих за ней отростков свидетельствовали о присутствии нескольких сильных источников давления. Как, во имя Всевышнего, ей объяснить этим существам, повелевающим чистой энергией, что люди — столь хрупкие создания?

На этот раз в атмосфере совершенно не ощущалось энергетических всплесков. Администратор, как всегда темный, глубокий и насыщенный, сдерживал свою массу сжимающих воздействий. Другие, выстроившиеся на почтительном расстоянии, должно быть, и были дублерами. Если в сознании корвиков присутствовал уровень страдания, то администратор наверняка задействовал именно его: он терпеливо ждал, пока Хельва отчаянно пыталась сформулировать объясняющее ситуацию уравнение и указать на неразрешимые фрагменты. Его ответом послужило излучение, которое можно было истолковать, как сожаление о том, что столь небывалая обратная связь и образование нестабильной реакционной массы вызывало у гостей такую энтропию. Однако, — подчеркнул он, — причина кроется в них самих.

Вдобавок администратор серьезно предупредил Хельву, что возникли новые, чрезвычайно важные обстоятельства. Каждая отдельная энергетическая группа, окружающая данное тепловое ядро, настаивает на получении формул, которые дадут возможность повторить столь уникальные излучения. Благодаря такому выделению энергии появится возможность активизировать застойные энергетические группы, которые, как считалось, навсегда потеряны и не могут быть восстановлены. Поэтому корвики настаивают на передаче формул. А уж за ценой они не постоят.

Хельва, ощущая, что ее излучение выражает полное отчаяние, повторила, что это невозможно.

— Тем не менее, необходимо найти какой-то выход, — настаивал администратор. — Среди вас была одна сущность, — он построил звуковое уравнение, которое означало Джульетту, — так вот, она продемонстрировала замечательное владение внутренней энергией. Пусть она

вернется и предоставит нам формулы. В противном случае... — администратор пошевелил щупальцами, что у человека соответствовало бы пожатию плечами.

Вернувшись на корабль, Хельва долго собиралась с духом, прежде чем решилась обнаружить свое присутствие. Она лихорадочно соображала: как это на первый взгляд нехитрое задание обернулось такой катастрофой? Безжалостно анализируя безвыходное положение, в которое они попали, Хельва старалась найти хоть какой-нибудь просвет. Ведь должен же он существовать!

Что за космическая ирония — именно Ансра Колмер, так старавшаяся всех погубить, оказалась единственным человеком, который, смог без особых потерь пережить приключение, — а все ее чудовищный эгоизм. Вот только пожелает ли она теперь их спасти?

— Если вы все спятили, то я пока еще в здравом уме, — без тени колебания заявила Ансра. — И ничто на свете не заставит меня вернуться в эту... в эту душегубку — можете меня убить! Я выполнила все, что записано в моем контракте.

— Ничего подобного, Ансра, — устало возразил Даво. — Правда, сомневаюсь, что кто-то из нас сможет заставить тебя держать ответ перед Гильдией. Но знай, в наших контрактах говорится: если корвики примут наш спектакль в качестве платы за их метод, то мы обязуемся подготовить корвиканских дублеров.

— Что? Вернуться — только для того, чтобы учить корвиков играть Джульетту? — Ансра визгливо рассмеялась, и в ее хохоте прозвучали истрические нотки. Она резко обернулась к Преину. — Я ведь предупреждала всех на Регуле: ты провалишься! Так оно и вышло. И я рада, рада, просто счастлива!

Ее ненависть почти ощутимой волной обрушилась на их обнаженные, сверхчувствительные нервы. Продолжая хохотать, Ансра, пошатываясь и натываясь на стены, устремилась в каюту, и там, как тряпичная кукла, рухнула в кресло перед зеркалом, то смеясь, то бессмысленно глядя на свое отражение.

— Совсем с ума сошла, — решительно заявила Ная, — просто рехнулась.

— Не думаю — если только мы все здесь не рехнулись, — ответил рассудительный Даво.

— Что ж нам теперь — сидеть и смотреть, как она над нами посмеивается? — вспыхнула Ная. — Пусть делает свое дело.

— Ты хочешь сказать, представление продолжается? — саркастически осведомился Эскал. — Боюсь, что наше уже закончилось.

— Я должен извиниться перед всеми, — поднявшись, заговорил Прейн. — Ансра злится на меня. Вы не должны от этого страдать.

— Ради всего святого, Прейн, прекрати изображать мученика, — взорвался Даво.

— Я и не собираюсь никого изображать, — продолжал солар таким будничным тоном, что обвинение Даво сразу потеряло смысл, — выход чрезвычайно прост. Я режиссер и знаю всю пьесу от первой строки до последней. Скажу больше: я отлично помню двести двенадцать сценариев — древних, классических, относящихся к атомной эре и современных.

— Ты не вынесешь такого напряжения, — воскликнула Керла, судорожно обняв его. — Ты умрешь!

— Я умру так или иначе, милая. И предпочитаю уйти с хорошей прощальной репликой.

— «Там, в Иерусалиме, Богу дух предам,» — громыхнула Хельва, и разразилась насмешливым хохотом, ошеломя всех присутствующих. Прейн был оскорблен до глубины души, но Хельва решила, что это все же лучше, чем героическое самопожертвование. — А теперь успокойтесь! Не думайте, что все потеряно только потому, что Ансра Колмер оказалась злобной и мстительной суккой. Прежде всего, солар Прейн, от нас не требуется выплескивать на корвиков весь свой репертуар в едином жертвенном порыве. В контракте упоминается всего одна пьеса, «Ромео и Джульетта», от которой все они просто ошалели. Ее-то мы им и предоставим, а потом смоемся из их владений с такой скоростью, которую способны развить мои двигатели. И я настоятельно рекомендую вам больше не углублять их воздействия, пока эти умники не додумались, как защитить наши нежные души от своей обратной реакции.

И еще, солар Прейн: вы вовсе не единственный человек на борту, кто обладает столь совершенной памятью. Я знаю, это может прозвучать не очень скромно, но я сама, а скорее всего и Даво, а может быть, и наш Эскал знаем «Ромео и Джульетту» ничуть не хуже вашего. И каждому из нас троих будет куда легче вернуться на Бета Корви — как физически, так и эмоционально...

— Послушайте меня! — рявкнула она, когда все начали бурно возражать. Потом переключилась на голос,

который должен был создать впечатление благодушной улыбки, и добавила: — Говорит ваш капитан! — Но, как только они рассмеялись, снова стала абсолютно серьезна. — Я, Хельва, несу полную ответственность за этот полет и за всех своих пассажиров.

— Я тоже помню Ромео и Джульетту. И, если хотите знать, даже играла Джульетту, пока мне не перевалило на вторую сотню, — спокойно заявила Ная, не дав Хельве закончить. И потом, Хельва, ты забыла упомянуть нечто очень важное. Ведь нас так подкосил спектакль, а не репетиции. Я уверена, что сумею без особых потерь пережить репетицию: в ней всегда бывают остановки и перерывы, когда мы объясняем дублерам, как следует играть ту или иную сцену. К тому же никто нас не заставляет репетировать по семь часов. Если уж этим корвикам так позарез нужны наши пьесы, мы можем выдвигать свои условия. — Тут Ная покосилась в сторону женской каюты, где тихо хихикала Ансра, и все ее добродушие разом улетучилось. — И будь я проклята, если позволю этой сучке испортить лучший спектакль за всю мою жизнь!

Эскал расхохотался и крепко обнял Наю.

— Я тоже, клянусь ногтями семи святых Скорпиона!

— Я с вами, — поддержал их Бенволио, — а она получит, если вздумает соваться, — добавил он, погрозив кулаком в сторону каюты, где скрывалась Ансра.

— Послушай, Хельва, договорись с корвиками, чтобы они дали нам передохнуть еще денек, — сказал Шад-ресс. — А потом мы все спустимся к ним и доведем дело до конца. Представление продолжается!

— А кто сыграет Джульетту? — спросил Даво и тут же ответил сам себе, указывая пальцем на Керлу: — Вот кто будет Джульеттой!

— Нет, что вы! Только не я!

— Но почему, моя юная, нежная возлюбленная? — проговорил Прейн, отводя ладони от ее лица и бережно целуя девушку на глазах у всех. Ты настоящая Джульетта, о которой она не может даже мечтать.

— Меня беспокоит только одно, — заявил Эскал, — Ансра, где бы она ни находилась: здесь, с нами, или там, одна, — сказал он, сопровождая слова выразительными жестами.

— Очень здравая мысль, — писвистнув, согласился Даво.

— Не волнуйтесь, — успокоила их Хельва. — Мисс

Колмер... отдыхает — будем называть это так. А я ей в этом немножко помогу. — И она хладнокровно наполнила каюту снотворным газом.

Администратор заявил о своем согласии, излучая облегчение, вызванное тем, что удалось найти приемлемое решение. После насыщенного белками ужина Хельва отправила всех спать. Керла с Наей предпочли прилечь на кушетках в главной рубке, несмотря на то, что Хельва очистила их каюту от газа. Керла согласилась дать Ансре дозированное по времени снотворное, чтобы она не пришла в себя, пока на борту никого не будет.

Труппа решила ограничить первую репетицию четырьмя часами. Однако все опасения быстро рассеялись, когда актеры убедились, что их ученики крайне осмотрительно расходуют свои энергетические излучения. Когда все вернулись на корабль, настроение у труппы было на грани истерического веселья.

— В жизни не встречал более способных учеников, чем эти корвики, — воскликнул Эскал. — Стоит один раз сказать, и они уже не забудут.

— А вы заметили, как они сдерживают себя? — спросил Даво. — Вот только поймут ли они, с какой силой нужно излучать энергию, чтобы спектакль получился живым? Ведь именно это всегда и отличает профессионалов от любителей.

— Ты верно подметил, Даво, — согласился Прейн. — Мы обсуждали этот вопрос с администратором, и я обратил его внимание на уровни несохраняемой энергии. Так вот, он заверил меня, что они во время спектакля сделали замеры и теперь будут точно знать, когда необходимо излучать энергию и в каких объемах, чтобы вызвать надлежащую реакцию. Да, у этого человека огромное воздействие, просто колоссальное.

— И к тому же отличное чувство чистоты уровня, — задумчиво кивая, добавил Шадресс.

— Да вы уже говорите не как люди, а как чистые корвики, — пошутила Ная.

Прейн и Шадресс озадаченно переглянулись.

— Это правда, — подтвердила Керла.

— Не забывайте, подражание есть самая искренняя разновидность лести, — в наступившей тишине проговорил Прейн, но Хельве его веселость показалась изрядно натянутой.

Вторая репетиция прошла так успешно, что Прейн

решил: еще одно последнее занятие, и условия контракта можно считать выполненными.

— Да, давайте закончим поскорее, — попросил Эскал. Есть в этом сумасшедшем месте что-то завораживающее, и чем дальше, тем сильнее. Мне все труднее даются человеческие мысли.

«Эскал прав», — подумала Хельва. Ей самой тоже становилось все легче думать по-корвикански. А Прейну с Шадрессом и подавно: они уже перевели всю театральную терминологию в совершенно новую систему координат. Хельва не раз слышала, как они, обсуждая тонкости постановочного процесса, говорили о фазах возбуждения, перемещениях оболочек, излучении частиц, направленности подоболочек, и уже начала сомневаться, о чем они рассуждают: о театре или о ядерной физике.

На всякий случай она не спускала глаз с Прейна. Керла тоже следила за ним, но играть Джульетту с таким Ромео, как Прейн, — значит перегружать свои контуры, а это искажает... — Хельва резко одернула себя. Нет, чем скорее они уберутся отсюда, тем лучше.

Она проследила, чтобы Керла вовремя дала Ансре снотворное. Актриса пребывала в забытьи уже сорок часов. Ничего, еще пять ей не повредят. Зато обстановка на корабле заметно разрядилась.

Хельва предупредила Керлу, что скоро спустится, и начала проверять всю бортовую аппаратуру. Как только корвики снимут блоки, можно будет трогаться в путь, и она не хотела, чтобы в последнюю минуту возникли какие-нибудь заминки.

Когда Хельва оказалась внизу, Прейн занимался со своим дублером. Едва она успела отыскать своего, как репетиция началась, и они погрузились в события второй сцены четвертого акта.

На этот раз корвикам становилось все труднее сдерживать выход энергии. Хельва подумала, что Даво зря волновался по поводу недостатка драматического накала. Уберите учителей с их хрупкими, уязвимыми душами, и корвики мигом достигнут уровня возбуждения, указанного в формуле.

Хельва чувствовала, что ей самой тоже приходится прилагать усилия, чтобы сдерживать возбуждение. То же она заметила и у Прейна: пока он вместе с дублером и двумя Бальтазарами дожидался своего выхода, чтобы исполнить финальную сцену смерти Ромео, он, казалось, истекал энергией.

— Реле времени установлены? — нервно спросил он. — Их нельзя перевести назад?

Но не успела Хельва ответить, как ему пришлось вступить в игру.

Наконец репетиция закончилась. Пока администратор расточал похвалы актерам, ему приходилось прилагать огромные усилия, дабы сдерживать непроизвольные всплески энергии. Он объявил, что все сведения о методе стабилизации изотопов уже отосланы на корабль в специально подготовленном контейнере и силовая установка разблокирована. И все это время излучение шло таким широким спектром, что Хельва ощутила грозные предвестники энтропии и поспешно распрощалась.

Когда она вернулась, ей понадобился один миг — миг, окрашенный сожалением и продлившийся, как ей показалось, целую вечность, — чтобы окончательно прийти в себя. Она обнаружила, что контейнер надежно закрепленный в машинном отделении, все еще сильно радиоактивен, так что пусть до поры там и остается.

Вдруг в полутемной рубке кто-то застонал. Но почему здесь так темно? Ведь она не убавляла свет...

Хельва врубила все освещение на корабле и заглянула в пилотскую каюту, желая удостовериться, что с Ансрой все в порядке. Койка оказалась пуста. Как же ей удалось преодолеть действие снотворного? Стремительно обыскав все помещения, она обнаружила Ансру — та скорчилась рядом с телом Прейна. В руках у нее были зажаты провода, ведущие к шлемам Прейна и Керлы.

— Остановись, Ансра! Это все равно, что совершить убийство! — взревела Хельва, надеясь что оглушительный звук испугает актрису. Но Ансра, давно замыслившая месть, сорвала шлемы у них с голов, и стала отди- рать провода.

Хельва поспешно переключила приемопередатчики на возвращение, отчаянно надеясь опередить Ансру. Казалось, прошла вечность, мгновения которой, как метроном, отмеряло хриплое дыхание Ансры, прежде чем вдоль ободков шлемов не погасли огоньки. На одном шлеме свет остался — этот прибор принадлежал Шадрессу.

— Даво, Даво! — позвала Хельва.

Услышав ее настойчивый призыв, актер потряс головой и рассеянно отозвался. Он почти сразу увидел Ансру, понял, что она делает, и кинулся к ней. Толчок Даво отбросил женщину к дальней стене, и тут стали приходить в себя остальные члены труппы.

— Эскал, помоги Даво справиться с этой идиоткой! — крикнула Хельва, увидев, что Ансра, визжа и извиваясь, с бешеной силой борется с Даво. — Бенволио, приди же в себя. Займись Шадрессом. Как у него пульс?

Бенволио склонился над неподвижным телом пилота. — По-моему, слишком медленный и... и очень слабый.

— Я возвращаюсь на Корви. Кто-нибудь... Ная, ты уже очнулась? Найди два действующих передатчика и надень их на Прейна и Керлу. Я постараюсь их вернуть.

— погоди, Хельва! — услышала она голос Даво, уже начав переход.

Рядом с собой она увидела администратора. А с ним — оболочки которые несомненно принадлежали Прейну, Керле и Шадрессу. Их сжимающее воздействие обрушилось на нее мощной волной.

— Оставайся с нами, Хельва. Оставайся — ведь это совершенно новая жизнь, перед нами открывается все могущество вселенной. Зачем тебе возвращаться к бесплодной жизни в неподвижной капсуле? Присоединяйся к нам!

Слушать дальше было слишком соблазнительно и слишком опасно. Хельва стремительно перенеслась на свой корабль — единственное безопасное прибежище, которое она знала.

— Хельва! — звенел во всех ее приемниках голос Даво.

— Я здесь, — пробормотала она.

— Слаба Бogy! Я уже испугался, что ты останешься с ними.

— Так ты знал, что они решили остаться?

— Они остались бы даже без помощи Ансры, — уверенно произнес Даво. Ная согласно кивнула.

— Подумай сама — ведь для Керлы с Прейном это единственный выход. Теперь, черт возьми, они наконец смогут объединить свои энергии, — невесело усмехнулась она.

— А Шадресс?

— Не ожидала, что твое «тело» дезертирует? — понимающе спросил Даво. — Но ему уже недолго осталось быть им, ведь так, Хельва?

— А что, если бы я тоже осталась?

— Видишь ли, — ответил Даво, — Шадресс не думал, что ты согласишься, хотя и считал, что напрасно.

— Мое место там, где я нужнее всего. А иногда, мне

кажется, лучшая помощь состоит в том, чтобы ничего не делать, — добавила она, больше для себя. Потом перевела взгляд на четыре безжизненно распростертых тела — только дыхание говорило о том, что они еще живы. — Как четыре? — изумленно вскрикнула она, увидев, что Ансра лежит рядом с остальными. — Что вы сделали? И как вам это удалось?

— Без особого труда, — небрежно пожала плечами Ная. — Как аукнется, так и откликнется. К тому же корвики лучше нас умеют управляться с нестабильной энергией. Ну что, Хельва, можно трогаться в обратный путь?

— Администратор сказал, что обмен завершен, — заметил Эскал. — Они разблокировали твою силовую установку?

— Да, — вздохнула Хельва, все еще не решаясь перейти к действию.

— Послушай, Хельва, — тихо шепнул Даво, положив ладонь на титановый пилон, — наша пьеса оказалась ловушкой и кое-кто в нее попался.

Она покорно ввела в компьютер пленку с инструкциями по обратному маршруту, и слова его еще долгим эхом звучали у нее в памяти, как милосердное отпущение грехов.

С несказанным облегчением она следила, как чиновники проводившие служебное расследование, разошлись по ожидавшим их машинам, которые, в свете прожекторов сбились у подножия Х—834, как стая электрических мотыльков... — Что за странное сравнение! — одернула себя Хельва. Прорезав ночной мрак, вспыхнули лучи фар, заматались, перекрещиваясь, как светящаяся паутина, — машины разворачивались, выходя на дорогу. Вот лучи протянулись параллельными линиями, высвечивая нижние этажи административного корпуса базы Регул. Хельва заметила, что не все машины направились с нему, — некоторые пронеслись мимо и, выехав за границы базы, устремились к далекому городу.

Принято считать, что капсульники никогда не устанут, и, тем не менее, Хельва ощущала подавленность и упадок сил. Она не знала, что далось ей тяжелее: общение с корвиками или нескончаемые допросы рьяных чиновников здесь, на Регуле. Теперь она отлично понимала, почему Преин так пристрастился к мыслеуловителю, стремясь остановить потерю нейронов. Не будь к ее

услугам банка памяти, она бы охотно забыла многое из того, что ей довелось пережить. Жаль, что ей это не дано.

Хельва вздохнула. Но не Хельва, Х—834, блестящий корабль класса МТ, находящийся в штате Медицинской службы Централных миров, а Хельва — женщина.

Они запирают нас в титановую оболочку, прячут оболочку за титановой обшивкой и считают неуязвимыми. Но телесные увечья — не самое тяжкое из несчастий, которые уготованы вселенной для ее чад, к тому же они заживают быстрее всего.

В административном корпусе одно за другим загорались окна, и Хельва ощутила мстительную радость. Значит, не ей одной сегодня предстоит бессонная ночь. И поделом им — своими бесконечными вопросами они пошатнули ее и без того зыбкую уверенность в правильности решения, принятого на Бете Корви. Насколько сильна популяция на планете? Какова величина отдельных особей? Как долго, по ее мнению, корвиканские оболочки, в которых теперь находятся Прейн, Керла, Шадресс и Ансра, сохраняют прежние воспоминания и привязанности? Как скоро сможет вторая экспедиция попытаться проникнуть в их атмосферу? Какие еще варианты обмена может порекомендовать Хельва, если учесть, что из Прейна выкачают весь его драматический репертуар? Почему она поняла, что среда Беты Корви так губительна для человеческого разума? Может ли она объяснить, в чем заключается опасность? И может ли посоветовать профилактические меры, которые можно будет использовать при предварительном психопрограммировании?

То, что все остальные участники полета подвергались такому же дотошному допросу, прощупыванию и проверке, как физической, так и психологической, служило Хельве слабым утешением. Хотя ей в этом повезло больше — правда, специалисты по капсульной медицине провели тест на кислотность и проверку поглощения питательных веществ. Они отметили повышенное потребление белков, которое объяснили той необычной деятельностью, которой ей пришлось заниматься.

Да, компьютерам базы сегодня ночью придется поработать, ей же не хотелось думать ни о чем. А главное, о корвиках и о четверых людях, которые предпочли остаться в корвиканских оболочках, чтобы предаваться обмену и потере энергии в новой для себя...

— Не желаю об этом думать, — громко сказала Хельва.

Томясь от бездействия, она выглянула наружу, и взгляд ее на секунду упал на освещенные окна пилотской казармы. Она не ощутила никакого искушения послать туда вызов. Не было в ней сейчас той непринужденности, которая нужна для общения с новыми людьми... а ведь обычно она так любила эти встречи — веселые, оживленные, вносящие в жизнь волнующие ощущения. Но и одной ей тоже не хотелось бы оставаться.

На этот раз я ни на сантиметр не сдвинулась с этой базы, пока не получу себе напарника, — поклялась она.

Где-то там, за огромным летным полем, скрытое милосердной темнотой, лежало кладбище базы, где покоился Дженнан, и она ощущала как это расстояние начало незаметно сокращаться.

Не решаясь вновь погрузиться в эту закрытую главу своего прошлого, Хельва принялась безжалостно перебирать в памяти события последних часов. Всю ли информацию она предоставила проверяющим? Не утаила ли подсознательно какой-нибудь важный факт или мелкую подробность? Правильно ли описала то опасное раздвоение личности, которое подстерегает человеческий ум в оболочке корвика? Не забыла ли...

Внизу резко затормозила машина, и кто-то включил пассажирский лифт, который она не подняла, когда ее борт покинули последние проверяющие.

— Кто там, черт возьми...

— Паролан! — как всегда, отрывисто и не особо любезно отозвался инспектор. Естественно, Найал Паролан присутствовал при недавнем опросе, как и полагалось ее главному координатору. Он исполнял роль третейского судьи, вступая в разговор только в тех случаях, когда эксперты чересчур расходились или проявляли чрезмерный интерес к фактам, которые Хельва была не в состоянии объяснить. И она была ему за это благодарна. К тому же на нее произвело впечатление то, как ловко он разрешал все щекотливые ситуации. По-видимому, несмотря на свои отвратительные манеры, Паролан пользовался на базе большим авторитетом. Интересно, зачем он вернулся? Побеседовать наедине?

Вот он вошел в шлюз и остановился — ноги широко расставлены, руки свисают вдоль тела, на лице застыло неожиданно задиристое выражение.

— Ну что, чем вы сегодня недовольны? — спросила Хельва, чтобы скрыть внезапную тревогу.

Он шагнул вперед, и Хельве показалось, что инспектор сильно пьян.

— Миледи, прошу у вас убежища, — произнес он, кланяясь с преувеличенной церемонностью.

— И чашку кофе?

— Как бы не так. Эти паршивые электронные клоуны вылакали весь твой запас. Учти, Ценком знает, что ты недоступна и закрыта для связи, — между прочим, по моему распоряжению, детка, так что для меня ты самое безопасное место.

— У вас что — неприятности из-за Беты Корви?

— У меня? — он опустил на кушетку лицом к ее пилону и вдруг устало откинулся на подушки. — Нет, Хельва, нет, девочка моя. Не у Найала Паролана, главного координатора. Скорее, у всех нас, — размашистым движением руки он перевел проблему из местного масштаба в галактический. — Но пока тебя оставили в покое и меня тоже, а к утру мои старые мозги, возможно, снова придут в норму, и тогда... — его голос перешел в невнятный шепот.

Хельва решила, что Паролан уснул, но скоро увидела, что он смотрит на нее из-под опущенных век.

— Скажи, кто-нибудь удосужился сообщить тебе, насколько ты превзошла все наши ожидания? А шеф удосужился упомянуть, что к твоему послужному списку добавились еще две благодарности? И астрономическая премия! — он хлопнул ладонью по кушетке. — Продолжай в том же духе, и ты скоро рассчитаешься с долгами. — Вдруг голос его зазвучал необычно мягко: — А я, Хельва, удосужился ли я поблагодарить тебя за то, что ты вытянула на себе это дерьмовое, мерзопакостное, вонючее задание, в которое мы тебя втавили...

— Лично вы, Паролан, здесь не при чем...

— Ха! — он коротко хохотнул, выгнув спину дугой, потом снова бессильно упал на подушки. — Ничего не скажешь, девочка моя, ты отлично поработала. Не думаю, чтобы с этим делом справился какой-нибудь другой корабль.

— Как знать, может быть, другой корабль доставил бы обратно всех пассажиров.

— Что за бред сивой кобылы, Хельва! — как пружина, взвился Паролан. — Не желаю слышать от тебя таких

дурацких заявлений! У Прейна с Керлой были свои причины для того, чтобы остаться, как, впрочем, и у Шаддресса. Все трое от этого только выиграли. Что же до Ансры Колмер, то этой сучке только поделом. Наконец-то она перехитрила сама себя. Все-таки во вселенной есть истинная справедливость, пусть даже корвики никогда не слышали о Хаммурапи.

Инспектор снова улегся и переплел пальцы за головой.

— Вы имеете в виду тела? Наверное, уже пора позаботиться о подходящих похоронах?

— С какой стати? Клинически они все еще живы. Это твое тело клинически мертво, — добавил он, хотя отлично знал, что касаться этой темы в присутствии капсульников строжайше запрещено. — И в то же время ни ты, ни я и никто другой на этой базе не считает тебя призраком. Что же делает человека мертвым — а, Хельва? Отсутствие разума или души, или чего-то там еще? Или, может быть, отсутствие способности самостоятельно передвигаться? Но ты вполне подвижна, милочка моя, хотя не можешь даже пальцем шевельнуть.

— Вы пьяны, Найал Паролан.

— О, нет! Паролан вовсе не пьян. Я просто расслабляюсь, детка, расслабляюсь и все. — Он сел так стремительно, что Хельве стало ясно: инспектор вполне владеет своим телом. — Если посмотреть на дело с этической или социальной стороны, то ты доставила на корабль, встречавший вас у Беты Корви, четыре трупа. Четыре механически функционирующих, но пустых оболочки. И бывшие их обитатели, владельцы — назови их как хочешь — в них уже никогда не вернутся.

Он встал и направился прямо к Хельве. — Вот твой шанс, детка. Выбирай любую... хочешь — бери тело Керлы: оно самое молодое. Хочешь — Ансры. А если желаешь разнообразия — бери тело Шаддресса.

Всего на один ослепительный миг, миг полный головокружительных возможностей, Хельва задумалась над этим потрясающим предложением. Совсем как на Бете Корви, когда ее уговаривали остаться. Неужели она все-таки сумела представить специалистам непредвзятый отчет?

— Вы, разумеется, исходите из того, что я хочу стать подвижным человеческим существом. Так вот, запомните, Паролан, — она изо всех сил старалась чтобы голос ее

звучал рассудительно, — я недавно побывала в другом теле. И убедилась, что предпочитаю свое.

Паролан не сводил с нее непроницаемого взгляда. Вот он протянул руку и погладил холодный металл — как раз в том месте, где находился шов, закрывающий доступ к внутренней капсуле.

— Неплохо сказано, Хельва, совсем неплохо. — Он повернулся и направился на камбуз. Хельва с облегчением убедилась, что он заказал суп, а не стимулятор. Снова усевшись в главной рубке, Паролан вскрыл термическую оболочку банки. Казалось, его загипнотизировал поднимающийся пар, и только щелчок отскочившей крышки вывел из забытья: он вздрогнул и потряс головой.

— Я и не думал, что ты на это пойдешь, — как бы между прочим заметил он.

— Зачем же тогда было предлагать? Все испытываете меня, инспектор?

Он поднял взгляд и хохотнул, заслышав в ее голосе недобрые нотки.

— Вовсе не тебя, девочка моя...

— Никакая я на ваша девочка!

— Какая разница! — он осторожно отхлебнул горячий суп.

— Так зачем вы все-таки предлагали? — не отступала Хельва.

Он пожал плечами. — Просто подумал, что это единственный в жизни случай извлечь тебя из титанового пояса целомудрия.

У Хельвы вырвался смешок. — Но я сама покидала его. На Корви.

— Что, однажды попробовала — и не понравилось?

— Что именно — движение? Или свобода? — спросила она, намеренно не замечая двусмысленности, на которую намекали его вздернутая бровь и ехидная усмешка.

— Физическое давление, — нетерпеливо уточнил он. — Физическая свобода.

— Смотря что подразумевать под физическим. Как кораблю, мне подвластна такая физическая сила и свобода, о каких вы и понятия не имеете. Я мыслю, дышу, ощущаю. Мое сердце бьется, кровь течет по сосудам, мои легкие работают — правда не так, как ваши, но все равно, они функционируют.

— Как и сердца, сосуды и легкие тех четверых...

четверых пустышек, лежащих в реанимации базового госпиталя. Только они мертвы.

— А я?

— А ты?

— И все же вы пьяны, Найал Паролан, — холодно и неприязненно заявила она.

— Я не пьян, Хельва. Я пытаюсь обсудить с тобой важную нравственную проблему, а ты ускользаешь.

— Ускользаю? Но от кого — от Найала Паролана или от инспектора Паролана?

— От Найала Паролана.

— Но почему вы, Найал Паролан, решили обсудить эту важную нравственную проблему именно с Хельвой?

Неожиданно он пожал плечами и откинулся назад. Плечи его поникли, он сжал в ладонях банку с супом и мрачно уставился в нее.

— Надо же как-то скоротать время, — проговорил он наконец. — Сегодня нам обоим его некуда девать. И было бы неразумно убивать наше драгоценное время, — он иронически усмехнулся, — на пустую болтовню. Гораздо полезнее обсудить важный нравственный вопрос, который, смею напомнить, ты сама повесила нам на шею. И который, похоже, никто не собирается решать. Нужно было сначала заставить корвиков расчистить свою помойку, а потом уже очищать их вонючую атмосферу. Послушай, а ты почувствовала запах мерзости, которой они дышат?

Хельва стала отвечать на поставленный вопрос, но часть ее стремительно работающего рассудка не могла прийти в себя от изумления: да что это с ним сегодня творится?

— Я, Хельва, лишена чувства обоняния. Следовательно, я, Хельва, не могла уловить «запах» корвиканской атмосферы. Никто из моих спутников ничего не говорил по этому поводу, таким образом, можно предположить, что для самих корвиков запах их атмосферы является чем-то вполне обычным.

— Ага! — он злорадно наставил на нее палец, — значит этой физической способностью ты все-таки не обладаешь!

— И совершенно не уверена, что хотела бы ею обладать... ну, разве что узнать, как пахнет кофе, — все утверждают, что у него совершенно божественный аромат.

— Кстати, не забудь заказать его завтра утром.

— Заказ уже отправлен в отдел снабжения, — любезно произнесла Хельва.

— Вот и умница, моя девочка.

— Я не ваша девочка. И пусть я рискую показаться занудой, но все же мне хотелось бы знать: зачем вы сюда пришли, Найал Паролан?

— Не хочу, чтобы ко мне приставали эти вонючие недоноски, — буркнул он, ткнув пальцем в сторону административного корпуса. — А они наверняка нагрянут, как только смогут меня отыскать. Сюда-то они не сунутся: Ценкому запрещено направлять тебе любые вызовы до восьми ноль-ноль. Потому что ты, Хельва, девочка моя, за день поимела их предостаточно. Или я не прав? — его вопрос повис в воздухе. — И не надо спорить, — посоветовал он, не услышав немедленного ответа. — Ведь я тебя прекрасно знаю... я тебя так знаю, детка, как не знает никто на свете... Ведь еще чуть-чуть — и ты бы их послала, еще совсем чуть-чуть... — он помолчал. — Да, это задание далось тебе куда тяжелее, чем ты признаешься... даже себе самой.

Она ничего не ответила.

Найал кивнул и отхлебнул еще супа.

— Нет, вы не пьяны, — подумав, сказала Хельва.

— А я что тебе говорил? — ухмыльнулся он.

— Я и не знала, — продолжала она беззаботным тоном, чтобы не обнаружить, как ее тронуло его неожиданное сочувствие, — что в обязанности инспектора входят ночные посиделки с кораблем.

Он погрозил ей пальцем и сделал таинственное лицо. — У нас много негласных функций.

— Так это правда, что я отрезана от связи до восьми ноль-ноль, или вы просто не хотите, чтобы я встретилась с новыми симпатичными «телами»?

— Да нет же, черт возьми! — вспыхнул Найал, и брови его возмущенно взметнулись. — Это абсолютная правда — проверь сама, если хочешь. Ты можешь вызвать кого угодно. Просто другие не могут до тебя добраться. А если...

— Значит, вы пришли сюда, чтобы помешать мне встретиться с «телами».

— У этой бабы одни «тела» на уме! — взорвался он. — Давай-давай, собери здесь целую кучу «тел», подними на ноги всю казарму. Закатим тепленькую вечеринку... — он сделал шаг к приборной доске.

— Почему вы здесь?

— Эй, детка, ну-ка сбавь тон. Я здесь потому, что ты для меня — самое безопасное место. Он повернулся к ней, ехидно усмехаясь. — Так ты уверена, что не хочешь вызвать пилотскую казарму?

— Вполне.

— Пойми, у меня уже вот где их сволочные вопросы и подозрения, и...

— Подозрения? — Хельва мгновенно насторожилась.

— Найал презрительно фыркнул. — Эти вонючие ублюдки, — он махнул рукой в сторону освещенных окон административного корпуса, — изобрели дерьмовые теории о шизоидных мозгах и стопорах и прочую чушь собачью.

— Это про меня?

— Он снова выразительно фыркнул. — Я-то тебя знаю, девочка, знаю, как свои пять пальцев. И Рейли тоже знает. Так что с нами этот их номер не пройдет.

— Спасибо и на этом.

— Только не вздумай со мной душить, Хельва, — неожиданно резко сказал он. — Ведь я тебе всю душу вымотаю ради дела. Заставлю соглашаться на такие задания, которые тебе совсем не понравятся, если буду уверен, что они принесут пользу тебе и делу...

— Принесут пользу... мне? Вроде этого полета на Бету Корви?

— Да, Хельва, да, чтоб тебе пусто было! Принесут пользу тебе — тебе, женщине за этой бронированной плитой!

— Не вы ли только что склоняли меня выйти из-за бронированной плиты... и занять тело Керлы?

Паролан молчал. Хельве показалось, что его сердитый взгляд проникает через титановый пилон прямо в ее капсулу. Внезапно он расслабился и снова откинулся на подушки. Внешне он был совершенно спокоен, но от зоркого взгляда Хельвы не укрылось, что на скулах еще подрагивают желваки.

— Ну, было дело, — неожиданно кротко признался он. Потом вздохнул, закинул ноги на кушетку и преувеличенно громко зевнул. А знаешь, я ведь никогда не слышал, как ты поешь. Могу я рассчитывать на такую любезность?

— Хотите разогнать сон? Или наоборот предпочитаете колыбельную?

Найал Паролан снова зевнул, закинул руки за голову,

скрестил ноги в щегольских ботинках и уставился в потолок.

— На твое усмотрение.

И вдруг, на удивление самой себе, Хельва почувствовала: ей снова хочется петь!

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПОБЕЖДАЛ

— Просто так мозговые корабли не исчезают, — заявила Хельва, стараясь чтобы ее голос звучал твердо и беззапелляционно.

Терон выпятил подбородок, отчего сразу стал похож на короткошеего неандертальца. Эта его манера, поначалу казавшаяся ей забавной, постепенно стала раздражать, а теперь и вовсе доводила до бешенства.

— Ты же слышала, что сказали Миры, — как всегда, назидательно изрек Терон. — Они исчезли хотя бы потому, потому что уже есть факты исчезновения.

— Сам факт исчезновения несовместим с капсульной психологией, — возразила Хельва, едва сдерживаясь, чтобы не заорать благим матом. Ей почему-то казалось, что заставить его понять можно лишь оглушив как следует. Конечно же, она знала, что это совершенно неразумно, но через год, исчерпав все попытки найти с Тероном общий язык, все чаще стала ловить себя на том, что реагирует на уровне эмоций, а не разума.

Общение с ним превратилось в пытку, более того, в унижение, и она не собирается терпеть это дольше, чем того потребует завершение задания и возвращение на базу Регул.

Хельва была сыта своим напарником по горло. И ей было плевать, что он думает о ней. Трудно, конечно, смириться с тем, что она оказалась в ситуации, приспособиться к которой не сумела, но теперь ей совершенно ясно: они с Тероном несовместимы. Остается признать, что она допустила ошибку и поскорее ее исправить. Это единственный разумный выход.

Хельва чуть не застонала: все-таки не зря говорят — с кем поведешься, от того и наберешься! Она даже рассуждать стала почти, как Терон.

— Твоя лояльность достойна всяческих похвал, хотя в данный момент едва ли уместна, — по обыкновению напыщенно заявил Терон. — Факты говорят сами за себя. Четыре корабля с мозговым управлением, выполнявшие задания Центральных Миров, бесследно исчезли, и их пилоты-напарники вместе с ними. Факт первый: корабль, в отличие от пилота, может изменить маршрут. Факт второй: ни один из кораблей не прибыл в порт назначения в установленный срок. Факт третий: ни один из кораблей не появился в секторах, прилегающих к порту отбытия или порту

назначения. Следовательно, они исчезли. Выходит, корабли по неизвестным причинам изменили установленный курс. Из чего, в свою очередь, следует: корабли — ненадежные создания. Этот вывод вытекает из приведенных фактов и является абсолютно бесспорным. И с обоснованностью такого вывода согласится любой разумный человек.

Он изобразил на лице противную ухмылку, которая когда-то казалась ей обаятельной улыбкой.

Хельва начала медленно считать до ста. А когда заговорила снова, голос уже вполне повиновался ей.

— Имеющиеся данные нельзя признать полными. В них отсутствует мотивировка. Нет никакой причины, которая могла бы заставить четыре корабля взять и исчезнуть среди бела дня по собственной прихоти. Ведь ни у одного из них даже особых долгов-то не было, а РД так и вовсе должна расплатиться с Мирами года через три. — «Как и я», — подумала она. — Таким образом, и принимая во внимание особую информацию, которая известна мне... — с ударением сказала она, — твой вывод ни в какие ворота не лезет.

— Вот уж не знаю, какая особая информация, даже если она тебе действительно известна, — Терон наградил ее снисходительной усмешкой, — смогла бы заставить меня изменить свое мнение, тем более что Центральные Миры пришли к такому же выводу.

«Так, — подумала Хельва, — он решил вытащить на свет Божий непогрешимый авторитет: рассчитывает сразить меня наповал.»

Так или иначе, спорить с ним бесполезно. Найал Паролан как-то раз назвал это упрямством не по делу, правда, он тогда имел в виду ее. И это еще не все. Терон — твердолобый, самоуверенный, невосприимчивый, помешанный на инструкциях и настолько ограниченный, что даже на долю секунды не впустит в свои мозги ни воображения, ни интуицию.

Зря она вспомнила Найла Паролана. От этого настроение у нее ничуть не улучшилось. Этот назойливый маленький пустозвон нанес ей еще один непрощенный и неофициальный визит — хотел отговорить ее брать в напарники Терона с Актиона.

— Он закончил курс только за счет зубрежки. И его отправили на самые завалы рейсы, а вовсе не тебя! — орал Найал Паролан, меряя шагами рубку.

— Но ведь не вам предстоит быть его партнером.

Судя по данным психотестов, мы с ним отлично подходим друг другу.

— Где твоя голова, детка? Ты только взгляни на него. У него же нет сердца — одни сплошные мышцы, и физиономия слишком смазливая, чтобы вызывать доверие. Господи... да он же андроид, робот с железной башкой, предназначенный для работы в напряженной атмосфере. Он тебя доведет до ручки.

— Зато он надежный, уравновешенный, эрудированный, предусмотрительный...

— А ты — занудливая консервированная девственность, — отрезал Паролан и во второй раз за время их знакомства выскочил из рубки, даже не оглянувшись.

Теперь-то Хельва была вынуждена признать: уничтожающая характеристика, которую Найал Паролан дал ее «телу», Терону с Актиона, оказалась весьма точной. Она находила в нем единственное положительное качество: Терон не имел ничего общего ни с одним из ее прежних напарников.

А если он еще раз посмеет назвать ее ненадежным созданием, она захлопнет дверь шлюза у него перед носом.

Терон же, сочтя, что его последнее веское заявление окончательно убедило Хельву, уселся за пульт управления, по обыкновению размял пальцы и принялся вводить в компьютер свои бесценные, всесильные данные, проверяя маршрут полета. Очевидно, он был полон решимости в корне пресечь любую неразумную попытку Хельвы изменить маршрут и скрыться.

Он трудился неторопливо и методично: гладкий лоб не прорезала ни одна морщинка, на широкоскулом лице застыло безмятежное спокойствие, карие глаза неотрывно устремлены на колонки цифр.

Звезды небесные! И где только была моя хваленая интуиция, когда я его выбирала?! — изумлялась про себя Хельва, и уровень адреналина в ее капсуле никак не хотел падать. — Должно быть, я тогда была не в своем драгоценном уме. Кажется, у меня повышается кислотность питательной жидкости. Когда вернусь на Регул, нужно будет попросить, чтобы проверили мой обмен веществ. Что-то со мной творится неладное.

Нет, нет и еще раз нет, — резко одернула она себя. — Со мной не происходит ничего такого, что не придет в норму, как только я избавлюсь от Терона. Это он

довел меня до того, что я начинаю сомневаться в собственном здравомыслии. Но я-то знаю, что я в здравом уме, иначе я не была бы этим кораблем. Учти, Хельва, — строго сказала она себе, — вполне может случиться, что он еще до конца рейса убедит тебя, что ты представляешь угрозу для Центральных Миров, поскольку твой разум столь ненадежен, и самое безопасное для тебя — это покинуть службу. А исходит он из того, что мозговой корабль — ненадежное создание, потому что он может поглощать данные, отбрасывать несущественное и, следуя на первый взгляд нелогичным путем, доводит дело до логичного и весьма успешного конца. Вроде того ребуса, который мы с Кирой решили на Алиоте.

Если уж быть точной до конца, она, Хельва, за свою короткую карьеру мозгового корабля, уже не раз проявляла такую ненадежность. И Терон был настолько «любезен», что не преминул напомнить ей об этих нарушениях, а заодно и указал куда более логичные линии поведения при тех же условиях, попутно призвав ее никогда не выходить за границы установленных правил, пока ее напарником является он, Терон с Актиона. Она не должна предпринимать ничего, — он повторил это дважды, — без предварительного согласования с ним, а потом с Ценкомом. Разумное создание тем и отличается, что способно следовать приказам без малейших отступлений.

— Неужели ты всерьез считаешь, — посмеиваясь, проговорила Хельва, впервые услышав от него это торжественное заявление (тогда она еще не утратила чувства юмора), — что если приказ потребует, чтобы я проникла в атмосферу, которая, как доказали предварительные замеры, губительна для моего корпуса и вызовет нашу гибель, то я должна следовать такому приказу... и погибнуть?

— Центральные Миров не отдадут своим кораблям безответственных приказов, — укоризненно ответил Терон.

— А в полумиле, в полумиле,

В полумиле впереди...

— Не улавливаю, какое отношение полумили имеют к обсуждаемому вопросу, — холодно заметил он.

— Я пыталась ограничиться тонким намеком, но если ты не понял, придется объяснить.

— Только, если можно, четко и внятно.

— Приказы могут отдаваться без учета неизвестных заранее и, тем не менее, чрезвычайно важных факторов. Таких, как вышеупомянутая губительная атмосфера...

— Предположительно...

— ... которые, однако могут оказаться решающими. Согласись, мы часто посещаем малоисследованные звездные системы. Поэтому вполне возможно, а не только предположительно, что заранее отданные приказы потребуют разумного и обдуманного пересмотра, а это, в свою очередь, может потребовать того, что на первый взгляд может быть расценено как безответственное изменение этих самых признаков и/или служебное неподчинение вышеупомянутым приказам.

Терон покачал головой, но вовсе не печально — ибо Хельва была уверена, что он в жизни не пережил ни одного по-настоящему глубокого человеческого чувства, — а укоризненно.

— Теперь я окончательно понимаю, почему Центральные Миры настоятельно требуют, чтобы командиром корабля с мозговым управлением был пилот-человек. Это совершенно необходимо, когда столь ненадежное создание фактически управляет таким мощным организмом, как данный корабль.

Хельва едва не поперхнулась — так он ничего не понимает! И с трудом удержалась от того, чтобы не заявить: пилотский пульт управления ее никоим образом не контролирует. Это она контролирует пилота.

— Настанет день, — гнул свое Терон, — когда столь нецелесообразные средства выйдут из употребления. Автоматическое управление достигнет такого высокого уровня, что надобность в человеческих мозгах начисто отпадет.

— Но в мозговых кораблях используют человеческих существ, — четко и раздельно произнесла Хельва.

— Ну да, человеческих существ. А мы, люди, склонны заблуждаться, мы слишком утлый сосуд для такой великой задачи, игрушка в руках многообразных обстоятельств. — Терон явно решил довести свою проповедь до конца. — Человеку свойственно ошибаться, а Богу — прощать. — Он вздохнул. — А когда человеческий компонент, столь подверженный ошибкам, будет исключен, когда автоматика достигнет совершенства, — слышишь, Хельва? — совершенства, вот нужное слово! — то исчезнет всякая необходимость в

тех временных мерах, которые вынуждены применять Центральные Миры сейчас. И только когда такое совершенство будет достигнуто, корабли станут по-настоящему надежными. — Он покровительственным жестом похлопал по панели управления.

Хельва едва сдержалась, чтобы не ответить крепким ругательством. Ей лезли в голову неопровержимые исторические факты, усвоенные за годы школьного обучения и психопрограммирования. Но она вовремя спохватилась: ведь все эти факты, — вдруг поняла она, — основаны на случайностях, что только подтверждает его дурацкую теорию о ненадежности, хотя в итоге все заканчивалось наилучшим образом. В каждом из этих случаев мозговые корабли действовали, игнорируя или пересматривая ранее полученные приказы, как того требовали чрезвычайные обстоятельства, с которыми им доводилось сталкиваться. Если следовать неколебимой логике Терона, то и сам разум — неважно, капсульный или подвижной — ненадежен. Хельва не могла себе представить, чтобы он когда-нибудь мог признать: лучшие решения отнюдь не всегда логичны.

Вот и теперь каждая частичка разума, инстинкта, опыта, программирования и рассудка говорили Хельве: мозговые корабли просто так не исчезают. Особенно четыре подряд. Четыре за неполный регулианский месяц. Один корабль за сто лет — это еще можно было бы счесть возможным, логичным и вероятным. Но всегда должен быть какой-то намек, какая-то предсказуемая причина. Как, например, в случае с 732, обезумевшей от горя на Алиоте.

Ну зачем только она позволила Кире уйти, когда они выполнили то задание? В таких вопросах Кира всегда была с Хельвой заодно, но как убедить Терона, что массовые исчезновения противоречат здравому смыслу? Ведь здесь требуется интуиция, которой он начисто лишен.

Почему же психопробы не обнаружили этой его склонности к морализаторству? И еще кое-что она заметила в своем напарнике: признает он это или нет, но только сам принцип киборгов, существ, подобных Хельве, вызывал у него отвращение. В отличие от большинства обитателей Центральных Миров, Терон ни на секунду не забыл, что за титановой броней скрывается

капсула, в которой находится неподвижное и, тем не менее, абсолютно человеческое тело.

Она даже наверное смогла бы пожалеть Терона, не вызывая он у нее такого раздражения. А ведь еще до того, как он стал ей неприятен, она раскусила, что скрывается за тем стремлением к совершенству, которое движет каждой его мыслью, каждым поступком. Терон панически, до безумия боится ошибок, боится допустить какой-нибудь промах, потому что промах означает неудачу, а неудача для него просто немыслима. Если же он не будет допускать ошибок, то никто не сможет обвинить его в неудаче и, таким образом, ему будет всегда сопутствовать успех.

«Что ж, — размышляла Хельва, — я-то не боюсь ошибок и не боюсь признать, что меня постигла неудача. Как с этим Тероном. Если он не доверяет капсульникам, значит, не подходит ни мне, ни Центральным Мирам. Так уж и быть, мстить я не буду. Просто попрошу замену и даже уплачу штраф. Это не должно отбросить меня далеко назад. А с новым партнером, получив парочку выгодных заданий, я быстро рассчитаюсь с долгами. Но Терона здесь даже духа не будет!»

Теперь, когда она твердо решила с ним расстаться, ей сразу стало легче.

Назавтра, едва поднявшись, Терон по обыкновению принялся проверять каждый датчик, каждый индикатор, каждый измерительный прибор — вдоль и поперек. Этот ритуал занял у него почти все утро, хотя Хельве на такую же проверку хватило бы и десяти минут. Такая процедура всегда считалась делом «мозга», и «тела», как правило, в нее не вникали. Хельве же приходилось зачитывать Терону свои показания, а он сравнивал их с собственными.

— Все в полном ажуре, — с довольным видом заявил он, что делал всегда, когда результаты совпадали... а случалось это каждый Божий день. Потом уселся за пульт управления, ожидая прибытия на Тания Бореалис.

ТХ—634 уже не впервые посещал Даррел, четвертую планету Тания Бореалис, и сотрудники космопорта успели познакомиться с Тероном, познакомиться и невзлюбить его до такой степени, что со всеми вопросами обращались напрямую к Хельве, минуя ее напарника. И если Хельву это забавляло, то потом

ей же приходилось расхлебывать все осложнения с разобиженным «телом». Терон же в ответ на пренебрежительное отношение портовых служащих стал вдвойне напыщен и официален — и с ними, и с капитаном Медицинской службы, который встречал груз редких наркотических веществ, который они доставили. Учитывая характер и силу действия препаратов, требовались дополнительные меры предосторожности, но Терон повел себя просто оскорбительно: он вызвал Центральные Миры, чтобы подтвердить личность капитана Бранда, прежде, чем соизволил передать ему ценный груз.

В довершение ко всему, на вызов ответил сам Найал Паролан, начальник сектора, и Хельва прекрасно поняла все, что скрывалось за его подчеркнуто официальным тоном. Она внутренне поежилась. Надо же так случиться, чтобы это был именно Паролан! Она испытывала доселе неведомое стремление вырваться из своей капсулы. В конце концов, какая разница, когда она заявит о своем желании сменить напарника, — все равно ехидных насмешек Паролана ей не избежать. До возвращения на Регул им предстоят еще три посадки: одна на Тания Аустралис и две на противоположных сторонах Алулы. Пусть лучше Найал Паролан выпустит пары сейчас, тогда к тому времени, когда она будет разбираться с Тероном, он уже остынет. Собравшись с духом, чтобы выслушать резкую отповедь инспектора, Хельва тайком послала ему сигнал оставаться на связи. Терон, верный раб инструкций, должен проводить капитана Бранда до машин, так что у нее будет время, чтобы заявить о своем намерении.

— Диспетчерская — ТХ—834. Зиксон Антиолатанский просит разрешения подняться на борт.

— В разрешении отказано, — ответила Хельва, даже не взглянув на Терона.

— Говорит пилот Терон, — поспешно вмешался ее напарник. Подойдя к пульту управления, он включил прямой канал местной связи. — Какова цель запроса?

— Не знаю. Они едут к вам на машине.

Терон отключил связь и выглянул в открытый шлюз. Как раз в этот миг машина Бранда разминулась с приближающимся экипажем.

— Хельва, ты не имеешь права самостоятельно принимать решения, если я нахожусь рядом.

— А ты когда-нибудь слышал о Зиксоне Антиолатанском? — резко спросила Хельва. — И потом, разве ты забыл, что это строго служебный рейс?

— Мне прекрасно известна специфика нашего рейса, и я никогда не слышал о Зиксоне Антиолатанском. Но это вовсе не значит, что его не существует в природе. Похоже, это какой-то религиозный деятель, а одна из главных служебных инструкций предписывает оказывать уважение представителям любых религий. Мы должны его принять.

— Совершенно справедливо. Но могу ли я напомнить пилоту Терону, что нахожусь на службе несколько дольше его и к тому же имею доступ к банкам памяти, которые гораздо меньше подвержены lapsus mentis, чем обычная человеческая память? Так вот, в них нет никаких Зиксонов.

— Но запрос сделан по всей форме, — возразил Терон.

— Может быть, стоит сначала посоветоваться с Мирами?

— Существует решения, которые можно принимать, не запрашивая высшие инстанции.

— Неужели?

Подъехала машина, и спутники Зиксона почтительно испросили позволения подняться на борт. Их появление лишило Хельву возможности побеседовать с Ценком наедине. Ее несказанно бесило детское упрямство Терона, который решил во что бы то ни стало узнать, кто такие эти Зиксоны. Она отлично понимала: отмени она его приказ, он бы вне всякого сомнения поставил ее на место. Но если уж он взял инициативу на себя, значит, все в полном порядке.

Четверо мужчин поднялись на борт; двое из них, в простых серых плащах, бравой поступью вошли в шлюз — ни дать ни взять охрана какой-то важной персоны. С поясов свисало оружие, на шее у каждого красовался странный цилиндрический свисток на цепочке. Третий, седоватый но весьма энергичный, подобострастно ввел четвертого, седовласого мужчину с величественной осанкой в длинном серо-черном одеянии. В руках он сжимал свисток, похожий на те, что были у стражей, но большего размера, будто это была невесть какая святыня.

Что-то в их торжественном появлении насторожило Хельву еще больше. Седоватый, суетясь вокруг своего

спутника, так и шарил глазами по рубке. Вот он шагнул в сторону и оказался за спиной Терона, который продолжал преспокойно сидеть за пультом, а старец тем временем поравнялся с титановой панелью, за которой находилась Хельва. Они почти завершили свой маневр, когда в мозгу у Хельвы оглушительно зазвучал сигнал тревоги.

— Терон, это угонщики! — крикнула она, отчаянно надеясь, что Ценком все еще на связи.

Седовласый, мигом потеряв все свое величие, пугающе ритмично произнес набор разновысоких слогов и протянул руку к пилону.

Борясь с подступающим беспамятством, Хельва успела увидеть, как стражи поднесли к губам свистки, и их пронзительный вой создал звуковые помехи в электронных цепях. Как Терон, получив от седоватого удар по голове, сполз на пол. Потом усыпляющий газ, который старец пустил в ее капсулу, подействовал и она потеряла сознание.

... Электронные цепи вышли из строя, — подумала Хельва... и разом пришла в себя.

Она ничего не видела. Ничего не слышала. Ни шепота, ни шороха. Ни самого слабенького лучика света.

Хельва постаралась справиться с волной первобытного ужаса, который едва не лишил ее рассудка. «Я думаю, значит, я жива, — собрав в комок всю силу воли, сказала она себе. — Я могу думать, могу спокойно и разумно вспомнить, что случилось, что могло случиться».

Еще самая малость — и ужас вечной изоляции от звука и света грозил полностью овладеть всем ее существом. Хельва принялась холодно и бесстрастно восстанавливать в памяти последнюю, стремительную сцену предательского нападения. Как вошли те четверо, как стражи со свистками заняли свои места. Сверхзвуковой сигнал был рассчитан на то, чтобы заблокировать ее схемы, тем самым парализовав защитную реакцию против насильственного отключения смотровой панели. Задачей третьего из захватчиков было обезвредить Терона.

Таким образом, — продолжала рассуждать Хельва, — нападение было рассчитано заранее, с тем, чтобы одновременно вывести из игры и «мозг», и «тело». И только люди, имеющие тесный контакт с Центральными

Мирами, могли заполучить информацию, необходимую для того, чтобы взять верх сразу над подвижным и неподвижным партнерами. Отключающие слоги, как и особый тон и ритм их произнесения, держались в строжайшем секрете и даже хранились в разных местах. Невозможно поверить, чтобы этими сведениями мог завладеть кто-то посторонний.

Эти размышления привели Хельву к очевидному, но от этого не менее поразительному выводу. Теперь она знала, как «исчезли» четыре мозговых корабля. Их, вне всякого сомнения, похитили — точно так же, как и ее. Но зачем? Она терялась в догадках. И где находятся остальные? Отрезаны от связи, как и она? Или доведены до безумия...

«Я отказываюсь поверить, что это может случиться со мной или с любым другим капсульником, — твердо сказала себе Хельва. — Сильнейшая сосредоточенность и напряженная умственная деятельность могут мне перенести все лишения».

Итак, первым исчез ФТ—687. Они тоже работали на наркорейсах, правда собирали сырье, а не доставляли готовые препараты. То же самое можно было сказать и про РД—751 и ПФ—699. Такая закономерность наводила на размышления.

Наркотики, которые доставила она, можно было получить только с разрешения Центральных Миров. Их перевозили специальные команды, причем в очень малых количествах. Одной стокубиковой ампулы менкалита с избытком хватило бы, чтобы отравить воду на целой планете и превратить ее жителей в рабов, бездумно и послушно выполняющих любые приказы. В то же время, одна гранула этого вещества, растворенная в большом количестве белковой основы, могла предохранить обитателей нескольких звездных систем от эпидемии вирусного энцефалита. Туканит, психоделическое вещество, давал блестящие результаты при психотерапевтическом лечении кататонического ступора и аутизма, ибо повышал восприимчивость пациента к окружающему миру. С его помощью немощные туканские старейшины восстанавливали угасающие психические силы. И, как ни опасны были эти наркотики при неосторожном или злонамеренном использовании, в виде лекарственных препаратов они несли жизнь и надежду миллионам людей, и потому их было необходимо доставлять в разные уголки Центральных Миров. Таким

образом, дамоклов меч вреда и пользы постоянной угрозой висел над головой человечества.

И, как оказалось, даже капсульники не были застрахованы от козней безумцев.

Безумцев? — Хельва мысленно скрипнула зубами. — Интересно, где же этот чертов идиот, ее напарничек? Сейчас он сам и его неандертальские мускулы весьмагодились бы. Она ощутила явное удовлетворение, вспомнив, как третий захватчик сильным ударом отправил его в нокаут, и понадеялась, что Терон заработал достаточно синяков, ссадин и шишек. И все же он может видеть и слышать без всяких механических приспособлений.

Хельва чувствовала, как каждая клеточка ее мозга, лишившись внешних ощущений, сжимается и трепещит от ужаса. Сколько еще она сможет удерживать разум от...

В двух семьях, равных знатностью и славой...

Я пытаюсь бежать от любовной напасти...

Бежать? Как бы не так — ведь я ничего не вижу.

Не действует по принуждению милость.

Как теплый дождь, она спадает...

Нет, небо здесь не при чем. И Порция мне не поможет. Старина Шекспир покинул меня в беде, а ведь я отстаивала его авторитет в чужих мирах.

Под небом Индии прекрасной,

Где время тратил я напрасно...

Время... сколько его у меня осталось — бесконечность или совсем чуть-чуть? Неужели я пожизненно осуждена балансировать между вечностью и безумием?

Ох и крут был епископ из Блиша —

Все святые тряслись в своих нишах...

Вот и у меня тоже когда-то была своя ниша, только выдворил меня из нее не епископ, а Зиксон.

Что мне делать с Зиксонами — придушить их кальсонами, оглушить их клаксонами или...

Но я ничего не могу — ни двигаться, ни видеть, ни слышать...

Сколько можно сколькможносколькорможносолько можно? **СКОЛЬКО МОЖНО?**

Когда под давлением критической ситуации государство испытывает необходимость разорвать... Это мой мозг сейчас разорвется! Господи, неужели во всей

вселенной нет ничего, о чем бы я могла подумать, не возвращаясь мыслями к...

ЗВУК!

Резкий, царапающий, металлический. Но в ее слуховых цепях раздался ЗВУК. Он, словно каленым железом обжег ее мозг, погруженный в плотное, непроницаемое, бесконечное, сводящее с ума безмолвие, вернув ей способность нормально мыслить. Она вскрикнула, но беззвучно: все цепи, кроме слуховой, по-прежнему бездействовали.

Хельва поспешно убавила силу звука до терпимого уровня. Голос, который она слышала, звучал резко, гнусаво и совсем не приятно, но долгожданное ощущение, которое он принес с собой, было божественно прекрасным.

— Тебя отсоединили от всех судовых систем.

Сейчас слова не имели для нее никакого смысла — она вслушивалась в великолепие звука, любой резкий шум доставлял ей невероятные страдания. Потребовалось несколько мгновений, чтобы слоги превратились в значащие слова.

— Чтоб ты не потеряла рассудок, мы присоединили тебя к ограниченной, замкнутой аудио-визуальной цепи. Учти: любое злоупотребление этой милостью приведет к очередному... — угрозу сопровождал мерзкий смехок, — ... если не постоянному отключению.

Внезапно зрение вернулось, но оно не принесло желанного облегчения — уж больно страшная картина предстала перед ее линзами. Хельва не удержалась и вскрикнула.

— Так вот как ты отвечаешь на наше предложение о сотрудничестве? — осведомился скрипучий голос, и прямо перед ней разверзлось красное, пузырящееся белой пеной отверстие огромной пещеры, утыканное устрашающими желтоватыми зубьями.

Она поспешно настроила зрительную систему, и перед ней предстало человеческое лицо. Даже при нормальном увеличении его нельзя было назвать привлекательным. Оно принадлежало человеку, который отрекомендовался Зиксоном Антиолатанским, только теперь он вовсе не выглядел старцем.

— Сотрудничество? — переспросила озадаченная Хельва.

— Вот именно. Выбирай: или сотрудничество, или небытие. — Зиксон протянул руку к краю ее ограни-

ченного поля зрения и сжал в пальцах подводящие провода.

— Не надо! Я сойду с ума! — в ужасе крикнула Хельва.

— Сойдешь с ума? — ее мучитель грустно расхохотался. — Ну что ж, в этом ты будешь не одинока. Но ты не сойдешь с ума... во всяком случае, сейчас. У меня есть для тебя одно дельце. — Перед ее объективом, как ракета, повис вытянутый палец.

— Да нет, дурень, не так! — вдруг взвизгнул ее тюремщик и бросился в сторону.

Отчаянно стараясь собраться с мыслями, Хельва настроила акустическую систему, увеличила резкость зрения. Перед ней находилась небольшая аудио-визуальная усилительная панель, к которой были подключены ее вводы и... да, она насчитывала еще двенадцать подводящих проводов. Смотреть она могла только вперед. Перед самой панелью были установлены две капсулы, из их закругленных верхушек, словно кукольные волосы, торчали тонкие проводки. В этих капсулах заключены двое ее собратьев. Где-то поблизости должны быть еще двое. Но где? Сбоку? Скосив взгляд, она увидела еще несколько проводов. Да, сбоку.

Она осторожно попробовала мощность усилителя. Его емкость оказалась очень ограниченной. Слева, куда ушел Зиксон, виднелся край пульта межпланетной связи — она поняла это по нескольким шкалам и индикаторам.

Тут снова появился Зиксон, по лицу его бродила самодовольная, издевательская ухмылка.

— Так, значит, это ты — Корабль, который поет, уродина Хельва? Разреши мне представить тебе твоих приятелей-уродов. К сожалению, Форо теперь способен только выть и стонать: мы слишком долго продержали его в темноте. — Зиксон злобно заухал. — Деля тоже немногим лучше, но может отвечать, когда с ней разговаривают. Таги и Мерль научились не болтать, если я к ним не обращаюсь. И ты тоже научишься. Мне всегда хотелось завести свой зверинец уродов, и теперь он у меня есть. А ты, мое последнее приобретение, будешь скрашивать мне часы досуга своим неподражаемым голосом. Договорились?

Хельва ничего не ответила. И сразу же очутилась в полной тьме и тишине.

«Он сумасшедший. И поступает так, чтобы меня запугать. Но я не стану бояться сумасшедшего. Я подожду. Буду сохранять спокойствие. Я ему нужна, значит, он не будет слишком тянуть и скоро вернет мне зрение и слух, иначе он не получит от меня того, что хочет. Я подожду. Буду сохранять спокойствие. Скоро я опять смогу видеть и слышать. Я подожду. Буду сохранять спокойствие, и скоро, совсем скоро...

— Ну что, мое прелестное страшилище, тебе хватило времени, чтобы оценить мою доброту?

Хельве хватило с избытком, но она ограничилась односложным ответом. Блаженство, которое принесли зрение и слух, все же не могли полностью изгладить из памяти бесконечные часы ужаса, хотя хронометр на пульте подсказывал, что ее отключили всего на несколько минут. Как ужасно — целиком зависеть от этой злобной твари!

Хельва еще больше увеличила резкость изображения и стала пристально разглядывать его лицо. Так и есть, кожа отливает той едва заметной, но характерной синевой, которая позволяет предположить, что он либо уроженец одной из трех обитаемых планет Ро Папписа, либо наркоман, употребляющий туканит. Последнее казалось более вероятным. А она доставляла именно туканит и знала, что РД занималась тем же.

— Ну что, не хочешь ли спеть? — зловеще загоготал он.

— Сэр, — произнес где-то слева робкий, подобострастный голос.

Зиксон обернулся, недовольный тем, что его перебили.

— Ну, что тебе?

— На борту 834 нет менкалита.

— Как это нет? — угонщик устремил на Хельву горящий злобой взгляд. — Куда же ты его девала?

— Оставила на Тания Аустралис, — намеренно тихо ответила она.

— Громче! — рявкнул он.

— Я использую всю мощностъ, которую вы мне предоставили. Из этого усилителя больше не выжмешь.

— Он на большее и не рассчитан, — резко бросил Зиксон, шаря взглядом по комнате. Вдруг его палец снова уперся ей в объектив, заслонив все прочие пред-

меты. — Отвечай, какой корабль повезет следующую партию менкалита?

— Не знаю.

— Громче!

— Я и так уже кричу во весь голос.

— Ничего подобного. Ты еле шепчешь.

— Так лучше?

— Во всяком случае, так я тебя слышу. Так какой корабль повезет менкалит?

— Не знаю.

— Может быть, в темноте узнаешь? Его хохот еще долго гулким эхом отдавался у нее в мозгу, когда он вновь погрузил ее во мрак небытия.

Она заставила себя медленно отсчитывать секунды, чтобы иметь хоть какое-то представление о времени.

На этот раз он продержал ее в темноте не очень долго. Хельве хотелось закричать, просто чтобы насытиться ощущением звука, но она заставила себя говорить еле слышно.

— Ну что, так лучше? — спросил он, подозрительно щурясь. — Я совсем отключил этого урода Форо.

Усилием воли Хельва справилась с волной острого сострадания. «Все равно Форо уже не поможешь», — утешала она себя.

— Для речи более или менее достаточно, — сказала она, чуть прибавив громкость. Еще раз прибегнуть к этой же уловке она не могла: это стоило бы Мерлю, Таги или Делли той хрупкой опоры, которая помогала им бороться с подступающим безумием.

— Гм, посмотрим, что еще можно сделать... — он исчез из вида.

Хельва повысила уровень слышимости. За пределами своего ограниченного поля зрения она смогла различить с десятков разных шумов. Судя по реверберации звука, она находилась в просторной, но низкой каменной пещере. Значит, если главная панель связи, часть которой ей видна, — обычная стандартная модель, и если к этой пещере примыкает не слишком много других, куда может рассеиваться звук, и если подручные этого психопата находятся поблизости, можно попытаться что-то предпринять.

Кажется, он хотел, чтобы она спела?

Собрав всю волю в кулак, она принялась ждать.

Скоро он вернулся, с отсутствующим видом потирая предплечье. Хельва увеличила изображение и заметила,

что синева под кожей проступила ярче. Значит, он действительно колется туканитом.

Откуда-то появился стул, и Зиксон уселся. Чья-то рука придвинула стол, на котором возникло блюдо с изысканными закусками.

— А теперь, мое прелестное страшилище, пой, — приказал безумец и неверной рукой потянулся к подводящим проводам.

Хельва повиновалась. Начав с середины диапазона, она стала мурлыкать самые чувственные мелодии из тех, что могла припомнить, слегка оттеняя их басовым аккомпанементом, но намеренно приглушая звук, так чтобы ему приходилось наклоняться к ней, чтобы слышать.

Его это несказанно бесило, и он уже протянул было руку, чтобы вырвать из гнезд все провода, кроме ее, но Хельва смиренно попросила не лишать ее несчастных собратьев последнего утешения.

— Прошу вас, сэр, не надо — ведь вам стоит всего лишь чуть-чуть добавить мощность от главного пульта. Все равно они потребляют такую малость, что это вряд ли позволит мне исполнить что-нибудь интересное, вроде ретикулийских напевов.

Он резко выпрямился, в глазах блеснул жгучий интерес.

— Так ты можешь имитировать брачные песни ретикулийцев?

— Разумеется, — с легким недоумением ответила она.

Зиксон нахмурился: в нем явно боролись желание услышать эти хваленные экзотические напевы и вполне реальное опасение дать ей слишком большую свободу. Но туканит уже обволакивал его дурманом, и организму требовались все более сильные возбудители. В таком состоянии он не смог противиться столь сильному искушению.

Однако на всякий случай он призвал на консультацию инженера — тот то и дело льстиво поддакивал, щека его дергалась от сильного тика. Завороженная этим зрелищем, Хельва увеличила изображение, пока не смогла различить мельчайшие сокращения мышечных волокон.

Вдруг она снова погрузилась в безмолвную тьму и почти сразу вынырнула, мгновенно ощутив прилив новых сил, — ей вернули полную мощность.

— Теперь, певунья, можешь заливаться во весь

голос, — зловеще посмеиваясь, нетерпеливо заявил Зиксон. Начиная, или ты очень пожалеешь. И не пытайся морочить меня своими капсульными штучками: все остальные цепи усилителя заблокированы. Пой же, уродина, пой, если тебе дороги зрение и слух!

Хельва выждала, пока его смех не замер. На фоне такого жуткого гогота даже ретикулийские напевы не будут слышны... и могут не подействовать...

Она выбрала относительно простую мелодию и запела ее на два голоса, сопрано и альф, проверяя какая сила звука ей теперь доступна. Пожалуй, этого хватит. Звнящий напев гулким эхом отдавался от стен, и она еще раз убедилась: они находятся в каменной пещере. Отлично....

Теперь добавим обертоны, постепенно усиливая басовые частоты, но очень осторожно, чтобы они казались частью ретикулийского напева. Несмотря на обостренное наркотиком восприятие, Зиксон не сможет понять, что она замышляет. А теперь усилим неслышные частоты.

Хельва умышленно остановилась на особо призывной мелодии и, продолжая петь, услышала, как к ней крадучись приближаются рабы и приспешники Зиксона, которых неодолимо притягивали звуки музыки, чарующие, как пение сирен.

Она приготовилась и в следующем трезвучии обрушила на них звуковой удар чудовищной силы.

Первым он сразил Зиксона, возбужденного дозой туканита. Сразил насмерть, безнадежно повредив и без того больной мозг. Не поздоровилось и остальным. Она слышала, как они отчаянно кричали, прежде чем потерять сознание.

От перегрузки закоротило несколько панелей на главном пульте, и на лежащие в беспамятстве тела посыпался дождь ослепительных искр. Хельва поспешно включила все прерыватели, чтобы спасти свою и без того куцую цепь. Даже она сама почувствовала ответный удар сверхзвукового взрыва — в «ушах» зазвенело, нервные окончания болезненно напряглись, ее охватила внезапная слабость.

«Даю голову на отсечение, моя питательная среда чуть не скисла», — мрачно пошутила она.

В огромной пещере стояла тишина, которую нарушало только хриплое дыхание и потрескивание проводов.

— Делия, ответь! Это Хельва.

— Хельва? Кто такая Хельва? У меня нет доступа к банкам памяти.

— Таги? Ты меня слышишь?

— Да. — безжизненный механический голос.

— Мерль, ты меня слышишь?

— Не так громко.

Хельва бросила взгляд на труп человека, который подвергал их таким жестоким мучениям. Ох, ей бы сейчас пару рук... Но мстить мертвой оболочке — разве это разумно?

Что же теперь делать? — размышляла она. И вдруг вспомнила, что решила расстаться с Тероном. И оставила канал экстренной связи открытым! А Паролан не тот человек, который будет сидеть сложа руки. ГДЕ ЖЕ ОН?!!!

— Ну вот, Хельва, ты и вернулась к себе, — капитан СТ-1 отечески похлопал по ее пилону. Отключающая система настроена на новые ритмические слоги, и знает их только шеф Рейли.

— А вы не забыли присоединить к свободным синапсам автономные акустические и зрительные подсистемы?

— Отличная идея, Хельва. Было бы неплохо ввести это в правило.

— Так вы уверены, что подключение сделано?

— Да, абсолютно. Не стоит так волноваться Хельва, это все дело прошлое, и твоя предосторожность несколько запоздала...

— Скажите, капитан, вас когда-нибудь лишали зрения и слуха?

Он содрогнулся, глаза потемнели от боли. Навряд ли кто-нибудь из сотрудников спасательной службы сектора мозговых кораблей скоро забудет плачевную картину, которая предстала перед ними в логове Зиксона на безымянном астероиде, — капсульники, до толе считавшиеся неуязвимыми, оказались на грани гибели.

— Таги, Мерль и Делия оправятся. Делия через годик-другой сможет вернуться на службу, — тихо проговорил капитан. Потом вздохнул и помолчал: он тоже не мог заставить себя произнести имя Форо. — Ты же знаешь, вы незаменимы, — он так резко подался вперед, к ее защитной панели, что Хельва судорожно вздохнула. — Спокойно, Хельва. — Он провел ру-

кой по пилону. — Все в порядке, даже я не могу найти шва. Ты в полной безопасности.

Он бережно собрал свои тонкие инструменты, тщательно переложив их мягкими прокладками из синтетической пены.

— А как «тела»? — рассеянно спросила она, опробывая свои только что присоединенные системы, как будто примеряла новое платье.

— Райф, напарник Делии, должен скоро отойти от наркотиков: ему ввели всего одну дозу. С другими двумя кораблями дело обстоит похуже, но можно надеяться, что оба «тела» выживут. — Внезапно на лице капитана появилось странное выражение, как будто он почуял какой-то неприятный запах. — Скажи, Хельва, почему ты тогда оставила экстренную связи включенной? Когда мы извлекли твоего напарника из камеры, он пришел в бешенство, узнав, что ты допустила такое серьезное нарушение инструкций. — Капитан явно передразнивал Терона, — будто он не знает, что если бы ты этого не сделала и Ценком не услышал, что за чертовщина с вами стряслась... И все же, как вышло, что ты не выключила связь?

— Мне не хотелось бы об этом говорить. Но если вы встречались с Тероном, попробуйте догадаться.

— Гм... Ладно, как бы там ни было, это спасло тебе жизнь.

— Правда спасение заставило себя ждать довольно долго.

Услышав ее недовольно замечание, капитан рассмеялся. — Не забывай: вам уже дали старт, поэтому угонщикам удалось покинуть Даррел прежде, чем твой инспектор смог их остановить. Но Паролан послал за вами в погоню все корабли Флота, которые смог достать, — от диспетчеров только пар валил. Пришлось прочесать весь сектор: кто же мог предположить, что захватчики сделали своим пристанищем астероид вблизи Таниа Бореалис, — а на это ушло немало времени.

— А этот Зиксон, хоть и психопат, а хитер: ловко придумал — прятаться под самым носом у всех.

— Да, у него был высокий показатель интеллекта, — согласился капитан. — Не зря он прошел пилотскую подготовку лет двадцать тому назад.

«Малоутешительное открытие, — размышляла Хельва. — Значит, он получил диплом, а потом у него развилось психическое отклонение... А большие дозы тука-

нита привели к разрушению запрограммированных запретов — вот еще одна проблема, которую Центральным Мирам придется пересмотреть в результате этого происшествия. Потом ему удалось проникнуть в эксплуатационную бригаду базы Регул. Там он подготовил почву для своих последующих операций, прихотив к наркотикам нужных ему специалистов. А дальше, имея в своем распоряжении мозговые корабли с одурманенными «телами», он мог совершить посадку где угодно, вплоть до базы Регул.

— Ну, я пошел, — сказал капитан, учтиво отсалютовав Хельве. — Пусть твой напарник принимается за дело.

— Другого выхода пока нет, — ответила Хельва.

Вся верность, которую она когда-то питала к Терону, исчезла вместе с тем чувством безопасности, которого ее так внезапно и грубо лишили. Итак, ее дражайший напарник решил, что сопротивление бесполезно, и со спокойным достоинством приготовился ждать самого худшего... как, по его мнению, и подбавляет поступать каждому разумному человеку.

Вот только по мнению всех остальных — включая и капитана, если судить по выражению его лица, — такое достоинство равнозначно трусости, и сама Хельва была в этом твердо убеждена. А от Терона она ничего другого и не ожидала: он просто не мог поступить иначе.

Зато Райф, напарник Делии боролся до конца. Он в кровь изодрал руки, но умудрился проделать в плотной обивке своей камеры ступеньки и добраться до люка в потолке. Одурманенный менкалитом, ослабевший от голода — он отказался от пищи, чтобы скорее вывести наркотик из организма, — Райф дополз до воздушного шлюза, где его и нашли подоспевшие спасатели.

Хельва подождала, пока капитан СТ-1 спустится на лифте, а потом провела быструю, но полную проверку всех наружных и внутренних камер, сенсорных датчиков, реакторной установки, бортовых запасов. У нее было такое чувство, будто она перебирает вновь обретенные волшебные сокровища. Наверное, раньше она просто не умела ценить все разнообразие инженерной мысли, вложенной в ее создание, всю техническую мощь, которая была ей подвластна, всю изобретательность своих творцов. Как же это все-таки здорово — снова вернуться к себе!

— Хельва, — раздался из приемника экстренной связи чей-то тихий, настороженный голос. — Ты одна?

— Да, капитан СТ-1 только что ушел. Но я думаю, его еще можно вернуть...

— Пусть катится на все четыре стороны. — Только теперь Хельва поняла, что этот хриплый голос принадлежит Найалу Паролану. — Я просто хотел убедиться, что ты вернулась на свое законное место. С тобой все в порядке, Хельва?

Что это — неужто Найал Паролан охрип от волнения? Хельва была польщена и приятно удивлена, особенно если вспомнить те нелицеприятные эпитеты, которыми он награждал ее при последнем расставании.

— Я снова цела и невредима, если вас интересует это, инспектор, — чуть насмешливо, но вполне добродушно ответила она. И могла бы поклясться, что из приемника донесся вздох облегчения.

— Вот и умница, моя девочка, — рассмеялся Паролан. Значит, она не ошиблась: он и вправду взволнован. — Конечно, — он откашлялся, — если бы ты не устроила своим синапсам такую встряску на Бете Корви, то наверняка послушалась бы моего совета. Разве я тебе не говорил, что твой незатейливый человекообразный актионец — помешанный на инструкциях, меднолобый...

— Он совсем не меднолобый, Найал, — резко перебила его Хельва. Медь все-таки металл, а в Тероне металла не оказалось ни на грамм.

— Ага, значит, ты все-таки признаешь, что я был прав?

— Человеку свойственно ошибаться...

— Слава тебе, Господи!

И тут Терон попросил разрешения подняться на борт.

— Пока, Хельва, поговорим потом. Я просто не вынесу...

— Нет, Паролан, останьтесь...

— Хельва, любовь моя, ради тебя я трое суток не слезал со связи, и стимулятор больше не действует. Я просто отрубаюсь!

— Не закрывай глаза еще пару минут, Найал. Это официальная просьба, — сказала она, опуская Терону лифт. И почувствовала, как ее веселое дружелюбие улетучивается, уступая место холодной неприязни.

Громоздкий, как шкаф, и отвратительно напоми-

нающий неандертальца, ее напарник вошел в главную рубку и небрежно отсалютовал в сторону панели. «Вошел? Не вошел, а ввалился, — раздраженно подумала она. Что-то невзгоды заточения не оставили на нем особого следа».

Терон потер руки, уселся в пилотское кресло и, как всегда, размяв пальцы, с деловым видом положил их на клавиши компьютера.

— Хочу провести полную проверку: необходимо убедиться, что не осталось никаких повреждений, — изрек он так, что было трудно понять, просьба это или простая констатация факта.

— Вот как? — произнесла Хельва безмятежным тоном, который, однако, не сулил ничего хорошего.

Терон нахмурился и, повернувшись в кресле, обратил взгляд к ее панели.

— Наш график и так нарушен из-за того досадного происшествия.

— И ты смеешь называть это досадным происшествием?

— Сбавь тон, Хельва. Не надейся, со мной твои шуточки не пройдут.

— Не поняла — на что я не должна надеяться?

— Послушай, — примирительным тоном начал он и даже убрал свой подбородок. — Я принимаю во внимание, что совсем недавно ты подверглась тяжелому испытанию. И все же ты должна была настоять, чтобы капитан СТ-1 выполнял установочные работы под моим наблюдением. Пойми, в схемах могли остаться мелкие неполадки.

— Как это любезно с твоей стороны — подумать о такой возможности, — ехидно заметила она. — Право, не ожидала!

— Ты сама навряд ли могла получить телесные повреждения, поскольку со всех сторон запаяна в чистый титан, — ответил он, снова поворачиваясь к своему пульту.

— Вот что тебе на это скажу, Терон с Актиона: тебе чертовски повезло, что я со всех сторон запаяна в чистый титан. Потому что, имея я возможность двигаться, ты бы вылетел отсюда с такой скоростью...

— Что это на тебя нашло?

Наконец-то она увидела на лице своего напарника обычное, человеческое, совсем не логичное изумление!

— Убирайся, катись отсюда, чтобы духу твоего

здесь не было, чтобы глаза мои тебя не видели! **УБИРАЙСЯ!!!** — взревела Хельва, с каждым словом все прибавляя громкость и нисколько не заботясь о нежном устройстве человеческого уха.

И этого хватило, чтобы прогнать его навсегда — зажав уши, он позорно бежал со всех ног и вскочил в лифт, как только она подняла кабину.

— Он вообразил, что раскусил меня! Что я ненадежное создание! Неразумное, безответственное и нечеловечное... — ревела Хельва ему вслед, и, казалось, голос ее разносится по всей планете. Наконец она не выдержала и расхохоталась: только таким взрывом эмоций и можно было пронять чересчур разумного Терона с Актиона.

— Вы слышали, Найал Паролан? — спросила она уже более спокойным, и все же торжествующим тоном. — Найал! Эй, Ценком, вы еще на связи? Ответьте!

Из динамика донесся мощный раскатистый храп.

— Найал! — Но спящий продолжал издавать свои хриплые рулады, и Хельве ничего не оставалось, как посмеяться над этим очередным проявлением человеческой слабости.

Она запросила разрешения на взлет и, получив его, покинула полуразрушенный космопорт безымянного астероида. По возвращении на Регул ее ожидала длительная беседа с шефом Рейли.

Штраф, который она получит за «развод» с Тероном, будет сущей малостью по сравнению с премией за обнаружение четырех похищенных мозговых кораблей. К тому же ей положено вознаграждение от Федерации за помощь в ликвидации шайки контрабандистов-наркоманов. Если сложить все вместе и если на свете существует настоящая справедливость, она уже сейчас сможет стать независимой, свободной от долгов, хозяйкой собственной судьбы. И эта мысль была так прекрасна, что ей захотелось петь.

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ОБРЕЛ ПАРТНЕРА

Неудержимо стремясь через бескрайний космос со скоростью, которую не смог бы выдержать ни один обычный человек, Хельва предавалась приятным размышлениям: наконец-то она расплатилась со своим долгом и больше не зависит от Космической службы Централных Миров. Теперь она сама себе хозяйка. Она свободна. Свободна в выборе партнера, «тела», подвижного напарника, который будет сопровождать ее, куда она только пожелает. Ей больше не нужно связываться с зелеными юнцами, только-только вылупившимися из Академии, напичканными правилами и инструкциями, по рукам и ногам связанными этическими нормами Централных Миров, запрограммированными на строго определенные мысли и поступки, отштампованными по заранее установленным психическим, интеллектуальным, духовным и психологическим образцам, — нет, ей они решительно не подходят. Теперь она может выбрать кое-что получше. Может...

Хотя нет, если подумать как следует, ничего она не может. Несмотря на все свои недостатки, «тела» — все же не заурядные инженеры, которых тысячами выпекают на всех планетах. Они проходят специальное обучение, готовящее их к сотрудничеству с необычным партнером. Она больше не может ошибиться — выбрать симпатичного парня, а потом убедиться, что он пустое место. Даже при краткосрочных контактах с промышленными или межпланетными агентствами она должна быть уверена, что на партнера можно положиться, что он обладает здравым и широким кругозором, — иначе ее будут надувать, регулярно и систематически. А кроме того, ей нужен постоянный напарник, а не очередной временный жилец. Нужен товарищ, умный и понимающий друг, а не равнодушный наемник.

Был и еще один фактор, который еще больше сужал сферу поиска. Многие во всех отношениях разумные граждане их огромной цивилизованной галактики испытывали отвращение или суеверный ужас при одной мысли, что за титановой панелью замуровано человеческое существо, присоединенное к управляющим системам мощного космического корабля. Такому невротическому страху могут быть подвержены даже столь мало впечатлительные люди, как Терон, который

убедил себя в том, что капсульники — не настоящие люди, а сверхсложные компьютеры.

И лишь очень немногие из тех, с кем ей довелось встречаться, — грустно призналась она себе, — видели в ней, Хельву, личность, мыслящее, чувствующее, разумное абсолютно человеческое существо.

Именно так относился к ней Дженнан. Теода, если не считать одного краткого мига взаимопонимания, была слишком погружена в свою личную трагедию, чтобы у них с Хельвой могли установиться близкие человеческие отношения. С Кирой Фалерновой они проработали бок о бок три года, но ни одна из них не позволила дружбе перерасти в более глубокую привязанность.

Если быть честной до конца, то единственный человек, который относится к Хельве, как к Хельве, — это Найал Паролан. Насколько она поняла, он выработал свой эффективный метод обращения с подчиненными ему кораблями МТ — метод кнута и пряника. То поливая их отборной бранью, то обольщая тонкими комплиментами, он умеет добиться от них полной отдачи. Однако тот же Найал Паролан трое суток не покидал своего поста, руководя ее розысками. Хотя вполне мог перепоручить это дело любому офицеру связи. За одно это можно простить ему все прошлые обиды.

Она надеялась, что кто-нибудь обнаружил его спящим за пульсом управления. Нужно уснуть в ужасно неудобной позе, чтобы так храпеть! Хельва усмехнулась. Жаль, что ростом не вышел — из него бы мог получиться отличный партнер. И все же его забраковали, в то время как такие придурки, как этот чертов Терон, — высокие, с виду сильные, — не только допускаются к учебе, но и умудряются закончить сложнейший курс подготовки. Но Терону, как язвительно заметил Найал, это удалось, скорее всего, только за счет зубрежки. Пожалуй, учитывая последний конфуз на Бо-реалисе, Центральным Мирам стоило бы пересмотреть свои требования к «телам». Спору нет, уроженцы «тяжелых» планет с высокой гравитацией, вроде Паролана, не могут похвастаться ростом, но этот недостаток они компенсируют массой и... неотразимой мужественностью.

— Дерьмо, — с несвойственной ей грубостью выругалась Хельва, и это непривычное слово отчетливым эхом отразилось от стен пустых помещений. — «Инте-

ресно, — подумала она, — успел он записать мое заявление о «разводе», прежде чем уснул?»

Ей не хотелось вспоминать убийственную характеристику, которую в свое время дал Терону инспектор. Уж как он тогда старался ее отговорить от этого выбора. Она даже сейчас слышала его резкий, насмешливый голос:

— Не могу понять, Хельва, как при твоём уме можно было проявить такую невероятную тупость?

Ладно, в конце концов, как бы ни ехидничал Паролан, ничего непоправимого не случилось. Ведь не будь Терон таким непроходимым болваном, Зиксону никогда не удалось бы проникнуть в главную рубку и вырубить их обоих; тогда она не получила бы такого крупного вознаграждения и не сумела бы так быстро расплатиться с долгами.

До чего приятная мысль — всего за десять лет она рассчиталась с Центральными Мирами, достигла заветной цели, предела мечтаний всех кораблей МТ. И что дальше? Ей нужно «тело», но к его выбору она должна подойти крайне осмотрительно. И ещё ей нужна цель, смысл жизни, предназначение. Как знать, может быть, одно заменит другое? Или наоборот?

— Тогда я могла бы отправиться к туманности «Конская голова», — сказала она вслух, чтобы снова услышать эти слова.

И сразу нахлынули воспоминания, которые она так старательно отгоняла все эти годы: вот Дженнан сидит, облокотившись на пульт, и улыбается ей, взгляд его лучится нежностью и мягким юмором...

— Если нас когда-нибудь снимут с этих нудных рейсов, мы сразу рванем к нашей туманности, договорились?

Теперь она не связана рейсами, вот только Дженнан лежит на кладбище базы Регул, и все их дерзкие, счастливые замыслы похоронены вместе с ним. А предпринимать такой полет в одиночку — пустая затея, такая же бесплодная, как она сама.

Ох уж эта туманность «Конская голова»! Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Хельва произвела быстрый расчет: да это ей под силу, хоть она по-прежнему зависит от человека. Ядерный реактор у нее вполне современный, хотя не мешало бы инженерам пошевелить мозгами и разработать новый источник энергии, способный полностью реализовать релятивистский принцип.

Это все равно, что установить на мощную наземную машину две высокие передачи и не иметь возможности их использовать, потому что они за пару мгновений сожрут весь запас топлива. Тем не менее, мчась на максимальной скорости, она и сейчас могла бы добраться до туманности «Конская голова»... за сто галактических лет. И что потом? Ведь нужен кто-то рядом, чтобы отпраздновать победу, разделить радость свершения, — иначе любой триумф теряет смысл. А если нет стимула, то и достижение становится никчемным. Нет, не имея цели впереди, нечего и браться за дело.

Теперь Хельва понимала, почему корабли более ранних модификаций внезапно и без каких бы то ни было видимых причин покидали службу. Странно, почему все считают, что свобода от финансового гнета — такое уж большое завоевание? Вот она его достигла. И к чему пришла? Капсульники, которые так неотвязно мечтают об этом, — вроде Амона или Трила — никогда не поверят, что здесь важен только сам факт освобождения, не больше.

Ее тягостные размышления прервал сигнал междусудовой связи.

— Хельва, это 422.

— А, Сильвия!

— Только тебе я позволяю звать себя по имени.

Ходят слухи, что ты расплатилась.

— Судя по моим подсчетам, да.

— Что ж ты тогда такая кислая? Ведь это не конец света, а только начало.

— Начало чего?

— Я вижу, передрыга на Бореалисе далась тебе нелегко.

— Да нет, со мной все в порядке. Просто я не люблю одиночество.

— Ты не ценишь своего счастья, — по обыкновению ворчливо заметила Сильвия. — Я-то думала, ты рада-радешенька, что избавилась от своего недоумка Терона. Он так напоминал мне этого идиота... Впрочем, не будем о нем. Учти, Хельва, ты должна действовать с умом. Ты расплатилась с долгами за неполных десять лет — а это неслыханно короткий срок. Слишком короткий, чтобы Центральные Миры захотели так легко с тобой расстаться.

— Я не уверена, что сама этого хочу.

— Ты в своем уме? — раздраженно проговорила

Сильвия. — Послушай, если они вздумают навязывать тебе свои игры, обратись в Комитет по охране мутантов или в Общество защиты интересов разумных меньшинств. На Регуле их представители — Рокко и Амайкинг. Амайкинг — он из ОЗИРМ — это тот, который носит сногшибательную форму, но по-настоящему соображает в наших делах Рокко — Если возникнут какие-нибудь споры, вызывай их. Потребуй пересчета всех затрат, с того самого дня, как тебя пересадили из колыбели в капсулу.

— Да нет, Сильвия, с цифрами выплаты не будет никаких проблем. Я чиста, как стеклышко. Это совершенно точно.

— Так в чем же тогда проблемы?

— Что мне теперь делать?

Сильвия даже задохнулась от возмущения. — Ты что, не знаешь, — сердито спросила она, — что промышленные компании, не говоря уже о межпланетных союзах, заплатят тебе любую сумму, какую ты только запросишь? И согласятся на любые твои условия? Конечно, с частными предпринимателями нужно держать ухо востро — среди них нередко встречаются жулики. Еще до посадки на Регуле свяжись с Броули. Городские капсульники всегда в курсе, кто какую цену заплатит и кому можно доверять. А уж Броули — в первую очередь. Он найдет тебе отличный контракт.

— А кто мне найдет отличное «тело»?

— Ты снова за свое, Хельва? — Сильвия явно вышла из себя. — Меняй их, как перчатки. Подбери подходящего специалиста, нужного для конкретного задания, а потом распрощайся с ним. Я то думала, что ты уже по горло сыта «телами».

— «Телами» — да. Мне нужен один партнер, постоянный. Если бы только Дженнан...

— Если бы да кабы... «Если» не прибавит тебе ни скорости, ни денег. По-моему, Хельва, ты просто не понимаешь: ты первоклассный корабль МТ, и у тебя не будет отбоя от «тел». Вот и выбирай. Кто спорит — вы с Дженнаном были прекрасной парой. И тебе чертовски не повезло, что он погиб. Но, так или иначе, он мертв. И с этим ничего не поделаешь. Как говорится, мир его праху. Найди другого парня — себе под стать, а не такого безмозглого придурка, как тот, которого ты шуганула со своего борта.

Значит, Сильвия уже слышала об этом происшествии, — удивилась про себя Хельва.

— И если тебе так позарез нужен напарник, выбери совсем юного и воспитай по своему вкусу. От Академии больше вреда, чем пользы. Теперь-то ты должна соображать, что именно в партнере тебя не устраивает. Научи его всему, что положено знать «телу». И не жди невозможного! Возьми дело в свои руки. Только остерегайся происков Рейли. Он пойдет на все, чтобы тебя удержать, или я — не я и не прослужила у них четыреста лет.

— Почему ты так долго служишь, Сильвия?

Наступило долгое молчание — Хельва уже было решила, что прервалась связь.

— Знаешь, Хельва, я больше не задаю себе этот вопрос. Другое дело раньше, когда я была молода, как ты, и казалось: еще чуть-чуть, и я от них откуплюсь... А потом над Садальзундом мы столкнулись с потоком метеоритов, и... Впрочем, на службе у Централь-ных Миров тоже попадаются интересные задания. У меня бывали хорошие партнеры, плохие тоже попадались. — Голос Сильвии становился все тише, по мере того, как она выходила из зоны слышимости. — Будь осмотрительна, Хельва. Не продешеви...

Связь прервалась. Прошло некоторое время, и на смену теплomu чувству, рожденному ворчливой опекой Сильвии, пришли сомнения, навеянные ее мрачными прогнозами.

Чтобы хоть как-то успокоиться, Хельва еще раз провела свои подсчеты, начиная с огромных, пугающих своими размерами долгов младенческих и детских лет. Операция на гипофизе, в результате которой Хельва так и не выросла из своей капсулы, и тонкие нейрохирургические манипуляции, сделавшие ее кораблем, стоили, как всегда дорого. Но, поскольку в Федерации Центральных Миров не могло быть ни рабов, ни слуг, привязанных к хозяину пожизненным договором, заботливые комитеты и общества бдительно следили, чтобы уровень заработной платы и система премий и денежных поощрений давала капсульникам достаточные стимулы и компенсации, на каком бы поле деятельности они не трудились.

Теперь Хельва убедилась, что массированные дозы тонкого психопрограммирования, полученные в юном возрасте, стали для нее палкой о двух концах. Бла-

годаря им она чувствовала себя счастливой, насколько это доступно капсульнику, но они же прочно внушили ей, что смысл всей ее жизни воплощен в службе Центральным Мирами, поэтому сама идея выкупа становилась чистой фикцией. Спрашивается, что еще делать кораблю МТ, как не продолжать... нести свою службу? Наверное, все капсульники — бороздят ли они просторы космоса, ведут горные разработки на чужих планетах или управляют промышленными предприятиями, — раньше или позже испытывают такое же чувство. И все же им доступны свои радости.

Снова пришло воспоминание о Дженнанае, пришло, чтобы принести ей боль и утешение. Ведь были и у нее счастливые годы, пусть короткие, но до краев наполненные чудесами самопознания и творческого сотрудничества. Вдвоем они были готовы принять вызов, который бросал им каждый новый полет. Они, как орден, гордились ее прозвищем. И Дженнану пришлось защищать себя и ее от насмешек других «тел», пока ДХ—834 не стали всерьез, с почтением и некоторой завистью, именовать «Корабль, который поет». Да, таких как Дженнан, нет и не будет. Но она верит: должен найтись другой человек с другими, но не менее привлекательными качествами.

Может быть, она потому и выбрала Терона, что он был полной противоположностью ее первого партнера. Пожалуй, Сильвия права: нужно пойти на разумный компромисс и, взяв кого-нибудь из молодежи, воспитать напарника по своему вкусу. Воспитать так, чтобы он видел в ней личность, а не корабль и не компьютер, способный на эмоциональные реакции.

Итак, она выплатила свой долг. Теперь можно не спеша оглядываться. Пусть Броули подыщет ей надежный, независимый контракт. Интересно, сколько времени ФГ-602 работает по контракту с Альфейской Конфедерацией? — рассеянно подумала она. Он расплатился перед самым ее рождением. Как-то раз они с Дженнаном встретили его, но и капсульник, и его партнер держались с таким холодным и надменным превосходством, что это воспринималось, как оскорбление.

«Пожалуй, — подумала она, можно объявить о своих планах прямо сейчас.» И сразу почувствовала себя гораздо лучше. Действие — вот что ей необходимо. Наверное, будет разумнее, если она свяжется с базой Регул и выяснит, как обстоят дела. Всегда лучше

поддерживать хорошие отношения с Центральными Мирами: ведь для ремонта и технического осмотра ей еще раз придется воспользоваться их персоналом и оборудованием.

Заметив, что скорость слегка упала, Хельва прибавила тяги, уверенно держа курс на Регул. Развлечения ради, она стала составлять список качеств, которые хотела бы видеть у своего партнера, и тех, которые предпочла бы избежать. И эти приятные размышления так ее увлекли, что она и не заметила, как пролетело время и пришла пора запрашивать у Ценкома разрешения на посадку.

— Ба, да никак это Хельва! — отозвался Найал Паролан.

— Очнулись от сна, Спящая красавица?

— Очнулся. И от сна, и от красавиц.

— И как она только терпит ваш храп?

— Они, девочка моя, слишком утомились, чтобы слышать, и получили слишком большое удовольствие, чтобы жаловаться.

— Я не ваша девочка.

— Многие сочли бы за честь услышать от меня такое обращение.

— И как это вам удастся заморочить им головы?

Найал злорадно хмыкнул.

— В отличие от некоторых, я тщательно подбираю себе партнеров и при этом руководствуюсь не только симметрией черт и прочностью черепов.

— Ладно, Паролан, один ноль в вашу пользу. Кстати, я надеюсь, вы не захрапели прежде, чем зарегистрировать мой отказ от Терона?

— Нет, и к тому же получил немалое удовольствие, отправив на твой счет извещение о штрафе.

— Я могу себе позволить его оплатить.

— Знаю, — неожиданно мрачно буркнул он. — Опущай свою ленивую задницу на административную площадку, платформа номер три. Там тебя ожидает торжественная группа встречи.

— Вы хотите сказать, группа освобождения?

Ценком не ответил.

Что ж, с Пароланом они неплохо уживались. Пожалуй, ей даже будет его не хватать. Острый язык инспектора неплохо стимулировал к действию, и, каковы бы ни были его мотивы, все-таки он три дня просидел на связи. Но у независимости тоже должны быть

свои плюсы. Поживем — увидим. С изысканной точностью она опустилась на платформу номер три, и тут ее с новой силой одолели сомнения. И мудрено ли — ведь за последние десять лет каждый час ее сознательной жизни был отдан Центральным Мирам. Она сжилась с этой службой и даже не сознавала, что находится у нее в долгу. Что ж, придется коренным образом перестроить свое мышление. Перемены необходимы — иначе так никогда и не повзрослеешь.

Она уже собиралась послать Ценкому сигнал потопливаться, когда из главного корпуса появилась группа встречающих. Рядом с тремя рослыми спутниками Найал Паролан казался еще меньше. Она узнала плотную фигуру шефа Рейли — неужто и он собрался поздравить ее с отличным достижением? Двое других тоже были ей знакомы: капитан первого ранга Бреслау из Технической службы и адмирал Добриньон из Отдела инопланетных связей. Состав группы наводил на интересные размышления. Возможно, Сильвия была права, когда предупреждала: так просто Центральные миры с ней не расстанутся. Нужно было послушать ее и вызвать КОМ или ОЗИРМ. Или Броули. А теперь бежать уже поздно — или она изжарит весь высокопоставленный квартал.

Делать было нечего. Хельва спустила пассажирский лифт и на всякий случай включила наружную акустическую систему. Но ни один из посетителей не вымолвил ни слова, пока все не вошли в шлюз выстроившись согласно рангу. Но вот что странно: Найал Паролан вежливо пропустив шефа Рейли вперед, окинул салон Хельвы самодовольным взглядом собственника. А когда вошел в шлюз и отдал ей небрежный салют, вид у него был такой, будто он объявлял всем: отныне Х—834 принадлежит лично ему.

Его вызывающее поведение насторожило Хельву. Значит, вовсе не Рейли ей следует опасаться, а этого коварного маленького интригана, по имени Найал Паролан!

От глаз Добриньона не укрылся салют инспектора.

— Господа, где наши манеры? — спохватился адмирал и, браво щелкнув каблуками, отдал ей честь по всей форме.

Странно, что служба сохранила столь архаичные традиции, — подумала Хельва, вроде правила салютовать кораблю при подъеме на борт. А может, они при-

ветствуют ее, как отличившегося на службе офицера? Да нет, навряд ли. Приветствия, которыми обмениваются люди, должны быть взаимными. Так или иначе, в память о службе она научит своего нового партнера отдавать салют.

— Хельва, разреши выразить тебе нашу глубочайшую благодарность, — начал шеф Рейли, подчеркнуто задержав руку у козырька. — Твоя отменная храбрость и находчивость, проявленные на Бореалисе, уже вошли в легенды нашей службы. Триумф разума на неподвижности! И мы горды, чрезвычайно горды, что ты была в наших рядах.

Хельва отметила, что он употребил прошедшее время, и снова подивилась странному поведению Паролана.

— Ты конечно, знакома с Добриньоном из Ино-связей и Бреслау из Техники, — так ловко и непринужденно повернул шеф, что Хельва изумилась: уж не ослышалась ли она? Зачем здесь эти двое, если подразумевается, что она свободна?

— Да, мы встречались, — так сухо ответила она, что Рейли неодобрительно хмыкнул.

Он жестом предложил своим спутникам сесть, очевидно выгадывая время, чтобы сосредоточиться, прежде чем перейти непосредственно к делу. Хельва недоверчиво оглядела членов делегации. Паролан незаметно ухмыльнулся ей, а потом развалился на кушетке, вольготно закинув руку на спинку.

«Похоже, расположился всерьез и надолго», — мрачно подумала Хельва.

— Не знаю, Хельва, успела ли ты по пути получить официальное сообщение, — начал шеф, — но хочу тебе сказать, что дополнительные средства, обеспечивающие безотказность аудиовизуальной системы, которые ты предложила, отныне будут применяться во всех новых капсулах. И больше никому из наших людей не придется страдать оттого, что кто-то лишит его связи с окружающим миром. Ума не приложу, почему такая мера предосторожности не была предусмотрена ранее.

Бреслау откашлялся и, дернув себя за мочку левого уха, стал отвечать, не глядя ни на кого из собеседников.

— На ранних стадиях развития капсул такие устройства существуют, и раньше, до четвертого поколения включительно, их сохраняли и при окончатель-

ном капсулировании персонала космической службы. Однако в наш век, когда стали использоваться модификации, предусматривающие прямую связь внутренней оболочки с системами корабля, эти дополнительные устройства стали считаться излишними.

Рейли нахмурился.

— Иногда традиции, сохраняемые нашей службой, каким бы архаичными они ни казались на первый взгляд, могут в новом контексте приобретать совершенно особый смысл.

— К несчастью, все капсульники, похищенные Зиксоном, принадлежали к последним поколениям.

— Вы правы, Бреслау, это действительно можно назвать несчастьем, — так же непринужденно продолжал Рейли. — Тебе, Хельва, модификация, разумеется, обойдется бесплатно. В связи с этим можно предположить, что день твоего окончательного расчета уже не за горами... — он поднял руку и умиротворяюще улыбнулся Хельве, спеша предупредить ее возражения, — я вовсе не исключаю, что он уже наступил или даже миновал. Полагаю, нет никаких оснований сомневаться в том, что ты получишь полную премию за обнаружение кораблей и вознаграждение за поимку федеральных преступников. Дело за подтверждением от Центрального управления Федерации. — Рейли принялся мерить шагами рубку. Хельва не могла понять, что за этим кроется — чувство вины, или он просто набирает старт для следующей атаки. В любом случае, для нее это не сулит ничего хорошего.

— Итак, Хельва, база Регул вынуждена признать твою независимость, — провозгласил он и снова улыбнулся, вопреки явному сожалению, которое было написано на его лице. — Ты наша гордость, Хельва, — он конфиденциально понизил голос. — И что бы ни болтал всякий космический сброд, мы хотели бы, чтобы все корабли класса МТ могли работать столь же результативно и в столь же короткий срок добиваться финансовой самостоятельности. Это было бы большим достижением и принесло бы нашей службе солидную прибыль. А сейчас, в ожидании подтверждения суммы твоих вознаграждений, база Регул вынуждена считать тебя свободной от выполнения дальнейших заданий любой продолжительности.

— Хотя, похоже, вы кое-что для меня приготовили.

— Мы действительно кое-что приготовили, — оте-

чески улыбаясь и поблескивая глазами согласился Рейли и бросил выжидательный взгляд на Паролана.

— Но теперь, шеф, нет смысла тратить ваше драгоценное время на бесполезные обсуждения, не так ли? — спросила Хельва, увидев, что Паролан поднимается со своего места.

— Ну-ну, Хельва, — насмешливо протянул Паролан, — неужели ты думаешь, что наш шеф считает беседу с тобой бесполезной тратой времени? — и в глазах его она прочитала вызов и издевку. — Хотя, конечно, если ты по пути с Бореалиса уже приняла какое-то решение, то было очень любезно с твоей стороны заглянуть к нам попрощаться. — Он повернулся на каблуках и решительно направился к шлюзу. — Ты уж навещай нас иногда по старой памяти.

— Минуточку, Паролан, — проговорил Рейли.

Шеф держался молодцом, у Бреслау же был вид, близкий к паническому, а натянутая улыбка Добриньона казалась приклеенной. Похоже, они приготовили для нее какой-то весьма солидный кусок. Уловкам Паролана она, конечно, не поверит, но эти двое — надежные, квалифицированные специалисты, уважаемые люди. Послушать-то никогда не помешает.

Паролан уже вошел в шлюз и повернулся, чтобы сердечно помахать ей на прощание.

— Паролан!

Он остановился, опустив руку на поручень, на лице застыло учтивое внимание и ничего больше. Инспектор явно не собирался раскрывать свои карты.

— Что это вы затеяли, Паролан?

— Я? Ровным счетом ничего.

Хельва пропустила изумленный возглас Добриньона мимо ушей.

— Просто мы, — начал Паролан обменявшись взглядом с шефом, — обсуждали для ТХ—834 очередное задание, которое должно было последовать за столь эффектным наркорейсом. Но, разумеется, по не зависящим от нас обстоятельствам этот рейс отменяется.

Хельва усмехнулась. Да, Терона он ей так легко не спустит. Будет еще лет двадцать шпынять за эту ошибку...

— Мною, разумеется, движет чисто теоретический интерес, но все же, пока не пришли мои наградные, не соблаговолите ли обсудить со мной этот отмененный полет?

— Отчего же — поговорить никогда не вредно, — согласился он, возвращаясь в рубку. Поможет скоротать время, пока мы ожидаем подтверждения от Федерации. Уселся поудобнее и начал:

— Мы планируем отправить ТХ—834 в полет на Бету Корви.

— На Бету Корви? — Хельва ощутила непроизвольную вспышку страха, но быстро оправилась с ней и насмешливо расхохоталась. — Что я слышу? Терон с Акциона в оболочке корвика пытается приспособиться к местному окружению?

Найал Паролан наградил ее ехидным взглядом.

— Не ты ли отметила, что Ансра Колмер, махровая эгоистка, прямолинейная, упрямая и дьявольски практичная, меньше всех пострадала от корвиканского персонала сознания? А Терон так щедро наделен теми же дивными качествами, что совершенно очевидно...

— ... что он как личность не продержится на Бете Корви ни минуты, и вам, Найал Паролан, это прекрасно известно. Этот человек просто не сумеет приспособиться к таким аномалиям. — Ее возмутила и разозлила тактика Паролана: ведь то, что он предлагает, граничит с хладнокровным убийством. Неужели ему удалось уговорить Рейли? Они, что же, задумали таким образом избавиться от Терона?

— Послушай, Хельва, — сказал Рейли, сделав шаг вперед, как будто желая разнять противников, — если уж речь зашла о Тероне, то я никогда не одобрял твой выбор, ты уж извини, что приходится тебе напоминать...

— И правильно делали, шеф, — так кротко и покаянно произнесла Хельва, что Паролан возмущенно фыркнул.

— ... Хотя мне и очень жаль, уверяю тебя. К счастью, все закончилось благополучно...

— За исключением того, что Хельва теперь свободна, как ветер, — лишенным всякого выражения голосом закончил за него Паролан.

— Вот именно, — с неожиданным пафосом воскликнул Рейли. — И если у нее пока нет своих планов, мы могли бы продемонстрировать ей те преимущества, которые она получила бы от нового полета, несмотря на свое изменившееся положение.

Паролан выдержал пристальный взгляд шефа, и на лице его мелькнула странная полуулыбка.

— Почему бы и нет, — без малейшего признака энтузиазма откликнулся он.

Хельва заметила, как Добриньон бросил на него недоуменный взгляд. Бреслау тоже был явно озадачен. Похоже, что-то идет не по сценарию...

— Так как, Хельва, — решительно приступил к делу Рейли, — есть у тебя какие-нибудь планы?

— Она еще не успела о себе заявить, — резко вставил Паролан. — По пути на Регул она не связывалась ни с одной планетой. И я очень сомневаюсь, чтобы самые бдительные из известных нам осведомителей успели обнаружить, что Х—834 расплатилась вчистую. Так рано это случается крайне редко.

— Благодарю, Паролан, но я могу ответить за себя сама.

Все трое начальников в полном недоумении воззрились на своего коллегу. Атмосфера в рубке явно накалялась. Хельва терялась в догадках: зачем Паролан намеренно разрушает то доверительное настроение, которое так старается создать Рейли? У него наверняка есть какие-нибудь свои скрытые мотивы — вот только какие?

— Так, значит, мой изобретательный координатор решил отправить меня обратно на Бету Корви? Это в какой-то степени объясняет присутствие адмирала Добриньона. А вы здесь зачем, капитан Бреслау? Или Техника и Иносвязь вступили из-за меня в конкурентную борьбу?

— Мы надеялись объединить наши усилия, — после неловкой паузы выдавил Добриньон.

«Видно, кто-то пропустил свою реплику», — подумала Хельва.

— Нам казалось вполне справедливым, — вступил в разговор до сих пор молчавший Бреслау, — чтобы ты первая воспользовалась преимуществом: ведь оно достигнуто благодаря открытию, сделанному на основе данных, которые ты доставила с Беты Корви.

Неужели техники получили ключ к стабилизации нестабильных изотопов..?

— И что же это за преимущество? — как бы невзначай поинтересовалась Хельва. А сама не спускала глаз с Паролана — он непревзойденный специалист плести интриги. Она не удивится, если именно он поставил весь этот фарс, включая собственное подчеркнутое безразличие, а все для того, чтобы она потеряла бдитель-

ность и сделала какой-нибудь неосмотрительный шаг. Еще бы она не захотела получить новый р-двигатель!

— Когда мы приступили к изучению основных теоретических положений, — начал Бреслау, — то сразу увидели, как это можно применить к нашей системе релятивистского двигателя. Тебе, Хельва, конечно известно, что принцип релятивистского движения обладает неизмеримо большим потенциалом, чем сегодняшние возможности его применения. Вся проблема заключается в источнике энергии, который мог бы удовлетворить тем требованиям, которые выдвигает полная р-скорость, превышающая скорость света. Так вот, данные предоставленные корвиками, дают возможность осуществить межгалактические полеты уже в этом десятилетии. Больше того — в этом году!

Межгалактические полеты? Хельве передалось волнение Бреслау. Интересно, между какими галактиками? Между этой и... туманностью «Конская голова»?

— Да, мы сможем преодолевать межгалактические расстояния за время, во много раз меньшее, чем то, которое потребовалось бы сейчас, — подтвердил Рейли, будто почуяв, что она проглотила наживку. — Только представь себе, Хельва: неограниченная мощность, буквально неиссякаемая, которая перенесет тебя к галактике, едва видимой с окраины Млечного Пути! За пределы миров, ныне известных человечеству! — Рейли просто блистал красноречием, стараясь разжечь ее любопытство. — Мощность, которая обеспечит эффективную работу р-двигателя — впервые с момента его создания! Все, чего нам не хватало — это постоянный источник топлива, способный дать необходимый выход энергии. Так что тебе представится случай открывать доселе неизвестные планеты. Разведывать новые звездные системы, открывать целые галактики для Центральных Миров.

Эта обмолвка сразу отвлекла ее от неведомых звезд.

— Что ж, очень интересно. Ведь вся загвоздка с р-двигателями заключалась в том, что у нас была подходящая повозка, но не было сильной лошади ей под стать. И все же, если эта в корне новая разработка вытекает из данных, полученных у корвиков, почему так необходим новый полет?

Рейли подал знак Бреслау, и тот стал поспешно извлекать голограммы и компьютерные ленты, суетливо раскладывая их на пульте управления.

— Благодаря данным корвиков по стабилизации не-

стабильных изотопов, мы смогли добиться использования этой разновидности энергии не только на те доли секунды, которые длится полураспад и пока не будет исчерпана атомная единица массы, но на весь необходимый нам срок. Ты только представь себе, Хельва, — воскликнул Бреслау, и во взгляде его сверкнуло воодушевление, — мощность новой звезды или почти равная мощности новой звезды на самом ее энергетическом пике!

Хельве показалось, что свет в рубке померк. Ведь именно новая звезда на самом своем энергетическом пике — взорвавшийся Равель — смертельно опалила Дженнана, несмотря на ее отчаянные попытки обогнать эту фантастическую энергию. Но обладать такой мощностью... не значит ли это попасть к ней в рабство?

И тем не менее, она должна ее заполучить. Пусть новая звезда у нее внутри искупит преступление той, старой. Вот высшее проявление справедливости Хаммурапи. Она заставила себя дослушать объяснения Бреслау.

— Однако, Хельва, приходится предположить, что здесь имеют место такие невероятные тонкости, которые — я с готовностью сознаюсь в этом — не в состоянии разрешить никто из членов моей группы. Можно подумать, что корвики обсуждают не субъядерные явления, а свои личные дела, и тем не менее, в результате достигается фантастическое владение нуклонными силами.

— Обрати внимание, Хельва, — продолжал он, показав ей первую голограмму, и ввел уравнения в бортовой компьютер, — у них изотопы излучают энергию циклически, но по мере распада уровень энергии, вместо того, чтобы падать, остается неизменным. Варьируя количество циклов в секунду или, в нашем случае, в миллисекунду, — Бреслау сиял, как именинник, гордясь достигнутыми результатами, — мы обеспечиваем р-двигатель той мощностью, которая ему необходима для того, чтобы превзойти скорость света в любое потребное количество раз. Таким образом, чтобы покрыть заданное расстояние в заданный промежуток времени, нужно лишь получить из базовых р-уравней необходимый коэффициент циклической вариации!

С подъемом, необычным для такого флегматика, он отстучал серию полетных данных.

— Если, допустим, тебе нужно добраться до Мир-

фака за два стандартных дня, то это вполне реально. А раньше на это требовалось бы... сколько?

— Четыре недели, — машинально подсказала Хельва, внимательно следившая за преобразованием чрезвычайно интересных уравнений.

— Вот-вот, четыре недели. Так что все преимущества налицо.

Теперь Хельва понимала, чем продиктована необходимость нового полета к Бете Корви.

— Едва ли кто-то возьмет на себя смелость высвободить такую энергию в пределах нашей Солнечной системы, не будучи уверен в объективных и субъективных последствиях. Какие побочные явления вы наблюдали? — в упор спросила она. — И на чем основаны эти расчеты: на экспериментальных данных или на чисто теоретических умозаключениях?

Задор Бреслау уступил место неуверенности и сомнению.

— Мы провели испытания ЦВ, циклического варианта энергетического источника. Уверяю тебя, мы приняли все предосторожности, взяли очень низкий коэффициент цикличности. И все же, — лицо его омрачилось, — нам не удалось удержать экспериментальный корабль в диапазоне действия контрольно-измерительной аппаратуры.

— Корабль был с ручным управлением или МТ?

— С ручным, — еле слышно ответил Бреслау.

— И весь персонал погиб от столь чудовищного ускорения?

— Нам это неизвестно. — Бреслау украдкой взглянул на Рейли, который тихо переговаривался с Пароланом. Не успела Хельва подстроить аудиосистему, как они разошлись, и Рейли сел на кушетку с Добриньном, оставив Паролана в одиночестве. На непроницаемом лице Найала застыла дежурная учтивость, глаза глядели настороженно.

— Как это — неизвестно?

— Корабль не вернулся. Ожидаемое время возвращения — девять стандартных лет. Видели, что он возвращается на обычной тяге. В последнем сообщении, которое мы получили, они предупреждают, что при использовании этого энергетического источника следует соблюдать колоссальную осторожность.

— Это очевидно. Осмелюсь предположить, что ваш пилот здорово налег на переключатель ЦВ, если так далеко вылетел из диапазона связи. Для испытательно-

го полета нужно было взять корабль МТ, а не связываться с хлипкими «телами».

— Есть одно предположение: что мы неверно использовали данные корвиков, — продолжал Бреслау, задумчиво кивнув в ответ на ее замечание. — Можно легко проэкстраполировать разрушающий потенциал ЦВ фактора. И мы должны быть уверены, что не исказили данные и тем самым не высвободили неконтролируемые или нестабильные излучения, которые могут иметь последствия космического масштаба. — Бреслау взглянул на нее с надеждой и тревогой.

«Да, игра стоит свеч, — размышляла Хельва. — Подумать только — межгалактические полеты! Испытательный корабль вынесло на расстояние в девять стандартных лет!»

— Для начала, господа, хочу поблагодарить вас за то доверие, которое вы мне оказали, — произнесла она после долгого молчания. — Однако, меня одолевают сомнения: не потому ли вы остановили на мне свой выбор, что я, расплатившись с вами, — правда пока только теоретически — представляю для вас наименьшую материальную ценность, поскольку в случае потери вашим финансам ничего не грозит?

Один Паролан по достоинству оценил ее колкость и расхохотался, ничуть не скрывая своего восхищения.

— Знаешь, Хельва, сейчас не время упражняться в остроумии, — упрекнул ее Рейли. — Для нас ты как раз представляешь наибольшую материальную ценность из всего персонала. И должен вам заметить, Паролан, что я не усматриваю никакого юмора в столь возмутительном предположении. — Чувствовалось, что шеф рассердился не на шутку.

— В таком случае вы бессовестный вымогатель.

— Что? — взревел Рейли, разом забыв о Найале.

— Вам, шеф, прекрасно известно, что я всегда хотела иметь такой двигатель, с тех самых пор, как узнала о его существовании. И что я безусловно захочу остаться на службе в Центральных Мирах, чтобы его заполнить!

Паролан мгновенно успокоился и теперь наблюдал за ней.

— Вот в чем смысл вашей игры, не так ли? — холодно спросила Хельва. Теперь она обращалась только к Паролану, и он это понимал. Он продолжал молча смотреть на нее, только желваки ходили на скулах.

— Если честно, то да, — ответил Рейли, когда для всех стало очевидно, что Паролан так ничего и не скажет. — И у тебя не так много времени, чтобы принять решение.

— Это почему же?

Едва заметная перемена в выражении лица шефа вызвала у нее взрыв обиды и гнева. Так вот, значит, как Центральные Миры обращаются со своими мозговыми кораблями! Зря она не вызвала КОМ и ОЗИРМ. И с Броули тоже надо было связаться. Пусть Центральные Миры сами расхлебывают свою кашу.

— Пойми, Хельва, Центральные Миры связаны федеральными директивами, а эти директивы издают и контролируют граждане нашей цивилизованной галактики. И целый ряд из этих ограничений невозможно обойти. Пока не будут получены дополнительные премиальные от Федерации, ты по-прежнему подчиняешься Центральным Мирам. После их подтверждения наши с тобой взаимоотношения — характер полномочий, тип контракта, формулировка и состав отдельных статей, оплата и привилегии — все это будет регулироваться совершенно новым пакетом директив. А вздумай мы поступить по-другому, — неумолимо продолжал Рейли, — нас мигом одолеют правозащитники всех мастей, которые начнут рыться в наших архивах, дышать нам в затылок и всячески осложнять нашу работу. Ты зарекомендовала себя отличным работником. И наша служба в тебе чрезвычайно заинтересована. И до сих пор наша заинтересованность всегда шла тебе на пользу. Тебе были предоставлены все возможности, чтобы как можно раньше достичь полной финансовой независимости. И мы надеемся, что ты учтешь это теперь, когда мы предлагаем тебе стать первым кораблем МТ с полноценным р-двигателем.

— Если это сейчас уместно, я хотела бы принести свои извинения. Я не знала, что условия контракта изменяются после выплаты долга. И, я думаю, вы не станете судить меня слишком строго за то, что мне захотелось разобраться во всех тонкостях нашего разговора, который мы и завели-то только затем, чтобы скоротать время в ожидании подтверждения премиальных.

Из объяснений капитана Бреслау я однозначно поняла: существует угроза, что я могу взорваться, превратившись в новую звезду...

— Я возражаю, — Бреслау стремительно вскочил. — Ты можешь сама убедиться, насколько обоснована эта теория! Мы провели испытания...

— Которые вас до того напугали, что вы решили подстраховаться и проверить, не произошло ли путаницы с данными. Нет, господа. Мне дорога моя шкура и я предпочитаю сохранить ее в целости.

— Твоя капсула сделана из чистейшего титана, — выпалил Бреслау, — а он устоит...

— Вы хотите сказать устоит, если у меня внутри взорвется целое солнце? — перебила его Хельва. — Не забывайте, Бреслау, что я и так уже пострадала от жара новой звезды. И ваша непроницаемая титановая оболочка не спасла меня от повреждения... и человеческого коварства.

Исчерпав все доводы, Бреслау обессиленно упал на кушетку. Из его коллег только Паролан не проявлял признаков замешательства или досады. Услышав ее отказ, он рывком повернул голову по направлению к центральному пилону. На лице его застыло выражение горькой насмешки, слишком горькой даже для такого циника каким был Паролан. На один мимолетный миг он забыл о своих глазах, и в них мелькнула острая боль и еще выражение, которое Хельва видела всего раз в жизни — в глазах умирающего.

Однако заговорил именно он — усталым бесцветным голосом.

— Никто и не пытался, Хельва, скрыть от тебя опасность, связанную с новым заданием. Кроме того, мы постарались, чтобы весь этот непроходимый лес законодательных ограничений работал на тебя. Тебе было бы выгоднее продлить прежний контракт, вместо того, чтобы заключать новый. Если ты мне не доверяешь, можешь справиться в своем личном деле. Кое-какие статьи старого контракта мы бы могли исправить. Но в новом мы уже не сможем изменить ни единой буквы. А теперь будь любезна выслушать нас, а потом будет достаточно, если ты просто скажешь да или нет.

Казалось, ему безразлично, какое решение она примет. Вот только почему — этого она понять никак не могла.

Добриньон откашлялся и медленно, как будто стараясь собраться с мыслями, направился к ее пилону.

— Видишь ли, Хельва, планируемый полет к Бете Корви продиктован несколькими целями, и выполнение

каждой из них требует таких качеств, способностей и знаний, что все сходится на тебе. Я постараюсь объяснить то, что относится к сфере моей деятельности.

По нашему глубокому убеждению, мы могли бы так запрограммировать будущих исследователей, чтобы им не грозила психологическая дезориентация в результате переноса на Бете Корви. Но это при условии, что нам будет известно, какие измерения происходят в психической сфере человека, пребывающего в корвианской оболочке. Я понимаю, Хельва, что мы требуем от тебя слишком большой жертвы, но у меня есть свои, вполне бескорыстные причины просить именно тебя отправиться на Корви. И я, и Паролан — мы оба уверены: если ты вернешься и убедишься, что в корвиканской среде личности солара Прейна, Керлы Стер, Шадресса и Ансры Колмер сохранились или, наоборот... уничтожились, то сумеешь справиться с чувством вины и неудачи, возникшим у тебя после первого полета.

К тому же, ты самый подходящий, если не единственный человек, который сможет узнать... иммигрантов, — Добриньон мимолетно усмехнулся. Хельва же подумала, что этот термин вполне уместен. Она боялась признаться даже себе самой, как ее пугает и... притягивает перспектива возвращения на Бету Корви. — Даво Филанзер вызвался принять участие в полете. Но, если честно, его психопрофиль свидетельствует о глубокой травме. И я боюсь, что он тоже может... ну да, иммигрировать.

— Весьма малоутешительная перспектива, — заметила Хельва. Ей совсем не понравилась представившаяся картина: пустая оболочка Даво Филанзера, неподвижно застывшая на кушетке. Но если Прейн с Керлой и Шадресс вполне довольны своей жизнью на Корви... — Хельва отбросила непрошенные мысли. — Что ж, вполне очевидно, что нам потребуется помощь корвиков, если мы собираемся играть в их игры и при этом не хотим нанести непоправимый ущерб всей галактике. Я полагаю, вы изучили мой психопрофиль и сделали вывод, что я на Корви не останусь?

— Да, — быстро и без раздумий ответил Добриньон.

— Несмотря на то, что произошло со мной на Бореалисе?

— Осмелюсь предположить, что именно опыт, полученный на Корви, помог тебе в этом эпизоде.

— Весьма разумное предположение, Добриньон. В

конце концов, мы все не что иное, как сумма нашего опыта. И это снова возвращает нас к обсуждению меркантильных вопросов. Полагаю, капитан Бреслау, ЦВ будет установлен в мой двигательный отсек до полета на Бету Корви?

— Да, это совершенно необходимо. Как иначе они смогут оценить, насколько верно мы использовали их данные?

— И какова же стоимость этой установки?

Бреслау неуверенно покосился на шефа. Рейли молча кивнул в ответ.

— Сейчас мы не можем назвать точную цифру: экспериментальный корабль неоднократно перестраивался. Необходимо усилить защиту, удвоить прочность конструкций, заменить обшивку корпуса. С ходу я бы оценил затраты в районе пятисот тысяч галактических кредитов.

Хельва заметила, что у него все же хватило такта изобразить на лице смущение. Хотя на нее эта астрономическая сумма не произвела такого уж ошеломляющего впечатления. В конце концов, она уже выплатила гораздо больший долг.

— Это в случае, если контракт будет заключен немедленно?

— Да.

— И примерно вдвое больше, если старый контракт утратит силу?

— Полагаю, что так. — Бреслау мрачно складывал свои папки, будто потерял все надежды на осуществление проекта. Его пессимизм несказанно возмутил Хельву.

— Если же ты, Хельва, продлишь старый контракт, в наших силах смягчить некоторые условия, которые окажутся слишком жесткими для такого прекрасно зарекомендовавшего себя сотрудника, как ты, — вставил Рейли.

— Только не надо на меня давить, шеф. Я еще не обдумала все стороны вопроса со своей позиции.

Это была неправда. Она уже приняла решение. И она заставит Рейли смягчить эти жесткие условия, до тех пор, пока ОЗИРМ и КОМ не услышат, как все инструкции трещат по швам.

Да, Паролану удалось загнать ее в угол. И она готова поспорить на свою очередную премию, что он отлично предвидел, какое впечатление на нее произведет описание нового двигателя, представленное Бреслау. Этот интриган

своего не упустит. Уж конечно, не кто иной, как он, усмотрел высшую справедливость в том, чтобы подчинить ей новую звезду после того, как взорвавшийся Равель погубил Дженнана. И он же подсказал Добриньону хитрый ход с искуплением вины. Ладно, она еще покажет этому эгоисту, этому коварному, самоуверенному, высокомерному выскочке, этому беженцу с тяжелой планеты... Хельва резко оборвала мысленный поток обвинений и в упор взглянула на Паролана.

Его лицо превратилось в застывшую маску отчаяния и усталости. В поникшей фигуре ничего не напоминало того ловкого махинатора, который взял ее на пушку, притворившись, что выходит из игры, когда она еще даже не началась. И почему-то не было злорадного торжества в его рассеянном взгляде, обращенном к ее пилону. А ведь он должен знать, что одержал победу. Неужели, убедившись, что она попала на крючок, он пожалел о своих происках? Да, вид у него такой, будто он сожалеет о чем-то несбывшемся в далеком и невеселом прошлом.

Нашла время сочувствовать Найалу Паролану. Лучше вот о чем подумай: ты нужна им позарез, и этим необходимо воспользоваться.

— Полагаю, вероятностная кривая мне благоприятствует? — спросила она, нарушив общее молчание.

Рейли кивнул.

— Как я уже упоминал, — торопливо заговорил Добриньон, — ты, лучше, чем кто-либо другой, сможешь опознать иммигрантов, если в их корвиканских обликах сохранились хоть какие-то следы прежних личностей.

— Вы в этом сомневаетесь?

Добриньон пожал плечами.

— Разве можно предсказать глубину переноса, когда речь идет о совершенно чуждой структуре и психологии? Как человек, я предпочел бы думать, что какие-то остатки человеческого все же уцелели. Однако я рекомендовал бы сделать первый контакт как можно более кратким. Я имею в виду, — поправился он, — если ты согласишься на этот полет. Мы ни при каких обстоятельствах не стали бы просить тебя рисковать собой для того, чтобы разыскать нашу четверку.

— Главная цедь полета — получить у корвиков результаты анализа данных нашего ЦВ, — заговорил Бреслау. Он взглядом попросил извинения у Добриньона, и тот пожал плечами, признавая его первенство.

Вот, голубчики, вы у меня и попались!

— Я была бы чрезвычайно заинтересована получить этот двигатель, если это действительно возможно, — заявила Хельва. Но почему, во имя всего святого, Паролан решил уйти в кусты? Неужели они что-то скрывают?

— Что только подтверждает мою веру в тебя, — жизнерадостно воскликнул Рейли, снова становясь самим собой.

— Только вам придется принять кое-какие мои условия, иначе я не вижу смысла продолжать наше обсуждение.

— Ты всегда была достаточно разумна, и у меня есть реальные полномочия, чтобы сделать тебе некоторые послабления.

— Сначала послушайте мои условия, Рейли, а уж потом раздавайте авансы, — сухо сказала Хельва. — Я не собираюсь заложить свою душу лет этак на двадцать пять, чтобы выплачивать пятьсот тысяч кредитов, основываясь лишь на том предложении, что корвики проверят наш ЦВ, а я избавлюсь от застарелых душевных травм.

Если ЦВ двигатель окажется бесперспективным, продление контракта должно быть признано недействительным. Вы можете присобачить к моему корпусу любые модификации, я оплачу стоимость нового покрытия, а уж остальное вам придется списать на экспериментальные расходы. Так-то.

Рейли и Бреслау торопливо обменялись мнениями, и шеф неохотно уступил.

— Согласен.

— Во-вторых, я сама буду судить о целесообразности контракта с иммигрантами на Корви, и это не должно повлечь штрафа в случае невыполнения всех этапов запланированного полета.

— По-моему, Добриньон достаточно ясно изложил все, что касается этого момента.

— В-третьих, вопрос о телесном партнере...

— Ты убедительно доказала, что гораздо лучше справишься без партнера, — перебил ее Рейли, демонстрируя полную заботу и внимание. Из горла Паролана вырвался какой-то нечленораздельный возглас. — Вы хотели что-то сказать, инспектор?

— Разрешите мне закончить, — вкрадчиво попросила Хельва. — Паролан, как никто другой, в курсе моих

неоднократных требований — я имею в виду постоянного напарника. Я не люблю работать в одиночку. Просто ненавижу.

— Да, это было бы крайне нежелательно, — вставил обеспокоенный Добриньон.

— И я не соглашусь на это задание, если у меня не будет «тела», которое я выберу сама, — заявила она, повысив голос.

— Я полностью за, Рейли. Перенос сознания на Корви сопряжен с сильнейшей эмоциональной реакцией. Мы с Пароланом твердо уверены... — Добриньон бросил взгляд на инспектора в надежде получить подтверждение, и, не встретив никакого отклика, торопливо продолжал: — ...что Хельва обязательно должна иметь поддержку в лице сильного, решительного партнера, который сможет смягчить возможную психологическую травму.

— Мы можем положить конец нашей дискуссии прямо сейчас, Рейли, если мои требования не будут удовлетворены. Хотя ваши эксперты сошлись на том, что они вполне разумны.

Рейли неохотно согласился, но улыбка его угасла.

— Вот и отлично. Состояние моих дел тоже зависит от успеха нового двигателя. Вы поставили мне свое условие — пятьсот тысяч кредитов. Я его принимаю. Получив ЦВ, использующий весь потенциал р-двигателя, я смогу почти мгновенно преодолевать любые расстояния. И буду работать на вас, как проклятая. В связи с этим я считаю, что прежний уровень зарплаты и премиальных не соответствует моим новым возможностям.

Рейли начал было многословно возражать, высказав предположение, что названная Бреслау сумма в пятьсот тысяч кредитов несколько завышена, но его самого эта цифра явно устраивала.

— Это неприкрытый грабеж, — перебила его Хельва. — Кстати, может быть вы считаете, что я сама должна оплачивать все дорогостоящие усовершенствования, которые могут порекомендовать корвики? Это тоже необходимо оговорить, как и обслуживание совершенно нового источника энергии. Нет, Рейли, я уверена, что и КОМ и ОЗИРМ согласятся со мной: старый порядок оплаты должен быть пересмотрен в сторону увеличения, чтобы компенсировать мою возросшую эффективность.

— Ей не будет равных по скорости во всей галакти-

ке, — заметил Бреслау.

— Что-то я не пойму, Бреслау, вы то на чьей стороне?

— В данном вопросе на стороне Хельвы, — бесстрашно ответил инженер.

— Я прошу всего лишь разумной тридцатипроцентной прибавки — по-моему это не так уж много для столь безотказного сотрудника Центральных Миров? И я уверена, вы что-нибудь придумаете, чтобы вернуть свои денежки с лихвой, если, конечно, я правильно понимаю ваши принципы.

— И каковы же мои принципы? — Рейли стремительно обернулся и пристально взглянул на Паролана.

— Но Паролан руководит своим сектором, основываясь на ваших приказах, — ответила Хельва, — и учитывая насущные требования момента.

И сразу же пожалела о своих словах. Теперь уход Паролана неизбежен, и все это понимают. Ведь он, а вовсе не шеф, затеял этот проект. Причем искуснейшим образом обставил дело так, чтобы у нее не осталось никаких шансов отклонить предложение. Но она никак не могла взять в толк, что с ним происходит. Он начисто выпал из разговора и не участвовал в обсуждении, целиком уйдя в какие-то личные переживания.

Она его жалела. Жалела и ненавидела. Ненавидела и желала. И она его почти заполучила. Пусть она не может его победить, зато может сделать своим союзником.

— Так как, Рейли, вы согласны на мои условия? Выбор за вами.

Добриньон с Бреслау принялись горячо убеждать шефа, но Хельва, даже прежде, чем услышала отрывистый рык Рейли, возвестивший о согласии, уже знала: другого выхода у него просто нет.

Надо отдать шефу должное, он умел проигрывать с достоинством. Введя все поправки в базовый компьютер и подтвердив их официальный статус, он долго стоял, опустив голову и глядя на пульт управления. А когда обернулся, лицо его было совершенно бесстрастно.

— Что ж, Хельва, меня предупреждали, что торговаться ты умеешь. — Он покосился на Паролана. — Вот уж никогда не думал, что мозговой корабль может меня переспорить. Но ты была чертовски права, — добавил он, сверкнув глазами, — когда сказала, что я за-

ставлю тебя вкалывать как проклятую, пока ты состоишь на службе у Централъных Миpов.

— Вполне справедливо.

— Теперъ Бреслау отправит тебя в ангар для установки ЦВ двигателя. И пока корвики его не проверят, все остальное оборудование пусть остается стандартным. Да, это все входит в пятьсот тысяч. А у Добриньона есть целый ворох данных анализа психолгической травмы, полученной на Бете Корви, которые тебе необходимо ввести в свой банк.

— Это не только моя заслуга, но и Паролана, — сказал Добриньон, снова пытаясь втянуть безмолвствующего инспектора в разговор. — Он сделал несколько весьма проникательных наблюдений из расшифровки психотестов других участников полета, которые помогли моим людям сформулировать те предварительные выводы, которые мы пока смогли сделать.

— Да-да, Паролан был очень полезен, — буркнул Рейли. — Итак, нам осталось только обсудить кандидатуpу подходящего «тела». В настоящее время...

— Пойдите, — перебила его Хельва. — Разве я недостаточно ясно дала вам понять, что соглашусь на полет к Бете Корви только с тем партнером, которого выберу сама? Останется ли он со мной после Беты Корви, значения не имеет.

Рейли повернулся к ней, взгляд его выражал настороженность.

— Да, мы это уже согласовали. Но ведь ты сказала, что хочешь постоянного напарника.

— Хочу. Но на Бету Корви я не полечу, если вместе со мной не полетит Паролан.

Она не стала слушать ни бурных протестов Рейли, ни изумленных возгласов и поздравлений Бреслау и Добриньона. Ее взгляд, ее мысли, все ее существо были прикованы к Найалу.

Он резко обернулся, глаза его безошибочно нашли то место на пилоне, за которым находилось ее лицо.

— Нашла время шутить, Хельва.

— Я нисколько не шучу, мальчик мой.

— Клянусь Всевышним, Паролан, Хельва просто гений! — с восторгом воскликнул Добриньон, хлопая инспектора по напрягшейся спине. — Здорово она вас раскусила!

— Вот-вот, — сухо и холодно заметил Рейли. — А вы, помнится, всегда хвастались, что можете провести

любого в нашей конторе. — И если в выборе Хельвы не было и намека на злорадство, то в резком выпаде Рейли оно прозвучало вполне ощутимо. — Вам, инспектор, пойдет только на пользу проветриться в полевых условиях.

— Я думаю, Хельва сможет решить проблему неустойчивости гравитации, которая подвела наш испытательный корабль, — заверил Паролана Бреслау, — а для дополнительной страховки у вас всегда есть амортизирующая сетка.

Они быстро собрались и ушли. Остался один Найал Паролан. Вид у него был расстроенный и какой-то оцепеневший — словом, он реагировал совсем не так, как могла ожидать Хельва.

— Наверное, Хельва, ты все-таки пошутила, — произнес он наконец, и голос его предательски дрогнул, несмотря на явные попытки овладеть собой.

— С какой стати? Вы знаете все, что положено знать «телам», лучше, чем кто бы то ни было в нашей конторе. И все, что касается корвиков, тоже изучили вдоль и поперек. И наверняка разобрались в уравнениях Бреслау, прежде чем...

— Еще бы, — с горечью воскликнул он, и все его самообладание как рукой сняло. — Неужели ты думаешь, что я мог втянуть тебя в то, что сам не проверил от начала и до конца? Но знай: именно я затеял весь этот фарс. Я, а не Рейли! Это я его уговорил. И Бреслау с Добриньоном тоже. Потому что знал: только так можно поймать тебя на крючок.

— Это ясно, как Божий день!

— И я не оставил тебе никаких шансов. Потому что знал, на какую из твоих кнопок нажать и в какой момент. И я добился своего, прости меня Господи!

— Спору нет — вы самый бессовестный инспектор во всей нашей конторе, — согласилась она, противопоставляя его едкому самобичеванию безмятежный юмор. — И то, что вы мне только что подстроили, — грязная и гнусная ловушка.

— Ты можешь хоть раз выслушать меня, безмозглая жестяная ведьма? Можешь понять, что я с тобой сделал? Ведь я вынудил тебя остаться на службе!

— Нет, я сама решила остаться. Но на своих условиях.

Найал смотрел на нее безумными глазами. На лице его боролись противоречивые чувства. С него разом

слетела вся бравада и самоуверенность. До него только сейчас дошло, что она действительно обвела его вокруг пальца, и самолюбие его получило ощутимый удар.

— На твоих условиях? Теперь понятно... Вот еще один прекрасный пример торжества космической справедливости, — бросил он и хрипло расхохотался над чем-то понятным только ему одному.

— Почему бы вам, Найал, не поделиться этой шуткой со мной? Я тоже охотно повеселюсь, даже если придется смеяться над собой.

В его глазах застыли слезы, он выпрямился, как от удара, прижав стиснутые кулаки к бокам.

— Ну так слушай. Я, Найал Паролан, подстроил все это, потому что не смог допустить, чтобы ты ушла из Централных Миров. Именно так. Да, я подсовывал тебе самые выгодные задания, чтобы ты могла поскорее расплатиться. А когда этот день настал, понял, что не смогу вынести такой перспективы, и заварил всю эту хитрую дерьмовую кашу, чтобы тебя удержать. И только когда увидел, что ты реагируешь именно так, как я рассчитывал, понял: я воспользовался своим положением ради самого гнусного дела в длинной череде хитрых, коварных, гнусных махинаций. Но я знал, что уже не могу остановить механизм, который сам же запустил. Я даже не мог найти способ вытащить тебя из этого дерьма. А ты, Хельва, ты выбрала меня своим «телом»! — его смех звучал как крик о помощи.

— И не изменю своего выбора, — решительно произнесла она. Нужно как-то остановить этот ужасающий смех! — И мною руководит такой же эгоизм, который двигал и вами, когда вы хотели оставить меня на службе. К тому же, мне будет как-то спокойнее, если вы станете моим «телом», а не инспектором. В конце концов, что мне еще делать, как не служить Центральным Мирам? — сказала она уже мягче. — А вы помогли мне остаться на моих условиях, потому что они распрекрасно знают: я единственный корабль, который справится с этим заданием. И вы, Найал Паролан, нужны мне как напарник, потому что вы чертовски умны, изобретательны, беспринципны и требовательны. Потому что вы знаете, как со мной обращаться, на какие кнопки нажимать. Конечно, ростом и наружностью вы не Бог весть что, но на этом я уже обожглась. И я верю, что вы вытащите меня отовсюду... даже с Беты Корви.

— Веришь... мне? — с трудом выдавил он. Тело его

тряслось от нечеловеческого напряжения. — Да ты соображаешь, что говоришь, безмозглая, несуразная идиотка, недоразвитая романтическая жестяная дуреха? Ты веришь — мне? Неужели ты не понимаешь, что я знаю о тебе все до последней мелочи? Я даже сделал хромосомное экстраполирование и теперь знаю, как ты выглядишь? Знаю, какие отключающие слоги закодированы в твою панель не далее, как семь дней назад! Она мне верит! Да я последний человек из тех, кому ты можешь верить. И ты выбрала меня своим «телом»! Боже милостивый...

Это открытие потрясло Хельву до глубины души. Так значит, у Паролана возникло к ней телесное влечение? Она не знала, что делать — благодарить небеса или выть от ярости. В душе ее боролись восторг и ужас. Нет, она знает, что ей делать. Еще ничего не потеряно. Подсознательное стремление «тела» увидеть лицо своего «мозгового» партнера — явление не столь уж редкое, когда между напарниками возникает глубокая эмоциональная привязанность. Обычно оно неосуществимо из-за невозможности открыть смотровую панель. Но если Найал знает секретный код...

Она должна избавить его от этого наваждения, так или иначе...

— Вот почему, Хельва, я не могу быть твоим «телом», — упавшим голосом проговорил Найал. — Только прошу тебя, не надо дурацких песен о том, что это обычное для тел наваждение, что оно пройдет. Я знаю отключающие слоги. И однажды малыш Найал может не выдержать. Мне придется открыть этот гроб, в который они тебя замуровали. Взглянуть на твое прекрасное лицо, коснуться ангельской улыбки и обнять тебя...

Он подходил все ближе, шаг за шагом преодолевая чудовищное сопротивление, пока не приник всем телом к ее пилону, вжавшись щекой в неподатливый металл. Пальцы побелели от усилий проникнуть за разделяющую их титановую поверхность. Вот рука его медленно скользнула к смотровой панели. А на лице застыло спокойное, отрешенное, почти счастливое выражение, глаза были закрыты, как будто он уже держал ее в объятиях.

— Тогда скажи эти слоги! — затрепетав от страсти, крикнула она. — Сними панель, открой капсулу, загляни мне в глаза, прижми к груди мое уродливое тело. Я лучше умру в твоих объятиях, чем навеки останусь нетронутой девственницей — без тебя!

Он вскрикнул и отпрянул, будто обжегшись о холодный металл. Лицо исказила страшная гримаса.

— Вот видишь, Найал, ты этого не сделал — значит, не сделаешь никогда, — тихо и нежно проговорила она, стараясь справиться с неожиданно нахлынувшим желанием, которое грозило свести ее с ума.

— Боже мой, Хельва, нет, нет!

Он повернулся и бросился к шлюзу. Рванул рычаг двери. Выскочил из лифта, не дожидаясь остановки. И исчез в главном здании.

«Теперь мне остается только ждать, — с тоской думала Хельва. — Он должен принять решение сам. Должен сам захотеть вернуться, после того, как убедится, что может доверять себе. Моя безоглядная вера в него ничего не значит. Ведь именно от него зависят все наши планы, замыслы, свершения.

Ну почему я не захлопнула перед ним двери шлюза? Почему не заставила его остаться, пока он не поймет, что все уже прошло, что опасность навсегда миновала? Почему не воспользовалась моментом, когда с него слетела вся бравада — ведь уже никогда он не будет так открыт, незащищен — ни от меня, ни от себя самого. И он это поймет, как только придет в себя.

Вероятно, он скоро вернется — заносчивый, беспечный, весь напор и самоуверенность. Если привязанность зашла так далеко, он непременно вернется. Просто не может не вернуться. Хотя... Найал Паролан сможет все. Если решит, что так нужно. Он такой. Он сумеет оправдать любой вероломный, коварный, беспринципный замысел, который сам же состряпал, а потом выкинуть его из головы, как только тот сослужит свою службу. Но поставьте его в такую ситуацию, которая затронет его душу, взовет к его глубоко запрятанным и бдительно охраняемым лучшим чувствам, — и Найал Паролан сможет сделать благородный жест, проявить несвойственный ему акт самопожертвования. И до конца жизни обречь их обоих на несчастье!

Может быть, вызвать Рейли? Он примет безотлагательные меры. Но какие? Найал укрылся в главном здании. Ему необходимо все обдумать, взвесить и принять решение. И она искренне надеется, что он решит вернуться. И потом, после всего того, что они устроили Рейли, лучше его лишний раз не раздражать. Особенно по поводу Паролана.

И Хельва продолжала ждать — открыв шлюз, опустив лифт.

Он назвал ее красивой. Когда он успел сделать экстраполяцию ее хромосомной структуры? Это должно было стоить ему целого состояния. Перед ее полетом на Бету Корви? Или во время происшествия на Бореалисе? Господи, неужели он видел ее медицинскую карту? Нет, это оттолкнуло бы такого поклонника женской красоты, как он. — Она усмехнулась своим мыслям. — Неужели он нашел ее юной и желанной? Конечно, ошеломляющие сексуальные подвиги, на которые он так прозрачно намекал, могли быть обычной болтовней. С другой стороны, мужчины, которых судьба обделила статью, зачастую могут похвастаться другими весьма завидными качествами. И аппетитами им под стать. Но он сказал, что ее лицо прекрасно. И пусть это всего лишь искусственная экстраполяция, все равно услышать такое приятно. Он не из тех, кто легко бросается такими словами. Раз он так сказал, значит она действительно красива.

Мысль о собственной красоте льстила и одновременно лишала покоя. Капсульников специально программировали, чтобы они не задумывались о своей внешности, и заботились о том, чтобы они никогда не видели своих изображений. Это тоже принадлежало к разряду особо секретных сведений. Но, по-видимому, для того, кто настроен решительно, нет ни секретов, ни святых. Найалу удалось узнать новый отключающий код, известный только шефу Рейли и вдобавок, в качестве дополнительной предосторожности, под гипнозом запечатленный в его памяти.

Значит, она прекрасна, — так сказал Найал. Но где же он?

Люди умирали, и черви их сжирали,
Но не от любви.

Она усмехнулась этим странным строкам, так неожиданно пришедшим ей на память. Тем не менее, ничто на свете не заставляло людей так отчаянно рисковать, как красота, особенно красота недостижимая.

Ради обладания легендарной Еленой пала Троя. Ради прекрасных драгоценностей люди ставили на карту жизнь, свободу, веру. Ради красоты истины они шли на костер. Ради красоты принципа орды приверженцев самых разных религий жертвовали жизнью.

Но она не хочет, чтобы Найал погиб ради нее —

неважно, красива она или нет. Он нужен ей живым, за пультом управления!

Включился канал связи.

— Слушаю!

— Какой милый прием, — проговорил чей-то знакомый голос.

Это не Найал. Волна облегчения набежала и отхлынула.

— Кто это?

— Дорогуша, ты меня обижаешь.

— Ах, это ты, Броули. Я... просто я ждала другого вызова. Но я всегда рада услышать твой голос. — Было бы неразумно ссориться с городским капсульником, тем более с Броули, и особенно сейчас. Ей может потребоваться его помощь.

— У тебя был такой радостный голос! Я искренне надеюсь, что тот, чьего вызова ты ждешь, мне не соперник.

— Соперник?

— Вот именно, — в его голосе прозвучала резкая нотка, и Хельва мгновенно насторожилась. Броули не стал бы так любезничать, не будь ему что-то нужно. — Насколько я понимаю, — голос его обрел прежнюю вкрадчивость, — ты расплатилась с долгами.

— Ты всегда все узнаешь первым.

— И ты еще ни с кем не договоришься?

— Мне очень жаль, Броули, но я продлила контракт с Центральными Мирами.

— Продлила контракт? С Центральными Мирами? — голос Броули перешел в возмущенный шепот. — А я-то всегда считал тебя умницей. Но почему, ради всех печатных плат, ты пошла на такую невозможную, вопиющую, безобразную глупость? Неужели ты не понимаешь, что четверо промышленников и две планеты уже выстроились в очередь, готовые отдать десятидневную прибыль, лишь бы заключить полугодовой контракт с кораблем МТ? Что на тебя нашло? Я поражен до глубины души. Пожалуй, мне нужно срочно проверить уровень кислотности. Своей глупостью ты меня просто ошарашила. У меня нет слов!

Почему-то, выслушав гневную отповедь Броули, она воспрянула духом. Этот алчный, корыстный, пронырливый городской сплетник только укрепил ее в принятом решении. Пусть шестеро соискателей готовы перегрызть друг другу глотки, лишь бы добиться ее согласия,

она совершенно уверена, что не хочет с ними связываться, какие бы заманчивые контракты они ей не сулили. С ними неприятностей не оберешься. Несмотря на все свои недостатки, Центральные Миры все же заботятся о благе всей Федерации, а не об усилении влияния какой-то одной звездной системы или алчной монополии.

— Чтобы у Броули не было слов? — кокетливо усмехнулась Хельва. — Никогда не поверю.

— Ведь это Паролан заманил тебя в ловушку? — напрямик спросил Броули.

Хельва представила, как его пронизательный мозг, сложив все обрывки подслушанных сплетен и личных наблюдений, пришел к этому очевидному выводу. Но что он действительно знает, а о чем только догадывается? Ей было известно, что Броули очень гордился своим умением предугадывать события. Именно эта способность помогла ему стать чрезвычайно талантливым городским менеджером. Благодаря его неусыпным заботам обширная монополия Регула, сложный разветвленный организм, обслуживающий дюжину местных племен и огромное людское население, не знала ни транспортных пробок, ни производственных кризисов, ни нехватки материальных ресурсов. И он еще успевал бдительно следить за всеми слухами и скандалами. Он любил скандалы и утверждал, что от них молодеет, а слухи — так просто обожал, и был сам не прочь ради собственного развлечения пустить какой-нибудь слухок.

— Ты же знаешь, Паролан — мой инспектор, — уклончиво ответила она, — но мне удалось внести в наш контракт кое-какие изменения.

— Значит, ты хотя бы поторговалась?

— Конечно, и чтобы восстановить свою добрую репутацию в твоих глазах, могу добавить: если они не удовлетворяют мои требования, продление контракта будет считаться недействительным.

— Ну, слава Богу, у меня просто от сердца отлегло. Не соблаговолишь ли ты назвать свои условия?

— Что, Броули, заело?

— Помилуй, Хельва, я всегда пекусь о твоих интересах. Ты стала моей любимицей с тех самых пор, как твой напарник разделал под орех пятерых флотских забияк только за то, что они упражнялись в остроумии по поводу твоего пения.

В этом весь Броули — ему обязательно нужно было

напомнить ей о Дженнана. Причем именно сейчас. Что ж, про условия он все равно рано или поздно пронюхает, так лучше она расскажет ему сама, чтобы сохранить его доброе отношение.

— ЦВ двигатель! — так и вскинулся он. — Ты что, Хельва, не в своем уме? Давай лучше, дорогуша, я сведу тебя со своими клиентами, — самодовольно изрек он.

— Что, разве ЦВ так опасен?

— Хельва, душенька, неужели ты думаешь, что они скажут тебе всю правду? Разве ты не знаешь, что случилось с испытательным судном?

— Мне сказали, что оно улетело на девять стандартных лет, но ты же прекрасно знаешь: все капсульники гораздо лучше приспособлены для управления сложной электронной аппаратурой, чем подвижные...

— Вот черт! — прервал ее Броули. — Вечно не дадут поговорить спокойно. Пока Хельва, но учти, что-то здесь нечисто.

Она была рада, что их разговор прервался. Ее уже начал утомлять цинизм Броули. Неужели, прослужив столько лет, сколько он, она тоже превратится в подозрительную брюзгу? Или станет такой же равнодушной, как Сильвия, навсегда утратив надежду, что где-то в будущем еще возможны мгновения, исполненные любви и красоты?

Где же Найал? Пора бы ему опомниться и собраться с мыслями. Сколько времени прошло, как он исчез... Должен же он понять, каким блестящим, полным, вдохновляющим может стать их союз! Хватит ему загибаться в конторе. Если они объединят свои усилия, то сумеют расплатиться за ЦВ еще до истечения срока контракта. И тогда независимость уже не будет ее пугать. Если с ней будет Найал, ей никто не страшен. Вот только будет ли он с ней...

Она с надеждой взглянула наружу и удивилась — над базой Регул уже спустились ранние тропические сумерки. В главном корпусе погасли почти все окна, кроме дежурных служб да нескольких кабинетов. Она вспомнила, что, приземлившись, включила только лифтовую акустическую систему. Настроив остальные, она услышала приглушенный расстоянием металлический скрежет, доносившийся из ремонтных мастерских и мерную поступь караула, марширующего вдоль фасада главного здания.

Еще одна из архаических причуд нашей службы, —

подумала Хельва. Ей было известно, что высокочувствительные датчики, установленные по периметру базы, могут засечь и при необходимости уничтожить даже ночного мотылька. И это случится куда раньше, чем часовой сможет обнаружить гораздо более видимого или слышимого нарушителя. И все же топот обходящего базу караула действовал успокаивающе. Она не чувствовала такого полного одиночества. Действительно, некоторые старые традиции совсем неплохи, если учесть, что их нечем заменить. Вроде... чертов Броули! И зачем только он вспомнил про Дженнана!

Но Броули может отыскать Найла. Только он непременно захочет знать подробности. И навряд ли ей посочувствует. Он придерживается мнения, что капсульники должны быть автономны и самодостаточны.

Раздался резкий сигнал вызова, и она поспешно ответила.

— Может быть, Паролан и не выжал из тебя все, что хотел, только он явно что-то празднует! — Броули так и источал яд. — А начал он с того, что устроил аварию, в которой пострадали пятнадцать машин на воздушной подушке и три транспортных экипажа. Снесено две радиомачты. Не знаю, как он уцелел, только ни на нем, ни на трех девицах, которые были с ним, нет ни царапины. К счастью, пассажиры других машин отделались легкими ушибами, но за столь безответственное поведение он оштрафован на тысячу кредитов. И он еще имел наглость смеяться! Не будь он инспектором космической службы со множеством связей, его бы наверняка отправили охладиться на несколько месяцев. А все ты. Я был бы счастлив, если бы ты передумала. Дьявол! Он отправился в «Последний барьер». Придется послать туда наряд. Если он думает, что ему сойдут два нарушения общественного порядка за одну ночь, то он глубоко ошибается. Я не допущу, чтобы Паролан своими безобразными выходками перебаламутил весь город!

Излив все свое возмущение, он отключился.

Неужели Паролан решил покончить с собой? Визит в «Последний барьер» она еще могла понять — это заведение славилось разнообразием и утонченностью предоставляемых услуг. На большинстве планет существовали такие салоны, особенно в городах при космопортах, и многие из «тел» были их завсегдатаями.

Были бы слишком больно раздумывать о том, чем он

там занимается. Она снова пожалела, что капсульникам не дано забыться сном. Должен же и у них быть хоть какой-нибудь отдых от нескончаемых размышлений, убежище от мучительных дум...

Но непокорный разум безжалостно возвращал ее к мыслям о «Последнем барьере» и его недвусмысленной репутации.

— В двух семьях, равных знатностью и славой... — решительно продекламировала Хельва, и голос ее эхом прокатился по пустым каютам. Сможет ли солар Прейн, а ныне корвик, понять, как она благодарна ему за науку? — подумала она.

Включился канал связи, и она не удивилась, услышав визгливый голос Броули. Но в нем было не возмущение, а искреннее недоумение.

— Ты что, потребовала, чтобы Паролана уволили за то, что он загнал тебя в угол?

— Нет.

— Просто интересно. Не могу себе представить, что на него нашло. Его как будто подменили.

— Что он делает? — вопрос вылетел прежде, чем Хельва успела подумать.

— Сначала он был в своем обычном репертуаре. Но потом, похоже, потерял остатки разума, которые сохранились у него после всего того, что он сегодня выпил. Мой наряд уже собирался его забрать, и вдруг он вызывает тамошнего ювелира и покупает всем девицам побрякушки — на долгую память, как он изволил выразиться. И отправляется домой. Один, что самое непостижимое. Послушай, ты никогда не угадаешь, что он сделал дальше.

— Конечно, нет, если ты мне не скажешь.

— Он приглашает скупщика и распродает всю обстановку, картины, коллекции, записи. А ведь это стоило ему целого состояния, и он не окупит даже половины. Он продал свою машину. А теперь разделяется с гардеробом.

Хельва постаралась не дать разгоревшейся внезапной надежде, которая вспыхнула в ее душе при этом известии. Что это — символическое прощание с закрытой главой своей жизни? Но почему? Ведь Найал знает, что у каждого «тела» есть дом в одном из портов. Зачем же он все продает? А вдруг... Нет, она даже думать не желает о такой возможности.

— Ведь ты наверняка знала бы, если бы они с Рейли снова поцапались? — спросил Броули.

— За весь вечер от Ценкома не было ни единого словечка.

— Если что-нибудь разузнаешь, не забудь о Броули, договорились?

— Конечно, Броули, не забуду.

Неужели девицы, пьянка, гульба в веселом доме и прощальные подарки — все это свидетельства расставания с холостяцкой жизнью?

«Цезарь и Клеопатра» заняли ее до рассвета, и вот уже в главный корпус деловито потянулись служащие.

Нетерпеливо пискнул сигнал срочного вызова, и из динамика загремел голос Рейли.

— Что, черт возьми, задумал твой Паролан? Какого дьявола он подал рапорт об отставке? Что за шутки, Хельва? Дай мне с ним поговорить! Немедленно!

— Его здесь нет.

— Нет? И где же он?

— Не знаю.

— Может быть, ты не знаешь и того, что Паролан испоганил мне все утро, оставив на моем столе заявление об отставке? Что он процитировал в нем параграф пятый подпункта Д? По-моему, он просто умом тронулся. Спятил. И если вы оба думаете, что можете выкинуть еще какой-нибудь номер после того представления, которое устроили вчера... — неожиданно его гневная тирада иссякла. — Ну, хорошо, Хельва, — терпеливо заговорил он, — что произошло после того, как мы оставили вас наедине? Я-то думал, что все улажено. Ты сама выбрала Паролана, и вы на пару должны отлично справиться с полетом на Бету Корви. Так что же все-таки случилось?

— Партнерство невозможно без обоюдного согласия обеих сторон, — медленно и осторожно ответила Хельва.

Она уловила в голосе Рейли опасные намеки — невысказанную угрозу и ошеломляющее предположение, что они с Найалом, сговорившись заранее, разыграли все, как по нотам.

Так вот почему Найал решил уйти — он стремится хоть на шаг опередить Рейли, который, уж конечно, употребит всю свою власть, чтобы силком затащить его к ней на борт. Итак, Найал Паролан сделал свой выбор. Вот почему он продал все свое имущество: ему нужны деньги, чтобы убраться подальше с Регула, за пределы досягаемости Рейли.

Мысли путались, ей вдруг стало трудно думать логично. Но она должна сохранить голову ясной — ради Найала. Если он считает, что должен поступить именно так, она никому не позволит ему помешать.

— Мне известно это определение партнерства, — недовольно буркнул Рейли. — И что дальше, Хельва?

— Найалу такое партнерство оказалось не по душе.

— Послушай, Хельва, хватит пороть ерунду. Найал Паролан поступил в нашу контору двенадцать лет назад, когда обнаружил, что не вышел ростом, чтобы стать «телом». И с тех пор, как стал инспектором, он только и делает, что учит «тела», как жить, работать и ладить со своими партнерами. И ты хочешь меня убедить, что Найал Паролан, получив корабль, который сам выбрал его своим «телом», предпочел смяться? Вот что я тебе скажу, X—834: или он отправится на Бету Корви, или проведет остаток дней в кандалах!

«В кандалах? — ошеломленно подумала Хельва. — Что это, еще один пережиток службы? Неужели Рейли всерьез считает, что сможет заковать Найала Паролана в кандалы?»

Успокойся и раскинь мозгами. Скоро Рейли узнает, что Найал распродал все свои вещи. Тебе лучше подняться и...

Ее мысли прервал резкий визг тормозов. Включив камеры, она обнаружила, что у ее подножия выстраивается целый отряд. Первый раунд за Рейли.

— Броули, — торопливо заговорила Хельва, как только ей удалось с ним связаться, — ты должен предупредить Паролана. Рейли собирается устроить облаву и жаждет крови.

— Ну да? — восхитился Броули. — Паролан направляется в космопорт. Он достал билет у перекупщика. Я только что об этом узнал.

— Когда отлет?

— В девять ноль-ноль, но...

— Предупреди Паролана, что Рейли задумал остановить его любой ценой. Он выстроил вокруг меня оцепление, так что я на приколе. Следующим местом, на которое он обратит внимание, будет космопорт.

— Да что ты, Хельва! Ведь Паролан состоит на службе...

— Уже не состоит. Ты понял? Потому-то Рейли и хочет удержать его на Регуле.

— Но если Паролан официально подал в отставку, Рейли не властен ему препятствовать.

— Не будь таким наивным, Броули! Наш контракт с Рейли потеряет силу, если Паролан не полетит со мной на Бету Корви.

— Тогда Рейли непременно постарается его задержать, — согласился Броули, и тут до него дошел смысл сказанного Хельвой. — Так ты пыталась заманить Паролана себе в напарники? — он шумно задышал, как вытащенная из воды рыба, — это заменяло ему смех. «Слава богу, не обиделся, что я утаила от него такую лакомую новость», — подумала Хельва. — Дорогуша, ты просто чудо! А он невероятный болван. Он никогда не сможет отказаться от разгульной холостяцкой жизни и стать затворником, как положено «телу»... Хотя, кто его знает! Ведь отослал же он девиц нынче ночью.

— Послушай, Броули. Немедленно предупреди Найла, что Рейли готов снять с него шкуру ради этого контракта.

— Успокойся, дорогуша. Ведь если Паролан не объявится, контракт утратит силу?

— Да.

— И тогда ты снова станешь свободной и сможешь выслушать моих клиентов?

Она предвидела это предложение и сразу согласилась.

— Учти, Хельва, Рейли — опасный противник.

— Без Паролана он ничего не сможет со мной сделать. А если попробует, я вызову КОМ и ОЗИРМ.

— Нашла защиту, — презрительно фыркнул Броули.

— Они могут помочь в таких делах как это.

— Но мои клиенты будут иметь предпочтение?

— Я ведь уже согласилась, правда? А теперь поторопись, предупреди Паролана. И сразу забудь, где ты его нашел.

— Он едет общественным транспортом, только нужно вспомнить, каким номером. Думаешь, у меня без него мало забот в городе? — захихикал Броули и отключился.

«Стать затворником», — так выразился Броули. Но Найал сказал, что она прекрасна. И было такое желание в его голосе, во всем его жилистом теле, прижатом к разделяющей их металлической преграде. Он так хотел взглянуть на нее, обнять...

На память ей пришла та долгая ночь, которую он провел с ней, после того, как она вернулась с Беты Корви. Должно быть, он уже тогда был одержим влече-

нием к ней. Именно поэтому и предложил ей занять пустое тело Керлы. Какой же нужно было быть дурой, чтобы не понять, что скрывалось за этим немислимым предложением!

Ее тело, лишенное всех телесных способностей и населенное вполне человеческой душой. И тело Керлы — плоть, юная, прекрасная, желанная и... бездушная.

А ведь она могла бы стать для него доступной, осязаемой, могла вкусить вместе с ним этот блаженный дар само...

Может быть... если бы только тело Керлы стало совсем ничьим.

Нет! Она решительно отбросила эти пустые мысли. Броули сдержит слово. Предупредит Найала. А уж остальное зависит от него самого. Она уверена: он сумеет оставаться на свободе достаточно долго, чтобы Рейли успел остыть. Денег у него много, а безопасность всегда можно купить.

Однако Броули прав: Рейли опасный противник. Но и корабль МТ не сдвинешь с места вопреки его желанию. Если даже Рейли удастся поймать Найала, она не впустит его на борт. Ей не нужен партнер-невольник.

Невольник? Да, и в этом все дело. Что за ирония судьбы — первый человек, которого она захотела видеть своим «телом» после смерти Дженнана, ей отказал. Мы, капсульники, оторвались от жизни. Мы забыли, то не все мечтают разделить нашу участь.

Но ведь Найал хотел стать «телом»! А когда не прошел по физическим параметрам, сумел дослужиться до инспектора, руководящего целым сектором кораблей МТ. А потом ему встретила она — застенчивая, скрытная и упрямая, — и заставила бросить все, чего он достиг: положение, престиж, богатство.

— Броули!

— Ну что?

— Ты его предупредил?

— Я же, кажется, обещал. И выполнил свое обещание. А от себя добавил парочку ласковых слов по поводу его поведения и советов на случай будущих осложнений.

«Господи, — чуть не застонала она. — Только этого не хватало — читать Найалу нотации, в его душевном состоянии...»

— Где он теперь?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Должны же у тебя быть какие-то предположения?

— Пока нет, но как только возникнут, тебе я сообщу в первую очередь. А ты, дорогуша, проверь-ка свой уровень кислотности! — с этим ехидным советом Броули дал отбой.

Нужно во чтобы то ни стало связаться с Найалом Пароланом. Она будет работать с другим напарником — пусть он только останется ее инспектором. Нельзя допустить, чтобы из-за нее он пожертвовал всем.

Хельва тревожно выглянула наружу. Вокруг сновали машины, Рейли устроил целую облаву. Без помощи Броули ей Найала ни за что не найти.

Постойте, есть еще один способ достичь желаемого результата. Совершенно очевидно, что цель Рейли — осуществить проект полета на Бету Корви. Отлично, значит...

Не успела она выйти на связь, как ее вызвал главный корпус. Рейли строгим официальным тоном велел ей включить телеэкран. На нем появился сам шеф, который, откинувшись на спинку кресла, сидел за заваленным бумагами столом и глядел в пустоту перед собой. На заднем плане испуганно застыл адъютант. В кабинете были еще двое: старший, с печальным озабоченным лицом, был облачен в зеленую с золотом форму ОЗИРМ. Второй, помоложе, держался свободно и непринужденно, беззаботно покачивая ногой в изящном ботинке. Его пронизательные глаза глядели уклончиво.

— Капитан Амайкинг из ОЗИРМ и м-р Рокко из КОМ явились ко мне по поводу жалобы, поступившей от твоего имени, Х—834, — голос шефа не сулил ничего хорошего, как, впрочем, и выражение его лица.

— Да, Хельва, человек, который к нам обратился, заявил, что плата за последнее задание дала тебе возможность полностью погасить долги, — ловко вставил Рокко, как будто не замечая, что Рейли не закончил свою тираду.

— Не все федеральные кредиты еще получены, — ответила Хельва, решив, что будет более дипломатично играть в открытую, особенно если это поможет смягчить Рейли.

— Кредиты уже пришли, — начал Рейли, — но...

— Значит, финансовые обязательства, связывающие Х—834, выполнены? — вкрадчиво осведомился Амайкинг.

— Да, но, тем не менее...

— И, следовательно, отряды военнослужащих, так

заботливо окружившие посадочную платформу, где находится Хельва, призваны защитить ее от назойливости независимых соискателей? — спросил Рокко.

Сжав губы в едва заметную линию, Рейли пронзил представителя КОМа ледяным взглядом.

— В противном случае это очень похоже на средство морального давления: ведь Хельва не сможет покинуть территорию базы, если она того пожелает, не обратив ваших солдат в пепел. А вы отлично знаете, что корабль МТ так поступить не может. Их необходимо отвести. И немедленно.

— Но это космическая база, м-р Рокко...

— Повторяю: немедленно, или мы с капитаном Амайкингом будем вынуждены заподозрить, что это акт принуждения. — Агент КОМа любезно улыбнулся, но в голосе его прозвучала сталь.

Рейли рывкнул на адъютанта, и тот бросился к пультам связи. И почти сразу охрана начала расходиться.

— Ну что, Хельва, они ушли?

— Да, м-р Рокко. Только учтите, что я продлила контракт с Центральными Мирами.

— Мне это известно, — заметил Рокко, повернувшись к ней, и глаза его лукаво блеснули. — Именно это обстоятельство делает эту охрану совершенно излишней. Однако я также слышал, что одно из условий продления контракта, на котором ты особо настаивала, в настоящее время не может быть выполнено по не зависящим от тебя обстоятельствам. Следовательно, контракт утрачивает силу...

— Контракт не утратит силу, пока Центральные Меры не заявят о невозможности выполнить это условие! — заявил Рейли и, дабы придать своим словам большую весомость, грохнул кулаком по столу.

— Здесь не о чем заявлять, — не менее веско возразил Рокко. — И так все ясно. Ведь ты, Хельва, выбрала своим напарником Найала Паролана, не так ли?

— Да, но...

— Но он уволился со службы и таким образом вышел из игры.

— Найал Паролан будет на борту Х—834 еще до захода солнца! — взревел Рейли и, поднявшись из-за стола, оглядел всех с высоты своего роста. — Это условие будет выполнено и контракт вступит в силу.

— Но только в том случае, если вы сможете найти Найала Паролана, — уточнил Рокко.

— Господа, это просто смешно, — сказала Хельва, повысив голос, чтобы ее услышали. — Да, я хотела, чтобы Найал Паролан стал моим партнером. И мне жаль, что он не смог пойти мне навстречу. Я глубоко сожалею, что он счел необходимым покинуть службу, чтобы подчеркнуть свое несогласие. Но я никогда не стану навязывать ему свое общество, если оно представляется ему столь обременительным, тем более, его преследовать. Я готова обсудить кандидатуру другого напарника.

— Ах ты, ветреная, двуличная, умственно отсталая жестяная мученица! — загремел из коридора хриплый голос. — Ты готова обсудить кандидатуру другого напарника?

У распахнутого люка, ведущего в машинный отсек, стоял Найал Паролан — рванный рабочий комбинезон весь в грязи, сердитое чумазое лицо исцарапано.

— Не пытайся меня обмануть, Хельва. Это Паролан! — взревел с экрана Рейли.

— Да, шеф, это он, но первой с ним поговорю я, — крикнула Хельва. Она отключила связь, захлопнула шлюз и окружила корпус звуконепроницаемым полем, чтобы исключить подслушивание. Нужно, наконец, поставить все точки над *i*, и она намерена сделать это прямо сейчас.

— Ты хочешь знать, почему я решила обсудить кандидатуру другого напарника? А какой еще выход ты мне оставил — ты, подлый, распутный, маленький выпивоха! Как я еще могла заставить Рейли отменить облаву и дать тебе свободу?

— Свободу? И ты еще говоришь о свободе? Стоило мне оставить тебя без присмотра, как ты уже готова снова продаться в рабство! Из всех тупых, полоумных, близоруких, идиотски глупых...

— Это я глупая? — Хельва задохнулась от ярости и обиды. — Взгляни лучше на себя — ты продал все, что заработал за семь лет каторжного труда, и только потому, что слишком обожаешь постельные забавы, чтобы согласиться на один-единственный рейс со мной! Ты заставил меня во второй раз за два дня продать свою душу...

— Рокко с Амайкингом уже здесь? Они должны были вытащить Рейли из постели, чтобы заставить его освободить тебя. Как только я узнал от этого чертова сплетника Броули, что меня разыскивают и... — он замолчал, стиснул зубы и так гневно сверкнул глазами, что Хельва поняла: Броули вложил в свою проповедь

изрядную порцию яда. — Рокко и Амайкинг сейчас у Рейли? — спросил он уже менее воинственно.

— Да, — ответила она ему в тон. Какое счастье, что он здесь, в безопасности, и можно говорить и ссориться, сколько душе угодно. — Ты бы лучше поскорее заготовил для Рейли правдоподобное объяснение — внизу уже собралась совсем нешуточная группа захвата. Не забывай: Рейли тоже знает мой отключающий код.

Это напоминание было излишним — Найал услышал лязг инструментов по корпусу.

— Дурочка! Ведь ты могла быть свободна, как птица, — пробормотал он, но в его словах было больше сожаления, чем злости.

— Только один полет на Бету Корви, Найал. Это все, что ему нужно.

Он рывком поднял голову.

— Не думай, что Рейли такой простак.

— Если ЦВ двигатель окажется хорош, то я от этого только выиграю. А если фикция, то я свободна и ты — тоже!

— Свободен? — тихо переспросил Найал, и на его измученном лице мелькнула странная усмешка. Он протянул руку и нежно провел ладонью по смотровой панели, чуткие пальцы отыскивали невидимый шов, ведущий в ее обитель. — Я свободен не больше чем ты, Хельва. Но, Бог свидетель, я сделал все, чтобы вытащить тебя из этого распроклятого контракта, который сам же и состряпал. Он с силой ударил кулаком по колонне, разбив руку в кровь.

— Ну, хватит, Паролан. Если мы не сможем выплатить пустяковый долг в пятьсот тысяч кредитов меньше чем за десять лет, значит, мы с тобой никуда не годная команда, чего я отнюдь не считаю.

Он уже занес кулак, чтобы ударить еще раз, и вдруг отступил, устремив на нее взгляд, полный удивления и надежды.

— А знаешь, ведь ты права. Абсолютно права.

— Еще бы. Но если ты хочешь получить отпущение грехов, то садись же, к чертовой матери, на связь, и уговори Рейли отозвать группу захвата.

Он бросился к пульту, чтобы включить теле связь, забыв, что Хельва может сделать это куда быстрее.

— Рейли! Что здесь, черт возьми, происходит? Что за дела — стоит оставить свой корабль на базе, и

вот тебе на: в твое отсутствие его подвергают каким-то мерзким унижениям! А я-то считал, что этот дерьмовый полет на Бету Корви безумно срочный!

Где ваши вонючие спецы? Где модели, обещанные Бреслау? Мне срочно нужны данные Добриньона. Как, дьявол вас побери, мы сможем стартовать через пять дней, если вы не заставите ваших ленивых инженеров пошевеливаться?

— Паролан! — начал Рейли, видимо решив разом излить все накопившееся раздражение. — Вы арестованы. Вы оштрафованы. Вы...

— Вы что, забыли, шеф, что я уволился? — словно получив новый заряд энергии, заорал Паролан. — Так что у вас нет никакого права меня арестовать и штрафовать. Я свободный гражданин Централных Миров и в настоящее время выступаю как подвижный партнер Хельвы—834. Она заключила с вами контракт, в котором параграф шестой раздела первого гласит: она имеет право самостоятельно выбрать себе партнера, а именно, некоего Найала Паролана. Но там ни слова не сказано относительно должности и статуса вышеупомянутого Найала Паролана. И если вы полагаете, что можете из этого что-то высосать, то знайте: на моем заявлении об отставке проштамповано время до получения федеральных кредитов. То есть, раньше, чем вступило в силу продление контракта. Так что если вы хотите втянуть корабль в судебную тяжбу «кто-кого», то валяйте. А если хотите, чтобы он поднялся со своей дорогостоящей задницы и отправился на Бету Корви проверять ваш драгоценный новый двигатель, то лучше начинайте шевелиться!

— Да, — подумала Хельва, — я должна была догадаться, что Паролан не станет объясняться и заискивать. Наверное, такой дерзкий напор — единственный способ привести Рейли в чувство. Ей было искренне жаль адъютанта, который, остолебнев от ужаса, застыл рядом с шефом. Она была рада — и за него, и за себя с Найалом, — что Рокко и Амайкинг еще не ушли. И не сомневалась, что Найал воспользовался их присутствием, чтобы заставить Рейли признать столь нелепые изложенные факты.

И шефу придется их признать. У него нет ни выбора, ни выхода — во всяком случае, перед лицом представителей могущественных организаций, ссориться с которыми ему нет резона.

— Это тебе придется шевелиться, Паролан, — наконец выдал Рейли. — И вкалывать так, как еще не вкалывала ни одна команда.

— Само собой.

— И однажды... — прохрипел Рейли, — однажды, ты, Паролан, обдурить сам себя!

— Мне нужны не пророчества, шеф, а модели и магнитные пленки. Приятно было с вами повидаться, Рокко, и с вами, капитан. Конец связи.

Экран погас, и когда Найал обернулся к Хельве, на лице его было незнакомое, незащитное выражение.

— А ведь он бы отдал свою пенсию, только бы узнать, что со мной это уже случилось, правда, Хельва? — проговорил он тихо и виновато. И тут же широко улыбнулся. И взгляд его — гордый, любящий, искрящийся жизнью и юмором, заставил ее сердце подпрыгнуть от радости.

Вот они и пережили этот кризис, пережили вместе. Теперь для них нет ничего невозможного. Между ними существует такое взаимопонимание, какого не было у нее даже с Дженнаном. Они знают все достоинства друг друга — и все слабые места. Впереди их ждет небо в алмазах, постоянное стремление к новым победам и свершениям.

Хельва замерла: ей хотелось продлить этот миг. Мгновения столь чистого счастья так редки, так недолговечны...

И как будто подтверждая это, запищал сигнал Ценкома.

Это вы, м-р Паролан, то есть Х... я хотел сказать НХ—834? — заикаясь, проговорил смущенный голос.

— Паролан слушает, — ответил он, не отводя глаз от ее пилона, зная, что она сама включит микрофон.

— Сэр, мы не можем воспользоваться лифтом, чтобы доставить вам то, что вы просили, потому что...

Дав отбой, Хельва сняла звуконепроницаемое поле, спустила лифт и открыла дверь шлюза.

— Черт возьми, ну и видок же у меня — ты только посмотри, как раз для командира — ругнулся Найал, внезапно осознав, как выглядит и во что одет. — Я, пожалуй, был бы чище, если бы они притащили меня волоком. — Он направился к пилотской кабине, на ходу стаскивая с себя рваный, перепачканный комбинезон. — Хельва, закажи мне какую-

нибудь одежонку у интенданта — он знает мой размер. Вели принести черный чемоданчик, я оставил его у семнадцатого поста. И еще: я закоротил датчики между семнадцатым и восемнадцатым.

Он продолжал отдавать указания, одновременно принимая душ, облачаясь в спешно доставленную форму, наскоро перекусывая на камбузе. Лифт и связь работали без передышки. В главной рубке появились дополнительные столы, на которых расположились макеты двигателя и отчеты, услужливо присланные Добриньном. Найал послал за всеми записями, сделанными на корабле-разведчике. Казалось, он не знает усталости — а ведь он не ложился всю ночь и полдня провел в бегах. Нет, Рейли никогда не загонит Паролана так, как он может загнать сам себя... и ее в придачу.

— Эй, Хельва, вдруг сказал Найал, выглянув в открытый шлюз, — включи-ка свет. Я почти ничего не вижу.

— Я и не знала, что уже так поздно, — проговорила она, всматриваясь в тропические сумерки.

И как раз в этот миг звонкий медный голос трубы с крыши главного корпуса возвестил об окончании дня. Конец дня... и одновременно реквием. Звучный протяжный напев поплыл над огромной базой, к дальнему кладбищу, скрытому в густой тени деревьев. Когда-то она слышала в нем только реквием. Но сегодня... «Каждый день умирает, — думала Хельва, — позволяя ночи, несущей мрак печали и забвенья, свершить свой путь и принести... новый день. И эта песня горна — простая и точная метафора начала и конца».

Кончен день,
Ночи тень
Скрыла звездным плащом небосвод голубой.
Все пройдет.
Отдыхай —
Бог с тобой.

Прощай, Дженнан. Здравствуй, Найал.

Вот последняя нота замерла в бездонном космосе... и в ее сердце, и она поймала взгляд Найала — чуткий, все понимающий.

— Что за сентиментальная традиция для нашей современной службы, — пробормотала Хельва, — ... трубить вечернюю зарю на закате.

— А ведь тебе это нравится, — сказал он внезапно охрипшим голосом. — Ты бы даже всплакнула — если бы могла.

— Да, — согласилась она. — Если бы могла.

— А знаешь, это даже хорошо, что я такой паршивец. Как-то уравнивает твоё нежное сердце, подруга, — проговорил он. — Прошу тебя, Хельва, оставайся такой всегда.

И эти слова прозвучали для неё, как самая прекрасная песня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Спор о Дьюне (пер. А. Антошульского, М. Нахмансона)	3
Корабль, который пел (пер. Т. Науменко)	208

Литературно-художественное издание

Энн Маккефри

СПОР О ДЬЮНЕ. КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

Литературный редактор М. Нахмансон

Подписано к печати 30.08.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Печать офсетная. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 325

АО «Спикс». Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова
Министерства печати и информации РФ.
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели 13

fantasy

СПОР О ДЬЮНЕ
КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

ЭНН МАККЕФРИ

